

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФОЛЬКЛОР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XX

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Ответственный редактор
А. А. ГОРЕЛОВ

ФОЛЬКЛОР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙТЕВТЕЛЬНОСТЬ
(„РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР“, т. XX)

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Г. А. Александрова, Н. И. Журавлева и Ф. Я. Петрова*

ИБ № 9028

Сдано в набор 20.05.80. Подписано к печати 19 01.81. М-22926. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура академическая. Печать, высокая. Печ. л. 14 = 19.60 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 22.35. Тираж 3300.
Изд. № 7497. Тип. вак. 1432. Цена 2 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Ф $\frac{70202-507}{042(02)-81}$ 564. 80. 4604000000.

© Издательство «Наука», 1981 г.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. АЗБЕЛЕВ

ЭПОС И ИСТОРИЯ

(ОДИН ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ)

Устный эпос в своем развитии — не только отражение истории народа, но и часть ее: история народного эпоса — важный факт общественного сознания и национальной культуры. В этом отношении особенности русского героического эпоса могут быть уяснены только при сопоставлении с инонациональным материалом.

Длительность эволюции национальных эпосов весьма различна; далеко не одинакова бывала и степень интенсивности. Зависимость от общественного уклада, от пульса исторической жизни в целом и даже от привносимых извне факторов экономической и политической истории не подлежит здесь никакому сомнению. Действие «внутренних» законов эпического творчества регулировалось «внешними» для эпоса обстоятельствами истории народа. Этим далеко не исчерпывается, но, может быть, определяется в основном конкретное многообразие конечных результатов. Не всегда перед нами окончательные результаты, поскольку кое-где развитие может еще продолжаться. Однако надежного материала для сопоставлений вполне достаточно.

Пожалуй, первое, что бросается при этом в глаза, — разножанровость эпического материала. Если сопоставить, например, бурятские улигеры и украинские думы, то об однозначном жанровом определении тех и других, конечно, не может быть речи. Вместе с тем и то и другое — народный героический эпос. В системе жанров украинского фольклора думы занимают приблизительно такое же место, какое в системе жанров бурятского фольклора принадлежит улигерам. Можно было бы привести немало примеров аналогичного рода, демонстрирующих не менее, а иногда и более существенные различия. Вероятно, в примерах нет особой нужды: реальная многозначность понятия «народный героический эпос» вполне очевидна, хотя столь же очевидна и относительность этой многозначности. Жанры героического эпоса не могут быть сведены к одному типу художественной формы, однако они выполняют хотя и не вполне одинаковые, но весьма сходные общественные функции.

Поскольку героический эпос — это почти всегда один из жанров национального фольклора, не возникает затруднений при определении жанровой принадлежности пока речь идет об исследовании материала в национальном контексте. Таких затруднений почти нет и при изучении многонациональных регионов, объединенных сходством исторических судеб и соответственно сходством эпических традиций (в частности, регионов с межнациональным героическим эпосом, как, например, нартский эпос Кавказа).

Но при более широких сопоставлениях обнаруживается вполне ясно, что перед нами множество жанров, составляющих ряд жанровых типов: в пределах одного и того же типа национальные жанры различаются по более или менее второстепенным признакам. Так, например, об улигерах и якутских олонхо можно было бы сказать, что это два сходных жанра, представляющих один жанровый тип. К нему же следует отнести и некоторые другие национальные жанры, различающиеся между собой иногда более существенно.

При значительном числе национальных жанровых разновидностей самих типов не так уж много. Почти каждый из этих немногих типов может рассматриваться как закономерная стадия эволюции героического эпоса.

О стадийных разновидностях эпоса говорил в свое время А. Н. Веселовский, уникальная эрудиция которого позволяла обобщить историю эпоса на многоязычном материале нескольких континентов. Благодаря недавней публикации В. М. Гацака стала широко доступной принадлежащая А. Н. Веселовскому стройная и достаточно универсальная схема закономерностей, которым подчиняется эволюция национального эпоса.¹

А. Н. Веселовский различал четыре стадийные формы эпоса.

Первая форма — «лирико-эпические песни», которые слагались «по горячим следам исторического события».² Такую форму он называл «лирико-эпическая кантилена: это — песнь, вызванная событием, взволновавшим народное воображение».³

«Вторая форма эпоса — эпическая песня, — по выражению А. Н. Веселовского, — главный контингент эпоса. Тот стиль повторений, образность, <...> любовь к изложению спокойному, так как песнь стала уже чем-то данным». Эта форма эпоса возникает тогда, когда «ряд событий, отразившихся в кантиленах, переживает поколения, интерес уменьшается, песнь становится спокойнее».

«Третья пора, — согласно А. Н. Веселовскому, — та, когда поются песни о героях, песни, родственные между собой, связанные подвигами одного лица, из которых образуются циклы. <...> Песни спевались, несколько песен становилось подряд, как бы составляя продолжение задуманного целого организма».

«Четвертая форма эпоса — цельный, полный эпос <...> Очевидно, существование эпопей, — говорил А. Н. Веселовский, — предполагает отдаление от известных событий, эпос пережил несколько поколений, отложился. Второе условие, необходимое для сложения народных эпопей, — художественная свобода, ограниченная народным пониманием преданий». В результате этой четвертой стадии «эпос сложился, эпос живет в народе, развивается в связи с историей народа».⁴

Наиболее принципиально важный момент в концепции А. Н. Веселовского — это верное понимание им исходного, отправного пункта эпического творчества. Исходная точка народного эпоса — исторический факт. Конечно, не всякий вообще факт мог составить основание эпоса: «Во всяком

¹ Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса. (Публикация В. М. Гацака). — В кн.: Типология народного эпоса. Отв. ред. В. М. Гацак. М., 1975. К сожалению, остается неизданной рукопись А. Н. Веселовского «Эпос» (послужившая основой его лекционных курсов), где присутствует та же общая схема эволюции эпоса (Рукописный отдел ИРЛИ, архив А. Н. Веселовского, ф. 45, оп. 1, № 149; объем рукописи 145 листов).

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 492.

³ Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса, с. 294. «Всякий эпос, — говорил А. Н. Веселовский, — зарождается, несомненно, после того, как в истории является известное историческое движение. Все эпосы, за исключением карело-финского, имеют историческую подкладку» (там же, с. 292—293).

⁴ Там же, с. 294—295.

случае историческое событие могло сильно затронуть ближайшие интересы народа», — писал А. Н. Веселовский; «в результате могла получиться та лирико-эпическая песня былевого содержания, которая лежит в начале развития всякого эпоса».⁵

Сама по себе идея стадильности эпического творчества признается практически всеми. Но за последнее время в нашей фольклористике получило распространение иное представление как о самих стадиях развития эпоса, так и об отношении его к исторической действительности. В некоторых работах это представление трактуется весьма решительно как истина, установленная путем анализа «материалов эпического творчества многих народов». Она состоит в том, что «эпос развивается от обобщенно-фантастических форм историзма к формам, где структурообразующую роль постепенно начинает играть историческая конкретность».⁶

Если признавать, что народный эпос отражает действительность, то приведенное утверждение в сущности опирается на заведомо ложный тезис, будто обобщение явлений действительности может предшествовать конкретному познанию их. А. Н. Веселовский был гораздо ближе научной теории отражения, усматривая в народном эпосе развитие от частного к общему, от конкретности к обобщениям.

За представлением, что обобщенно-фантастические формы эпоса вообще стадильно предшествуют конкретно-историческим его формам, стоит явная аберрация исследовательского восприятия. Существование ее оказалось возможно именно в этой области вследствие материальной незакрепленности актов эпического творчества. Вряд ли кто-нибудь решился бы, например, утверждать, что пирамиды стадильно предшествуют простым погребениям: остатки погребений, в ходе развития которых позже появились пирамиды, реально засвидетельствованы археологическими раскопками. Те конкретно-исторические формы эпоса, из которых позже развились дошедшие до нас обобщенно-фантастические его формы, сохраниться, естественно, не могли и потому реально не засвидетельствованы.

Эпос, полностью развившийся в условиях родового строя, выражает присущую этой формации идеологию. Но «идеологическая древность» такого эпоса не мешает ему быть вершиной развития от простых форм к сложным, от конкретности к обобщениям, — эволюции, протекавшей, конечно, в рамках верований и представлений родового строя. Неудивительно, что обобщения здесь в особенно сильной степени пронизаны фантастикой. Естественно, что фантастика играет меньшую роль в эпосах, эволюция которых протекала на более близкой к нам стадии общественного развития, — в эпосах, выражающих идеалы самоутверждения народности, борьбы за независимость, против угнетения. И не менее естественно, что в случаях, когда эпос ко времени записи не успел пройти все стадии, о которых говорил А. Н. Веселовский, степень исторической конкретности обычно тем больше, чем «первичнее» стадия, фиксированная записью.

Можно указать ряды эпических памятников, сформировавшихся на разных стадиях общественного развития, и ряды памятников, представляющих разные стадии самого эпического творчества. Это две системы классификации эпических жанров. Они взаимозависимы, но не взаимозаменяемы. Воспользуемся перечнем, содержащимся в предисловии к цитированному сборнику «Типология народного эпоса»: «первый стадильный ряд» — это «якутские олонхо, бурятские улигеры, алтайские сказания, руны

⁵ Веселовский А. Н. Историческая поэтика, с. 469 (курсив мой, — С. А.).

⁶ Путилов Б. Н. Типология фольклорного историзма. — В кн.: Типология народного эпоса, с. 168; то же в кн.: Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976, с. 228.

„Калевалы“, „Нарты“, „Амирани“ и др.»; «второй стадийный ряд» — «„Давид Сасунский“, русские былины, „Манас“, „Алпамыш“, „Джангар“ и т. д.»; «третий стадийный ряд» охватывает круг явлений «от украинских дум до историко-героических песен народов Кавказа, от ранних русских исторических песен до песен разинского, пугачевского циклов и др.».⁷ Степень исторической конкретности во втором ряду больше, чем в первом, в третьем ряду — больше, чем во втором. В хронологическом отношении (по «абсолютному возрасту») памятники первой группы в большинстве своем древнее остальных, а произведения третьей группы «моложе» того, что перечислено в двух первых. Но из этого *не следует*, что руны «Калевалы» или якутские олонхо представляют *более раннюю стадию развития эпоса* чем русские былины, что былины *стадийно предшествуют* украинским думам и т. п.

Почти все памятники первой группы — разновидности того, что А. Н. Веселовский называл «мифическим» эпосом. Перед нами, если можно так выразиться, различные формы «симбиоза» мифа и эпоса.⁸ По наблюдениям А. Н. Веселовского «миф в таком эпосе преобладает: условия героизма слишком слабы, чтобы стать на первом плане, часто элементы мифический и героический сливаются. В этом случае можно говорить о более прочных отношениях эпоса с мифом. Возьмем „Калевалу“: трудно уследить, где кончается миф и начинается героизм; существуют боги, существуют и герои, но и они участвуют в создании света, нет дифференциации между эпосом и мифом».⁹ Можно спорить, во всех ли подобных случаях миф преобладает, но, думается, сущность того, что мы решились назвать «симбиозом» мифа и эпоса, верно определена А. Н. Веселовским: «Не миф перешел в эпос, а эпос повлиял на образы мифа»;¹⁰ «миф, насколько он антропоморфический, мог отразить образность эпоса».¹¹

Перед нами, строго говоря, не стадия эволюции собственно эпоса, а своеобразное «поглощение» эпоса мифом. Конечно, оно могло иметь место только в условиях господства «мифического мышления», т. е. на ранних ступенях эволюции общественного сознания. Но нет реальных данных, чтобы утверждать, будто сам по себе «мифический» эпос непременно служил почвой, на которой вырастал эпос «немифический». Остатки и рудименты «мифического мышления» веками воздействовали в различной степени и на эпос, и на другие жанры устной поэзии. Но собственно эпос «представляет не истечение мифа, а новую формацию».¹² Противостояние героя эпоса герою мифа удачно охарактеризовано М. И. Стеблиным-Каменским: «... хотя конкретное историческое лицо, послужившее прообразом для эпического героя, не всегда удается установить <...> такой реальный прообраз был или во всяком случае мог существовать у всякого эпического героя. <...> Мифический герой — это, конечно, целиком продукт фантазии. <...> Конкретный образ личности, не имеющей прообразом какого-либо конкретного лица, уступил место *идеальному* образу личности, *имеющему* прообразом конкретное лицо».¹³ Вместе с тем, по справедливому

⁷ Типология народного эпоса, с. 4.

⁸ «Мифический эпос <...> предполагает существование зачатков, по крайней мере схем, эпоса с содержанием героическим, человеческим» (Веселовский А. Н. Эпос. — РО ИРЛИ, ф. 45, оп. 1, № 145, л. 12).

⁹ Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса, с. 295.

¹⁰ Там же, с. 297.

¹¹ Веселовский А. Н. Эпос, л. 143.

¹² Там же. Ср.: Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972, с. 129—135.

¹³ Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976, с. 75 (курсив автора, — С. А.).

замечанию Б. А. Рыбакова, в условиях языческого комплекса «новое не вытесняет старое, а наслаивается на него, добавляется к старому».¹⁴

Для исследователя русского эпоса еще более непосредственный интерес представляет соотношение второй и третьей групп эпических памятников.

Если бы мы согласились, что вторая группа предшествует третьей как стадия развития эпоса, это неизбежно повело бы к следующему псевдологическому построению: 1) о том, что произошло сравнительно недавно (в пределах, примерно, до 500 лет назад), эпос повествует более или менее детально, конкретно, при сравнительно небольшой, как правило, доле заведомого вымысла; 2) о временах более давних в эпосе говорится более обобщенно, менее конкретно, причем роль несомненного вымысла очень велика; 3) следовательно, еще в раннем средневековье люди не способны конкретно, детально и правдиво повествовать о реальных событиях. Вывод несомненно ложный, но именно к подобному построению ведет распространявшееся среди части наших эпосоведов мнение, будто конкретный историзм — вообще завоевание относительно недавнего времени. Согласно этому мнению, пока такая пора не наступила, эпос «в принципе не допускает „хроникальности“, то есть построения эпического повествования на основе цепи действительно имевших место в истории фактов, на основе прагматического воспроизведения определенных событий», а «по-своему конструирует историю, создает своеобразную модель с характерными временными и пространственными представлениями, со своим составом исторических персонажей, со своим предметно-бытовым миром, со своим уровнем культуры, со своим набором исторических событий».¹⁵

Естественно, что сама по себе способность «прагматически» воспроизводить в устном повествовании «определенные события» всегда была свойственна разумному человеку с тех пор, как он стал таковым. И столь же естественно, что эпическое повествование, «хроникально» излагающее цепь фактов, как таковое не могло сохраняться в изустной передаче на протяжении одной или нескольких тысяч лет. Свойственные «классическим» формам народного эпоса идеализация, гиперболизация, условность, ситуативность, вообще «эпическое переосмысление» реальности не есть органическое свойство некоего «эпического сознания», начавшего уступать место реально-историческому сознанию лишь где-то в середине второго тысячелетия н. э.

Один из выдающихся теоретиков народного эпоса А. П. Скафтымов (которого считают почему-то своим единомышленником сторонники критикуемого мною здесь представления) прекрасно показал на конкретном примере песни о Кострюке, каким образом устное повествование, обладавшее признаками конкретного историзма, постепенно изменилось так, что стало обладать признаками «классического» эпоса и отвечать нормам «эпической эстетики».¹⁶ Пример, особенно впечатляющий потому, что речь идет о трансформации, происшедшей как раз тогда, когда в фольклоре якобы восторжествовали принципы конкретного историзма. Жанры «прагматического» эпического повествования, конечно же, существовали всегда и везде. Но повествования такого рода гораздо менее долговечны в устной традиции, чем обобщенные, формализованные и выражающие многовековые народные идеалы произведения, сформировавшиеся в традициях «классических» эпосов.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 4.

¹⁵ Путилов Б. Н. Типология фольклорного историзма, с. 173. То же в кн.: Путилов Б. Н. Методология. . ., с. 233 (курсив мой, — С. А.).

¹⁶ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.—Саратов, 1924, с. 102—105,

Сами эти традиции, конечно же, исторически обусловлены. Эпос, в той или иной степени «поглощенный» мифом, сформировался на более ранней ступени развития общества, чем эпос, только несущий более или менее существенные рудименты «мифического мышления». В этом смысле руны «Калевалы», например, действительно старше русских былин, а былины старше дум (где рудиментов такого рода практически почти нет). Но ступени общественного развития — не то же, что стадии эволюции эпоса. Украинские думы представляют как раз *первичную* стадию. Дума — это собственно и есть «лирико-эпическая песнь», которая сложена «по горячим следам исторического события». Сопоставляя восточнославянский материал, А. Н. Веселовский писал: «Лирико-эпическая песнь стоит в хронологической и генетической связи с эпосом; различие между нею и последним мы можем заметить наглядно, на примере, сравнивая наши былины с малороссийскими думами, в которых несравненно более лиризма, чем в наших былинах. Лирико-эпическая песня, однако, далеко не то же, что лирика в нашем смысле».¹⁷

Концепция А. Н. Веселовского выдержала испытание временем не только вследствие исключительной серьезности общего подхода и логической стройности. Она объясняет реально существующую совокупность фактических данных (как обнаруживается, и таких, которые были введены в науку много времени спустя после смерти А. Н. Веселовского). Было бы, конечно, неоправданно теперь принимать построение А. Н. Веселовского во всех частностях. Так, например, его мысль, что исходной формой эпоса была лиро-эпическая кантилена, далеко не для всех случаев справедлива. Например, русские былины, насколько позволяет судить материал, могли использовать и прозаическое предание, и отзывавшееся на конкретный факт сказание, представлявшее собой, вероятно, нечто среднее между лиро-эпической песней и эмоционально приподнятым историческим рассказом.¹⁸ В данном случае существенна не форма первичного материала эпоса, а отношение этого материала к реальным событиям национальной истории.

Сам же исходный материал эпоса — это, конечно, не только начало дальнейшей эволюции, но и спутник ее, особенно для тех случаев, когда в естественную смену форм эпоса вмешиваются новые исторические потрясения. Достаточно очевидно, что русский былинный эпос, согласно периодизации А. Н. Веселовского, проходил по крайней мере вторую стадию эволюции, когда потребовалось предельное напряжение героических потенций народа в XIV—XV столетиях, что привело к перерыву естественного развития эпоса. Третья стадия его все же наступила, но о четвертой форме по существу не приходится говорить, так как историческая жизнь народа претерпела слишком существенные изменения ко времени, когда могло бы сформироваться то, что А. Н. Веселовский определял как цельный эпос в форме больших эпопей. Русский эпос к этому времени уже утратил необходимую для продолжения интенсивной эволюции степень жизненной актуальности.¹⁹ Однако общая закономерность спорадически

¹⁷ Веселовский А. Н. Историческая поэтика, с. 464—465.

¹⁸ Подробнее см.: Азбелев С. Н. После дискуссии об историзме былин. — Русская литература, 1977, № 4.

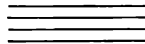
¹⁹ «Для образования эпопей, — считал А. Н. Веселовский, — необходимы события, которые можно назвать решающими в смысле будущего. <...> Вот почему ни в Сербии, ни в Испании нет цельного эпоса, нет эпопей. Когда там совершались события, дававшие основу для эпопей, то жизнь уже пошла дальше, не представляя условий для эпического творчества, что и заставило эпос остановиться на полдороге.

Тут же следует указать и на русский эпос, состоящий из рядов песен, группирующихся вокруг чисто внешнего центра. <...> Но почему же эти ряды песен не связаны внутренним единством? Потому что борьба (с Ордой, — С. А.) <...> кончилась в то время, когда условия жизни уже не могли способствовать созданию цельного эпоса» (Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса, с. 293).

проявлялась по инерции творческого процесса, которая отразилась в контаминированных и сводных былинах. Эпопеями их назвать, конечно, ни в коей мере нельзя, но сама тенденция к соединению в одно последовательное целое основных сюжетов национального героического эпоса здесь налицо.

Эпический репертуар первой стадии, конечно, всюду содержал отклики на относительно недавние события. Способ обработки их на последующих стадиях зависел от мировоззрения эпохи и господствовавшей поэтической традиции. Обработывалось, конечно, только то, что сохраняло актуальность. Очевидно, эпоха «сгущения» важных в народном сознании фактов создавала основу богатого «обобщающего» эпоса. В период «разреженности» или отсутствия их «просеивались» и уснащались вымыслом сюжеты, формализовался и консервировался стиль. Чем длительнее и результативнее такой период, тем менее восприимчив обобщенный эпос к новым фактам (отсюда, например, «непроницаемость» олонхо). Но мощный напор их в решающий момент национальной истории мог наполнять новым смыслом патриотические сюжеты старого эпоса. Так произошло на русском Севере с былинами в эпоху победоносной борьбы против ордынского владычества. Длительная интенсивность нового периода возросшей исторической активности народа дает начало новому эволюционному циклу. Примерами могут служить думы на Украине (первая стадия, переходившая во вторую), «старшие» исторические песни центральной России (вторая стадия со следами первой).

Было бы полезно на материале разных народов охарактеризовать жанровые типы героического эпоса, выстроить их в стадийный ряд, исходя из закономерностей, о которых говорил А. Н. Веселовский. Тогда соотнесение с конкретными особенностями исторической судьбы народов позволит точнее определить особенности самих жанров. А это в свою очередь способствовало бы дальнейшему уяснению других аспектов историзма национального эпоса.

Д. М. БАЛАШОВ

ИЗ ИСТОРИИ БЫЛИННОГО ЭПОСА. СВЯТОГОР

Образ Святогора и прост, и загадочен. Перед нами яркий, чрезвычайно цельный и монолитный эпический персонаж, качеством своей поэтической гиперболизации явно говорящий о поре расцвета эпического творчества. Вместе с тем Святогор — «герой без подвигов». Узнаем мы его лишь в момент гибели, когда Святогор надрывается на тяге земной или ложится в гроб, из которого сам Илья Муромец бессилен его вызволить.

Каково значение этого образа? Каково его место в русском эпосе? «Какой он земли и какой орды?» — ежели спросить былинным стилем. Когда создан? На все эти вопросы удовлетворительного ответа нет до сих пор.

Можно было бы с некоторыми поправками принять толкование былин о Святогоре В. Я. Проппом (до сих пор его интерпретация остается самой основательной), но загадки от этого не исчезают.

В. Я. Пропп по своей методике определяет, чем является Святогор в его итоговом былинном бытии, относительно генезиса образа сказав лишь, что это образ древний, возникший в догосударственном периоде эпического творчества. Гиперболизм Святогора В. Я. Пропп истолковывает как характерный признак древнейшего эпоса, а его неспособность ездить по мягкой земле, ограниченность «Святыми горами» — как след родо-племенной территориальной прикреплённости. Передачу силы Илье Муромцу В. Я. Пропп объясняет как переход от древнейшего эпоса к эпосу государственному, а его смерть, с ее предназначенностью, обреченностью — как знак смены древнего племенного эпического мышления новым, государственным, в котором появляются новые идеалы, вытесняющие древний культ грубой силы, а именно: защита Родины и связь с землей, с земледельческим трудом в этом смысле истолкована В. Я. Проппом «тяга земная».¹

Скрупулезное исследование сюжета проделано французским славистом Мазоном.² Автор собрал всю известную литературу о Святогоре, нашел к каждому звену сюжета множество международных параллелей (зачастую чрезвычайно далеких, относящихся к нашему сюжету не более чем по общему сходству философских концепций, свойственных всем вообще народам, как-то: «наказание за гордость», «бессилие перед смертью» и проч.). Однако из всех этих параллелей, свидетельствующих о несомненной эрудиции уважаемого автора, пожалуй, лишь библейские и нартские предания могут быть поставлены в какую-то реальную связь с сюжетом Святогора,

¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, с. 75—87. (Там же библиография сюжетов). Библиографию сюжетов см. также в издании: Илья Муромец. Подг. текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958, с. 451.

² Mazon A. Svjatogor ou Saint-Mont le géant. — *Revue des études slaves*. 1932, tome XII, fasc. 1—2, p. 160—201.

но и в этом случае автор не проделал необходимой, на наш взгляд, гипотетической реконструкции путей, по которым те и другие предания могли бы проникнуть в сюжетику русского эпоса. Конечные выводы Мазона малоутешительны. Он признается в своем бессилии локализовать исходный географический пункт сюжета — «Святые горы», как и реконструировать происхождение легенды о самом Святогоре.

Недавно анализ былины был проделан В. Г. Смолицким.³ Очень ясно и предельно убедительно разобравшись в редакциях имеющихся записей былины, их соотношении и проч., автор затем делает, на наш взгляд, совершенно неоправданную логическую ошибку. Допустив, что при сравнении величин неизвестное всегда оценивается через известное, он приходит к выводу, что Святогор оценивается через Илью Муромца (известного певцам) и, следовательно, создан позже. Весь же смысл образа — олицетворение тезиса о том, что на всякую силу есть сила еще большая, т. е. об относительности всего существующего. Увлечшись своей идеей, Смолицкий не замечает, что подобной же логической мотивировкой можно доказать «вторичность» чуть не всех персонажей былин, описывающих подвиги героев, «вторичность» их врагов и т. д. Но еще большее недоумение вызывает второе и главное (хоть прямо и не сформулированное автором) допущение, а именно: что эпические образы могли создаваться в порядке иллюстрации этико-философских положений. Мы знаем, однако, — и из этого ныне можно исходить, как из безусловного факта, — что эпос — не ходячая аллегория, что эпос это всегда «правда» («то, что было» — по мнению певцов), что средневековый аллегоризм вообще чужд героическому эпосу, о чем убедительно писал в свое время еще Ф. И. Буслаев.⁴

Итак, все неясности, связанные с образом Святогора, остаются неразрешенными. Когда возникла былина? Где она возникла, в каком географическом регионе и в какой этно-племенной традиции? Каково значение образа Святогора? Почему он наличествует (или сохранился) в русском эпосе? Чем важен, чем памятен для творцов и носителей эпической традиции Святогор?

Относительно времени создания былины могут быть выдвинуты три гипотезы, каждая из которых в свою очередь определит и методику дальнейшего исследования, и круг идеологических проблем, касающихся истолкования образа Святогора.

Первая гипотеза, после Ф. И. Буслаева почти не затронутая исследователями, что Святогор — образ мифологический, что это великан типа великанов из «Эдды», носитель или хранитель каких-то благ, секретов, ценностей, которые должен похитить у него эпический герой (в нашем случае Илья Муромец). Посылка эта, серьезная сама по себе, однако, не подтверждается материалом былины в том виде, в каком былина дошла до нас. Илья Муромец ничего не похищает у Святогора (передача силы происходит по настоянию самого Святогора), а Святогор ничего не хранит. Да и само столкновение Святогора с силами небесными (эпизод с тягой земною) ставит Святогора в позицию антипода этим силам, что свойственно эпическим героям. В любом случае мифологические черты, ежели и были в Святогоре, успели исчезнуть в результате последующей переработки сюжета.

Вторая гипотеза (к которой склонятся из названных исследователей Мазон и Смолицкий), что былина о Святогоре — средневековое сочинение

³ Смолицкий В. Г. Былина о Святогоре. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972.

⁴ Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887. Русский богатырский эпос, с. 71.

позднего времени (XV—XVII вв.) символично-аллегорического характера, родственное духовному стиху об Анике-воине. Это положение, казалось бы, подтверждают и перекичка с образом Самсона, и новеллистические прибавления в ряде вариантов (эпизод с женою в ларце и проч.). Однако принять этот тезис мешают два существенных возражения. Первое — поэтика. Такой целостности стилевого решения, такой яркости гиперболы поздние эпические сюжеты (например, «Братья Ливики», «Данило Ловчанин», «Рахта Рагнозерский») уже не знают. Рахта Рагнозерский так и вовсе смахивает на ученого медведя, которого нарочно не кормят хлебом, чтобы узнать: смирен ли? Сама действительность позднего средневековья не позволяла построить сюжет, в который органично могла бы войти фигура древнего богатыря. Конечно, поэтика, — довод расплывчатый, и «мера приближения», определяемая ею, в фольклоре велика и может исчисляться несколькими веками, и все-таки это будет мера приближения к каким-то определяющим константам, которые нельзя сбрасывать со счетов. Все мы помним, чем окончились опыты создания советских былин (или «новин», как их стыдливо начали именовать). Нелишне напомнить и Марковские слова о невозможности Геркулеса в эпоху пороха и свинца (эпоху, начавшуюся у нас с XIV—XV столетий). Второй довод против позднего появления образа Святогора — это поразительное совпадение (и не «мотивов», а всей композиции повествования, всего образного строя) былины о Святогоре и тяге земной с песней о Марке Кралевиче и той же земной тяге, песне, исследованной болгарским ученым Дриновым еще в конце прошлого столетия.⁵ Представить, что на Балканы попала поздняя (XVI—XVII вв.) русская эпическая песня, что там она успела войти в цикл песен о Марке Кралевиче и дала разные варианты, существенно отличающиеся даже по сюжету (их тоже приводит Дринов), — решительно невозможно. Столь же невероятным будет и обратное предположение о переходе сюжета из Македонии на Русь в позднем средневековье⁶ с последующей обработкой, переработкой и появлением у русских нового сюжета с тем же героем (гибель Святогора в гробу).

Остается третья гипотеза, а именно, что Святогор — образ собственно эпический и создан в рамках эпической традиции, в пору живого эпического творчества, т. е. в века, предшествующие монголо-татарскому игу и подъему Москвы (грубо говоря — в эпоху Руси Киевской и докиевской, когда складывался восточнославянский этнос). Из этого единственно приемлемого допущения мы и будем исходить в настоящей статье.

Анализ редакций и версий сюжета, проделанный по очереди всеми исследователями былин о Святогоре (Астаховой, Проппом, Мазоном, Смолицким и мною), приводил всех к сходным результатам, почему на нем и нет надобности останавливаться подробно. Достаточно повторить общий вывод, что перед нами два основных эпических сюжета, связанных общностью героя, в одном из которых рассказывается о «тяге земной», в другом — о поездке Святогора с Ильей Муромцем и гибели в чудесной гробнице. Все прочие сюжетные узлы, иногда и очень пространные, так или иначе добавляются к двум названным основным, имея по отношению к ним характер вторичный или соподчиненный.

⁵ Ныне с этим сюжетом можно ознакомиться в русском переводе по книге, изданной Ю. И. Смирновым: *Песни южных славян*. Вступит. статья, составление и примечания Ю. Смирнова. М., 1976, с. 202—208.

⁶ С другой стороны, мы абсолютно согласны с Ю. И. Смирновым (*Славянские эпические традиции*, М., «Наука», 1974) в том, что одинаковый фольклорный материал (древний) у разных славянских народов говорит о единстве источника и в этом качестве является подспорьем для установления славянской общности.

Несомненно сюжет прошел и народно-религиозную обработку, несомненно на него наложились и книжные влияния, библейские (Самсон) и новеллистические (эпизод с женою в ларце), и несомненно, что все эти сторонние влияния можно отбросить, не рассматривая, как то и сделал В. Я. Пропп.

Суть двух сюжетов эпических песен о Святогоре заключается в том, что по одному из них Святогор, которому не с кем померяться силою (он готов — было бы кольцо с цепью — перевернуть землю или даже притянуть небо к земле и сразиться с силой небесной), надрывается, стараясь поднять маленькую сумочку с «тягой земной», или подкинутую ему ангелом божьим, или же сброшенную прохожим, который оказывается то Микуюлю Селяниновичем, то самим господом. По другому сюжету Святогор встречается с Ильей Муромцем, кладет последнего в карман, потом, когда коню стало тяжело везти двух богатырей, достает и братается с ним, называя Илью младшим братом. Они едут теперь вместе (обычно по Святым горам) и наезжают на гроб, который делают два мастера, иногда объявляющих прямо, что делают гроб именно «про Святогора». Святогор предлагает Илье примерить гроб — тому он долог и широк, после ложится сам и не может встать. Крышка гроба чудесно прирастает. Илья рубит гроб, от чего, однако, на нем лишь появляются с каждым ударом железные обручи. Святогор, поняв, что пришла смерть, передает часть силы (через дыхание, пот, пену, идущие сквозь щели гробницы) Илье Муромцу, подчас для того, чтобы тот мог поднять Святогоров меч или палицу и ею попытаться разрубить гроб, подчас просто передает силу, дабы она не пропала вместе с ним. При этом иногда Святогор сам предупреждает, чтобы Илья не брал смертельной «мертвой пены», реже Илья догадливо отказывается от вторичного получения силы («не станет меня носить мать сыра земля»), в ответ на что Святогор признается ему, что вторично хотелдохнуть на Илью уже не силою, а смертным духом. Иногда Илья перебирает силы, и, чтобы убавить ее, рвет с корнем леса, мечет в реку целые стволы, запруживая течение. Схоронив Святогора и получив от него оружие и часть силы, Илья зачастую едет в дом Святогорова отца, темного (слепого) великана, необычайно могучего, чтобы сообщить о гибели сына. Иногда же они навещают Святогорово жилище вдвоем, еще до встречи с гробом, причем Святогор всегда предупреждает Илью, чтобы он, здороваясь, не давал слепому отцу руки, не то тот раздавит, а дал бы железную палицу. Встречается и такой эпизод: Святогор тридцать лет воюет с богатыршей-поляницей; Илья заменяет его в бою и ловкостью одолевает могучую соперницу. Причем умирающая поляница одним движением руки чуть не придавливает Илью до смерти.⁷

Первый сюжет, с земной тягой, объединяется иногда с новеллистической историей женитьбы Святогора на предназначенной ему девушке, которая тридцать лет лежала на гноище. Женитьбу на ней предсказывает Святогору волшебник-кузнец, где-то у гор, под великим деревом. Поскольку женитьба героя на дочери кузнеца встречается в сходной южнославянской эпической песне, мы должны считать этот сюжет остатком (пе-

⁷ Сходство этого эпизода с эпизодом боя Добрыни с поляницей (как и многие другие подобные повторы целых эпизодов в эпосе) не обязательно объяснять заимствованиями из сюжета в сюжет. Чаще перед нами, по-видимому, использование типического сюжетного канона (или приведение к этому канону в процессе обработки!), подобное использование устойчивых эпитетов и прочих художественных «заготовок», вообще свойственное фольклорному творчеству. В данном случае скорее заимствование. Но опять вопрос: не было ли сходного эпизода — о столкновении Святогора со степною наездницей и помощи ему со стороны Ильи — в утерянных вариантах сюжета?

реработкой, воспоминанием) очень древней версии данной былины. Возможно, как раз образ кузнеца-волшебника, кующего людям судьбу, образ «великого дерева», осеняющего его кузницу, поставленную в изнобии гор, на которых обитает Святогор, какие-то перетолкованные воспоминания о женитьбе героя, как и неясный (по вариантам сюжета о гибели Святогора) образ белого или синего камня, у коего Святогор встречается с Ильей (не есть ли синий (?)—белый(?) камень — символ входа в загробный мир древних славян?), — возможно, все это, как и образ «темного» силача, Святогорова отца, — остатки древнейших эпических преданий о Святогоре, однако до того уже отрывочных и искаженных, что никакой целостной картины из них не удастся сложить. Пренебрегать ими вовсе, однако, было бы ошибкой, ибо при более широком сравнительном изучении древних славянских преданий все эти рудименты глубокой старины могут помочь воссозданию общей картины праславянской мифологической системы.

Заметим, что былина (точнее, две былины, лишь изредка контаминирующиеся друг с другом) дошла до нас в очень разрушенном состоянии. Достаточно сказать, что едва ли не большинство записей сделано прозой. Зачастую сюжет сохранился лишь потому, что был включен в сводную былинку о подвигах Ильи Муромца. Вместе с тем все сказители и всюду очень последовательно отдают Святогору предпочтение в силе перед Ильей Муромцем. Илья, которого Святогор, едва чувствуя удары героя (дремлющему на коне Святогору они мнятся комариными укусами), сажает сперва в карман вместе с конем, всегда называется младшим братом Святогора. А в старинной записи былины о Соколе-корабле (видимо, казачьей), где упоминаются также Илья со Святогором, Святогор назван зтманом корабля, а Илья — есаулом при нем,⁸ что во всяком случае говорит об устойчивой популярности образа Святогора в прошлом и о чрезвычайно широком распространении былин о нем.

Заметим также, что хотя два названных сюжета эпических преданий о Святогоре (с гробом и с тягой земною) контаминируются лишь изредка, певцы везде и всюду очень точно помнят, что перед ними один и тот же герой, Святогор. Переключка с образом Самсона отпадает при внимательном рассмотрении вариантов. Народные певцы, как правило, различают Самсона, у коего на голове семь волосков ангельских, и Святогора; именно как разных героев, а не как модификации одного образа.

Сразу сделаем оговорки, о которых упомянули в начале статьи. В отличие от Проппа, который выяснял характер эпоса в целом, стараясь установить обобщенный идеальный народный взгляд на богатырей, мы поставим задачу выяснить генезис, развитие и последующее изменение эпического мировоззрения, так сказать, в частности, подробно по каждому сюжету, а также появление, развитие и угасание эпической художественной системы (и ее эстетической основы, которой считаем эпическую гиперболу). Такой подход заставляет нас в ряде случаев возражать В. Я. Проппу даже не потому, что его положения считаем неверными, а потому, что другой угол зрения требует и другой методики и дает иные ответы на те же вопросы.

В данном случае (соглашаясь в целом с Проппом, что Святогор ездит по некоей ограниченной территории) мы, например, не можем не поставить следующего вопроса: а где эта территория? Почему она ограничена именно горами? Какими именно горами? И какое племя или племена имели Святогора своим героем?

⁸ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л., 1960, № 47, 48.

Второе, что нужно сказать сразу. Как уже писалось в предыдущих статьях (о «Дунае», о «Потыке» и «Микуле Селяниновиче»),⁹ мы в отличие от Проппа не считаем наивысшую гиперболизацию размеров признаком древнейшей стадии эпоса, а скорее наоборот: эпический герой-предок еще не наделен, как правило, гиперболизированными размерами. Он действует скорее волшебным умением, хитростью, «смыслом». Гиперболизация внешности героя развивается в эпосе постепенно, по мере развития и утверждения эпической художественной системы. Тогда-то и начинается «игра в размеры». Количественные преувеличения становятся поэтическим приемом, средством создания образа. Особого развития достигает гиперболизм при описании воинских поединков, т. е. сравнительно поздно. Гиперболизируется по-настоящему всегда герой-воин. Мысль эту мы развивали и доказывали в названных статьях, и останавливаться на ней вторично не будем. Однако заметим тут сразу, что былина о Святогоре, по видимости, ее опровергает. В самом деле, Илья Муромец, глава русского киевского богатырства, отнюдь не относится к «младшим» (стадиально) эпическим образам, однако Святогор безмерно превосходит его именно воинской гиперболичностью: размеры героя, его конь, меч, коего Илья сразу и поднять не может... Правда, Святогор надрывается на тяге земной, но это особый вопрос. На тяге земной (ежели ее понимать шире, чем только земледельческий труд) он и должен надсадиться. Тяга земная, «тягота всей земли» не под силу любому эпическому герою, ибо никому не дано разрушить основы мироздания. Кроме того, тут скрытый спор с Микулой, образ которого и не прост, и чрезвычайно древен, и, возможно, даже связан с небесными силами.

Нет ли, следовательно, в данном сюжете исключения из предложенного правила о сравнительно позднем развитии гиперболических размеров героя? Иначе спросить: нет ли тут подтверждения тезиса В. Я. Проппа об изначальности эпической гиперболы и ее постепенном снижении на стадии раннего государственного эпоса?

Внимательно проглядывая различные эпосы, мы обнаруживаем интересную закономерность. В тех случаях, когда перед нами эпос, явно законченный в какое-то давнее время, но почему-либо не забытый, мы видим всегда одну и ту же картину. Излюбленные эпические герои таких эпосов вдруг являются как бы одинокими в своей эпической безмерности перед измельчавшими потомками и уже не знают, куда себя приложить, не находя в действительности ни поводов для подвигов, ни даже... земли для своих богатырских поездок. Три примера. Армянский эпос «Давид Сасунский». Не нужно доказывать, что в нем отражены (в его заключительной части) закатные черты древней армянской цивилизации. И вот именно тут, в заключение, вырастает фигура Мгера младшего, коему нет места на земле (его тоже, как и Святогора, не носит земля!), нет ни дел, достойных героя. И он уходит в гору, где и дремлет, ожидая, когда же пробудится его народ... Ирландский эпос. Феннии, очень схоже с Мгером уходящие в пещеру, где они ждут храброго человека, чтобы вновь подняться на борьбу за свободу родины. Эпос о Гильгамеше. Здесь также отражены и подъем и закат шумерской культуры. И вновь мы видим, что главный герой, Гильгамеш, под конец жизни оказывается в одиночестве. Друг Энкиду умер, и для него самого нет дела на земле...

Во всех подобных случаях уже нет речи о подвигах. Подвиги совершены, они — в прошлом. Гиперболизация безмерна, но жалким оказывается окружение. Герой оторвался от своего народа, вернее, народ не способен

⁹ См.: Русский фольклор. Материалы и исследования, тт. XV, XVI. (Л., 1975, 1976).

уже быть в уровень своему герою. И вот — уход в пещеру, в горы, в загробное царство, куда-то, где герой «дремлет», ожидая пробуждения.¹⁰ (Можно найти и примеры гибели героя, по той же причине и в тех же условиях).

Аналогия со Святогором столь несомненна, что, например, сближение его с героями кавказского нартского эпоса едва ли не напрашивается само по себе. Во всяком случае ясно, что Святогор отнюдь не «не совершает никаких подвигов», как пишет В. Я. Пропп, а уже совершил их в каком-то позабытом далеке, где-то во тьме веков, о чем, возможно, помнилось еще тогда, когда неведомые певцы заставляли его передавать свою силу Ильё Муромцу. И ясно другое, что он не «ранний», а «поздний» герой, герой, заключающий некую древнюю и уже угасшую эпическую (и этническую) традицию.

Но какую же традицию, какого народа и какой культуры отразил в таком случае Святогор? Временно оставим этот вопрос без ответа, ибо прежде необходимо высказать основной тезис, отличающий нашу концепцию от концепции В. Я. Проппа.

И общую линию развития эпоса, и постепенное снижение гиперболизации, и путь от сюжетов змеборства и женитьбы («племенных») к сюжетам защиты Родины — словом, всю последовательную конструкцию своей книги В. Я. Пропп рассматривает, молчаливо признавая традиционный взгляд на развитие нации от рода через племя к народности, народу, нации.

Этот традиционный взгляд, однако, совсем недавно подвергся основательной и, на наш взгляд, справедливой критике проф. Л. Н. Гумилевым, выдвинувшим принципиально новую теорию развития наций («этносов», в его терминологии). По этой теории этнос появляется в результате психического взрыва «пассионарности», способности к сверхусилию, которая, развиваясь, приводит сперва малую группу, а потом и весь «этнос» в движение (военное завоевание территории, религиозное или трудовое — огромные ирригационные работы, например), в ходе которого этнос самосоздается, приспособляясь к определенным географическим условиям, создает свою культуру и «стереотип поведения», объединяет охваченную пассионарным подъемом популяцию, состоящую первоначально из нескольких народностей, в одно монолитное целое и одновременно противопоставляет себя другим народам, а затем проходит определенный путь развития, характеризующийся постепенным снижением пассионарности, окостенением в соответствующих исторических формах и гибелью, или переходом в реликт, ежели историко-географические условия тому благоприятствуют. Причем полный цикл этого развития теорией Гумилева даже определяется во временных сроках (около 1100—1200 лет). Схема эта при ее проверке на исторических фактах выдерживает самую пристрастную критику. Но, впрочем, для более подробного рассмотрения этнической теории Гумилева я отсылаю читателя к его статьям.¹¹ К сожалению, монография, посвященная этому вопросу, все еще не вышла из печати.

По нашему мнению, эпос идеологически оформляет создание этноса в его первой, пассионарно-монолитной, стадии. Именно этим объясняются

¹⁰ Сходное предание имеется о Марко Краевиче (сообщено мне Ю. И. Смирновым), который также не умер, а отсиживался в пещере.

¹¹ Гумилев Л. Н. 1) Этногенез и этносфера. — Природа, 1970, № 1, с. 46—55; № 2, с. 43—50; 2) О термине «этнос» (доложено 17 февраля 1966 г.). — Доклады ВГО, вып. 3. Л., 1967, с. 3—17; 3) Этнос как явление (доложено 19 мая 1966 г.). — Там же, с. 90—107; 4) Этнос — состояние или процесс? — Вестник ЛГУ, 1971, № 12, с. 86—95; 5) Сущность этнической целостности. — Там же, № 24, с. 97—106; 6) Этнология и историческая география. — Там же, 1972, № 18, с. 70—80; 7) Внутренняя закономерность этногенеза. — Там же, 1973, № 6, с. 94—203.

изначальные особенности эпической поэтики: гиперболизированная укрупненность персонажей, величие страстей, цельность и благородство героев и их общенародный, общенациональный характер. Герои эпоса это всегда и прежде всего герои народа в целом, а не какого-то класса, не какой-то узкой группы внутри данного этноса. Подробнее на этом аргументе, как и на доказательстве его, в этой статье не будем останавливаться (ибо для доказательства подобного тезиса требуется весь эпический материал, а отнюдь не отдельный эпический образ) и высказываем его тут только затем, чтобы была ясна общая последовательность мысли.

Ясно, что, с этой точки зрения, столкновение Ильи со Святогором и получение от него меча и силы (получение, при котором для Ильи возникает страшная опасность — получить заодно и Святогорову смерть!) — это отражение определенного пассионарного толчка, пассионарного взрыва, при котором то, что было до того, воспринимается уже как стороннее, как заключение некоего иного, предшествующего этапа развития. Какого этапа? И какой пассионарный взрыв имеется в виду?

В истории нашего народа мы обнаруживаем два таких взрыва. Последний произошел в XIII—XIV века, в результате чего слились в один этнос славяне и угрофинны (в основном ростовская меря, мурома, частично чудь, мещёра, весь и другие этнические группы). Это дало начало Московской Руси. Объединению подверглись угро-финские племена на определенной территории, расположенной между Окою и Волгой, чуть южнее Оки и значительно севернее Волги — по угасающей. Мордва, вошедшая в этот район пассионарного взрыва, вся «обрусела», точнее, пересоздалась в новое этническое состояние. Мордва, оказавшаяся южнее и не затронутая пассионарным толчком, сохранила свою древнюю этническую принадлежность. То же самое произошло с ижорой, с чудью прибалтийской и проч. Этот пассионарный толчок, или взрыв, пробудил новую энергию роста и выразился мощно в столкновении на Куликовом поле в 1380 г. Он привел к появлению пассионарного ядра на Волго-Окском междуречье, очень скоро, за два-три столетия, путем этнической экспансии создавшего обширное Московское государство. Почти одновременно, в XIV—XV вв., из единого некогда Киевского государства выкристаллизовались Украина и Белоруссия. Не доказывая этого, отсылаю читателя к статье Г. М. Прохорова,¹² достаточно освещающей «пусковой момент» этого процесса.

Однако был и еще один, предыдущий, пассионарный взрыв, произошедший, по-видимому, в среднем Поднепровье где-то в I—II веках нашей эры и создавший восточнославянский («киевский») этнос. Во время этого пассионарного толчка произошел сплав различных племен (возможно, не только славянских), одно из которых — загадочные росомоны Иордана, племя, с которым готскому королю Германариху справиться пришлось труднее всего. Эти-то росомоны (что означает «люди или народ россов») и дали свое имя новому восточнославянскому этносу. С задержкой, вызванной гуннским нашествием, пассионарная энергия славян выказалась в V—VI столетиях в мощном движении через Дунай на земли Византийской империи и несколько позже в освоении восточноевропейской равнины, а к VIII веку — в создании Киевской Руси. В процессе этого пассионарного движения складывался и тот киевский эпос, который циклизировался позднее путем объединения богатырей вокруг идеализированного князя Владимира и города Киева.

История восточных славян археологами прослежена пока в глубь времени лишь до IV в. н. э. Далее начинается область гипотез. Данные Иор-

¹² Прохоров Г. М. Этническая интеграция в восточной Европе в XIV веке (от исихастских споров до Куликовской битвы). — Доклады Отделения этнографии ВГО, вып. 2, доклады 1962—1965 гг. Л., 1966. (Доложено 26 ноября 1964 г.).

дана позволяют, однако, говорить о наличии славян в Поднепровье уже во II в. н. э. Сложнее выяснить, откуда произошли славяне? Несомненно одно — область полесских болот, отводимая Л. Нидерле нашим пращурам, слишком мала для обитания значительного народа, а традиционная любовь прадедов к местам высоким, «красным», крутоярам и холмам, на которых всегда в отличие от угро-финнов (поселения последних, бывших, как правило, охотниками и рыбаками, жались к самым берегам озер и рек) селились наши предки, также свидетельствует не в пользу низменной прародины. По многим косвенным данным, по сообщениям античных авторов, по странной близости древнеславянской и кельтской культур (чем почти не занимались ученые), по упорным упоминаниям Дуная¹³ в русском фольклоре, по целому гнезду чисто славянской топонимики в Карпатах, по особенностям дохристианского культа славян, насколько он нам известен (не будем отбрасывать и упомянутую выше исконную любовь к возвышенностям, определявшую русские планировочные решения во все прошлые века!), — по всем этим и многим другим данным прародиною славян нужно считать область более широкую, чем Полесье, и почти наверняка область гористую, т. е. Карпаты и средний Дунай. Что бы ни говорили сейчас археологи, куда бы ни склонялось последнее мнение науки, но до детального археологического исследования Карпат и Придунавья гипотезу о гористой родине праславян (или хотя бы какой-то части их!) отбрасывать нельзя.

По свидетельству античных историков, предки славян выделились из общего восточноевропейского «сарматского» моря, а в брачных связях усиленно мешались с сарматами, что приводило даже к изменению их внешности, как пишет Тацит.

Нам кажется достаточно конструктивной недавно появившаяся гипотеза Кобычева,¹⁴ хоть она и вызвала многочисленные возражения (в основном, однако, не по существу самой проблемы). Кобычев находит прародину славян или, точнее, родину праславян на Дунае, в подкове Карпатских гор, полагая, что предки славян были вытеснены оттуда кельтами в V—III веках до нашей эры, а в V—VI веках по существу отвоевывали, двигаясь на Дунай и через Дунай, свою утерянную прародину.

Места обитания праславян в конце I тыс. до н. э. были частично заняты сарматами (языгами), что и могло повести к смешениям, о которых говорят античные авторы.

Гипотеза Кобычева еще нуждается в археологической и этнографической проверке, многое в ней уже сейчас может быть оспорено или дополнено, но во всяком случае она поставила вопрос, напрашивающийся уже давно, и в ряду доказательств Кобычева есть такие, отбросить которые нельзя при самом придирчивом отношении. К ним, в частности, относится славянская топонимика в Карпатах и лингвистические связи славянского языка с кельтским и через него с древнелатинским.¹⁵

¹³ Дунай — в значении «вода вообще» — слово сармато-скифского происхождения и известно всем славянам. Однако из великих рек восточной Европы именно Дунай стал Дунаем по названию, и именно это слово, а не Днепр, не Дон, стало нарицательным у славян.

¹⁴ Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973. Заметим, что происхождение предков славян со среднего Дуная принималось как данность еще учеными прошлого века, тем же Ф. И. Буслаевым, например.

¹⁵ Лингвисты пытаются объяснить славянскую топонимику в Карпатах миграциями V—VI вв. новой эры. Не вдаваясь в существо чисто лингвистической полемики, позволю себе здесь задать следующий вопрос: почему славянская топонимика в V—VI вв. появилась в Карпатах (видимо, вытеснив предшествующие названия!), а в сходной ситуации и в те же века на восточноевропейской равнине, наоборот, сохранилась топонимика угро-финская и даже еще более древняя, балтская? Такие

Повторим, не вдаваясь в существо археологических и лингвистических споров, само предположение о гористой прародине какой-то части древнейших праславян, исходя из всего вышесказанного, мы считаем правомерным. Фольклорные данные, в частности предположительный генезис образа Святогора, очень хорошо его подтверждают. Тогда во всяком случае получает полное объяснение связь Святогора с горами, требовавшая от прежних исследователей многочисленных и даже смешных натяжек. (Вряд ли стоит опровергать мнение, что родиной нашего героя являются пушкинские Святые горы под Псковом!)

Дальнейшая и основная наша гипотеза заключается в следующем (и здесь мы вновь напомним теорию проф. Гумилева). Образ Святогора — остаток эпических преданий праславян, по-видимому обитавших в Карпатах, иначе — славяноязычного этноса, предшествующего этносу «киевскому» и другим славянским этносам первого тысячелетия нашей эры.

Потому-то Святогор и держится своей горной области, лишь выезжая оттуда на Русь, что он герой прежний, старинный, уже сторонний для киевского богатыря. По специфическим пространственно-временным представлениям эпоса отдаленность пространства здесь заменяет удаленность от времени. Взгляд этот традиционен для мифологического мышления едва ли не всех народов. Так, умершие предки обычно удаляются в некую другую страну, другой мир, куда можно, хоть и с трудом, проникнуть и повидаться с ними.

С другой стороны, в том, что Святогора не носит мать сыра земля, отразилось представление об измельчании, упадке праславянской культуры, о чем уже говорилось выше.

Наконец, здесь наличествует и такая мысль, образно выражающая огромность Святогора: его не носит земля из-за тяжести, из-за безмерности Святогоровой силы. Все три толкования правомерны и сосуществуют в сюжете. Впрочем, последнее из них надо признать вторичным, достаточно поздним и лишенным глубокой философской основы. Это как бы вторичное осмысление уже готового образа.

Поскольку праславяне были связаны с сарматами, потомки которых на Кавказе — осетины, то через общую сарматскую основу некоторые черты, роднящие образ Святогора с героями нартских преданий, проникли на Кавказ, где и удержались в нартском эпосе.

Повторим тут же прежний тезис. Эпические предания как предания, выражающие взлет этнического самосознания, в отличие от сказочной тематики не образуют «бродячих сюжетов», а переходят только с самими народами. То есть передача эпических сказаний осуществляется, как правило, лишь в моменты пассивных толчков, создающих новые этносы. Спокойное, в течение тысячелетия, сосуществование русских и карел в Карелии не повлекло за собою смещения эпической сюжетики. Ни русский эпос не вобрал в себя образы и сюжетику карельских рун, ни наоборот. И это при том, что люди часто жили в одних и тех же деревнях, владели двумя языками, могли иногда и спеть «чужую» былинку. Песни перенимались, сказки — тем более. Значительные заимствования имеются, по-видимому, даже и в обрядовом фольклоре. Что же касается эпоса, то тут образцы заимствований приходится разыскивать буквально по крупицам, и все подобные примеры у К. Крона, Мансикки и Веселовского говорят по сути об одном — о поразительной неслиянности эпосов у живущих бок

вещи требуется объяснять, а не отбрасывать. До тех пор, пока это не объяснено, наличие славянской топонимики в Карпатах во всяком случае позволяет предполагать (по общему для всех народов правилу!) исконность там славянского, а не какого иного населения.

о бок народов, ежели не происходит, повторим, пассионарного толчка, который и сами эти народы преобразуют в новое единое целое.

В пору пассионарного взрыва начала I тыс. н. э., создавшего восточных славян (и позднее Киевскую Русь), эпические предания праславян оказались сторонними, полузабытыми, но дорогими как память о тех предках, что когда-то жили на гористой прародине. И потому основной герой киевского эпоса Илья Муромец и получает силу Святогора, счастливо избегая того «смертного духа», который образно выражает закат, упадок этнической энергии карпатских праславян.

Пусть мысль эта не покажется «модернистской». Древние народы очень хорошо умели видеть общее состояние «молодости», «зрелости» и «старости» этносов, отмечали это и в преданиях, и в литературах, сохранившихся от древнейших эпох, и потому сама мысль о «надломе», «закате» определенной культуры, опасности заразиться тленом этой культуры и одновременно представление о нестареющих культурных и духовных ценностях, которые могут быть переняты или, точнее, выделены из угасающей великой культуры, — мысль такая была отнюдь не чуждой людям древних цивилизаций. Тем более, когда речь шла о близкородственных народах, смеяющихся друг друга. С какой заботливостью, например, ассирийцы перенимают (чуждую им этнически!) культуру Шумера, греки классические — крито-микенскую культуру, а римляне — греческую; германские народы — культуру кельтов и т. д. То же можно отметить в смене американских индийских культур, в смене культур древнего, среднего и нового Китая и т. д. При всех этих переломах налицо грандиозные потери, но и горячее желание сохранить нечто от прошлого. Разумеется, в каждом историческом случае об успешности (или неуспешности) последней тенденции надо говорить особо.

От V—III вв. до н. э. до V—VI вв. н. э., когда, видимо, начал складываться киевский эпос, прошло около тысячелетия. Сюжет русской быliny о смерти Святогора в предназначенном для него гробу, возможно, впитал к тому же и какие-то перетолкованные библейские предания, что указывает на еще более позднее время. Однако такая временная протяженность и такое отстояние от первоисточков не должны нас смущать. От Троянской войны и до записи гомеровского эпоса при Пизистрате прошло не менее (и тоже сменился этнос!), а осталось гораздо больше. Память о героическом прошлом — особая память, живущая во всяком случае до тех пор, пока народ осознает себя и не потерялся, не растворился в других народах.

Предложенная гипотеза истолкования образа Святогора доказана может быть лишь наличием параллелей в других славянских культурах. С гористой прародины вместе с миграцией славянских племен определенные черты эпических преданий (как и других элементов культуры) в переработанном виде должны были быть разнесены по всем позднейшим славянским этносам. Можем ли мы обнаружить в славянских эпических преданиях «следы Святогора», так сказать, и где, и в какой мере?

Здесь перед нами открывается счастливая возможность доказательства гипотезы (ее легко могло бы и не быть, сколь многое невозвратно погибло!) в той или, вернее, в тех южнославянских эпических песнях, приуроченных к имени Марко Краевича, на которые обратил внимание болгарский ученый Дринов еще в конце прошлого века.¹⁶ Это предания и песни о Марке Краевиче, в которых названный герой вразрез с его обычным обликом выглядит могучим гигантом, от богатырской поездки кото-

¹⁶ См.: Съчинения М. С. Дринова, т. II. София, 1911, с. 460 и след. Сказание о Святогоре и земной тяге в южнославянской народной словесности. Текст песни см. в названном выше сборнике Ю. И. Смирнова «Песни южных славян».

рого на коне Шарце трясется земля и колеблются горы. Марко в этой песне полностью повторяет коллизию былины о Святогоре и тяге земной. Он также грозитя перевернуть или поднять копьем всю землю, также надсаживается, поднимая торбу с перстью, по весу равную «тяге земной», причем торбу кладет или просит поднять старичок, по вариантам ангел, а в развернутой версии сам Бог в облике старца. Так же, как Святогор, Марко сперва небрежно трогает сумочку концом копья, потом пальцем, рукой, затем, спешившись, пытается приподнять, увязая в земле по колена, причем, как у Святогора, у него по лицу льется кровавый пот и т. д. То есть перед нами не какое-нибудь отдаленное совпадение мотивов, о котором можно спорить (не есть ли это случайное сходство?), но последовательное, местами до полного повторения отдельных художественных деталей — совпадение двух сюжетов, свидетельствующее о едином происхождении русской и македонской эпических песен.

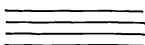
Не нужно доказывать, что Марко Кралевич в южнославянском эпосе вытеснил иного, древнего, героя. Получился «замес», когда древний и новый эпические герои объединились под одним именем, и произошло это едва ли не потому, что в гористой Македонии условия жизни славян совпадали с жизнью их предков на Карпатах. Меж тем на Руси, с выходом на равнину, так сказать, слияния, совмещения не произошло, а, наоборот, четко обнаружилась разница прежнего и нового этноса, отмеченная и закрепленная сюжетом о передаче силы новому герою, от Святогора Илье Муромцу, более проворному и потому более приспособленному для борьбы с новыми степными врагами.

Во всем прочем песня о Марко-великане свидетельствует о действительном наличии для названных южнославянских и русских эпических песен общей основы, некоего древнего эпического слоя, принадлежавшего, повторим, праславянам, обитавшим, по всей видимости, в подкове Карпатских гор.

Мы не затрагивали вопроса об имени Святогора, как и названии его родины «Святые горы». Полагаем, что то и другое — вторичные наименования и что изначальное имя эпического героя далекой исчезнувшей культуры наших предшественников на историческом пути славянских этносов невозвратно пропало для нас или в лучшем случае пока еще не может быть установлено.

Итак, родиной Святогора предположительно является гористое Придунавье. Сам образ Святогора — остаток эпоса далеких праславян и восходит к середине I тыс. до н. э. Сюжет о столкновении Святогора с силами небесными (тяге земной) образно отражает закат культуры и этнической мощи этого племени. Передача Святогором силы Илье Муромцу (избегнувшему «смертного духа», исходящего от умирающего героя) есть передача живого творческого наследия, «живой силы» с древней прародины новому восточнославянскому этносу, сложившемуся в результате пассионарного толчка I—II вв. в среднем Поднепровье и оформившемуся к VI—VIII векам с названием «Русь». Память о Святогоре в русском эпосе и его безмерность относительно Ильи Муромца есть эстетически оформленная память о древней колыбели славянских народов и дань уважения предкам — необходимое звено всякой культуры.

Поэтому-то в дальнейшем оба сюжета были бережно пронесены через века и переданы нашему времени через русский Север, меньше затронутый следующим пассионарным толчком XIII—XIV столетий и потому больше сохранивший элементов культуры киевской поры, в частности крепче сохранивший древнюю эпическую традицию.

Ю. И. ЮДИН

*ИСТОРИЧЕСКОЕ И ДОИСТОРИЧЕСКОЕ
В РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ О СУПРУГАХ*

Отношение к действительности — центральная эстетическая проблема народно-поэтических жанров. Характер этого отношения существенным образом сказывается на определении жанровой специфики и общем содержании народной поэзии.

Сказки о супругах — одна из самых обширных и сюжетно разнообразных групп народных бытовых сказок. К ним примыкают родственные сказки о женихах и невестах и о супружеской неверности. Что же касается самой темы семейных, матримониальных и любовных отношений, то она представлена не только в бытовых сказках, но и в иных разновидностях сказочных жанров. Мы, например, встречаемся с ней в сказке волшебной, новеллистической и легендарной.

Характерной особенностью бытовой сказки, очевидной и бросающейся в глаза, выступает гротескная и юмористическая трактовка темы. Герои этой сказки, муж и жена, жених и невеста, любовники или один из них, попадают в положение осмеянных, обманутых, выглядят глупцами, каких свет не видел, совершают ни с чем не сообразные поступки и оказываются в обстоятельствах, невозможных в реальной жизни. При этом легко заметить, что предметом насмешки и глумления чаще оказывается женщина, супруга, нежели супруг. Сопоставление с иными сказочными жанрами или видами позволяет гипотетически предположить время зарождения и истоки бытовых сказок о супругах. Волшебные и новеллистические сказки содержат как мотивы героизации женщины — жены и невесты, так и мотивы, связанные с опорочением ее в ходе борьбы мужского и женского начала. В бытовой сказке супруга и невеста уже не героизируются и героизироваться не могут. Более того, они развенчиваются и осмеиваются в таких формах, которые предполагают предварительное поражение их в действительной социальной жизни, семейной, бытовой, в общественно-правовых отношениях. Акцент, который сказка делает на осмеении именно жены, злой, неверной, строптивой, упрямой и т. п., а также отражение в мотивах сказок о супругах таких обрядов, как кувада, о чем речь пойдет ниже, позволяет предполагать, что зарождение этих сказок может быть связано с доисторической эпохой перехода от материнского рода к мужскому, от матриархата к патриархату, со временем того всемирно-исторического социального переворота, который Ф. Энгельс назвал революцией. «одной из самых радикальных, пережитых человечеством».¹ Этой эпохой могли быть порождены и сказочные формы опорочения женщины, и сказочное отражение ее борьбы с нарождающимся в роде мужским самовла-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 59.

ствием в тех сюжетах, где в смешной и незавидной роли выступает муж. Показательно, что в сказочном репертуаре, известном нам, сюжеты о порочных женах количественно значительно преобладают над соответствующими сюжетами о мужьях. Впрочем, этот вопрос может быть здесь только поставлен, но не решен, потому что для своего разрешения он требует выхода за пределы восточнославянской сказки и обращения к мировому сказочному и этнографическому материалу. Однако такое сравнительное международное изучение сказки может иметь надежной опорой лишь предварительное изучение сказки в национальных рамках, ибо «преждевременным расширением границ сравнения теряется из виду народный грунт, на котором необходимо прежде всего стать крепко, чтобы не плутать потом в дальнейших сближениях».² При этом следует лишь иметь в виду, с другой стороны, что без сравнительного изучения сказки в международном масштабе всякие выводы носят предварительный и односторонний характер.

Сказочная трактовка темы супружеских, матримониальных и любовных отношений в основных жанровых разновидностях сказки предстает перед нами в разнообразном и противоречивом виде. Однако определения жанрового разнообразия в разработке одной и той же темы недостаточно. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить архаические истоки бытовой сказки о супругах в самой действительности. Доисторические явления, отраженные сказкой, должны быть объяснены как трансформированные в фольклорном сознании на путях их применения в новых исторических целях и к новым общественным отношениям. Что такое обновление традиционно наследуемых элементов осуществляется, показывает уже тот факт, что в дошедших до нас сказках о супругах смех по существу направлен не столько на одного из них в ущерб другому, сколько на них обоих, точнее — на их отношения, привычки, уклад и обиход супружеской жизни. Муж и жена становятся разновидностью дурака и шута в роли супругов. Акцент на этой стороне сказок позволяет рассмотреть их в историческом развитии, эволюции. Это историческое развитие сказочных сюжетов происходит путем трансформации и переосмысливания их мотивов как относительно независимых и подвижных составляющих сказочного сюжета. С мотивов именно и следует начинать анализ бытовых сказок в указанном выше направлении. Первоначальным этапом работы должно быть выяснение происхождения отдельных мотивов, имеющих корни в доисторической действительности.

В бытовых сказках вообще и в сказках о супругах в частности мотив выступает одновременно в двойном значении и смысле. Его непосредственно данный и непосредственно воспринимаемый смысл заключается в обрисовке происшествий, связанных с обычным, повседневным, крестьянским или, реже, некрестьянским, но вполне реальным бытом. Сами по себе происшествия могут быть случайными, удивительными, странными и т. п. Но их преувеличенная странность бывает все же житейски правдоподобной, хотя и маловероятной; она вполне допустима и не выходит за границы реальности. Но за этими правдоподобными, хотя и экстраординарными, событиями, эксцентрическими, но не таинственными поступками скрывается потаенный смысл мотива, который и отбрасывает на непосредственно видимые происшествия фантастический отсвет. Сказочный подтекст в бытовых сюжетах бывает запрятан очень глубоко, скрыт за реальным планом повествования, поглощен им и почти неразличим. Но обычно какая-то малозаметная деталь приоткрывает завесу над потаенным смыслом сюжета

² Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса. — Собр. соч. А. Н. Веселовского. Т. 16, М.—Л., 1938, с. 74.

и позволяет проникнуть за кулисы сказочного действия. Эта деталь называется иногда в недостаточной пригнанности внешнего реального и скрытого, потаенного смысла, иногда в большем или меньшем допущении (совершенно фантастического свойства), контрастно выступающему на фоне общего сюжетного правдоподобия. Сказочник выступает индивидуальным творцом там, где пытается выдать необычное за обычное, невозможное за возможное, подыскивая для этого мотивировки, и, напротив, связан традицией там, где имеет дело с таящейся от его глаз и неизбежной фантастической необычностью бытовой сказки.

Вышеприведенные наблюдения над бытовой сказкой даются нами здесь без подробных доказательств не потому, что такие доказательства скудны. Напротив, доказательства в пользу выдвинутого положения достаточно разнообразны и многочисленны, но в необходимом объеме они могут быть представлены лишь в специальной работе или ряде специальных работ. В настоящей же статье сделанное замечание оправдано в той мере, в какой оно служит обоснованию методики анализа бытовой сказки, рассматриваемой с точки зрения отражения в ней доисторических представлений, обрядов и верований. История вмещается в подземные кладовые сказочного здания, и эти хранилища должны быть обследованы.

Так, в сюжете о ленивой жене, наказанной мужем (Аарне—Андреев, 1383),³ загадочным моментом, приоткрывающим дверь в область доисторических истоков сказки, предстает сон героини. Муж, увидев ее спящей посреди несжатого поля на маленьком клочке земли, на котором хлеб убран так, чтобы уместиться одному человеку,⁴ обмазывает ее патокой, тестом и обсыпает пухом,⁵ вымазывает смолой и облепляет перьями⁶ и т. п. В продолжение всего этого жена спит, не замечая того, что с ней делают. Просыпаясь, она не узнает себя, сомневается в том, она ли это («Кажись, я—Арина, а голова не моя!»⁷). Сон героини представляется подозрительно крепким и беспробудным. Этот полуфантастический-полуреальный, странный, подозрительный, редкостный сон наводит на сопоставления, которые станут возможны несколько ниже в связи с дальнейшим анализом сюжета. То, что проделывает с женою муж в наиболее полных вариантах, есть острижение и вымазывание чем-то липким (тесто, патока, смола) для того, чтобы потом скрыть голову или все тело под перьями и пухом, придать жене неузнаваемый облик покрытого перьями и пухом существа. В таком случае простое острижение или вымазывание представляются редуцированными формами мотива. Впрочем, простое острижение головы может получить и иное истолкование в свете доисторических представлений и ритуала.

Названные мотивы не могут быть опознаны как доисторические по своему происхождению при изолированном рассмотрении бытовой сказки. Но

³ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. См. также: Пропп В. Я. Указатель сюжетов.— В кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 3. М., 1957, с. 454—502.

⁴ Иваницкий Н. А. Сказки Вологодской губернии.— В кн.: Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890, № 36; Ончуков Н. Е. Северные сказки.— Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. XXXIII. СПб., 1909, № 99. Указания на сюжетные типы и мотивы, а также отдельные варианты имеют в статье смысл примеров, но не исчерпывающей сводки тех или иных случаев.

⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1957, № 518 (далее — ссылки на это издание); Из заветных русских сказок.— В кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1940, с. 363—406, № 21.

⁶ Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. статья и комм. И. В. Карнаухова М.—Л., 1934, № 156.

⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, № 518.

уже сопоставление ее со сказкой волшебной, а также с сюжетами героического эпоса позволяет извлечь некоторые интересные выводы. Так, в волшебной сказке мы встречаем тот широкий, систематизированный и комплексный набор доисторических отражений, которым бытовая сказка пользуется лишь отчасти и с заметным своеобразием. Важно, что подобно бытовой сказке, правда в ином аспекте, сказка волшебная также объединяет этот разнообразный реликтовый набор темой брака и семейных отношений. В. Я. Пропп выделяет, в частности, такие тематические узлы в комплексе волшебных сказочных отражений доисторических представлений и обрядов: жена на свадьбе мужа, неумыйка, незнайка, плешивые и покрытые чехлом, муж на свадьбе жены.⁸ Обряды, связанные с предстоящим браком, составляют и в действительности, и в сказочном волшебном отражении лишь часть более обширного комплекса обрядов инициации. Среди них «запрет умываться не только часто встречается в обряде, но он составляет почти неизменную часть церемонии» (дается ссылка на Г. Шурца).⁹ При этом «в сказке нельзя провести точных границ между неумытым и животнобразным героем. Возможно, что вымазывание в грязи имеет какое-то отношение к воображаемому животному облику, есть своего рода маска. Девушка, например, не только не моется и вымазывает себя сажей, но и обмазывает себя медом и облепляет себя перьями (Гримм, 46)».¹⁰ «Неумывание каким-то образом подготавливает к браку».¹¹ В отличие от волшебной сказки сказка бытовая утратила такие важнейшие из представлений, связанные с мотивами неумыйки и приобретения животнобразного облика, как невидимость и слепота, что, по наблюдениям исследователя, играет существенную роль в волшебных сюжетах. В волшебной сказке к вышеназванным обрядовым элементам, связанным с инициацией, относится также обрезание или опаление волос.¹² С острижением волос без дальнейшего обмазывания и обсыпания перьями мы встречаемся и в бытовой сказке,¹³ так что этот мотив может быть результатом не только дальнейшего обеднения содержания, но и вполне самостоятельным по своему происхождению.

Как показывает исследование В. Я. Проппа, с мотивами неумытого, животнобразного, безволосого героя связан другой мотив — неузнавания.¹⁴ Это равно относится как к волшебной сказке, так и к нашему бытовому сюжету. Общий источник в обоих случаях — в обряде посвящения. Но разные сказочные виды разрабатывают и художественно осмысливают этот общий элемент совершенно своеобразно. В волшебной сказке герой может притворяться не помнящим себя, своего родства и имени; его могут не узнавать родители и невеста; возвратившегося мужа не узнают в сказке и эпосе жена, родные и все окружающие.¹⁵ В бытовой сказке, напротив, не узнает себя героиня, но ее узнает муж, окружающие. «Серьезности» волшебной сказки противостоит насмешливый смысл бытовой.

⁸ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 115—123.

⁹ Там же, с. 118.

¹⁰ Там же, с. 119—120.

¹¹ Там же, с. 119.

¹² Там же, гл. 15. Плешивые и покрытые чехлом, с. 121—122.

¹³ Иванецкий Н. А. Сказки Вологодской губернии, № 36; Ончуков Н. Е. Северные сказки, № 99.

¹⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки, гл. 14. Незнайка, с. 120—121.

¹⁵ Неузнавание мужа в эпосе («Одиссея», русская былина о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче) подробно в сопоставлении с волшебной сказкой рассмотрено И. И. Толстым в работе «Возвращение мужа в „Одиссею“ и в русской сказке». — В кн.: Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.—Л., 1966, с. 59—72.

Высказанные выше предположения относительно истоков бытового сюжета не могут иметь иных доказательств, кроме по возможности наиболее полного выявления существующих этнографических и фольклорных параллелей к отдельным мотивам и их элементам. В связи с тем что всевозможные элементы бытовых сказочных мотивов оказываются в нашем сюжете (Аарне—Андреев 1383) связанными с обрядом инициации, можно предполагать, что и другой мотив сказок — глубокий сон героини — каким-то образом связан с изучаемым обрядовым комплексом или системой представлений, окружающих его. Действительно, беспробудный сон, во время которого с героем совершаются превращения и меняется облик его, встречается не только в изучаемых сказках. Может быть упомянут другой бытовой сказочный сюжет, в котором имеется тот же элемент (сказка о сердитой барыне, Аарне—Андреев *901 I). Подобный сон в бытовой сказке есть момент необычного состояния, во время которого совершается таинственное (барыня и жена сапожника) или хитроумно подстроенное (остриженная и обсыпанная перьями жена) превращение, изменение облика. Это глубокий, беспробудный сон. В связи с обрядом посвящения сон играет очень важную и, возможно, двойную роль: с одной стороны, существует запрет сна в обряде и сказочных его отражениях,¹⁶ с другой стороны, сон есть форма временной смерти в сказке (сонное царство, красавица в гробе), в эпосе (сон Садко на плоту перед погружением в подводное царство, т. е. перед переходом в иной мир). Вопрос этот достаточно сложен, неясен в деталях и в пределах данной статьи решен быть не может. Важна лишь сама связь сна со временной смертью как основным моментом обряда посвящения.¹⁷ «Замтер, — пишет В. Я. Пропп, — собрал очень много материала о запрете сна при рождении, смерти и вступлении в брак. Для нас они важны, косвенно подтверждающая связь запрета сна с сферой смерти и рождения, т. е. с сферой, которая была основой обряда инициации».¹⁸ Если связь сна с представлением о временной смерти в обряде посвящения действительно имела место, становится понятной и таинственная беспробудность сна в нашем бытовом сюжете. Это есть сон — превращение, сон — перерождение, сон — переход в иное состояние. Комизм бытовой сказки в том, что таинственность превращения в ней — лишь кажущаяся, а само превращение фиктивно и насильственно. Но тем более глубоким и беспробудным должен быть сон героини, не слышавшей того, что делает с ней муж. Поскольку в обряде посвящения и сказочных его отражениях смена человеческого облика на зооморфный происходит в период временной смерти, в потустороннем мире, из которого герой возвращается неузнаваемым, постольку объясняется и существующее в подтексте нашего сюжета чудесное преображение героини во время беспробудного сна. В мифологии некоторых народов попадание в страну смерти происходит в состоянии сна, а пребывание в ней, смерть, близко напоминает сон. В долганском мифе, например, на который указывает В. Я. Пропп, рассказывается о смерти стариковой дочери. На третий год после смерти прозорливец отправляется искать ее душу. Он засыпает и во сне приходит к месту обитания души умершей и возвращает ее к жизни. «Все это время, девять дней, тело его пребывало во сне». Спасенная им девушка, однако, не обнаруживает признаков жизни: «Только девушка ихняя не шевелится, то ли умерла, то ли заснула. Вовнутрь этой девушки, как в мешок, стал он укладывать кости. И ожила: и оживши стала стариковой дочкой».¹⁹

¹⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки, с. 66—68, 201.

¹⁷ Там же, с. 78—83.

¹⁸ Там же, с. 68.

¹⁹ Долганский фольклор. Вступ. статья, тексты и переводы А. А. Попова. М., 1937, с. 64—66.

Приведенный пример может служить яркой иллюстрацией вышесказанному; количество подобных примеров могло бы быть при необходимости увеличено. Представления о сне-смерти из мифологии и обрядов переходят в собственно фольклор, фольклор как искусство, а затем и в литературу. Отсюда — фольклорные и литературные мотивы сна как яви (сказки о мороке, Аарне—Андреев *664 А и В; «Жизнь есть сон» Кальдерона) и яви как сна (сказка о сердитой барыне, Аарне—Андреев *901 I; «Дядюшкин сон» Достоевского). Временная приобщенность героини или героя в подтексте бытового сюжета к потустороннему миру сказывается иногда и в мимоходом оброненных деталях. Так, например, грабители ожидают получить мешок с наворованным, героиня же передает им мешок с золою.²⁰ Этнографические материалы показывают, что в верованиях, быличках и сказке зола и угли с того света превращаются в золото на этом, а золото, подаренное на том свете, превращается в реальном мире в уголь, золу и т. п. (мотив, вошедший в христианскую и, в частности, легендарную литературу). В другой сказке муж-герой в смоле и перьях появляется на свадьбе,²¹ что соотносимо в своих истоках с появлением неузнаваемого, неумытого, животногообразного жениха.

Сюжет о женщине, не узнающей самое себя, относится к международным сказочным сюжетам. Вопрос о сравнении его вариантов в сказочном репертуаре разных народов не может не вставать перед исследователем. Такое сравнение неизбежно и совершенно необходимо при изучении сказки. Важно лишь определить, при каких условиях оно может привести к желаемым результатам, когда оно оправдано и достаточно подготовлено. Сравнению сказок в международном масштабе должно предшествовать изучение сюжета в рамках отдельной национальной традиции. Здесь представляется очень важным сказочное окружение данного сюжета в национальном репертуаре и сказочные связи его с другими сюжетами национального репертуара, так как при изолированном рассмотрении те или иные черты сюжета, мотивы и их детали могут получить неправильное освещение и истолкование. В настоящей статье мы попытаемся наметить пути сравнительного изучения нашего сказочного вида на примере данного общеславянского и общеевропейского сюжета. В болгарской сказке муж не остригает ленивую жену, но отрезает у нее косу, чего та сразу не замечает.²² В том же варианте особо подчеркивается, что ленивая жена заснула на поле, как убитая («заклана»). То, что в русской сказке обычно подразумевается, здесь выпячено и названо словом, т. е. выводится из подтекста на первый план.

Все подобные детали должны быть осмыслены первоначально в сравнении всех болгарских вариантов сюжета и в их межсюжетных связях в болгарском сказочном репертуаре. Так, например, бросается в глаза, что в болгарских сказках на полевой работе ленива может быть не только жена, но и муж. В сказке о муже, не справившемся с домашней работой,²³ рассказывается о супруге, который ленится пахать. Жена оставляет его дома, а сама уходит на пашню. Муж и жена как бы уравнины и в своих достоинствах, и своих недостатках, и жена перестает быть в подобных мотивах односторонней мишенью для насмешек.

²⁰ Из заветных русских сказок, № 21.

²¹ Ончуков Н. Е. Северные сказки, № 183.

²² Българско народно творчество в дванадесет тома. Том десети. Бытови приказки и анекдоти. София, 1963, с. 99. В данном своде болгарского фольклора сказки о женах сгруппированы по сюжетам, что делает их легко обозримыми с точки зрения особенностей национальной репертуара.

²³ Там же, с. 209—213.

В польских вариантах нашего сюжета муж-крестьянин облил смолой голову жены, когда она уснула в поле. Ленивая жена невольно становится пособницей воровской компании и так пугает парализованного ксендза, что он оказывается в силах передвигаться. Ю. Кшижановский видит в таком повороте сюжета влияние польских фавстий.²⁴ В чрезвычайно обширном и полном указателе Ю. Кшижановского подытожены общие мотивы разнообразных вариантов из польских сказочных сборников. Выводы автора позволяют поставить вопрос о фольклорных истоках самих фавстий.

В украинских, польских и норвежских сказках глупая женщина вымазана обманщиками смолой и облеплена перьями; ей кажется, что она стала птицей. Она лезет на крышу и машет руками-крыльями, чтобы улететь. Муж едва не застрелил ее. Характерно, что в подобных вариантах древний элемент (женщине придается зооморфный птичий облик) не только выделен и усилен, но и явился источником развития самостоятельной комической сюжетной линии. Теперь не только жена «не помнит себя», ее не узнает собственный супруг, принявший ее за птицу.

Еще более далекие отличия дает сюжет при переходе в иной, несказочный, жанр, как в английской шуточной народной песне, например, где рассказывается о том, как старуха прилегла отдохнуть близ дороги и заснула. Щенок или насмешник разорвал на ней юбку, пока она спала. Проснувшись, героиня не узнает себя, на ее стук в дверь своего дома лает собака, и старухе кажется, что и та не узнает ее.²⁵ В любом случае сравнение даже в пределах одного славянского региона, как видим, расширяет, углубляет и дополнительно аргументирует односторонние выводы понационального изучения сказки.

В русской бытовой сказке вымазывается смолой и обсыпается перьями не только жена или муж, но также и любовник (Аарне—Андреев *1360 I. Любовник в виде черта). В афанасьевском варианте²⁶ герой — то ли дурак, то ли шут, «случайно» попадает в погреб вместе с любовником, когда неожиданно приходит муж; «случайно» в погребе герою попадают под руку подушка и бочонок смолы, которые он и пускает в дело. Все, что случайно здесь с точки зрения внешней стороны происходящих событий, глубоко закономерно с точки зрения того второго сюжетного плана, который стоит за ними и навеян доисторической по своим истокам традицией. В сказках рассматриваемого типа (Аарне—Андреев *1360 I) любовник представляется нечистой силой, нежитью, кикиморой, которых изгоняет из дому хитроумный герой-шут. Облик, в котором вынужден предстать перед мужем и его гостями «изгоняемый нечистый», показателен. Он или вымазан смолой и обсыпан перьями, как выше говорилось, или имеет фантастический животноеобразный облик («перед коровей, зад кобылей, на хвост собачину»),²⁷ или вымазан до неузнаваемости под печью,²⁸ иногда это поп с распущенными косами и подрясником,²⁹ голый³⁰ и т. п. Перед нами по существу все тот же по своему происхождению неумытый, животноподобный герой. Несколько забегаая вперед, мы можем указать на то, что традиционные черты в облике осмеянного любовника связаны с теми доисториче-

²⁴ Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. I (Wątki 1—999). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, N 902 (f), с. 273.

²⁵ См. об этом: Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков, 1898. Гл. XXXII. Потеря сознания самоличности, с. 91—92; 94—96.

²⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, № 447.

²⁷ Ончуков Н. Е. Северные сказки, № 14.

²⁸ Там же, № 283.

²⁹ Сказки и предания Северного края, № 51.

³⁰ Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья. Улач-Удэ, 1939, № 40.

скими формами любовно-брачных отношений, которым в сословно-классовом обществе противопоставляется официально узаконенный брак. Доисторические реликты в сказке служат опорой и источником сказочного смеха. В связи с этим необходимо напомнить, что в патриархальном крестьянском быту эти же доисторические формы использовались в качестве пережиточных средств для публичного опозорения женщин и мужчин, отступивших от обычаев и устоев семейных и любовных отношений, закрепившихся в общинном деревенском укладе жизни. Здесь мы встречаем хорошо известное обмазывание дегтем ворот в доме, где живет осуждаемая, обмазывание смолой и вываливание в пуху и перьях провинившегося, острижение и т. п.³¹ По-видимому, и в самой действительности эти пережиточные формы использовались для противопоставления отношений, в которых можно усмотреть отголоски былой женской воли, и современного закрепощенного, но освященного многовековым обычаем ее состояния. Это тем менее удивительно, что подобным противопоставлением проникнуты вся обрядовая свадебная лирика и значительная часть необрядовых лирических песен о семейной жизни, хотя в этих песнях женщина не осуждается, а, наоборот, защищается, оправдывается, а ее участь оплакивается. Дикий обычай осуждения «оступившейся» женщины, свидетельствующий о ее закрепощенном, порабощенном положении социально эксплуатируемого и зависимого пола, имеет только внешнее, формальное сходство со сказкой, в которой те же реликтовые элементы наполнены иным идеологическим смыслом осмеяния алогизма самого института семейных отношений в сословно-классовом обществе, о чем речь пойдет несколько ниже. Сами по себе обмазывание, пачканье, принятие животного облика держатся в обрядах (во время святок, например) и быту (формы публичного опозорения) долгое время после того, как исчезают их связи с обрядом посвящения, равно как и сам обряд. На это указывает по поводу античных материалов, в частности, В. Я. Пропп.³² Подробное же выяснение того, каким смыслом наполняется обычай в каждом конкретном случае, входит в задачу сугубой этнографии, но не фольклористики. Так, например, обмазывание дегтем ворот может оказаться формой вторичной, гибридной и переносной. Известно, что разрушение изгороди, покража ворот на святках и т. п. рассматривались как нанесение символического ущерба дому, что в древности имело магический смысл.³³ В том же значении позднее могло выступать и обмазывание дегтем ворот, перенесенное с самого человека на «уязвимую» часть околodomовых построек, и т. п.

Нам же необходимо указать сейчас на то, что наполненный иным, неисконным смыслом обычай в историческое время не может рассматриваться как действительность, непосредственно отражаемая сказкой. В этой действительности нет и быть не может важнейшего сказочного элемента, который присутствовал в обряде инициации, — неузнавания, и это одно показывает, что поздняя бытовая форма обычая и соответствующая сказочная форма соотносятся не как действительность и ее художественное отражение, но как действительная бытовая форма и форма художественно-фольклорная, радиально и независимо развившиеся из одного центра, одного и того же исторического источника через ряд переосмыслений и

³¹ См. об этом, например: Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890, гл. 94. Острижение волос как наказание, гл. 95. Обмазывание дегтем головы и ворот и др., с. 211—214.

³² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки, с. 120.

³³ См. об этом: Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. Очерки по истории народных верований. — Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XL. М., 1957, с. 129—131.

трансформаций, вызванных новыми социальными отношениями. Изуверский и антидемократический, антиженский обычай в действительности имеет противовес в формально подобных мотивах сказки, исполненной ярко выраженного демократического содержания.

Уже в связи с реликтовыми мотивами неумойки, незнайки и таинственного сна бытовая сказка обнаруживает свое отличие и самостоятельность в отражении и использовании доисторических обрядовых элементов по сравнению с волшебной сказкой: отсутствует связь с предстоящим браком; «тайнства» превращений осуществляет хитроумный герой (муж или посторонний); берется не весь обрядовый комплекс, а только часть его, мотивированная сюжетом; героиня сама не узнает себя, но ее узнает муж, который или притворяется не узнавшим ее, или, взглядевшись, узнает ее в «птичьем» облике.

С тем же мотивом незнайки в форме притворного неузнавания мужа его супругой связан другой комплекс бытовых сказочных сюжетов о «забеременевшем» супруге, в котором переключка с волшебной сказкой утрачена почти полностью. Речь идет о сказочных бытовых сюжетах, в которых жена убеждает мужа в том, что он забеременел и должен родить. В указателе Н. П. Андреева русские варианты отнесены к типу 1739 (Как поп телился). В качестве главного героя, осмеянного и обманутого, выступают в них барин и поп. Некоторые исследователи делают вывод о том, что для русского сказочного репертуара характерно прикрепление сюжета исключительно к этим сказочным персонажам.³⁴ Вывод ошибочный. В числе обманутых может оказаться и супруг. Таких вариантов среди русских сказок меньше, но они есть. Если в сказках о барине и попе обманщиком, сбивающим с толку героя, бывает работник или лекарь, то в сказках о супруге в их роли выступает жена. Она здесь представлена хитроумной обманщицей, зло посмеявшейся над недогадливым мужем. Подобные сказки более распространены в украинском фольклоре, хотя и там ксэндз, например, встречается в вариантах наряду с супругом.

В отличие от соответствующих русских вариантов в украинских жена обманывает мужа вместе с любовником или она кормит мужа так, чтобы у него разболелся живот и ему показалось, что он забеременел.³⁵ Сравнительный анализ вариантов показывает, что случаи, когда в роли обманутого выступает муж, стадияльно более архаические и что образы барина и попа в таких случаях появляются в качестве более поздней подмены исконного образа супруга. Ярче всего это обнаруживается в мотивировках обмана: они более подвижны, случайны и вариативны в сказках о попе и барине. «Поп пил чай и растолстел, — начинается одна из сказок. — А у них в селе была бабка-угадка. Вот поп и посылает к ней работника разведать о себе. „Батюшка, говорит, родит, да бычка“». ³⁶ Денщик пролил мочу, которую нес на анализ для своего полковника. Вместо нее принес мочу стельной коровы. Доктор утверждает, что полковник должен оте-

³⁴ «В русских сказках этот сюжет имеет всегда социальную окраску... В сборнике Соколовых (№ 62) он приурочен к барину-полковнику; у Иваницкого (№ 46), Ончукова (№ 142), Карнаухова (№ 11) и в др. — к попу, — читаем в «Приложении III», написанном М. К. Азадовским и Н. А. Андреевым при участии Г. С. Виноградова, к сборнику «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах» (т. 3. М., 1940, с. 473). Вывод повторен в комментарии к антологии: Народные сказки о боге, святых и попах. Русские, белорусские и украинские. М., 1963, с. 192.

³⁵ См. об этом: Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Гл. XXXIV. Беременный муж, с. 100—101; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. 3, Приложение III, с. 473.

³⁶ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.—Л., 1964, № 66.

литься.³⁷ Глупый барин не знает, как объяснить свое «несчастье»: «А когда со двора на двор быков переганивали, так один бык козлом взыграл, а я в то время и подумал, так быть в то время уходился?»³⁸ Мотивировка в вариантах сказок о муже и жене логически более выдержанная и не подвержена столь большому варьированию. Она заключается в удалении женою мужа в первую брачную ночь.³⁹ Представляется чрезвычайно важным тот момент, который связывает сюжет о «забеременевшем» муже с ранее рассматриваемым сюжетом о ленивой жене, заснувшей в поле. Это мотив мнимого неузнавания одним из супругов другого. В сюжете об обманутом супруге в отличие от предыдущего не муж, а жена теперь делает вид, что не узнает своего супруга в первую брачную ночь. Мало того, хотя облик мужа не претерпел никаких изменений, жена уверяет его, что он вообще не человек, а тем более не ее супруг, так как последний будто бы находится рядом с нею. «Какой Фома? Ты — Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит», — говорит жена мужу, который просит впустить его.⁴⁰ «Какой Павел, как нехороший дьявол, у меня Павел на ручке лежит», — отвечает она на просьбу мужа. Даже попа, который венчал их, жена уверяет, что перед ним не ее супруг, а нечистая сила.⁴¹ В шутовской роли хитреца, глумца и обманщика выступает теперь не муж, наказывающий ленивую жену, а жена по отношению к нелюбимому мужу, над которым она хочет и берет верх, доказывая его глупость и беспомощность.

Наиболее показательным и загадочным моментом в сюжете выглядит то, что ни муж, ни барин, ни поп никогда не сомневаются в самой возможности забеременеть и родить. («А барин и говорит Петрушке: „Это ведь не диво отелиться, да когда уходиться?“»).⁴² В этом мотиве проглядывает фантастическое начало, истоки которого необходимо хотя бы предположительно попытаться выяснить. В русских вариантах герой (поп, барин, муж) пытается уйти подальше из дому, чтобы никто из знакомых не был свидетелем его позора. Ночью на печь к уснувшему герою хозяева, у которых он остановился, подкладывают родившегося теленка, чтобы тот не замерз. Проснувшись, герой думает, что родил теленка.

Особенно показательна версия польской сказки, которая представляет «роды» мужа, происходящие дома в присутствии жены и бабки. Муж в муках будто бы родит ребенка, и бабка советует ему, чтобы он просил жену выкормить новорожденного.⁴³

Мы, следовательно, отмечаем в качестве постоянного момента сюжета, во-первых, гротескно-комическую веру в возможность для мужчины выступить в роли женщины и, во-вторых, в польском варианте видим чуть ли не «заботу» женщин о муже, переживающем «муки родов». Это дает возможность за комически перевернутым миром семейной жизни и семейных отношений разглядеть лишенную комического начала обрядовую действительность, от которой могла оттолкнуться насмешливая бытовая сказка в создании данного сюжета. Обрядом, в котором можно усмотреть некоторые моменты, вывернутые сказкой наизнанку в целях гротескно-смехового переосмысливания, могла быть кувада. «Кувада еще недавно была распро-

³⁷ Сказки и песни Белозерского края. Записали Соколовы Б. М. и Ю. М. М., 1915, № 62.

³⁸ Иванецкий Н. А. Сказки Вологодской губернии, № 42.

³⁹ Там же, № 46; Из заветных русских сказок, № 26.

⁴⁰ Из заветных русских сказок, № 26. На слово «мора» дается сноска: «нечистая сила, смерть» (с. 393).

⁴¹ Иванецкий Н. А. Сказки Вологодской губернии, № 46.

⁴² Там же, № 42.

⁴³ Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах, с. 101.

странена во всех частях света и, следовательно, отвечала некогда важным потребностям общества на определенном этапе его развития».⁴⁴ Отчетливые пережитки кувады в XIX—начале XX века встречаются и у восточных славян. А. Н. Веселовский в связи с вопросом об отражении эпохи перехода от матриархата к патриархату в фольклоре в неоконченной работе «Поэтика сюжетов» собирал и обобщал сведения об этих явлениях у русских, белорусов и украинцев.⁴⁵ Собрание сведений о пережитках кувады у восточных славян находим также у Н. Ф. Сумцова⁴⁶ и других авторов. В последней по времени появления работе обобщающего характера на русском языке А. М. Хазанов считает возможным объединить в объяснении кувады гипотезу Бахофена—Тэйлора с выводами Тэйлора—Фрейзера. Согласно первой, кувада зарождается во время перехода от матриархата к патриархату. Для того чтобы утвердить свои права на ребенка, отцы, преодолевая старую традицию материнского рода, вынуждены «совершать обряды, делающие их как бы второй матерью по отношению к ребенку».⁴⁷ Согласно второму толкованию, кувада выводится из магии и объясняется, в частности, магией родовспоможения и приемами, с помощью которых осуществлялась забота о здоровье ребенка; «...кувада отражает представления о магической связи, якобы существующей между мужем и женой и между отцом и ребенком».⁴⁸ Сам автор считает, что в сложном составе кувады объединяются и сливаются исторически разновременные по своему происхождению элементы, объясняемые как первой, так и второй гипотезой, при этом более древние переосмысливаются в русле новых обычаев, утверждающих победу отцовского права.

Для нас в данном случае важно, что и то и другое объяснение кувады может пролить некоторый свет на комически преобразованные сказочные мотивы. В этом отношении интересны запреты для мужчин, жены которых должны родить: мужья избегают смотреть на некоторых животных или употреблять их в пищу из опасения, что жена родит это животное или уже родившийся ребенок уподобится ему. «Один из путешественников по Нигерии, — замечает А. М. Хазанов, — был свидетелем того, как в деревню принесли мертвую гориллу. Немедленно все беременные женщины с мужьями поспешили уйти. Они уверяли, что стоит кому-нибудь из них взглянуть на животное и им суждено родить обезьяну»;⁴⁹ «... в Африке муж не смеет взглянуть на гориллу из боязни, что жена родит обезьяну...».⁵⁰ У карибов «после выздоровления отец еще шесть полных месяцев не употреблял в пищу мясо и рыбу, твердо веря, что иначе он причинит вред желудку ребенка и сделает его похожим на съеденных животных».⁵¹ Что касается самих родов, то, по-видимому, первоначально мужчина изображал родовые муки, чтобы, во-первых, помочь жене, взяв на себя ее боль по принципу симпатической магии, а во-вторых, чтобы закрепить свои права на ребенка. «На Новой Ирландии, — пишет исследователь, — когда женщина рожала, ее муж отправлялся в мужской дом. Там он ложился и изображал родовые муки, корчась от воображаемой боли. Это продолжалось вплоть до рождения ребенка».⁵² Автор работы

⁴⁴ Хазанов А. М. Загадочная кувада. — Советская этнография, № 3, 1968, с. 116.

⁴⁵ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. — В кн.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 538—539.

⁴⁶ Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Гл. 73. Кувада, с. 171—172.

⁴⁷ Хазанов А. М. Загадочная кувада, с. 120.

⁴⁸ Там же, с. 121.

⁴⁹ Там же, с. 119.

⁵⁰ Там же, с. 120.

⁵¹ Там же, с. 116.

⁵² Там же, с. 118.

обобщающего характера на английском языке У. Р. Доусон сообщает сведения, доставленные ему, видимо, в 20-е годы нашего века из Прибалтики, согласно которым муж во время родов у жены ложится в постель, стонет и кричит, а его соседи спешат к нему.⁵³ Во время «мужских родов» «...отец иногда испускает крики, лежит в непристойной позе и даже подражает родовым конвульсиям».⁵⁴

Однако еще более любопытны свидетельства, которые А. М. Хазанов не отделяет от предшествующих, но которые показывают, что в историческое время может происходить и обратное переосмысление: начинают полагать, что при родах не только мать, но и отец ребенка не может не мучиться и не испытывать боли независимо от его воли. «В конце прошлого века в одном из округов Йоркшира, когда на свет появлялся незаконнорожденный ребенок, делом чести для девушки было скрыть имя его отца. Однако считалось, что отец ребенка в момент рождения будет испытывать сильные боли и не сможет заниматься обычными делами. Поэтому его легко могла узнать мать девушки: ей только надо было походить по домам и посмотреть, кто из мужчин находится в постели».⁵⁵ Отсюда остается один шаг до сказочного комического мотива мужа, рожаящего вместо жены. Мы пока не касаемся вопроса о том, какова содержательная, смысловая, идейно-художественная роль этого фантастического элемента бытовой сказки, почему бытовая сказка воскрешает доисторические представления и нормы бытового поведения, комически переосмысливая и трансформируя их. Нам важен пока сам факт обращения бытовой сказки к доисторической действительности. Вышеприведенные материалы могут прояснить и другой постоянный и потому важнейший момент сюжета — рождение (мнимое) теленка. В вариантах это мотивируется по-разному: жена изгнала мужа с ложа новобрачных, и он вынужден ночь провести в хлеву;⁵⁶ поп гонял хворостинной коровье стадо, когда они с работником ездили за сеном;⁵⁷ барин видел, как со двора на двор перегоняли быков.⁵⁸ Словом, герой видел быков или находился рядом. Именно такое соседство или разглядывание супругами зверя, употребление в пищу его мяса или рыбы, по представлениям некоторых народов, у которых сохранилась кувада, могли привести к рождению зверя.

Мы рассмотрели, таким образом, связанные сквозными мотивами сказочные бытовые сюжеты с точки зрения отражения в них разнообразных обрядовых доисторических элементов. Общие историко-социальные истоки сказок определяют во многом особую структуру их сюжетов и вариантов. Основной их структурной единицей становится не сюжет как комплекс мотивов и даже не отдельный мотив, который может оказаться общим в разных сюжетах. Сам мотив не отличается постоянством образного состава и событий. Исходными и постоянными оказываются некоторые действия героев, разнообразно облакаемые плотью более или менее сходных мотивов (например, мужнины роды). В будущем же развитии сказочные сюжеты предоставляют сказочнику известную свободу в выборе образов и сюжетных ходов для выражения этих исходных и постоянных действий. Так, например, в дальнейшем поп может быть принят за беременного теленком потому, что растолстел, а работница, пролив его мочу, которую несла на врачебный анализ, подменила ее мочой стельной коровы. Посто-

⁵³ Dawson W. R. The custom of couvade. Manchester, 1929, p. 93.

⁵⁴ Максимов А. Н. Несколько слов о куваде. — Этнографическое обозрение, кн. XLIV, № 1, 1900, с. 103.

⁵⁵ Хазанов А. М. Загадочная кувада, с. 118.

⁵⁶ Иваницкий Н. А. Сказки Вологодской губернии, № 46.

⁵⁷ Из заветных русских сказок, № 1.

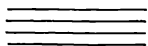
⁵⁸ Иваницкий Н. А. Сказки Вологодской губернии, № 42.

янные действия в своем происхождении связаны с доисторической действительностью, в то время как в сопутствующих моментах (мотивировки; образный состав; события, развивающие центральное действие) эти доисторические истоки могут размываться до полной неузнаваемости, до состояния почти бытовой достоверности.

Исследование доисторических истоков бытовой сказки о супругах только начато, но далеко не исчерпано. За пределами нашего рассмотрения остались многие сюжеты, требующие дальнейшего анализа.

Между тем изучение архаических предпосылок сюжетов, как мы старались показать, совершенно необходимо для понимания своеобразной поэтической природы бытовой сказки. Если бытовую сказку о супругах рассматривать вне того доисторического фона, на котором вырисовывается картина современной сказочнику семейной жизни, можно прийти к ошибочным выводам, к которым склоняется даже такой замечательный собиратель — фольклорист и вдумчивый наблюдатель народной жизни, как Н. Е. Ончуков, дающий следующую характеристику сказкам, о которых идет речь в настоящей статье: «Этого рода сказки особенно многочисленны, гораздо многочисленнее во всяком случае сказок о верных женах, и указывают, с одной стороны, на легкое отношение к браку, с другой — на падение нравов в деревне, на расшатанность семейного начала там, а всего более, кажется, на славянскую распущенность».⁵⁹ Сказочный подтекст, питаемый доисторическим наследием, по контрасту с повседневной реальностью порождает гротеск и вызывает смех. Характер и формы этого смеха показывают, что в сказках о супругах мы имеем дело с уже знакомыми нам сказочными типами дураков или шутов, выступающих теперь в роли мужа и жены.

Если сопоставить бытовую сказку о супругах с поэтическим миром протяжной народной лирической песни о любви и семейной жизни или протяжной свадебно-обрядовой песни, то можно заметить для характеристики ее былой социальной роли, что трагедия реальных семейных отношений в угнетательских обществах, воспетая в народной лирике, в сказках преодолевается смехом. Доисторическая подоплека, теневая сторона сказочного сюжета углубляют, делают более рельефными и в то же время гротескными, абсурдными и нелепыми те противоречия, от которых страдают супружеские отношения. Их трагедия выглядит в сказке смешной и преодолимой смехом. Смех торжествует надо всем, что отягощает семью и отношения полов непосильным грузом бед и несчастий супружеского неравенства и антагонизмов в сословно-классовом обществе. Тем самым этот веселый всепобеждающий сказочный смех освобождает сознание от подавляющей власти гнетущих обстоятельств семейной жизни, помогая возвышаться над бесчеловечными формами семьи и семейных отношений в классовом обществе.

⁵⁹ Ончуков Н. Е. Северные сказки, с. XI..

В. К. СОКОЛОВА

*ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В РАЗНЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРАХ
(НА ПРИМЕРЕ СООТНОШЕНИЯ ПРЕДАНИЙ
С ИСТОРИЧЕСКИМИ ПЕСНЯМИ И БЫЛИЧКАМИ)*

Кардинальная проблема фольклористики — соотношение разных фольклорных жанров с исторической действительностью — очень сложна и многогранна. В конечном счете действительность в фольклоре (как и в любом искусстве) определяет все. В. Я. Пропп совершенно справедливо утверждал: «Фольклор, как и всякое искусство, восходит к действительности. Даже самые фантастические образы фольклора имеют свою почву в реальной действительности. Материалистическая наука должна найти эти исторические основы фольклора. Это относится ко всей области фольклора без всяких исключений».¹

Рассматривать и решать проблему соотношения фольклора с действительностью надо в разных аспектах и на разном материале. Один из важных аспектов — выяснение того, как соотносятся с действительностью разные фольклорные жанры, что они берут из нее и как, какими художественными средствами ее изображают. Рассмотрение отдельных жанров в таком разрезе поможет глубже уяснить их специфику и выработать принципы их научной классификации.

Отбор, интерпретация и художественное отображение жизненных явлений определяются прежде всего историческими условиями и мировоззрением той среды, в которой рассматриваемый жанр формировался и развивался. Но многое определяют и особенности жанра, его направленность, доминантная функция. Я не буду здесь рассматривать соотношение жанров с действительностью в историческом аспекте — это особая, очень важная проблема, для разработки которой потребуются усилия многих фольклористов. Я постараюсь лишь на примере нескольких жанров показать, как отношение их к действительности и жанровая специфика взаимно связаны.

Назначение жанра, его основная направленность определяют прежде всего отбор жизненных явлений, подлежащих художественной обработке. Ни один фольклорный жанр не охватывает действительность во всей ее широте, а изображает отдельные ее стороны. У каждого жанра есть своя более или менее широкая, но достаточно четко определенная область жизненной сферы, из которой он и черпает свой материал. Действительность изображается в нем преимущественно в одном аспекте: историко-полити-

¹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи, М., 1976, с. 115.

ческом, социальном, бытовом, семейном и т. п.; может быть это и действительность вымышленная, фантастическая. Целенаправленность жанра и характер изображаемых в нем жизненных явлений определяют в той или иной степени особенности художественной формы, в которой и проявляется жанровая специфика. Но это особенное, специфическое для каждого жанра не исключает и наличия в них общих черт, присущих различным жанрам.

Любой жанр возникал на основе сложившейся устнопоэтической традиции и в процессе своего развития вступал в разнообразные взаимоотношения с другими жанрами. Это определило известную общность между ними, которая наиболее отчетливо проявляется в особенностях поэтического языка, в стилистике. Во многих фольклорных жанрах употребляются общие или сходные художественные приемы, используются одни и те же эпитеты, сравнения, символы и пр.; близки и некоторые традиционные поэтические формулы и мотивы. Все это общеизвестно. Различие между отдельными жанрами в этом отношении порою заключается лишь в большем или меньшем использовании этих поэтических средств и, особенно, в их отборе. Каждый жанр отбирает из общего устнопоэтического национального фонда то, что соответствует его основной функции и изображаемому им материалу. Это уже придает ему известное своеобразие, но отнюдь не определяет его специфику. Специфичны для любого жанра его основные образы и приемы их характеристики, сюжеты, мотивы и композиция, посредством которых оформляются жизненные ситуации и конфликты, характерные для данного жанра. А это все определяет та действительность, которая изображается в произведении.

Непосредственная связь функции и поэтических особенностей жанра с условиями жизни и производственной деятельности человека наиболее наглядно прослеживается на древнейшем виде фольклора — словесных формулах, сопровождавших обряды, где основная функция выступает очень отчетливо, обнажено. Обряды и входившие в них словесные произведения имели сугубо практическую цель — они должны были воздействовать на окружающий мир. Этому подчинена вся образность и стилистика наиболее раннего обрядового фольклора.

Как можно предполагать, наиболее древним его видом были краткие заклинания, очень простые по форме, которые как бы поясняли и закрепляли производимые действия. Эта доминантная функция определила как отбор жизненных явлений, так и приемы их изображения. Действительность в заклинательных формулах предстает лишь как объект, на который хотели воздействовать; объектом этим были силы природы, от которых зависела урожай и благополучие. Поэтому заклинания звучат обычно как просьба, приказ, глаголы в них стоят в императиве: «уходи зима с морозами!», «жаворонки прилетите, лето теплое принесите!», «дождик, дождик перестань!» и т. п. (позже в заклинательных формулах появляются и просительные, молитвенные интонации).

В наиболее простых заклинаниях дается обычно только один объект. Постепенно они развивались и усложнялись привлечением новых элементов действительности. Стараясь более обстоятельно, детально выразить свое желание, прибегают к сравнениям и разного рода уточнениям. В произведение вводятся дополнительные объекты: например, снопов в поле должно быть столько, сколько звездочек на небе; зерна должны быть такими, чтобы из одного можно было испечь коровику, и т. п. Расчленяется и детализируется объект воздействия: дождь не просто должен пойти, а оросить всё — рожь, пшеницу, лен и т. п.; желая сохранить здоровой свою скотинушку и получить от нее хороший приплод, крестьянин перечислял отдельно лошадей, коров, овец и пр., указывая часто и их

масть. Широко начинают использоваться такие художественные приемы, как сравнения, эпитеты, гипербола. В результате появляются новые жанры: похвальные песни-благопожелания, а затем величальные и заговоры, утрачивающие связь с обрядом и переходящие в основном в сферу семейной жизни.

Так как развитие и типология обрядовой поэзии и заговоров мною уже рассматривались,² я коснулась здесь их лишь вкратце, чтобы показать непосредственную зависимость приемов изображения действительности от функции жанра. В данной же статье я останавливаюсь на жанрах более поздних: преданиях, исторических песнях и быличках. Сопоставление их в плане соотношения с действительностью интересно потому, что в преданиях и исторических песнях, представляющих совершенно различные жанровые образования, изображаются одни и те же стороны и явления действительности, с быличками же предания близки по ряду жанровых признаков, но диаметрально противоположны по отношению к действительности.

Как жанры исторические предания и исторические песни оформились в разное время. Истоки преданий восходят к древности, исторические же песни появляются значительно позже: расцвет русских исторических песен относится к XVI—XVIII вв., в это же примерно время формируются и развиваются украинские исторические песни и думы. Но создавались они на основе традиции героического эпоса, творчески перерабатывая и преодолевая ее; предания же продолжали интенсивно жить, откликаясь на новые явления действительности, и под воздействием ее в какой-то степени видоизменялись.

Предания, которые можно считать собственно историческими, появились, когда складывалась государственность. В это время в них все более ярко начинает выражаться установка на изображение подлинных фактов, а первоначальные их образы — мифические первопредки, культурные герои — сменяются историческими персонажами. Эти же основные признаки характерны и для исторических песен: когда исследователь характеризует их особенности, то неизменно отмечает, что от былин их отличает прежде всего историческая определенность, — песня всегда соотносится с подлинными фактами истории.

Действительность в преданиях и исторических песнях берется в одном и том же аспекте — политическом и социальном. Это действительность реальная и, что особенно важно для этих жанров, исторически точно определенная. Основой сюжетов их часто служат действительные события, художественный вымысел также имеет реальный характер. Центральные образы преданий и песен восходят к историческим прототипам, в большей части общим, причем циклизация преданий и песен шла вокруг одних и тех же персонажей: Иван Грозный, Петр I, Степан Разин и др. Так как предания и песни создавались и бытовали в одних и тех же социальных средах, оценка событий и исторических деятелей в них в основном одинакова.

При большой идейно-тематической близости предания и песни резко различаются по жанровым признакам. Эти различия настолько очевидны, что они ясны каждому, песню и предание не спутает никто.³ Песни — сти-

² В книге «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов» (М., 1978), в статье «К типологии обрядового фольклора» (в кн.: Фольклор, язык и народная судьба. София, 1979, с. 59—66) и в докладе на X Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Дели, 1978).

³ Хорошо осознают это различие и сами народные исполнители. Когда сообщающий предание для большей убедительности в достоверности рассказываемого ссылается на песню и вставляет отрывки из нее, он всегда оговаривает: «Про это и

хотворные произведения, имеющие определенный размер и ритм; они поются на определенные мотивы. Язык песен поэтический, в них широко используются различные тропы и фигуры, как традиционные народноэпические, так и собственные только им. Исполняются песни обычно коллективно, хором. Предания — короткие прозаические рассказы, не имеющие канонической формы и каких-либо специфических художественных приемов, язык их простой, разговорный. Предания обычно не осознаются как особые произведения, они рассказываются к случаю и мало выделяются из обыденной разговорной речи. Передает предание всегда один человек, от его мастерства и склонности во многом зависит стиль рассказа. Песни — произведения художественные, в них доминирует эстетическая функция, в преданиях же основная функция информационная, эстетическое начало в них обычно выражено слабо.

Здесь нет надобности детально останавливаться на жанровых особенностях преданий и исторических песен, тем более что в работах советских фольклористов они охарактеризованы достаточно основательно.⁴ Задача данной статьи — постараться проследить, как жанровые различия сказываются на подходе к одному и тому же материалу, почерпнутому из действительности, на его художественной переработке.

В песнях подлинные события, послужившие основой их сюжета, даются обобщенно, в целом; их последовательный ход, отдельные эпизоды и детали (за немногим исключением) не излагаются. Важен смысл события, его значение. Поэтому в песне берется обычно лишь основное: после краткой экспозиции даются кульминационный момент события и его исход.

Обобщенными, типическими предстают в исторических песнях и основные образы. Они носят исторические имена, участвуют в тех событиях, в которых действительно участвовали их прототипы, выступают в той же роли, но индивидуальными черт исторических персонажей у них почти нет. Это типические образы царя, полководца, вождя повстанцев и т. п. Они рисуются и действуют в соответствии с народными представлениями определенного периода. Все это дало основание В. Я. Проппу утверждать, что историзм песен состоит «не в том, что в них правильно выведены исторические лица и рассказаны исторические события... Историзм их заключается в том, что в этих песнях народ выражает свое отношение к событиям, лицам и обстоятельствам, выражает свое историческое самосознание. Историзм есть явление идейного порядка».⁵

В исторических песнях впервые в русском фольклоре появились коллективные образы их героев: солдаты, казаки, повстанцы — разинские работнички. Образы эти, имеющие важное идейное значение, также являются типическими.

Художественные средства, используемые в исторических песнях, подчинены основной установке — показать в изображаемых фактах и лицах не частное, индивидуальное, выделяющее их из ряда подобных явлений, а общее, объединяющее их. Обобщенность, типизация исторических событий и лиц делают возможным использование общих типических сюжетов, мотивов, поэтических формул, многие из которых свойственны только историческим песням. Так, в ряде песен конца XVII—начала XVIII в. использовалась схема описания взятия неприятельского города-крепости

песня есть», т. е. песни и предания воспринимаются как произведения разного типа, хотя и повествующие об одном и том же.

⁴ По историческим песням см. исследования Л. И. Емельянова, А. Н. Лозановой, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, В. К. Соколовой и др., по преданиям — С. Н. Азбелева, Е. Л. Лазарева, Н. А. Криничной, В. П. Кругляшовой, В. К. Соколовой, К. В. Чистова и др.

⁵ Пропп В. Я. Фольклор и действительность... с. 120.

штурмом, «белой грудью» солдатской или при помощи подкопа; так описано взятие Азова, Орешка-Шлиссельбурга, Кольвани-Ревеля и др. Создано было поэтическое клише описания кровопролитных сражений со своими поэтическими формулами и сравнениями: битва двух сильных армий уподоблялась столкновению двух грозных туч, грохот пушек и блеск ядер — грому и молнии и т. п. Примеров таких общих, переносимых из песни в песню сюжетных схем и формул немало. Широкое распространение получила песня «Пишет, пишет...» — иноземный король пишет русскому царю, полководцу и др. письмо с угрозой завоевать и разорить всю русскую землю, и достойный ответ русских. По схеме этой песни, изменявшейся соответственно новой обстановке, создавались песни почти в каждую крупную войну, вплоть до нашего времени. Использование подобных сюжетных клише в песнях о разных событиях было возможным потому, что они изображали типические ситуации.

Для раскрытия центральных образов также использовались типические ситуации. Герои песен показывались в наиболее значительные моменты их жизни. полководец перед битвой или штурмом города обращается с призывной речью к солдатам; Разин зовет своих соратников на борьбу с угнетателями народа, а после поражения восстания скорбит о постигшей их участи и думает об ожидающих его допросах и казни; сидящий во вражеской тюрьме русский воин думает о родине и свободе. Монологи и диалоги, речи и размышления героев часто звучат сходно, для выражения их используются одни и те же формулы. Речь полководца часто предваряется словами: «не золотая (или серебряная) труба вострубила, речь возговорил...»; появление казачьего или стрелецкого атамана перед другом характеризуется формулой: «не ясен сокол по поднебесью полетывал, атаман по кругу похаживал» и т. п. Такие художественные приемы, характерные для исторических песен, ясно показывают, что создателей их интересовали не частности, не индивидуальные черты события или лица, а общее, их суть.

При обобщенном характере художественного изображения в песнях явлений и лиц почти всегда ясно, о каком именно конкретном событии идет речь. Точно устанавливается и время действия, ориентирами здесь служат, как то принято было в народной хронологии, сами события и лица: «Во матушке было каменной Москве»; «При грозном царе Иване Васильевиче» и т. п.

В некоторых же песнях дается точная датировка события, как например в зачине некоторых песен о Самозванце: «В шестом году восьмой тысячи» — или в варианте о допросе Шереметьевым пленного шведского майора: «В тысяча семьсот двадцать первом году, во месяце было во июне» и т. п. Такого типа зачины встречаются и в некоторых поздних солдатских песнях. Это говорит о стремлении точно определить время события, что для песен как произведений исторических очень важно. Но в русских исторических песнях точные даты указываются редко, обычно указывается только факт.

Место действия в песне также определенное: указываются именно те географические пункты, в которых разворачивались описанные события. Но так как событие в песне берется в целом, то и место действия определяется достаточно широко, называются крупные пункты, город в целом, место сражения и т. п. Дело происходит «как под славным городом Полтавой», «в каменной Москве», «на Дону во Черкасском городу», «на славном поле Можайском», «что пониже было города Саратова, а повыше было города Царицына» и т. п. Уточнения, детализация редки, они появляются, когда помогают лучше раскрыть идею произведения, охарактеризовать центральный образ. Так, в песне о возвращении князя Василия

Голицына из неудачного Крымского похода перечисляются московские улицы, по которым он едет; это должно показать, что ему стыдно показаться москвичам. Или шведский король перед Полтавской битвой уже заранее расписал, как он разместит свои полки в Москве;⁶ этим подчеркивается его самоуверенность и тем самым оттеняется его поражение. Можно сказать, что трактовка пространства в исторических песнях подчиняется их основной установке на показ общего и их идейному замыслу.

Предания в рассмотренных отношениях отличаются от песен. В них говорится часто о тех же исторических деятелях, порою содержание их связано с событиями, о которых повествуется в песнях, но в преданиях они изображаются не в целом: из событий берутся отдельные эпизоды, происшедшие в данном месте, рассказывается об отдельных случаях (действительных или вымышленных, но таких, какие могли произойти) из жизни исторического персонажа или чем-либо выдающегося местного жителя. Для песни важно общее, для предания — частное. В песнях значительное место занимают внешнеполитические события и конфликты, основная проблематика преданий — социальная.

Центральный образ преданий раскрывается во взаимоотношениях с разными людьми, социальная принадлежность которых всегда четко обозначена. Так, например, в преданиях о Петре I проходит целая галерея представителей разных классов, сословий и профессий его времени, и ко всем отношение у него разное: бояр он заставляет работать, попов и монахов квалифицирует как туеядцев, у хорошего мастера учится мастерству и пр. Также в волжских и уральских преданиях Пугачев помогает крестьянам и рабочим и жестоко расправляется с их угнетателями — помещиками, заводчиками. Отношение исторического персонажа к разным людям служит критерием для его оценки.

В каждом предании его герой показывается с какой-то одной стороны, выделяется отдельная черта его характера, в цикле же преданий о нем, взятом в целом, образ этот предстает более многогранным, чем в исторических песнях. Время действия в преданиях не имеет такого значения, как в песнях. Оно также определяется по персонажу, иногда по важному событию, эпизодом которого является рассказанное, а иногда и неопределенное — когда-то, давно; таких точных датировок, какие иногда встречаются в песнях, в преданиях нет, они воспринимаются как рассказ о прошлом, дата же для них не столь важна.

Место же действия в преданиях указывается очень точно, локализация в них, если можно так выразиться, доведена до последней точки. Называются не город, река и т. д., а определенный дом, в котором останавливался герой предания; церковь, которую он построил; утес на Волге, где располагался стан Разина, камень, на котором он сидел, и пр. Такая точность вызвана тем большим значением, какое место действия играет в преданиях, — оно часто служит доказательством истинности рассказа. Память об историческом деятеле, побывавшем в данном месте, сохраняется в топонимике и материальных объектах; оставленных им вещах, построенных зданиях и пр.

6

Распишу ли вам пространные кварталы
 Да во том ли во Московском государстве.
 Ох, я сам ли, король, встану в Кремле-граде,
 Я драбатов поставлю в Москворечье,
 А (аши) квандронов поставлю по Мясницкой,
 А драгунов полки — по всей Москве.

Исторические песни XVIII в. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971, с. 53.

В преданиях тоже есть свое клише, общие мотивы-сюжеты, посредством которых иногда оформлялось новое историческое содержание. Так, сходные предания рассказывали о том, как были насыпаны разлязичные курганы, но в Нижегородской и Владимирской губерниях их связывали с Грозным, на Волге — с Разиным, на горнозаводском Урале — с Пугачевым, а в Белоруссии их относили ко времени войны с Наполеоном и др. Основная цель, которой служили такие мотивы, — объяснить происхождение отдельных объектов или охарактеризовать исторический персонаж. Вместе с тем в преданиях много не повторяющихся сюжетов и мотивов, которые по большей части имеют узко локальное происхождение. Предания — жанр локальный, песни — общераспространенный, общенациональный.

Как можно видеть, хотя в преданиях и песнях изображается одна и та же историческая действительность, которая берется в одном и том же аспекте, между ними наблюдаются и существенные различия, связанные со спецификой этих жанров. Эти различия не только формальные, стилистические, они появляются в отборе элементов действительности и принципах их художественного оформления, в характеристике образов.

Другие соотношения в рассматриваемом аспекте у преданий с быличками. Они очень близки по характеру повествования. Это жанр несказочной прозы, как правило, короткие, одноэпизодные рассказы, не связанные какими-либо формальными канонами и часто не выделяемые из потока обычной разговорной речи. Своеобразие их стиля и языка зависит от самого информатора, его мастерства, от обстановки, в которой ведется рассказ. И предание, и быличка передаются с установкой на достоверность сообщаемого и воспринимаются слушателями как сообщения о действительных происшествиях. Большое сходство их в этом отношении приводило к тому, что они часто рассматривались как однотипные произведения. И даже исследователи, считающие их разными жанрами, не всегда видят между ними принципиальные различия. Так, Э. В. Померанцева пишет: «Среди жанров, для которых характерна установка на достоверность, есть такие, как, например, былички или легенды, содержание которых по существу отличается крайней фантастичностью. Героями их выступают мифические существа. Однако это не составляет принципиального отличия их от исторических преданий, повествующих о действительных событиях прошлого и реально существовавших людях. Предания, легенды, былички хотя и разные жанры, но по характеру информации они относятся к одному и тому же виду устной прозы».⁷

Между тем характер действительности, изображаемой в этих жанрах (реальная, историческая или вымышленная, фантастическая), является принципиальным отличием преданий и быличек и служит водоразделом между ними как жанрами. Совершенно прав С. Н. Азбелев, когда за основу жанрового разграничения преданий, легенд и быличек берет именно их отношение к действительности.⁸ Оно обуславливает все различия между ними, которые дают основание рассматривать предания и былички как особые фольклорные жанры.

Былички были непосредственно связаны с повседневным бытом. О встречах с нездешней силой не просто рассказывали, но и производили определенные действия: надо было при встрече с ней вести себя определенным образом: перекреститься, прочитать молитву, и т. п.; когда ночью

⁷ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 11.

⁸ См.: Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров). — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, и другие его работы.

наваливался на человека домовой, надо спросить его — к добру или к худу и пр. Случалось, что крестьянин даже продавал лошадь, не полюбившуюся домовому, и покупал другую угодной ему масти. В сущности былички были такой же бытовой информацией, как и сообщения о любой встрече или местном происшествии. Выделяет их и дает основание рассматривать как фольклорные произведения необычность, вымышленность их содержания и, что особенно существенно, — стабильность изображаемых в них ситуаций и образов, которые повторяются в многочисленных вариациях.

Воплощением фантастического начала в быличках служат их основные персонажи, действие же происходит в реальной, будничной обстановке. Именно характер центральных образов определяет коренное различие быличек и преданий. Герои преданий, как уже говорилось, реальные, часто действительно существовавшие люди, которые показываются в социальном аспекте. Это личности, как правило, выдающиеся, но выделяются они благодаря своим личным качествам, роли в истории, в местной жизни; при всех обстоятельствах они остаются реальными людьми, представителями своей среды.

Мифологические персонажи быличек необычны по своей природе, они не люди, а представители другого, сверхъестественного, мира. Как таковые они вневременны, внеисторичны и социально неопределенны. Образы эти стабильны, они не развиваются, не изменяются под воздействием времени и обстоятельств. Облик и поведение каждого из персонажей были известны всем слушающим быличку. Они знали, что, например, домовый обычно появляется в виде хозяина дома (или старика), иногда в виде какой-то зверюшки; леший высокий, выше деревьев, но может стать и маленьким, вровень с травой, появляется он и в виде обычного человека, только одежда на нем застегнута справа налево, как у женщин, и т. п. Поэтому наружность появившегося персонажа подробно не описывается, сообщаются лишь характерные приметы, по которым сразу можно определить, кто это. Приметы эти в разных местах могли варьироваться. Облик мифологических персонажей имеет локальные особенности, но всегда они появлялись такими, какими их представляли в данной местности.

«Герои» быличек могут оставаться невидимыми и проявлять себя только действиями. Поведение их также стабильно и характеризует каждого из них еще больше, чем наружность. Леший выдает себя прежде всего хохотом и свистом, его любимая «шутка» — заставить путника сбиться с пути, завести его в чащу, в болото. Домовой гладит, щекочет, наваливается ночью на спящего, стонет перед несчастьем, холит или мучает лошадь и т. п.

Встреча с мифологическим персонажем является центром произведения, ради него рассказ и ведется. Вместе с ним в быличке обязательно выступает обыкновенный человек, которому довелось встретиться со сверхъестественным существом. Человек этот обычно хорошо известен слушателям (им может быть и сам рассказчик). Всегда называют имя того, с кем все это случилось; делается это для большей убедительности в достоверности рассказа. Характер же этого лица, его положение, возраст и пр. не имеют значения, он нужен лишь для того, чтобы дать возможность проявить себя мифологическому персонажу. Известное значение имеет лишь поведение человека в момент встречи; от того, как быстро он ориентируется, знает ли он приемы, которыми можно оградить себя от нечистой силы, и сумеет ли во время применить их, может зависеть исход встречи, иногда трагический.

Точная локализация места действия, столь важная для преданий, для быличек не имеет такого значения. Место действия в них может обозна-

чатся более широко, не так определено. Смысл его другой, нежели в преданиях. Место действия в быличках служит своего рода индикатором их персонажа, обозначает его владения. Так, если рассказ начинается с того, что кто-то вечером шел лесом, то ясно, что дальше речь пойдет о лешем. Домовой может хозяйничать в каждой избе, но за пределы ее и двора ему хода нет, водяной живет в своем омуте. Если место происхождения уточняется, то делается это прежде всего для того, чтобы предостеречь, каких мест надо опасаться, где чаще всего появляются лешие и водяные.

В преданиях и быличках разное время действия. В преданиях всегда рассказывается о прошлом — сравнительно недавнем или очень отдаленном, это «дела минувших дней». Отсюда ссылки на стариков, дедов и прадедов как одна из основных особенностей жанра преданий. Действие в преданиях закончено, оно не имеет продолжения и не повторяется. В быличке повествуется о сегодняшнем дне. Случай, который в них описывается, мог произойти недавно, вчера, сегодня; подобное может произойти и в будущем. Действие в быличках не закончено, создается цепь аналогичных случаев, встреч с «нездешними» персонажами.⁹

Разное время действия вызывает разную форму повествования. Быличка чаще меморат, ее рассказывают или сам «очевидец», или с его слов, со ссылками на него. Отрыв рассказа от участника события, переход в фабулат означает и переход произведения в другой жанр: бывальщину, легенду, сказку или анекдот, когда вера в рассказываемое уже утрачена и происшествие объясняется как ошибка (померещилось со страху, принял за домового или лешего живого человека, какой-то предмет и т. п.) или обман.

Предание всегда фабулат, хотя фабула может быть не развернута, иногда только намечается. Основной его может послужить воспоминание, но собственно преданием оно становится только тогда, когда утратит связь с очевидцем, участником события и будет передаваться как общеизвестное и общезначимое, т. е. когда из мемората перейдет в фабулат, в хронику.

Есть различия и в композиции рассказов. Предания одноплановы, в них последовательно излагается ход события или дается краткая информация о нем. В быличках совмещаются два плана — реальный и ирреальный, представитель иного мира вторгается в обыденную жизнь, нарушает ее последовательное течение. Рассказ начинается с простого, повседневно: человек занимался каким-то обычным делом в избе или на дворе, шел по своим делам лесом, берегом реки и внезапно увидел, услышал или почувствовал что-то необычное. Фантастическое нередко и вводится в повествование словом «вдруг» — рассказчик ехал лесом и «вдруг увидел большущего мужчину, который захохотал на весь лес и пропал»,¹⁰ и т. п.

Как можно видеть, жанровые различия между преданиями и быличками достаточно значительны и идут по разным важным параметрам. Основа этих различий — характер центральных персонажей, который определяет все остальное.

⁹ Это различие достаточно существенно, и, например, К. В. Чистов выделяет легенды как особый вид народной устной прозы на основании того, что в них, подобно быличкам, действие воспринимается как продолжающееся. «В настоящей книге, — пишет он, — термин „легенда“ применяется в приложении к устным народным рассказам социально-утопического характера, повествующих о событиях или явлениях, которые воспринимались исполнителями как продолжающиеся в современности» (Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 6).

¹⁰ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи. . . , с. 35.

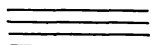
НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРЕДАНИЯМИ И БЫЛИЧКАМИ

	Предания	Былички
Основные персонажи и приемы их характеристики.	Реальные лица (часто действительно существовавшие), изображаемые в социальном аспекте. Образы раскрываются в действии и во взаимоотношениях с представителями разных социальных слоев.	Фантастические (мифологические), существующие вне времени. Образы стабильны, известны заранее и описываются согласно сложившимся представлениям; в ходе действия не развиваются.
Место действия.	Точная локализация, которая служит доказательством истинности рассказа. Происшествие часто объясняет местное название.	Место определяет область «владений» мифологического персонажа, с которым довелось встретиться. Точная локализация не обязательна.
Время действия.	Прошлое, может быть очень отдаленное. Действие закончено, не продолжается и не повторяется.	Настоящее или недавнее прошлое. Возможно повторение аналогичных случаев в будущем.
Форма построения изложения.	Фабулат, хроника. Изложение последовательное.	Меморат. Совмещаются два плана — реальный и ирреальный; последний неожиданно вторгается в повседневную жизнь, временно прерывает ее последовательное течение.

Все изложенное выше дает основание рассматривать предания и былички как разные жанры, которым присущи свои специфические особенности.

Основная функция как преданий, так и быличек была информативная, но благодаря различному содержанию они по-разному воспринимались и оказывали воздействие на аудиторию. Предания, сохраняя память о важных страницах истории Родины, своего края и села, возбуждали интерес к прошлому, воспитывали патриотизм, гордость за свою страну и своих предков. Былички же поддерживали возникшую в далеком прошлом веру в сверхъестественные существа, являвшиеся первоначально повелителями стихий и хранителями домашнего очага.

Как можно видеть из сделанных сопоставлений, одни и те же стороны действительности могут изображаться в разных по художественным особенностям жанрах. При этом жанровая специфика влияет в какой-то мере на отбор из действительности отдельных фактов и особенно на способы их изображения. Но эти различия, иногда достаточно существенные, не являются принципиальными и не могут служить основой для разграничения и характеристики жанров. Напротив, диаметрально противоположное отношение к действительности близких по своей специфике жанров приводит к принципиальным различиям между ними, которые могут и должны служить критерием для разграничения этих жанров.

Н. А. КРИНИЧНАЯ

ПРЕДАНИЯ ОБ АБОРИГЕНАХ КРАЯ

(К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЗМЕ
РАННЕИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ)

Поскольку отправной точкой нашего исследования служат фольклорные материалы, собранные на Русском Севере, то при рассмотрении цикла преданий об аборигенах края в центре нашего внимания оказываются бытующие здесь предания о чуди, известные, впрочем, и в других регионах — на Урале и в Сибири, куда они, по мнению исследователей, были занесены по мере колонизации этих земель и прикреплены к различным народностям, жившим здесь до прихода русских.¹ Предания о чуди известны и у других народов Севера — у саамов, коми.

Об этнической принадлежности чуди существует свыше полутора десятков различных точек зрения, как взаимоисключающих, так и близких друг к другу.² Не менее сложным оказался и вопрос о происхождении этнонима «чудь».³ Вполне естественно, что в русле данных проблем изучению в первую очередь подвергаются различного рода реалии материальной и духовной культуры, а также ареалы бытования преданий среди различных народов и этнических групп.

Наша первоочередная задача заключается в выявлении структурного состава преданий о чуди, трансформации мотивов и образов в процессе различных этапов бытования этих произведений, в определении характера раннеисторических воззрений и соотношения последних с историческими представлениями в собственном смысле слова, в выяснении специфики отношения названных преданий к действительности.

Специфика оформления преданий о чуди на разных этапах становления, по нашему мнению, обуславливается в значительной мере общим состоянием всей поэтической системы, господствующей в тот или иной период. В связи с этим для раскрытия древнейших преданий о чуди, которые отличаются эпическим обобщенным, во многом мифологическим характером изображения, требуется совершенно иной «ключ», чем тот, которым мы пользуемся, когда речь идет о более поздних произведениях, связанных с уже иной поэтической системой, тяготеющей в большей или меньшей степени к установке на конкретную историческую действительность.

Предания о чуди в момент своего становления в определенной степени вобрали в себя круг представлений, который сложился еще до появления этих произведений. В системе преданий о чуди могли оказаться та-

¹ См., например: Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974, с. 47—49.

² Агеева Р. А. Об этнониме «чудь» (чухна, чухарь). — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 195—197.

³ Там же, с. 194.

кие детали и образы, которые впоследствии вообще выпали из поэтической системы народной исторической прозы и в дальнейшем развивались уже в рамках иных жанров.

Мы исходим из того, что предания о чуди находятся в типологическом ряду преданий об аборигенах края. Многие образы, коллизии, реалии, которые подчас приписываются исключительно преданиям о чуди, занимают определенное место в типологическом ряду аналогичных образов, коллизий, реалий, известных нам по народной сказочной прозе, принадлежащей другим народам.

Итак, обратимся к конкретному рассмотрению мотивов, из которых состоят предания об аборигенах края.

Пребывание аборигенов в конкретной местности. Топография жительства чуди определяется в преданиях с позиций населения, которое отделяет себя от чуди и нередко противопоставляет себя ей. В целом ряде преданий указываются конкретные координаты бывшего местонахождения чуди; подобные данные приводятся в соответствии с административным делением, которое существовало в момент записи преданий, произведенной преимущественно в XIX в. Сообщения преданий о конкретном месте жительства чуди не имеют сколько-нибудь устойчивой формулы: обычно это «слухи», достоверность которых подтверждается лишь указанием на общую распространенность существующего мнения или ссылкой на авторитет предшествующих рассказчиков, от которых было воспринято предание и которые — соответственно своему возрасту или времени жизни — оказывались значительно ближе к описываемым событиям.

Каждое из преданий, повествующих о пребывании аборигенов в конкретной местности, локально ограничено, замкнуто во времени, т. е. имеет определенные пространственно-временные рамки, причем замкнутый мир одного предания о чуди не соотносится с аналогичным миром других преданий. Существующая между ними имманентная связь обычно видна лишь для исследователя, для рассказчика она менее заметна или же вообще не ощущается.

Чудь в преданиях — прежде всего аборигены края, впоследствии заселенного иным по своему этническому происхождению народом (в данном случае — славянами), в результате чего новые поселенцы оказываются в непосредственных контактах с чудью. По свидетельству этнографов, первые контакты славян с чудью относятся к IX в.⁴ Приблизительно к этому же времени следует отнести становление и формирование первых преданий о чуди. Какую форму первоначально имел рассматриваемый нами мотив пребывания чуди в той или иной местности? Из каких элементов он состоял? Ответить на поставленные вопросы, опираясь исключительно на русские материалы, невозможно, поскольку в русском фольклоре этот мотив сохранился лишь в «свернутом» виде. Содержание интересующего нас мотива или отдельных его элементов можно в известном смысле реконструировать благодаря привлечению архаических преданий, которые принадлежат народам Сибири и Крайнего Севера. Судя по этим произведениям, контакты аборигенов с новыми поселенцами с самого начала приобретают характер, так сказать, хозяйственных и matrimониальных отношений, выраженных в той или иной форме.

В преданиях обычно подчеркиваются случайность, неожиданность, эпизодичность этих устанавливающихся связей. Встреча, как правило, происходит на рыбных или охотничьих промыслах, что соответствует нашим представлениям о древнейших занятиях, которые на определенном этапе

⁴ Пяменов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965, с. 148.

общественного развития составляют основу хозяйственной деятельности у разных народов. Однако в преданиях подчеркивается не столько сходство, сколько различие в роде занятий и в материальной культуре аборигенов по сравнению с хозяйственным укладом пришельцев. В качестве примера можно привести одно из нганасанских преданий: «банка» (так называют нганасаны аборигенов Таймыра) замечает пришедших на рыбный промысел неизвестных ему людей — нганасан; после их ухода он приближается к чумищу нганасан; там он с удивлением рассматривает рыбы кости, оставленные после еды: «Парень банка увидел эти кости и сказал: „Это какого животного спина? Какая интересная! Мы не знаем таких“». ⁵

Иногда остранение аборигенов достигает в преданиях большего эффекта. Так, в эвенкийских преданиях об аборигенах, живших в енисейской тайге до прихода тунгусоязычных групп, повествуется о некоторых «странностях» в охотничьем и рыбном промысле «захребетных жителей»: «Эти люди» поймают арканом зверя и с живого чулкам сдирают шкуру. Брали они только шкуру, зверя пускали голого... Ловили они удочкой рыбу. Поймают рыбу и едят сырую. Съев, «остатки» бросают в стрежень реки со словами: „Рыба, рыбой стань!“». ⁶ Подобный элемент предания довольно устойчив: он известен также в фольклоре долганов и оленекских якутов. ⁷ Суть остранения аборигенов пришельцами, на наш взгляд, заключается в мифологическом осмыслении мифологических же по своей природе действий, обусловленных определенными языческими представлениями аборигенов.

Рассматриваемый мотив приобретает мифологическую окраску даже в тех преданиях, которые, казалось бы, выдержаны в сугубо бытовом плане. Например, в отдельных якутских преданиях повествуется о краже оленей, предметов бытового назначения, продовольствия. Кража обычно приписывается аборигенам и в данном случае — потомкам легендарного племени хара сагыл, или «ставших ветром»: «Эта шаманка тем жила и питалась, что силою волшебства у проезжающих путников похищала на расстоянии вьюки и еду». ⁸

В мифологическом плане выдержан и типичный для ранних преданий конфликт матримониального характера. Похищение аборигеном-«сучунаа» якутской девушки расценивается в предании ⁹ примерно так же, как похищение героини чудовищем в сказке. И так же, как в сказке, похититель расплачивается за свое вероломство жизнью.

В последующих преданиях речь идет уже об установлении непосредственных и более определенных контактов пришельцев с аборигенами, и прежде всего на промыслах. Так, в якутском предании абориген-«сучунаа» повреждает себе на охоте ногу; он обращается за помощью к тунгусам; те излечивают раненого «сучунаа». ¹⁰ В нганасанском предании изображена встреча аборигена и тунгуса во время сильной пурги, когда оба охотника находятся вдали от своих чумов; каждый из них пугается другого, и все же каждый из них в конечном итоге оказывает другому услугу. ¹¹

⁵ Мифологические сказки и исторические предания нганасан. Запись и подготовка текстов, введение и комментарии Б. О. Долгих. М., 1976, с. 149.

⁶ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.—Л., 1966, с. 316, 369.

⁷ Там же, с. 369.

⁸ Исторические предания и рассказы якутов, т. I. Издание подготовил Г. У. Эргис. М.—Л., 1960, с. 93.

⁹ Там же, с. 115—116.

¹⁰ Там же, с. 117.

¹¹ Мифологические сказки и исторические предания нганасан, с. 150.

По мере укрепления контактов между аборигенами и пришельцами мифологические представления о природе их отношений все более уступают место конкретно-эмпирическому восприятию действительности. Заметно идет на убыль или же вообще исчезает конфликт матримониального характера. В одном из якутских преданий повествуется, к примеру, о том, как старик «доехал до людей», ранее ему неизвестных, и «там он женил своего сына».¹²

Однако окончательному угасанию мифологических элементов в обрисовке ситуаций и коллизий в какой-то мере препятствует мифологическая в своих истоках трактовка центральных персонажей указанных преданий, т. е. самих аборигенов края.

Следует отметить, что рудименты архаических представлений об аборигенном населении сохранились в русских преданиях о чуди. Но сами эти представления далеко не однозначны, они в сущности заключают в себе совокупность понятий, характерных для мышления древнего человека. Именно в силу специфического способа видения древние аборигены края зачастую изображаются в преданиях великанами. При описании внешности аборигенов в русских преданиях используется, как правило, метонимический прием изображения. Благодаря ему необычайно высокий рост чуди угадывается по описанию огромных «чудских» костей, якобы находимых в древних захоронениях: «Большие — как и нечеловеческие — такие большие кости».¹³ Данный элемент предания довольно устойчив, поскольку аналогичная деталь содержится и в саратовских преданиях, повествующих о нахождении костей великанов — «мамаев».¹⁴ В уральских преданиях о могучем телосложении чуди говорится более определенно: «Последний народ воображает необыкновенных ростом, силою и дородством тела».¹⁵ То же самое известно по коми-пермяцким преданиям о чуди и, в частности, о Пере-богатыре.¹⁶

Образ чуди в указанной интерпретации занимает свое место в типологическом ряду образов аборигенов края, представленных в преданиях других народов. В библейских сказаниях сообщается как о достоверном факте, что до прихода израильтян на территорию Палестины здесь жил древний народ «анак» — великаны.¹⁷ В узбекских преданиях в качестве аборигенного населения назван древний богатырский народ «аймаки».¹⁸ Аналогичная картина возникает из белорусских полевых материалов, судя по которым «первые люди были такими великанами, что современники с трудом могут представить себе величину их роста».¹⁹ Мифологический слой в образе аборигенов края со всей очевидностью проявляется и в фольклоре народов Сибири и Крайнего Севера. Известный нам по якутским пре-

¹² Исторические предания и рассказы якутов, т. I, с. 114.

¹³ Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 74 (далее: АКФ).

¹⁴ Архив ВГО, XXXVI. 16, л. 1. (Леопольдов А. Предания); Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 34.

¹⁵ Зырянов А. Несколько слов о курганах в Шадринском округе Пермской губернии. — Архив РГО, ф. 29, оп. 1, ед. хр. 34, л. 3 и 3 об.; Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора, с. 57.

¹⁶ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975, с. 97—98.

¹⁷ Библия. Книга чисел, 13, 22, 23, 28 и др.; Розенфельд А. З. Великаны в таджикском фольклоре и топонимике. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1977, с. 96.

¹⁸ Кармышева Б. Х. Трансформация термина аймак в юго-западных областях Узбекистана. — В кн.: Бартольдские чтения 18—20 марта 1974 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1974, с. 34.

¹⁹ Простонародные приметы и поверья, северные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской Белоруссии Н. А. Никифоровский. Витебск, 1897, с. 300.

дания абориген «сучунаа» — «человек ростом с лиственницу», «существо с полуметровой ступней».²⁰

Однако, судя по преданиям, необычность облика аборигенов отнюдь не исчерпывается высоким ростом и могучим телосложением. Их образы наделяются и другими не менее фантастическими, с нашей точки зрения, признаками. Например, о том же «сучунаа» в якутских преданиях говорится: «Издали он походил на человека, но был с одной ногой, с единственной рукой, с одним глазом. . .».²¹ Заслуживает внимания тот факт, что и чудь в ряде уральских преданий оказывается одноногой;²² «передвигались так, что схватятся за руку двое — и пошли».²³ А такая деталь в образе аборигенов края, как одноглазость, имеет множество параллелей во всем мировом фольклоре. Вспомним хотя бы гомеровского циклопа, встреченного Одиссеем во время странствий, или одноглазых аримаспов, о которых со слов «исседонов» — аборигенов Западной Сибири сообщает еще легендарный древнегреческий автор Аристей.²⁴ Одноглазость, приписываемая сицилийским циклопам и сибирским аримаспам, обнаруживается, по Плинию, и у вождя нигроев (Африка): «. . . вождь имеет только один глаз на лбу»²⁵ и т. д.

Говоря об одноглазых аборигенах края, мы должны констатировать, что подобное качество отнюдь не приписывается чуди. Однако необычность ее глаз всячески подчеркивается в преданиях: эпитет «белоглазая» устойчиво закреплен за этнонимом «чудь». Следует отметить, что в ненецких эпических песнях имя Сэв Сэр, что означает «белоглазый», носит один из героев, а также один из родов, известный только фольклору.²⁶ Значит, подобный эпитет принадлежит не только образу чуди; он может относиться и к образам других аборигенов края, также наделенных высоким ростом: «Хотя это и женщина, но она очень большая ростом»,²⁷ — говорится в ненецкой эпической песне о героине из рода Сэв Сэр.

На наш взгляд, «белоглазость» чуди и одноглазость других аборигенов — явления одного типологического ряда: и то и другое обусловлено определенными мифологическими воззрениями пришельцев на неведомых им аборигенов края, а также существующей, но вряд ли осознаваемой потребностью очуждения первыми последних. Правда, это наше утверждение противоречит мнению этнографов, которые при выяснении вопроса об этнической принадлежности чуди усматривают в эпитете «белоглазый» ее антропологическую характеристику и, в частности, прямое указание на слабую пигментацию глаз.²⁸

Помимо таких признаков, как высокий рост, необычность глаз, чудь предстает еще и в качестве антропофагов: «Древнейшие жители сего края — поганые сыроды и белоглазая чудь, кои, приходя в пределы белозерские, делали великие опустошения: пожигали селения, младенцев и отроков пожирали (курсив мой, — Н. К.), взрослых и престарелых раз-

²⁰ Исторические предания и рассказы якутов, т. I, с. 117.

²¹ Там же, с. 115.

²² Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора, с. 63.

²³ Фольклор Урала. Народная проза. Свердловск, 1976, с. 45.

²⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — Вестник древней истории, 1947, № 1, с. 298; Хенниг Р. Неведомые земли, т. I. М., 1961, с. 91.

²⁵ Plinius G. Naturalis historiae. Libri 37, v. I—VI. Lipsiae, 1870—1898, v. II, s. 75; v. VI, s. 30, 183, 194; Хенниг Р. Неведомые земли, т. I, с. 251.

²⁶ Эпические песни ненцев. Сост. З. Н. Куприянова. М., 1965, с. 745.

²⁷ Там же, с. 337.

²⁸ Пименов В. В. Вепсы, с. 153.

нообразно умерщвляли...».²⁹ Подобная характеристика чуди, сохраненная в наиболее ранней записи (это предание в XVIII в. было заимствовано из «рукописной тетрадки» академиком П. Б. Иноходцевым), оказывается чрезвычайно устойчивой, поскольку она присутствует и в преданиях, записанных уже в XIX в.: «Чудь... проходя здесь, народ поедала (курсив мой, — Н. К.), а имущество грабила...».³⁰

Эти разрозненные в рамках цикла преданий о чуди детали обретают характер устойчивого признака при сравнительно-типологическом изучении подобных произведений. Следует вспомнить хотя бы упоминаемого выше «сучунаа», который, по словам преданий, «охотился за дикими и домашними оленями и гонялся за людьми...».³¹ В этом же ряду находятся и образы различных племен, которые якобы жили на территории современной Эфиопии и которые в русле воззрений своей эпохи были охарактеризованы древнеримским ученым Плинием: «... на западе живут... агриофаги, которые питаются преимущественно мясом львов и пантер; памфаги, которые все едят; антропофаги, питающиеся человеческим мясом...».³² И наконец, в этот же типологический ряд может быть поставлен и образ циклопа Полифема, которого Одиссей упрекает в людоедстве: «Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших, зверски сожрать...».³³

Итак, по мере сравнительно-типологического сопоставления фольклорных материалов выясняется, что высоким ростом, необычностью глаз, канибализмом и прочими особенностями наделяются самые различные аборигены, если иметь в виду наиболее архаический слой этих образов. Но именно названными качествами обладают и великаны — собственно мифологические персонажи фольклора. Следовательно, напрашивается вывод об известном генетическом родстве образов аборигенов края с образами великанов, а через них — об известном синкретизме преданий с мифологическими произведениями в начальный период становления народной исторической прозы.

Гиперболизированное изображение аборигенов наиболее характерно именно для севернорусских преданий о чуди. Однако в фольклоре других народов образ аборигенов нередко получает диаметрально противоположную интерпретацию и предстает, так сказать, в литотном оформлении. В этой связи особый интерес вызывают сообщения древних путешественников, из которых следует, что население тех или иных неведомых земель (в Западной Африке, Индии, Китае) составляют пигмеи,³⁴ причем мы имеем в виду те сообщения, которые делаются без каких-либо видимых оснований.

Элементы литотного изображения наблюдаются и в одной из разновидностей коми-пермяцких преданий о чуди: «Чуди были маленькими, черными, жили в небольших домиках...».³⁵ Исключительно «малорослым народом»³⁶ изображены аборигены в самодийских преданиях о сихиртя, (сииртя, сиртя): «Давным-давно, когда наших людей здесь не было, тут

²⁹ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым, ч. III. М., 1804, стб. 330—331.

³⁰ Олонецкие губернские ведомости, 1885, № 67, с. 603 (далее: ОГВ).

³¹ Исторические предания и рассказы якутов, ч. I, с. 115.

³² Plinius C. Naturalis historiae, v. II, s. 75; v. VI, s. 30, 183, 194; Хенниг Р. Неведомые земли, т. I, с. 251—252.

³³ Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967, с. 525.

³⁴ Хенниг Р. Неведомые земли, т. I, с. 362.

³⁵ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль, с. 93.

³⁶ Хомич Л. В. Ненецкие предания о сихиртя. — В сб.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 60.

жили сииртя — маленького роста люди...».³⁷ Однако и этой интерпретацией образ аборигенов не исчерпывается.

Персонажи архаических преданий об аборигенах края могут образовывать и тератологический ряд, приобретаая зооморфный или зоантропоморфный облик. Генетическими истоками подобных образов являются тотемистические представления. В древнейших описаниях неведомых земель постоянно фигурируют «люди» с явно выраженными тератоморфными признаками или с присущей им способностью к перевоплощению.

И подобные слухи кажутся правдоподобными и не вызывают сомнений даже в самой образованной среде. Как констатирует проф. В. К. Никольский, «средневековые географы и хронисты в своих описаниях чужих стран и народов воскресили самые нелепые рассказы, возникшие еще в древности. Средневековые ученые всерьез принимали всякие фантазии о собакоголовых людях, или киноцефалах, об однобедренных,³⁸ или тененогих, прикрывающихся ступнями от солнца, о фанезийцах, закутывающихся в свои громадные уши, как в одеяла, о безголовых, или ацефалах, об амазонках и т. п.».³⁹

Так, пометки Микоеля Агриколы (первая половина XVI в.), сделанные им в латиноязычном сочинении Йохима Вадинауса, свидетельствуют о том, что его «воображение явно было заинтриговано рассказами о существах с собачьими головами, о карликах высотой с локоть...».⁴⁰ А путешественник Жак Садэр, который в конце XVII в. побывал на мысе Доброй Надежды, прямо объявил кафров помесью людей и тигров.⁴¹ И даже в трудах иезуита Жозефа Лафито (1670—1740 гг.) — этнографа, родоначальника сравнительного метода изучения сходных явлений — удерживается «еще немало нелепостей вроде мифа о живущих в северной части Южной Америки племенах, у которых нет головы, а лицо помещается на груди...».⁴²

И только в силу дальнейшего развития естественнонаучных знаний человеческая мысль постепенно высвобождается от мифологических представлений о мире и, в частности, о тех или иных аборигенах. Однако в преданиях рудименты прежних воззрений сохраняются вплоть до наших дней.

К их числу относится и осмысление реальных аборигенов края в качестве неких потусторонних сил, не утративших, однако, связи с миром земным. Такими в известном смысле потусторонними жителями изображаются в ненецких преданиях сихиртя,⁴³ в коми-пермяцких — чуды.⁴⁴ Элементы представлений о невидимом присутствии древних аборигенов сохранены и в русских преданиях о чуди: «Чудь там (на Новой Земле, — Н. К.) жила. Она от потопа осталась. Да и теперь еще проживает, только от человеческих глаз скрывается. Слышно, когда кричит, слышно, когда ее собаки лают. Только увидеть ее трудно...». И далее: «Как наступили потемки среди зимы, стали мы замечать: кто-то ровно ходит, осторожно ходит по палубе. Медведь? А следов нет. Для песка

³⁷ Васильев В. И. Сииртя — легенда или реальность? — Советская этнография, 1970, № 1, с. 151.

³⁸ Ср. с русскими преданиями об одноногой чуди или якутскими — об одноногом «сучунаа» (с. 49).

³⁹ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, предисловие В. К. Никольского, с. VII.

⁴⁰ Карху Э. Г. От рун — к роману. Петрозаводск, 1978, с. 62.

⁴¹ Тэйлор Э. Первобытная культура, предисловие В. К. Никольского, с. IX.

⁴² Там же, с. VIII.

⁴³ Хомич Л. В. Ненецкие предания о сихиртя, с. 64—65.

⁴⁴ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль, с. 107—113.

больно тяжело. Снег поскрипывает, как будто человек ходит...».⁴⁵ Кстати, представление поморов о том, что «чудь скрылась от новгородцев на Новую Землю и ныне там пребывает»,⁴⁶ сохраняется в преданиях до сих пор, о чем подробнее будет сказано ниже.

Итак, образы реальных аборигенов края причудливо сочетаются с различными мифологическими персонажами, каковыми оказываются великаны, пигмеи, тератоморфные существа и, наконец, потусторонние силы. Эти, казалось бы, несовместимые пласты фольклора образуют прочное единство в рамках синкретического образа аборигенов края, причем каждый из указанных пластов может занимать то центральное, то периферийное положение в системе образа. Зачастую мифологический по своим внешним признакам персонаж оказывается по сути дела в реальной ситуации, и, наоборот, изображенный в реальных очертаниях герой нередко наделяется мифологическими по своей природе действиями.

На наш взгляд, различные представления об аборигенах края в известной мере обусловлены: 1) реальным положением аборигенов на конкретной территории; 2) определенным уровнем сознания пришельцев, в среде которых возникают интересующие нас предания; 3) общим состоянием поэтической системы, в основе своей соответствующей этому мировосприятию или оказывающейся еще более консервативной. Могущественные и представляющие угрозу для пришельцев великаны; слабые, хотя и многочисленные, пигмеи и, наконец, прячущиеся под землю, избегающие «верхних»⁴⁷ людей существа — это, по-видимому, различные ступени в отражении реального положения аборигенов, в восприятии их пришельцами, в самом образе, который служит объектом нашего рассмотрения.

Предания об аборигенах впитали в себя элементы и образы, которыми уже наготово обладала поэтическая (и в данном случае прежде всего мифологическая) система в момент формирования преданий об аборигенах или даже до становления этих произведений. По мере нарастания исторического сознания, пробивающего себе путь сквозь марево мифологических представлений, соответствующие им образы и детали постепенно отпочковываются от преданий об аборигенах края и закрепляются по преимуществу за быличками и сказками. Однако в качестве рудиментов рассматриваемые мифологические представления еще долго удерживаются в этих преданиях (и, в частности, в преданиях о чуди) благодаря присущей для них тенденции к острашению, или, пользуясь терминологией Б. Брехта, к «эффекту оуждения» аборигенных жителей. «Эффект оуждения» достигается за счет утраты образом того, что «само собой разумеется, знакомо, очевидно». Потребность наделить туземное население какими-то необычными, специфическими качествами остается в силе и тогда, когда целый ряд архаических представлений об аборигенах края навсегда теряет под собой почву.⁴⁸

Нападение аборигенов на позднейших поселенцев. По своему содержанию этот мотив может быть связан с предшествующим, но может существовать и независимо от него. Характер же конфликта, выраженного в рассматриваемом мотиве, определяется прежде всего сущностью образа аборигенов края и в данном случае чуди. Этот образ, изученный нами

⁴⁵ Покровская А. К. К Новой Земле. М., 1933, с. 9.

⁴⁶ Архангельские губернские ведомости, 1868, № 91.

⁴⁷ Хомич Л. В. Ненецкие предания о сихиртя, с. 64.

⁴⁸ Можно выдвинуть гипотезу, что и карельские сказки о киндасовцах порождены в процессе становления ранних контактов между двумя различными по своему этническому происхождению популяциями и что оуждение, острашение одной из них со стороны другой привело к развитию сказочных сюжетов.

преимущественно в рамках мотива пребывания аборигенов в конкретной местности, фактически принадлежит и мотиву нападения аборигенов на позднейших поселенцев. Однако в системе последнего указанный образ приобретает дополнительные черты. Если выше мы отмечали, что образ чуди в значительной степени возникает на основе мифологических образов — великанов, тератоморфных существ и пр., то теперь мы должны добавить, что на этот синкретический образ позднее, в процессе продолжительного бытования преданий о чуди, наслаивается и образ внешнего врага, нападающего на мирных жителей. Преимущественно в последней интерпретации выдержан образ чуди в саамских преданиях.⁴⁹

Многослойному образу чуди в преданиях соответствует определенного рода конфликт, который также, естественно, является сложным по своей структуре и диахронным по происхождению: 1) древнейший его пласт — конфликт мифологических существ и людей; 2) последующий пласт — это конфликт аборигенов с пришельцами (о некоторых бытовых формах проявлений указанного конфликта нам уже довелось сказать выше); 3) и, наконец, очередной пласт — это нападение внешних врагов на мирных жителей, занимающий значительное место в цикле преданий о борьбе с внешними врагами. Однако и цикл преданий о борьбе с внешними врагами сложился в свою очередь на основе сказаний о межродовых и межплеменных конфликтах — такими произведениями изобилует, к примеру, фольклор народов Сибири и Крайнего Севера. В результате мы можем констатировать, что в преданиях о чуди содержится синкретический по своей природе конфликт, в котором один из указанных слоев в каждом конкретном случае превалирует над другими. Соответственно колеблется и оформление мотива нападения аборигенов на позднейших колонистов: от эпически обобщенного описания нашествий мифической чуди до отдельных элементов конкретно-исторического изображения набегов внешних врагов на мирное население. В этой связи можно сравнить вышеприведенные цитации об агрессивных нападениях чуди-антропофагов на каргопольские земли с фрагментами из поздних преданий об осаде Каргополя чудью. Например: «Мой отец говорил, что наступала белоглазая чудь на город, который за валушками находился, — город Каргополь... и вот они приходили сюда завоевать вот этот городок...».⁵⁰ С одной стороны, мы вслед за специалистами в области исторических дисциплин можем утверждать, что в подобных преданиях все же нашли преломление факты военных столкновений чуди с феодальными русскими отрядами, вызванные восстаниями аборигенного населения «против даней, захвата земель и угодий, против христианизации».⁵¹ С другой стороны, мы должны непременно учитывать то обстоятельство, что на «слухи» о давних нападениях аборигенов наслаивались более поздние воспоминания об осаде Каргополя польско-литовскими интервентами в эпоху Смутного времени, в 1612 г.

Однако не следует забывать, что тенденция к конкретно-историческому изображению событий окончательно утверждается лишь к XVI в., поскольку именно к этому периоду относится расцвет исторической песни, которым в сущности знаменуется победа новых принципов отношения фольклора к действительности. И все же с утверждением нового способа изображения событий предания о чуди отнюдь не насыщаются конкрет-

⁴⁹ Керт Г. М. Образцы саамской речи. М.—Л., 1961, с. 7.

⁵⁰ АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 2; Фонотека Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, 1372/1 (первая цифра обозначает номер кассеты, вторая — номер текста в кассете. Далее: Фонотека).

⁵¹ Лашук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная. — Вопросы истории. 1969, № 10, с. 212.

ными фактами: доступ живого материала в предание ограничивается как определенными рамками жанра, и прежде всего установившейся в системе этого жанра традицией, так и реальными условиями бытования преданий о чуди. Дело в том, что в основном своем составе предания о чуди сложились задолго до победы конкретно-исторического способа освоения действительности (тогда же сложилась и определенная традиция в системе рассматриваемых преданий) и реальные факты действительности в подавляющем своем большинстве оказались пропущенными сквозь призму мифологических представлений. С победой же нового способа изображения действительности предания о чуди также не могли в достаточной степени опереться на живой материал, но уже по другим причинам: к этому времени конкретные факты, касающиеся древних аборигенов края, были в значительной мере утрачены. Дело в том, что именно «в XVI—XVII вв. чужд начинает катастрофически исчезать... Документы XVI—XVII вв. если и упоминают о чем-либо „чуждом“, то как об объектах заброшенных или перешедших в руки новых владельцев».⁵² Кроме того, проникновению в предание уцелевших фактов в известной степени препятствовали упоминаемые выше рамки жанра, возможности сложившейся традиции. В результате в отношении преданий о чуди наблюдается следующая ситуация: вначале имелся обильный материал, но не возник еще способ исторического в собственном смысле этого слова освоения действительности. С течением же времени, наоборот, возник способ конкретно-исторического изображения действительности, зато исчезли факты, которые могли быть до некоторой степени (в рамках возможностей жанра) освоены на новом уровне исторического сознания. Вот почему долю реальности, конкретности изображения, прямого освещения фактов в преданиях об аборигенах края не следует преувеличивать.

Взятые в своей совокупности сообщения преданий о пребывании чуди на данной территории или указания на определенные контакты аборигенов с позднейшими поселенцами приобретают характер обобщенного изображения действительности. О раннем возникновении мотива нападения аборигенов на позднейших поселенцев (равно как и всего подцикла преданий, основанных на этом мотиве) свидетельствует факт отчетливо прослеживаемой дифференциации пришельцев от аборигенов, которая проявляется прежде всего в очуждении, остранении чуди, в мифологизации ее образа. Возникновение севернорусских преданий указанной разновидности происходит с момента определившегося конфликта между аборигенами и пришлой феодальной знатью, а именно с первых веков второго тысячелетия. С формированием новой поэтической системы, а главное с изменением самой исторической ситуации интересующий нас мотив подвергается все более отчетливо выраженной трансформации.

Исчезновение древних аборигенов в конкретной местности. Данный мотив имеет самые различные версии: одни из них порождены обобщенно-эпическим, во многом мифологическим способом отражения действительности; другие же — в большей или меньшей степени конкретно-историческим подходом к освещению происходящих событий. Мотив исчезновения чуди в определенной местности зачастую составляет основу сюжета, отмеченного еще А. Н. Веселовским: «чужд заживо себя погребла».⁵³ Этот сюжетобразующий, чрезвычайно устойчивый мотив включает в себе следующие элементы: услышав о грозящей ей опасности (обычно имеется в виду угроза христианизации), чужд собирается в яме, над которой на столбах укреплена крыша в виде тяжелой земляной насыпи; при появле-

⁵² Там же, с. 211.

⁵³ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 589.

нии противников и осознании безвыходности своего положения чудь подрубает столбы, поддерживающие крышу; под тяжестью земляной насыпи чудь заживо себя погребает.⁵⁴ В описании чудского сооружения содержится целый ряд архитектурных реалий. Сходную конструкцию, по сообщениям археологов, имело жилище некоторых финноязычных народов (например, муромы), представляющие собой «сруб или в некоторых случаях тын из вертикально забитых в землю свай с двускатной, засыпанной землей или задернованной кровлей».⁵⁵ В отдельных преданиях, в том числе записанных уже в наши дни, приводится также объяснение бытового назначения упомянутых «ям»: «Чушь эта была, значит, за этим осиком, деревней Черепухой, вот, в ямах помещалась (курсив мой, — Н. К.)».⁵⁶ Перед нами реалья, которая характеризует конструктивные приемы сооружения жилища, принадлежащие, однако, не одной лишь чудди. Многие народы Севера, издавна владея навыками строительства наземных домов, прибегали и к полужемляночным жилищам.⁵⁷ Этот факт находит своеобразное отражение в фольклоре народов Сибири и Крайнего Севера. Не случайно, например, аборигенов Таймыра иганасаны называют «банка», что в переводе с иганасанского языка означает «ямный житель».⁵⁸ У эвенков жилище — голомо ставилось над ямой. А «пешие охотники Нюригды», по преданиям эвенков, жили в землянках, буквально: «в нижнем мире».⁵⁹ Эта семантическая разновидность значения слова соответствует одному из пластов в образе аборигенов края, а именно тому из них, который отражает представления об аборигенах как неких потусторонних жителях. Заметим, однако, что вместе с тем образ чудди приобретает в системе данного мотива явно исторические очертания: чудь здесь — прежде всего язычники.

В этой интерпретации указанный мотив перекликается с другой своей разновидностью: «чудь в землю ушла», — где мифологическая природа рассматриваемого мотива обнаруживается с большей очевидностью. К тому же именно в последней версии данный мотив оказывается в типологическом ряду аналогичных явлений: в недра гор, в сопки, в землю уходят сихиртя (ненецкие предания⁶⁰); в земле исчезают баргуты (забайкальские предания⁶¹); в расщелины скал скрываются мими (австралийские предания⁶²) и т. д. Уходят в нору, пещеру, источник, под землю и тотемные предки.⁶³ Оказываются внутри гор или просто окаменевают и эпические герои, как это следует, например, из русских былин или коми-пермяцких преданий и т. д. Как мы помним, не держит земля и богатыря Святогора.

⁵⁴ ОГВ, 1863, № 50, с. 192; 1892, № 46, с. 487 и № 63, с. 675; 1898, № 37, с. 2; Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971, с. 43—45, 76.

⁵⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с. 164.

⁵⁶ АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 28; Фонотека, 1374/1.

⁵⁷ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 67.

⁵⁸ Мифологические сказки и исторические предания иганасан, № 38, с. 149—150, комментарий, с. 325.

⁵⁹ Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания, с. 357, 359.

⁶⁰ Васильев В. И. Сихиртя — легенда или реальность?, с. 154; Хомич Л. В. Ненецкие предания о сихиртя, с. 64.

⁶¹ Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960, с. 82.

⁶² Кабо В. Р. Синкретизм первобытного искусства (по материалам австралийского изобразительного искусства). — В кн.: Ранние формы искусства. Сб. статей. Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 1972, с. 290—291.

⁶³ Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства. — В кн.: Ранние формы искусства, с. 162—164.

Какими условиями вызван к жизни подобный мотив? В данном случае его появление, по всей вероятности, обусловлено, с одной стороны, осознанием такого исторического факта, как исчезновение аборигенов на конкретной территории, а с другой — в известной степени мифологическим осмыслением этого исторического факта. Однако определенные изменения происходят и в самой поэтической системе, которая специфическим образом реагирует на процессы изменения действительности. По-видимому, обреченными на гибель (или во всяком случае на снижение их былой значимости) всегда оказываются в фольклоре персонажи отжившей эпохи и соответствующей ей поэтической системы, поскольку новая эпоха и связанная с ней поэтическая система закономерно рождает своих героев, изыскивая для этого по мере возможности и необходимости новые средства изображения.

В процессе дальнейшего своего бытования предания об исчезновении чуди могли сохраняться лишь при определенных условиях, поддерживающих их наличие в живой традиции. По свидетельству этнографа Л. П. Лащука, бытованию этих произведений способствовало обнаружение местным населением коллективных «чудских» могильников, которые представляют собой опущенные в ямы срубы с деревянными перекрытиями.⁶⁴

Указание на подобный способ захоронения может быть соотнесено с различными этнографическими материалами, из которых следует, что у многих финноязычных народов до недавнего времени сохранялся обычай опускать в могилу рубленые «домовины», ставить на могилах деревянные срубы или устраивать на них навесы — липет, укрепленные на четырех столбах.⁶⁵ Однако не следует забывать, что деревянные «домики мертвых» были распространены также и у ряда сибирских и дальневосточных племен.⁶⁶ Например, в якутских преданиях находят отражение обычай захоронения покойника в срубe, заполненном землей.⁶⁷ Вот почему и в данном случае нам не представляется возможным закреплять рассматриваемую этнографическую реалию исключительно за образом чуди.

Наряду с мифологической рассматриваемый мотив имеет в большей или меньшей степени выраженные исторические версии. Содержанием последних является по сути дела повествование о массовой гибели чуди в условиях нового, необжитого края, куда чудь оказывается вытесненной,⁶⁸ или о гибели ее в военных столкновениях с русскими феодальными отрядами.⁶⁹ Вместе с тем под исчезновением чуди в конкретной местности подразумевается и вытеснение аборигенов с этой территории, и удаление их в другие края, и покорение чуди, и ассимиляция ее и т. д. Поскольку исчезновение чуди происходит в XVI—XVII вв. и к этому же времени, как мы помним, утверждается конкретно-исторический способ изображения действительности, то следует ожидать, что факты исчезновения чуди будут освещены в преданиях до некоторой степени в конкретно-историческом плане, хотя оформление мотива в целом может быть выдержано в русле традиции.

Обратимся к рассмотрению одной из исторических версий интересующего нас мотива: речь идет о вытеснении аборигенов с обжитых земель пришедшими сюда иными народами. Подобный мотив зафиксирован еще в сочинении древнегреческого историка Геродота (V в. до н. э.), где со-

⁶⁴ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная. с. 213.

⁶⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 79.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Исторические предания и рассказы якутов, т. I, с. 293.

⁶⁸ АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 47; Фонотека, 1375/1.

⁶⁹ Труды Московского археологического общества, т. VII, вып. 3, 1878, с. 218.

общается о том, что аримаспы вытеснили из своей земли исседонов, исседоны — скифов, а скифы — киммериян.⁷⁰

Известную параллель античному материалу можно найти в фольклоре других народов и, в частности, в нганасанских преданиях, по которым авамские нганасаны оказываются вынужденными потеснить сомату (хантайских), а те в свою очередь юраков и т. д.⁷¹ Заметим, что в системе данного мотива образ аборигенов действительно приобретает подчас некоторые исторические признаки: аборигены — коренные жители, которые занимают определенную территорию; характеризуются их хозяйственный уклад и материальная культура. Эмпирическим путем приобретенное познание окружающего мира находит преломление в преданиях.

В этом же типологическом ряду находятся и русские предания о чуди, в которых повествуется о вытеснении аборигенов с прежних мест их обитания. До наших дней в них сохраняется память о некогда осуществленной миграции чуди с востока на северо-запад: «Тут из-за озера зимой выгнали с Урала откуда-то в общем, с той стороны, выходит так: с Уральской стороны; он (предшествующий рассказчик, от которого было перенято это предание, — Н. К.) сказал, что от Камня, от какого-то Камня». . . ну, с этого Камня, значит, пришло несметное количество народу. И вот этот народ назывался белоглазым. . . Вот этот прогнанный с того места народ поселился тут по этому берегу (реки Тихманьги, — Н. К.)».⁷² Локальные реалии, присутствующие в предании, могут быть соотнесены с фактами действительного продвижения племен «уральской» языковой семьи от «Камня» (Урала) на север и северо-запад европейской части страны. Это подтверждается специальными разысканиями. Так, например, по мнению Н. Н. Гуриной, «пионерами в освоении территории современной Карельской АССР были племена, проникшие, вероятно, с востока — со стороны Западной Сибири и Урала».⁷³

Своеобразным продолжением устной истории миграций чуди служат слухи о дальнейших ее продвижениях на новые территории: «В Тихманском приходе крестьяне указывают Аминтову дорогу, по которой бежали в пределы каргопольские толпы чуди под начальством своего вождя Аминта, преследуемые обитателями Вытегорского уезда».⁷⁴ Локальная реальность, отражающая пребывание чуди на территории Каргополья, вообще оказывается чрезвычайно устойчивой. По другим преданиям, каргопольские земли, и прежде всего «непроходимые леса близ реки Онеги»,⁷⁵ лишь на некоторое время становятся убежищем чуди, спасающейся здесь от крещения. Об этом же свидетельствует предание об изгнании чуди с каргопольских земель князем Вячеславом, которое по времени записи является древнейшим из известных нам преданий о чуди: «Проходя с чрезвычайным трудом необитаемые пустыни, дремучие леса и едва проходимые топи и болота, прогнал чудь до берегов Белого моря (курсив мой, — Н. К.)».⁷⁶ Предание в известной мере соотносится с теми письменными сообщениями, которые содержатся в житии монаха-миссионера Лазаря Муромского (XIV в.). Из этого жития следует, что «живущие тогда именовались около озера Онега лопляне и чудь, страшные сыродяды близ

⁷⁰ Геродот. История в девяти книгах. Изд. 2-е. М., 1888, кн. IV, с. 13—16.

⁷¹ Мифологические сказки и исторические предания нганасан, с. 153—154.

⁷² АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 47; Фонотека, 1375/1.

⁷³ Очерки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 1957, с. 8.

⁷⁴ Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края, вып. III. Петрозаводск, 1894, с. 174.

⁷⁵ ОГВ, 1892, № 63, с. 675; 1898, № 37, с. 2.

⁷⁶ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым, ч. III, стб. 330—331; ОГВ, 1897, № 60, с. 2.

места сего живяху», но постепенно «отъидоша от места сего в пределы океана-моря (курсив мой, — Н. К.)». ⁷⁷ Судя по указанному источнику, чудь, равно как и саамы, некогда населявшие территорию современного Пудожского района КАССР, соседствующего с Каргопольем, еще в XIV в. мигрирует в сторону «океана-моря».

Дальнейшие «следы» чуди мы находим в поморских преданиях. В наиболее архаических из них чудь предстает в качестве потусторонних жителей-невидимок, о чем говорилось выше. Такие предания очень часто оказываются локально приуроченными к Новой Земле. ⁷⁸ В поздних преданиях чудь принимает совершенно реальный облик, однако координаты ее местонахождения остаются прежними. Именно в последней интерпретации дан образ чуди в преданиях, записанных нами в Поморье летом 1969 г. ⁷⁹ Из них мы узнаем о месте встречи поморов с чудью: «недалеко от становищ по Баренцеву морю», «на Новой Земле наши рыбаки видали чудь»; о времени последних встреч поморов с чудью: «это в старину было, старики еще рассказывали», «еще недавно на Новой Земле наши рыбаки видали чудь... еще в нашу бытность их видели, лет пятьдесят назад»; о внешнем виде чуди: «выглядят и одеты они, как лопаришки», «выглядели они вроде лопарей»; об особенностях их материальной культуры: «ружья у них не было, только копышко, лук да стрелы», «стреляли они из лука с костяными наконечниками»; об отношении их к поморам: «увидят эти чудны люди рыбаков да и скроются» или: «На гору выйдут и подкарауливают рыбаков на берегу, особенно там, где вода была пресная. Не запасешься ведь водой надолго — рыбаки пойдут за пресной водой, а чушь тут как тут и налетит. Рыба им не столько интересна, сколько вещи, одежда... Если брала сила, рыбаки и сдачи дадут, а нет — так удирали. Их, чуши, немного было, победили их».

Таким образом, поморы совершенно определенно отличают чудь от живущих на Кольском полуострове саамов. Эта дифференциация еще более ощутима в саамских преданиях, в которых под чудью обычно подразумевается враг. Судя по преданиям, чудь отделяется и от самодийских народов: «А то раз самоеды „чудь“ видели. Прибежали к нам и кричат: „Смотрите! Чудь ходит по губы!“ Мы пошли и не видали ничево». ⁸⁰ Это сообщение также локально приурочено к Новой Земле. На основе рассмотрения указанных материалов мы должны констатировать, что следы чуди (мифические или в каком-то смысле реальные) теряются на Кольском полуострове и Новой Земле. Однако этническое определение чуди само по себе не входит в задачи нашего исследования.

В ряде случаев мотив исчезновения аборигенов в конкретной местности сводится к мотиву ассимиляции древнего населения. В подобных преданиях обычно повествуется о тех условиях, при которых происходила ассимиляция и которые заключались прежде всего в покорении аборигенов пришедшей феодальной знатью: «Покорив потом остальных кочующих близ сих мест поганых оных сыроядов и наложив на них дань, возвратился в свое княжение». ⁸¹ В преданиях, как правило, содержится эпически обобщенная картина феодального захвата чудских земель и распространения феодальной власти на аборигенное население. Эта эпичность и

⁷⁷ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868—1869 гг. Петрозаводск, 1869, с. 6.

⁷⁸ Покровская А. К. К Новой Земле, с. 9.

⁷⁹ АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 135, № 72, 73.

⁸⁰ Озаровская О. Э. Из дневника фольклориста. — В кн.: На Северной Двине. Сборник Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924, с. 5.

⁸¹ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым, ч. III, стб. 331.

обобщенность изображения соответствуют поэтической системе ранних преданий о чуди. Конкретные же факты, легшие в основу подобного обобщения, известны нам по преимуществу из тех немногочисленных письменных источников, которые сохранились до нашего времени. Так, например, в одном из документов, датирующемся 1315—1322 гг., описывается, как чудские старейшины продают свой погост новгородскому боярину.⁸²

Важнейшим условием для ассимиляции аборигенов послужила, по преданиям, и насильственная их христианизация: «оставшиеся же в живых приняли христианство»,⁸³ — которая в значительной степени изображается уже в конкретно-историческом плане и непосредственно соотносится с документальными источниками, хотя народная трактовка происходящих событий значительно отличается от официальной. «Но потом помале вси чудяне восприяша святое крещение»,⁸⁴ — сообщается в «Житии» Кирилла Челмогорского (XIV в.), и это сообщение лишено драматизма, столь характерного для преданий.

Ассимиляция чуди, произошедшая в большей или меньшей степени, не стала объектом устойчивого внимания в преданиях, поскольку с течением времени утрачивается и само осознание дифференциации населения на аборигенов и пришельцев. И все же в отдельных преданиях сохранилась память об этнической неоднородности жителей определенной деревни и, в частности, о происхождении конкретных семей от чуди: «Некоторые крестьяне производят свои фамилии от новгородских предков, другие от чудских: например, Чугаевы».⁸⁵ Предания, отражающие факт совместного поселения жителей, различных по своему этническому происхождению, постепенно утрачивают столь характерный для преданий о чуди эффект остранения, очуждения аборигенов, поскольку накапливаемый эмпирическим путем опыт оказывается своего рода тормозом для вступления в силу этого способа изображения действительности. Наоборот, с течением времени подобные произведения приобретают характер беспристрастной хроники.

Такому элементу предания, как «предки нынешних жителей», соответствует по принципу полярности элемент «потомки древних аборигенов». Последний, однако, принадлежит уже очередному мотиву преданий о чуди — мотиву оставления аборигенами «следов» своего пребывания в данной местности.

Наиболее часто названный мотив приобретает форму сообщения о местонахождении захоронений чуди. Такие захоронения, как это следует из преданий, могут не обладать сколько-нибудь примечательными признаками; в ряде случаев они имеют вид природных объектов (кочки, бугорки) или искусственно созданных возвышений (курганы, насыпи) и т. д. В качестве доказательства, что здесь действительно погребена чудь, обычно приводятся «свидетельства» о нахождении на этом месте огромных чудских костей⁸⁶ или сообщаются слухи о сверхъестественных явлениях на могильниках,⁸⁷ при описании которых используются некоторые элементы быличек о покойниках. И в русских,⁸⁸ и в коми-пермяцких преданиях⁸⁹ чрезвычайно распространено повествование о захоронении вместе с чудью

⁸² Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. — История СССР, 1964, № 6, с. 103.

⁸³ ОГВ, 1892, № 63, с. 675.

⁸⁴ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868—1869 гг., с. 6.

⁸⁵ Ефименко П. С. Заволочская Чудь. Архангельск, 1869, ст. 1, с. 22.

⁸⁶ АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 74; Шустиков А. А. По деревням Олонецкого края (поездка в Каргопольский уезд). Вологда, 1915, с. 14.

⁸⁷ ОГВ, 1898, № 38, с. 2.

⁸⁸ ОГВ, 1863, № 50, с. 192; 1892, № 46, с. 487; 1898, № 36, с. 2.

⁸⁹ Гривова Л. С. Пермский звериный стиль, с. 99—103.

принадлежащих ей сокровищ, которые проявляют в случае их обнаружения все свойства «зачарованных кладов».⁹⁰ Как видим, в состав рассматриваемого мотива входят элементы, преимущественно мифологические по своему происхождению. В мифологическом плане выдержано и отношение местных жителей к могильникам, которые приписываются чуди. Судя по преданиям, чудские погребения, с одной стороны, вызывают страх у живущего здесь населения, с другой — они становятся объектом культового поклонения у местных жителей. Не случайно лес, растущий на чудском могильнике, считается священным.⁹¹ А впоследствии на месте захоронений чуди сооружаются церкви и часовни,⁹² которые в первую очередь возводились на местах древних языческих капищ.

Характер восприятия «чудской» могилы, выраженный в преданиях, определяется прежде всего отношением к могиле вообще. Это отношение обусловлено самой системой патриархального родового мышления: место считалось обжитым с момента появления на нем могил предков. Подобная этнографическая реальность содержится, к примеру, в предании, повествующем о двух первооселенцах — основателях соседних деревень: «Ты, говорит, друг Пустынин, от этой сопки будешь разбивать себе землю, а я, Узкин, пойду на юг; здесь, говорит, на этой сопке мы поставим могилу... А название могилы дали они Фролова гора, и которая сейчас существует, и по сие время находится кладбище и лес сосновый стоит, что туча темная».⁹³

В известном смысле предками воспринимается со стороны позднейшего населения и чуждь. Так, на основе изучения коми-пермяцких преданий этнограф Л. С. Грибова утверждает, что чуждь изображается в них как «прежний», «древний», «иной» народ, живший до «нового» народа, к которому относят себя коми. «Кульм древних, — пишет исследовательница, — имеет много общего с пережитками культа предков коми-пермяков, однако между ними есть и различие, главное из которых — отчуждение „древних“ как чуждого, неизвестного коми-пермякам народа при одновременном почитании их как предков». И поминовение этих «древних» или «чудских» совершалось «не на любом чудском месте, а только на могильниках, которые приписываются чуди».⁹⁴

Таким образом, в рамках интересующего нас мотива чуждь выступает в очередной своей ипостаси, обусловленной в первую очередь мифологическим способом освоения исторической действительности. Чуждь здесь — прежде всего предки. Признание подобного факта населением определенной местности подтверждается наличием культа «чудских» и соответствующих ему обрядов. Однако данной ипостасью «многоликость» чуди не исчерпывается.

В связи с этим обратимся к другой версии рассматриваемого мотива. Сущность ее определяют предания, в которых повествуется об оставлении чуждью различных памятников культуры в виде разрушенных городищ, становищ, селищ;⁹⁵ заброшенных строений, пашен, сенокосов;⁹⁶ архаичес-

⁹⁰ Подробнее об этом см. в моей статье «Историко-этнографическая основа преданий о „зачарованных кладах“» (Советская этнография, 1977, № 4, с. 105—111).

⁹¹ Олонекский сборник, вып. III, с. 321.

⁹² АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 128, № 2, 74; Фонотека, 1372/1; Олонекский сборник, вып. III, с. 175.

⁹³ АКФ, ф. 1, оп. 1, колл. 70, № 33.

⁹⁴ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль, с. 93, 105—106.

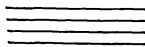
⁹⁵ Труды Московского Археологического общества, 1878, т. VII, вып. 3, с. 218—219; ОГВ, 1892, № 46, с. 487; 1898, № 37, с. 2.

⁹⁶ Шустиков А. А. По деревням Олонекского края, с. 22, 26; ОГВ, 1892, № 46, с. 487.

ких предметов быта⁹⁷ и т. д. Иногда на основе рассмотрения указанных этнографических реалий предпринимаются попытки выяснить основные параметры материальной культуры, отраженной в преданиях, и принадлежность этой культуры конкретному этносу. Однако археологические материалы со всей очевидностью показывают, что памятники «чудской» культуры принадлежат не только разным социально-временным периодам (от неолита до средневековья), но и различным этническим группам.⁹⁸ Поэтому можно утверждать, что в рамках указанной версии под чудью подразумевается древнее население, оставившее после себя различные памятники культуры, происхождение которых оказывается не совсем понятным для позднейшего населения. В этой своей интерпретации образ чуди имеет параллели в мировом фольклоре. Например, современные аборигены Австралии приписывают изготовление наскальных изображений легендарным тотемическим предкам, а происхождение рисунков в «линейном» стиле они связывают с деятельностью мими — таинственных существ, живущих в расщелинах скал.⁹⁹ Нам представляется, что в этом же типологическом ряду находится и образ чуди рассматриваемых преданий. Однако по сравнению со своими австралийскими «родственниками» образ чуди отстоит от мифологических истоков на более значительном расстоянии, поскольку конкретность и бытовизация описаний «чудских» памятников до некоторой степени распространяются и на образ тех, кому данные памятники приписываются. В подобном контексте для мифологических элементов в образе чуди фактически не остается почвы.

Итак, образ чуди чрезвычайно многогранен, в то время как количество мотивов, составляющих предания о чуди, крайне ограничено. Богатство интерпретации «чудской» темы в фольклоре определяется в первую очередь различной комбинацией мотивов, количественное соотношение которых непременно приводит к качественному многообразию. Обогащение преданий о чуди происходит и за счет влияния самого образа чуди на данную совокупность мотивов, хотя эти мотивы в свою очередь также оказывают воздействие на образ чуди.

Историческая основа предания как совокупность определенных фактов, воспринятых в соответствии с воззрениями и уровнем знаний своего времени, в значительной мере диктует отбор уже сложившихся в традиции мотивов, избирает конкретные возможности «стыковки» этих мотивов, интерпретацию самого образа чуди. Однако, с другой стороны, доступ исторических фактов в предания закономерно ограничивается возможностями поэтической системы, которая генетически связана с мифологическими по своей природе представлениями.

⁹⁷ Олонекский сборник, вып. III, с. 174—175.

⁹⁸ Л а щ у к Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная, с. 208.

⁹⁹ К а б о В. Р. Синкретизм первобытного искусства, с. 284, 290.

В. А. СМЕРНОВ

ОБРЯД «КРЕЩЕНИЯ» И «ПОХОРОН КУКУШКИ»
И КУПАЛЬСКАЯ ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Обряд «крещения» и «похорон кукушки» неоднократно описывался в этнографической литературе XIX—начала XX в.¹ Наиболее полное описание этого обряда с детальным анализом этапов его проведения, с выделением его основных компонентов мы встречаем в статье Р. Кедринной.²

В 1913 г. в журнале «Живая старина» появилась рецензия Ю. М. Соколова на статью Р. Кедринной.³ В ней он, в частности, писал: «В своей статье г-жа Кедрина пытается дать историческое и этнографическое объяснение этих обрядов. Присмотревшись ко времени совершения обряда, она приходит к заключению, что обряд похорон кукушки — весенний, и сближает похороны кукушки с известными уже аграрными празднествами — русскими адониями, купальскими обрядами. Поэтому следовало бы ожидать, что, делая указанный вывод, г-жа Кедрина тем самым даст блестящее подтверждение интересной гипотезе А. Н. Веселовского о купальской обрядности...»⁴ И далее, указывая на то, что по срокам и характеру проведения эти два обряда близки между собой, Ю. М. Соколов пишет: «Признавая большое значение вновь записанного обряда, нельзя не высказать, однако, сожаления, что г-жа Кедрина не с достаточным вниманием отнеслась к глубокой по содержанию статье акад. А. Н. Веселовского»⁵ (речь идет о статье А. Н. Веселовского «Гетеризм, кумовство и побратимство в купальской обрядности», — В. С.), т. е. не провела сравнительного анализа купальского обряда и обряда «похорон кукушки». Что же представляет собой этот обряд? Почему столь давно записанный и, казалось бы, детально изученный, он вновь и вновь привлекает внимание ученых?⁶

¹ Глаголев А. Г. Старинные хороводные праздники. — Вестник Европы, 1817, ч. ХСVI, кн. 2, с. 195—196; Броневский В. Путешествие от Триэста до С.-Петербурга в 1810 г., ч. I. М., 1828, с. 68; Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеврные обряды, вып. 3. М., 1838, с. 95—97; Терещенко А. В. Быт русского народа, ч. 7. М., 1847, с. 147—148; Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1. СПб., 1898, с. 342—344; Машкин А. С. Быт крестьян Обоянского уезда Курской губернии. — Этнографический сборник, вып. 5. СПб., 1862, с. 103; Тиханов Н. Брянский говор. СПб., 1904, с. 200.

² Кедрина Р. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. — Этнографическое обозрение, 1912, № 1—2, с. 101—139.

³ Соколов Ю. М. Рецензия на статью Р. Кедринной «Обряд „крещения“ и „похорон кукушки“ в связи с народным кумовством». — Живая старина, 1913, № 3—4, с. 403—404.

⁴ Там же, с. 403.

⁵ Там же, с. 404.

⁶ В советский период обряд «похорон кукушки» рассматривался в связи с «похороны русалки» Н. П. Гринковой (см.: Гринкова Н. П. Обряд вождения «ру-

По срокам проведения обряд «похорон кукушки» обычно совпадает с Вознесением, т. е. шестой неделей после Пасхи. Иногда, правда редко, он бывает и раньше, на третью неделю после Пасхи;⁷ а иногда на Николин день (т. е. 9 мая ст. ст.).⁸

По наблюдениям Р. Кедринной, чаще хоронили не птицу или ее чучело, а зеленую ветку, наряженную в женскую одежду, и хоронили ее не где попало, а зарывали ее на огородах.⁹ Весьма характерны песни, которыми сопровождали этот обряд:

Кукушечка-рябушечка,
Пташечка плакучая!
К нам весна пришла,
Весна красна!
Нам зерна принесла,
Нам аржи на гумно,
В коробью холста!
Будет девкам красный лен,
Старым бабкам конопель!¹⁰

С прилетом кукушки в сознании древних земледельцев связывался приход весны, расцвет трав и деревьев, колошение ржи, ожидание будущего урожая. Ал. Макаренко в сборнике «Сибирский календарь» приводит интересные приметы, связанные с появлением кукушки: «К Николе вешнему прилетает кукушка. Примечают, если кукушка закукует на голый лес — к неурожаю! На Петров день „кукушка давится ячменем“, т. е. она перестает куковать не раньше, как ячмень выколосится, что бывает в промежутке между Купальником и Петровым днем. Если кукушка перестает куковать, то будто бы означает, что ячмень будет „пустозерной“ — „кукушка обкуковала“». ¹¹ Такой же примерно срок прилета кукушки указывается и в песнях весенне-летнего цикла:

Ты кукуй, кукуй,
Ты кукушечка,
Ой, лялэ-лялэ,
Немножко тебе
Куковать будет —
С Христова дня
До Петрового.¹²

(„Троицкая“)

Ты кукуй, кукуй, кукушечка,
Купала на Ивана!
Немножко тебе куковать —
С чистого четверга до Петрова.¹³

(„Купальская“)

салки» в селе Б. Верейка Воронежской обл. — Советская этнография, 1947, № 1, с. 179—180), а также В. Я. Проппом (Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963, с. 90). Небольшое сообщение о бытовании обряда «похороны кукушки» в Брянской обл. опубликовала недавно Т. П. Лукьянова (Лукьянова Т. П. О некоторых старинных обрядах на Брянщине. — Советская этнография, 1972, № 2, с. 85—87).

⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929, вып. 2, ч. 1, № 1098.

⁸ Тиханов Н. Брянский говор, с. 199.

⁹ Кедринна Р. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством, с. 104.

¹⁰ Там же, с. 105. Летом 1975 г. мы записали обряд «крещения кукушки» в Жиздринском р-не Калужской области в деревнях Орля, Песочня, Яровщина, Авдеевка. Девушки собирались у одной из подруг и делали из носовых платков куколки «кокуна» и «кукушки». С песнями шли к березовой роще и там устраивали «брачный» пир, т. е. женили «кукушку» и «кокуна». Обряд этот близок вариантам, записанным Н. Тихановым, а позднее Т. П. Лукьяновой (Архив кафедры фольклора МГУ. Фольклорная практика. Лето 1975, п. 7, т. 9, 10, с. 4—17).

¹¹ Макаренко А. «Сибирский народный календарь» в этнографическом отношении. Восточная Сибирь, Енисейская губ. СПб., 1913, с. 81, 88.

¹² Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник, ч. 4. М., 1903, с. 191, № 14.

¹³ Там же, с. 216, № 28.

Учитывая разницу в климатических условиях Восточной Сибири и юго-западной и западной России, мы должны отметить, что сроки прилета кукушки и того момента, когда она умолкает, «давится ячменем», строго определены появлением первой зелени и ее расцветом.¹⁴ Именно в этот период, как отмечает акад. Б. А. Рыбаков, древние земледельцы совершали особые обряды, связанные с заклинаниями дождя, завершавшиеся строго фиксированным днем — праздником купал.¹⁵ Видимо, и обряд «крещения» и «похорон кукушки» нужно рассматривать в связи с этими представлениями о расцвете земли, о будущем урожае.

Центральную роль в этом обряде играли молодые девушки и женщины. Они зарывали «кукушку» на огородах, топили ее в воде, кумились между собой, приносили особое обрядовое угощение. Уже Д. К. Зеленин отмечал, что кумление между девушками нужно рассматривать как пережиточную форму кумления с «кукушкой». Кумились для того, «чтобы лен лучше уродился», чтобы «червяки не заводились на огурцах».¹⁶ Об этом красноречиво говорят и песни, сопровождающие этот обряд:

«Кукушечка, кукушечка,
Птичка серая рябушечка,
Кому ты кума, кому кумушка?» —
«Красным девушкам и молодушкам».
Иде девки красны шли,
Там и рожь густа,
И ужиниста, и умолотиста.
Иде бабы прошли,
Там и рожь пуста,
И неужиниста и неумолотиста.¹⁷

Приведенный нами отрывок имеет трехчастную композицию. В первой части содержится обращение к кукушке; она называется кумушкой девушек, их посестриченькой. Во второй части несколько неожиданно говорится о том, что хождение девушек и молодух по полям способствует росту хлебов, их обилию. И в третьей части резко противопоставлены молодые женщины и девушки иной возрастной группе: «иде девки шли — там рожь густа, иде бабы шли — там рожь пуста». Однако «неожиданность» заклинания обильного урожая снимается при сопоставлении с другими песнями, относящимися к обряду «похорон кукушки». В частности, в них говорится, что «кукушка — помощница девушек», «рукам пособница», «голубушка», с ней прощаются «до новых берез, до красной до зари, до новой до травы».¹⁸ Р. Кедрина убедительно показала, что первоначально в обряде «похороны кукушки» главную роль играла кукла из соломки, которой придавали женские черты, и лишь позднее ее заменила зеленая ветка в женской одежде, а затем чучело птицы.¹⁹

Все это позволяет говорить о том, что «кукушка» понималась как символ плодородия, имеющий женское начало, а отсюда и магическое заклинание обильного урожая от ее имени, которое мы наблюдаем в песне. Про-

¹⁴ По свидетельству Вл. Даля, в Замоскворечье «крестят кукушку на Петров день». Это так называемые «проводы весны»: «с Петрова дня — красное лето (покос)»; «кукушка на Петров день подавилась ватрушкой» (см.: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957, с. 886).

¹⁵ Рыбаков Б. А. 1) Календарь IV в. из земли полян. — Советская археология, 1902, № 4, с. 73, 80; 2) Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 13—14.

¹⁶ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. I. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916, с. 271, 272, 273.

¹⁷ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки», с. 104.

¹⁸ Там же, с. 105, 106.

¹⁹ Там же, с. 127—128.

тивопоставление девушек и молодухек бабам, видимо, носит ритуально-магический характер и определено тем, что женщины старшего возраста, по мысли поющих, уже не способны к плодородию. Для девушек и молодых женщин участие в этом обряде было строго обязательным, так как подготавливало их к будущему материнству (об этом писал уже в свое время В. Я. Пропп). Сохранились многочисленные тексты песен, в которых призывы выйти на улицу для участия в троицко-семицких обрядах и обряде «похорон кукушки» сопровождались довольно страшными заклятиями тех, кто осмелится не выйти:

Кого нету на вулицы, —
Положь яго калодою,
Калодою дубовою.²⁰

Или

Кто не идет венков завивать,
Положь его колодою дубовою,
Детей его курчишкою сосною!
Кто венков не вьет, того мать умрет,
А кто вить будет, того жить будет.²¹

По своей структуре обряд «крещения» и «похорон кукушки» идентичен троицко-семицким обрядам: а) центральную роль в них играет деревце в женской одежде (в некоторых районах России троицкую березку называют «кумой», «гостейкой»;²² иногда под деревце ставят маленькую девочку с венком на голове;²³ соломенную куклу в женской одежде²⁴; б) деревце топят в воде, чтобы обеспечить поля влагой; ставят в огородах, во ржи; в) девушки кумяты между собой; г) гадают по венкам, пущенным на воду; д) под деревцем оставляют обрядовое угощение. Вместе с тем те же компоненты являются основными и в купальском обряде.

Весьма примечательно, что в самих песнях, относящихся к троицко-семицким обрядам, эти праздники объединяются:

Как у нас в году три праздника:
Первый праздник Семик честной,
Другой праздник Троицын день,
А третий праздник Купальница!²⁵

В этих же песнях звучит и характерное обращение к Купале:

«Семик, Семик, Троица,
Пресвятая мать Купальница,
Ты на чем приехала?» —
«На овсяном зерночке,
На оржаном колосе!».²⁶

²⁰ Шейн П. В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874, с. 214.

²¹ Добровольский В. Смоленский этнографический сборник, ч. 4, с. 186, № 6.

²² Снегирев И. М. Русские протонародные праздники..., вып. 3, с. 117—119; Шейн П. В. Великорус..., с. 342—344; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, с. 464.

²³ Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям. — Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Старый быт и хозяйство Переяславской деревни. Переславль-Залесский, 1927, с. 29.

²⁴ Воронежский литературный сборник, вып. 1. Воронеж, 1861, с. 389.

²⁵ Снегирев И. М. Русские протонародные праздники..., вып. 4, с. 47; Терещенко А. В. Быт русского народа, ч. VI, с. 154.

²⁶ Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство..., с. 29.

Т. е. с приходом Купалы, так же как с прилетом кукушки, с приходом весны, связывались надежды на урожай, на благополучие в доме. В песнях Купала называется также родственницей девушек, их посестриченькой:

Березонька скрипела,
 Всем девушкам кликала:
 «Святая Купальница,
 Всем девкам племянница!
 Девушки, голубушки,
 Сходитесь, кумитесь!».²⁷

(Племянница — раньше обозначало родственницу, и, видимо, в таком значении это слово нужно понимать в данном контексте). Судя по многочисленным описаниям этнографов начала и середины XIX в., праздник Купалы в наиболее характерных формах сохранился в Белоруссии и на Украине. О праздновании Купалы в России мы встречаем лишь краткие упоминания, разрозненные и неполные сведения, и поэтому сопоставительный анализ мы проводим, основываясь главным образом на белорусских и украинских данных с привлечением и русского материала, получившего свое определенное отражение в песенной поэзии.

В ночь с 23 на 24 июня (ст. ст.) на Украине девушки и молодые женщины, собравшись у одной из подруг, делали соломенную куклу, обряжали ее в женскую рубаху, ленты, мониста, на голову надевали большой венок. Кукла называлась Купалой. Вместе с куклой выносилось и деревце-черноклен, обвешанное лентами и венками. С куклой и деревцем девушки шли к месту сбора возле жита и там вокруг дерева водили хороводы, пели песни, в которых часто обращались к Купале с просьбой об урожае, об удачном замужестве.²⁸ (Иногда вместо Купалы в руках у девушек была только зеленая ветка в женском наряде, которую также называли Купалой).²⁹ Ветку иногда называют Мареной, а куклу Купалой. Их топили в воде, а веточки с дерева приносили на огороды, «щоб огірки рясні були»³⁰ (ср. с зарыванием «кукушки» на огородах).

В Белоруссии Купалу изображало соломенное чучело или деревце в женской одежде.³¹ Место сбора обычно украшалось березками, срубленными еще на Троицу. Бросая их в огонь, женщины приговаривали: «Каб мой льон був так велик, як гетая фарастина».³² То же самое мы наблюдаем у гуцулов.³³

²⁷ Там же.

²⁸ Пассек В. Купало. — Московский наблюдатель, 1837, кн. 1, с. 247—249; Сементовский К. Замечания о праздниках у малороссиян. — Маяк, т. XI, 1843, с. 19—23; Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край, т. 3. СПб., 1878, с. 193—195; Moszyńska J. Kurajło. Kraków, 1883, s. 17, 32.

²⁹ Ис'яенко М. Село Голенка Конотопского уезда. Чернигов, 1860, с. 47.

³⁰ Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции..., т. 3, с. 195, 196; Кравченко В. З побуту и обрядів північно-західної України. — Збірник праць, т. I. Житомир, 1928; Годлевський П. Святування Купайла в с. Завадівка, Білоцерковського р-ну, Київської обл. (из фондов архива ИИФЭ им. М. Т. Рильского, ф. 1—2

доп. 224 ед. 6): «Після святкування Купайла несуть квітки і вінки на огірки для того, щоб огірки росли здорові й рясні, як Купайло. Ще квіти несуть на хліб, щоб і на другий рік уродився такий» (Курсив наш. — В. С.).

³¹ Czajnowska M. Zabytki mitologii Słowjanskiej. — Dziennik Wilenski, 1817, t. V, s. 32—36. Статья эта была переведена на русский язык А. Макаровым (см.: Макаров А. Остатки славянского баснословия в Белоруссии. — Вестник Европы, 1818, ч. III, с. 53—69).

³² Там же, с. 399.

³³ Снегирев И. Иван Купало — народный русский праздник. — Атены, ч. 2, 1828, с. 62.

Наиболее архаичным, с нашей точки зрения, является обрядовое действо, когда девушки ведут свою подругу, закутанную в зеленые ветви, к реке или к заранее вырытой яме. Вот как описывает такую «дзевку Купало» учитель Виленской гимназии А. К. Киркор: «Перед рассветом Иванова дня белорусские девушки выбирают самую красивую, раздевают ее донага и голое тело опутывают цветами и обвешивают ветками, после чего, окруженная хороводом, она — „дзевка Купало“ идет в лес, где заготовлены венки; здесь ей завязывают глаза, девушки пляшут вокруг нее, а она раздает им венки, которой достанется свежий — будет счастлива, напротив, увядший, предвещает все дурное».³⁴ Сходное описание мы находим у П. П. Чубинского.³⁵ На Украине также выбирают самую красивую девушку, которую называют «Купайло». Ее ведут в лес к заранее вырытой яме. «Там положены заранее заготовленные венки, и девушка „Купайло“ без разбора раздает венки подругам. Кому попадет венок из свежих цветов, та будет счастлива в замужестве. Если попадется венок из цветов увядших, то это означает, что получившая его девушка будет несчастна и бедна в замужестве. В этом случае хоровод перестает танцевать. Девушки садятся вокруг ямы и поют. После песни продолжают гадать. Когда венки вынуты, девушки убегают, опасаясь, чтобы Купайла не схватила кого-либо из них».³⁶ Это свидетельство о том, что на праздник Купалы выбирали девушку как олицетворение этого праздника, косвенно подтверждается и обрядом, который существовал в Переславль-Залесском районе вплоть до 20-х годов нашего века.³⁷ Здесь под березку на Семик ставили самую красивую девочку с большим венком на голове (девочку называли «колоском», и сам обряд получал название «вождение колоска»). «Колосок» на скрещенных руках несли к ржаному полю и при этом пели:

Ходит колос по яри,
Что по белояровой пшенице!
А где девки шли —
Тута рожь густа!
Ненажиниста, немолотиста!
Как со этого ста,
По четыреста!

А где парни шли —
Тута парина!
Как по колосу осьмина,
Из зерна-то коврига,
Из полузерна-пирог!
Еще собиничек, семисаженичек!³⁸

Хождение девушек по полю с «колоском» разительно напоминает хождение с «кукушкой», и, по-видимому, их нужно рассматривать как явления одного типологического ряда. Тогда становится понятной почти полная тождественность заклинательных песенных формул: «А где девки шли,

³⁴ Киркор А. К. Следы язычества в празднествах, обрядах и песнях. — Живописная Россия, т. III. СПб.—М., 1882, с. 43.

³⁵ Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции..., т. 3, с. 195—196. Такой же вид гаданий существовал у южных славян (см.: Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970, с. 149).

³⁶ Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции..., т. 3, с. 196.

³⁷ Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство..., с. 29; см. также: Шейн П. В. Велкорусс..., т. I, ч. 1, с. 358—359, № 1235 («вождение колоска» в с. Шельбове Юрьевского у. Владимирской губ.).

³⁸ В Болгарии эти гадания происходят с «Еньовой булей», девочкой лет семи или девушкой — первенцем в семье, самой красивой из подруг. Девушки задают «Еньовой буле» вопросы о будущем замужестве, урожае: «Бъде ли ситна годината? Бъде ли удата?». Водят вокруг нее хороводы. Подробнее см.: Арnaudов М. Студии върху българските обреди и легенди, т. I. София, 1972, с. 300—312. О древности этого обряда говорит известное послание византийского патриарха Вальсамона (XII в.): «Лязгичики в день июня ввечеру собирались на берегах рек, и в некоторых домах мужи и жены украшали перворожденную деву наподобие невесты. При этом пировали и плясали, кружились, а потом всю ночь прыгали через зажженные костры» (Новая Скрижаль, или Пополнительное о церквях и литургии. М., 1803, ч. 4, с. 107).

Тута рожь густа! Нажиниста, намолотиста». Уже Е. В. Аничков, Д. К. Зеленин, Л. Нидерле³⁹ обращали внимание на сходство обрядов: а) «похороны кукушки»; б) «проводы русалки»; в) «похороны Костромы». Этому вопросу посвящены и работы советских исследователей Н. П. Гринковой, В. Я. Проппа,⁴⁰ однако окончательно решенным его считать нельзя.⁴¹ С нашей точки зрения, эти обряды являются локальными вариантами бывших древнеязыческих русалий, молений о дожде. Разные местности дают нам различные способы проведения обряда.

I. «Проводы русалки».

1. «Русалка» — девушка с распущенными волосами, в одной сорочке, в сопровождении подруг идет к ржаному полю и скрывается во ржи. (Витебская, Минская, Гомельская, Смоленская, Тульская, Рязанская, Тамбовская губ.).

2. «Русалка» — ржаной сноп в женской одежде; его бросают в воду, в рожь, разрывают и разбрасывают на огородах. (Московская, Воронежская, Пензенская, Симбирская, Тамбовская губ.).

3. Контаминированный вид обряда: «русалку» — девушку, закутанную в зеленые ветви, — «ловят» в поле; делают чучело из соломы и тряпок и сжигают его вместе с троицкими березками в купальском костре. (Витебская, Курская, Тульская губ.).

4. Проводы «русалки» в виде чучела коня. «Коня» разрывают и разбрасывают во ржи, на огородах. Голову «коня» сжигают в купальском костре. (Воронежская, Саратовская, Симбирская губ.).

II. «Похороны Костромы».

1. Кострому изображает девушка. Ее кладут на корыто; с плачем ставят под березку; несут к реке, причем одни плачут, другие смеются. (Владимирская, Костромская, Ярославская губ., Брянская обл.).

2. Кукла из тряпок и соломы. Пародия на похороны. Во главе процессии дьячок, размахивающий «кадиллом» из скорлупы яиц. Куклу топят в воде; обливание процессии водой. (Астраханская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Нижегородская, Владимирская губ.).

III. «Похороны кукушки».

1. Зеленая ветка в женской одежде. Топят в воде, ставят на огородах. (Калужская, Курская, Орловская, Смоленская губ.).

2. Чучело из соломы, тряпок, носовых платков — под березой, ивой, рябиновой веткой. (Калужская, Орловская, Смоленская губ.).

3. Чучела «кокуна» и «кукушки». Разыгрывание свадебного пира. (Брянская и Калужская обл.).

У восточнославянских народов широко распространены верования в то, что русалки способствуют плодородию полей. «Там, где пляшут, водят хоромы русалки, родится лучше овес; зеленеет гуще трава», — писал Е. Романов.⁴² Свидетельства о том, что русалки понимались как водяные существа, чье появление обеспечивало поля необходимой влагой в период созревания хлебов, мы находим у И. И. Срезневского,⁴³ А. Н. Афанась-

³⁹ Аничков Е. В. Весенняя обрядовая поэзия на Западе и у славян, т. I. СПб., 1903, с. 339—348.

⁴⁰ Гринкова Н. П. Обряд вождения «русалки» в селе Б. Верейка Воронежской обл., с. 178; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники, с. 86—89.

⁴¹ Элинский О. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома—Коструб). — В кн.: Русский фольклор, т. XI. М.—Л., 1968, с. 206—211.

⁴² Романов Е. Белорусский сборник, вып. VIII. Минск, 1910, с. 221.

⁴³ Срезневский И. И. Дополнения. О праздниках малороссиян. — Маяк, XI, 1830, с. 131—132.

ева,⁴⁴ С. В. Максимова,⁴⁵ Д. К. Зеленина.⁴⁶ Вместе с тем русалки изображаются и страшно коварными, злыми существами, которые заманивают неосторожных путников в густую чащу леса, могут защекотать до смерти; вредят посевам, забирают молоко у коров; их стараются увести в последние дни «зеленых свят» подальше от домов, в поля, леса. С нашей точки зрения, эти представления о русалках как о «нечистой силе», существах, враждебных человеку, определены не только тем, что с течением времени забывались основные функции русалок, но и тем, что культ русалок был теснейшим образом связан с культом предков. Поэтому, с одной стороны, их старались умиловить, называли их «кумушками», «умильными русалочками», приносили им обрядовое угощение. ткали для них особые полотенца, а с другой — боялись их как покойников, которые могут причинить зло. Это двойственное отношение к русалкам особенно ярко проявляется в обряде «похороны Костромы». К «Костроме» подходят с поклонами, целуют ее, отпевают, а затем оставляют под березой или бросают в воду. В детской игре дети убегают от внезапно ожившей «Костромы» с криком «зеленые глаза», боясь, как бы она не схватила кого-либо из играющих.⁴⁷ (То же самое мы наблюдаем и в купальском обряде, когда девушки убегают от Купалы).

Вместе с тем в песенной поэзии восточных славян и «кукушка» чаще всего понимается как умерший предок. Образ этот имеет довольно устойчивое символическое значение. Так, в причитаниях дочь обращается к умершей матери:

Ах, мая ж ты зязюлечка,
Ах, мая ж ты матулечка,
Ах, чему ж ты мяне спакидаешь,
Ах, каму ж ты мяне остауляешь.⁴⁸

В широко распространенной у восточнославянских народов балладе о «трагическом сне» слова о кукушке, вылетевшей со двора (из рукава), истолковываются как известие о смерти любимой.⁴⁹ В Черниговской области плакальщиц, воплениц и поныне зовут «кукушками», а плач «кукованием».⁵⁰ Все это позволяет говорить о том, что рассматриваемые нами обряды — «похороны кукушки», «проводы русалки», «похороны Костромы» и купальский обряд — восходят к культу предков, берегинь, широко распространенному у всех славянских народов. Культ этот получил свое воплощение в древнеязычных русалиях, а отсюда и общее название праздников: «русальні свята», «русальна неділя», «русальний Великдень». За-

⁴⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 3. М., 1868, с. 740—743.

⁴⁵ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 460—462.

⁴⁶ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, вып. 1, с. 211.

⁴⁷ Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной). М., 1887, с. 197—198; Добрынина Е. П. Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде. — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, 1874, № 3, вып. 1, с. 100—104.

⁴⁸ Киркор А. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. — Этнографический сборник, вып. III. СПб., 1858, с. 152.

⁴⁹ Подробнее см.: Линтур П. В. Украинские балладные песни и их восточнославянские связи. — В кн.: Русский фольклор, т. XI. М.—Л., 1968, с. 73—74; Дубравин В. Русская песня на Украине. — Советская музыка, 1969, № 10, с. 98.

⁵⁰ См. подробнее о поверьях, связанных с культом предков, и обрядах, близких «похоронам кукушки»: Петров П. Этнографски елементи на славяно-балто-германска общност. София, 1966, с. 61—78. Здесь же приведено и характерное присловье: «Кукувицата кука от Благовещ до Еньовден», сближающееся с приведенными выше русскими пословицами и поговорками.

ключительным днем этих праздников в честь русалок мы считаем день Купал и рассматриваем его как особый кульминационный период молений о дожде. Недаром у всех восточнославянских народов широко распространены поверья и приметы, связанные именно с этим днем: «Дожди нужны до Ивана, а след Ивана от них проку нет»,⁵¹ «Вымолите, детки, дождя до Ивана, а после я и сам, грешный, умолю».⁵² В своей основе купальские обряды носили аграрно-заклинательный характер и были связаны прежде всего с ожиданием будущего урожая. Днем Купалы заканчивался подготовительный период, он стал особым днем обрядовых действий, и, вероятно, именно поэтому в нем нашли свое отражение многочисленные виды обрядов, распространенные у славянских народов: карауление солнца, зажигание костров в его честь, скатывание горящих колес в реку. Однако центральное место в обряде принадлежит растительному символу, которому придавались черты женского облика, и это, конечно, не случайно, как не случайно и то, что в перечисленных нами обрядах основными участницами были женщины. Русалки понимались, очевидно, как умершие предки женского пола, а отсюда и обращение к ним за помощью, за милостью. Для участниц обрядовых действий они — «кумушки», «ручускам пособницы», существа, от которых зависит и благополучие в доме, и удачное замужество, и будущий урожай, и к ним обращены просьбы и мольбы.

В результате наблюдений мы можем сделать следующие выводы.

Одной из важнейших особенностей купальского и других близких по функциям весенне-летних обрядов является устойчивый мотив заклинания будущего урожая, который ассоциировался с дождем, влагой. В этой связи большое значение придавалось «культу предков», который приобрел в дальнейшем у славянских народов свои локальные разновидности и особенности.

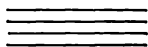
Весенне-летние обряды — «похороны кукушки», «похороны Костромы», «проводы русалки» — генетически и функционально восходят к древним молениям о дожде, к магически-ритуальным действиям, в основе которых лежит вера в помощь предков, их влияние на будущую судьбу человека. Эти представления легли в основу многочисленных гаданий и игр, в центре которых была девушка (девочка): «Еньова буля», «дзевка Купала», «олень», «колосок», «Насточка», — черта несомненно древняя. Можно предположить, что когда-то они были жертвами в дни засухи, но с течением времени человеческие жертвоприношения были заменены подобием человека (куклами, ветками в женской одежде).

Постепенно эти представления в силу забвения, влияния церкви в значительной степени десемантизировались, и «русалки» т. е. существа, с которыми связывались былые «моления о дожде», стали пониматься как существа, враждебные человеку. Отсюда появление берегов, заклинаний, спасительных молитв, а также песен, в которых «от русалок» стараются избавиться.

Дальнейшее изучение купальского обряда у славянских народов в его связи с семейными обрядами и песнями может привести к интересным открытиям в этой области и откроет новую перспективу в изучении древнеязыческих верований и представлений об окружающей действительности.

⁵¹ Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, т. 1—4, СПб., 1901—1905, с. 346—349.

⁵² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1957, с. 271.

С. К. РОСОВЕЦКИЙ

УСТНАЯ ПРОЗА XVI—XVII ВВ.
ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ — ПРАВИТЕЛЕ

Цель настоящей работы — выявление и систематизация произведений русской устной прозы об Иване IV как правителе, отразившихся в источниках XVI—XVII вв., а также попытка выяснить некоторые закономерности развития этого фольклорного массива и его связи с социальной психологией широких народных масс «бунташного» XVII в.

Новое обращение к этой задаче после наблюдений Ф. И. Буслаева,¹ классической статьи А. Н. Веселовского,² ценных исследований М. П. Алексеева,³ В. К. Соколовой,⁴ Н. В. Новикова⁵ и др. оправдано в первую очередь значительным расширением круга источников, как русских, так и иностранных. Оказалось возможным извлечь фольклорный материал из Пискаревского и Пинежского летописцев, хорошо изученных историками сочинений иноземцев А. Шлихтинга, И. Таубе и Э. Крузе, Г. Штадена, П. Одерборна, Д. Горсея, Д. Флетчера, И. Массы, П. Олеария и др.; фольклористы ограничивались, как правило, известными «анекдотами» С. Коллинза.

Обращаемся мы и к свежим рукописным материалам, не заинтересовавшим до сих пор историков, очевидно, именно из-за тех их качеств как исторических источников, которые представляют ценность для фольклориста и литературоведа. Таково русское сочинение об Иване IV, читающееся среди «добавлений» к одному из списков Хроники Псевдо-Дорофея (или Хроники Дорофея Монеувасийского) в русском переводе.⁶ Рукопись относится к 1741 г., а ее содержание не старше 1725 г.⁷ По своим литературным вкусам автор «добавлений» полностью принадлежит Петровской эпохе (его язык пестрит выражениями типа «учинила афензиф и дефензиф алианциею» (л. 917 об.), «здался шведам на акорд» (л. 995 об.)). Составленная им апологетическая биография Ивана IV «Царство великого государя

¹ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, с. 512—515.

² Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном. — Древняя и новая Россия. СПб., 1876, № 4, с. 313—323.

³ Алексеев М. П. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза. — Советский фольклор, вып. 2—3. М.—Л., 1936, с. 325—330.

⁴ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 49—64, 278—279.

⁵ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Вступ. статья, подгот. текста и комм. Н. В. Новикова. Л., 1971, с. 264—265.

⁶ Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 181. № 358/808, 1741 г., 1^о, скрп., л. 654—1256 (2-ой переплет).

⁷ На л. 681 автор обращается к «печатной истории Отрафия», изданной в 1722 г. «во дни императора Петра Великого», т. е. о Петре говорится уже как о мертвом.

царя и великого князя Иоанна Васильевича Второго» (л. 809 об. — 1009; далее: «Царство...») основана на переосмыслении — иногда автор вступает в прямую полемику с обвинениями царя Ивана в тирании⁸ — сочинений иностранцев (Горсея, Маржерета, Одерборна и др.). Этот внутренне цельный текст перебит списком Казанской истории («вкратце» — л. 812—948). Наибольший интерес для нас представляют легендарные известия этого сочинения, частично восходящие к фольклору XVII в.

Мы используем также русский перевод памфлета об «обычаях» Ивана IV⁹ из польской версии М. Пашковского¹⁰ «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини.¹¹ Как известно, памфлет Гваньини в свою очередь является переделкой латинского же сочинения А. Шлихтинга (1570 г.).¹² Основным же информатором Шлихтинга, по очень правдоподобной догадке Р. Г. Скрынникова, был видный деятель опричнины князь А. И. Вяземский, который, попав в опалу, некоторое время скрывался в доме хозяина Шлихтинга — царского лейб-медика А. Лензея.¹³ Как Гваньини, так и Пашковский при переработке предшествующего текста могли использовать и новые устные версии сюжетов, записанных Шлихтингом: первый мог услышать их от русских эмигрантов, второй — от соотечественников, побывавших в России.¹⁴ В несколько сокращенном русском переводе героям устных новелл опального опричника были возвращены русские имена и чины, воссоздана окружающая их бытовая обстановка.¹⁵

Среди русских оригинальных источников отметим историко-фантастическое жизнеописание Ивана IV в нескольких генетически связанных летописцах; издан полностью только Пинежский,¹⁶ из других — два эпизода этой биографии.¹⁷ Не имея здесь возможности развернуть аргументацию, мы изложим выводы текстологического изучения этих летописцев, — выводы, продолжающие наблюдения А. И. Копанева над соотношением ле-

⁸ В этом плане любопытную параллель к «Царству...» находим в также анонимном западноевропейском трактате: *Apologia pro Joanne Basilide II, Magno duce Moscovia tyrannidés vulgo falsoque insimulato*. Vienne, 1711. Правда, в отличие от русского сочинения это по жанру ближе к политическому трактату, снабжено ученым справочным аппаратом, включает источниковедческий обзор (рассмотрены сочинения П. Одерборна, Я. Ульфельда, Л. Боса, нюрнбергский «летучий листок» и др.).

⁹ Мы обратились к одному из старейших списков этого перевода в так называемых «сборниках Курбского» (ЦГАДА, ф. 181, № 60/61, последняя четверть XVII в., л. 271—322 (далее: «О обычаях...»). Описание сборника см.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 547.

¹⁰ *Kronika Sarmacye Europckiey, u ktorey sie zamyka... Przez Alexandra Gwagnina*. W Krakowie, 1611 (далее: KSE), с. 40—72 (отдельная пагинация).

¹¹ Мы пользовались перепечаткой памфлета в кн.: *Rerum Moscoviticorum auctores varii...* Frankfurti, 1600, с. 183—206.

¹² Шлихтинг А. «Сказание». Новое известие о России времени Ивана Грозного. Изд. 3-е. М., 1934 (далее: Шлихтинг).

¹³ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969, с. 64, прим. 1.

¹⁴ В описании «Московского государства» М. Пашковский ссылался на свидетельство «доброего польского шляхтича» Павла Палчовского, бывшего в Москве с польским посольством в 1609 г. (KSE, с. 5).

¹⁵ Перевод датируется временем между покупкой в Польше KSE «по государеву указу» в 1653 г. (см.: Шляпкин И. Я. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, с. 72, ср. с. 56, 83) и владельческой записью стольника Ф. И. Дивова (1690 г.) в «сборнике Курбского» (ЦГАДА, ф. 181, № 60/61, л. 1—9).

¹⁶ Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. — В кн.: *Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома*. Л., 1972, с. 57—90.

¹⁷ Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина. — Труды Отдела древнерусской литературы (далее: ТОДРА), т. 17, М.—Л., 1961, с. 252—271; Салмина М. А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным. — ТОДРА, т. 24. Л., 1969, с. 192—195. Тексты летописцев заново сверены нами с рукописями.

тописцев Щепкинского и Пинежского.¹⁸ Щепкинский летописец (ГИМ, Муз. собр., № 3996, XVII в.) в XVII в. хранился у дочери пинежского крестьянина Нехорошко Марии. Составленный с использованием известий обычных московских летописцев XVII в. (ср. Мазуринский, Свод 1652 г.), он лег в основу общего протографа Пинежского (ИРЛИ, Дрвлекранилище, Пинежское собр., № 440, 1661 г.), в 1662 г. проданного все тем же Нехорошко сыну Федору, и летописца, отрывки которого поступили в ГПБ из Пустозерска (НСРК, 1958. 217). К Пинежскому летописцу восходит отрывок рассказа о Грозном в рукописи XVIII в. (ГПБ, ОСРК, Q XVII, № 252), а последнему близко родственны эпизоды рассматриваемого жизнеописания, внесенные в поздний летописец (ГИМ, собр. Забелина, № 263, XVII—XVIII вв.) и оказавшиеся опять среди традиционных для летописания XVII в. известий (но не тех, что в Щепкинском). Демократическая, близкая к устнопоэтической точка зрения на царствование Грозного, намеченная уже в Щепкинском летописце, с наибольшей четкостью и полнотой выразилась в Пинежском, составленном северным крестьянином Нехорошко.

Что же касается фольклорных записей XVIII—XX вв., то они привлекаются или в качестве свидетельства устного происхождения текста XVI—XVII вв., либо когда отражают малоизвестный исторический факт, а их книжный источник предполагать нет оснований. Достаточным признаком фольклорности может быть признано использование традиционного (сказочного или анекдотического) сюжета. Четвертым признаком будет для нас вариативность, а последним — заведомая фантастичность передачи известного по достоверным источникам исторического события.

За исключением первого, эти критерии ненадежны уже потому, что прилагать их приходится к текстам, созданным в русле средневекового типа творчества, не признававшего ни авторского права, ни уважения к «букве» текста предшественника. Единственный выход — самое пристальное внимание к контексту «подозреваемого» в устном происхождении известия.

С другой стороны (и это затрудняет работу не меньше), сам царь Иван был не только персонажем, но и одним из творцов фольклора о себе, режиссером и главным исполнителем тех «действ», рассказы о которых производят впечатление легендарных. Если устность бытования такого рассказа доказана, отказывать ему в фольклорности несправедливо и, в частности, потому, что Грозный, несмотря на индивидуальность его «смехового» поведения,¹⁹ действовал, как увидим, в русле определенной традиции.

Еще одно предварительное замечание. В привлекаемых свидетельствах иностранцев нас интересует не иноземный фольклор об Иване IV сам по себе (он может стать объектом самостоятельного интересного исследования), но отражения русской устной традиции либо те произведения фольклора живущих в России иностранцев, которые восходят к русскому фольклору. Поэтому, например, приходится оставить в стороне трогательную историю о гибели в варварской Московии слона и его погонщика, подаренных Ивану IV персидским шахом, которую в различных вариантах рассказывают Г. Штаден и П. Одерборн.²⁰ Сложнее обстоит дело с анекдотом С. Коллинза о наказании смеявшихся над «шалостями» царя голландок и

¹⁸ Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в., с. 57 и сл.

¹⁹ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 33—34.

²⁰ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника Л., 1925 (далее: Штаден), с. 93; Joannis Basilidis magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Odorbo tribus libris conscripta. Viitenberg, 1585 (далее: Oderbornus), л. V 7.

англичанок: «...он призвал их во дворец и, приказав раздеть их донага в своем присутствии в больших покоях, велел рассыпать перед ними четыре или пять мешков гороху и заставил их все подобрать».²¹ Указав французские и немецкие литературные параллели, М. П. Алексеев нашел недостаточными для доказательства русского происхождения анекдота указанные у П. Одерборна (л. V 1 об.) и П. Петрея «аналогичные сатирические забавы» Грозного.²² Действительно, у этих авторов речь идет только о позорном обнажении женщин зимой, в снег и мороз. Однако М. П. Алексееву остались неизвестными другие источники, сведения которых делают излишними приведенные им западные параллели. Так, Штаден вспоминает о том, как при разорении вотчин И. П. Челяднина-Федорова «женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур» (с. 87); об этом же сообщают И. Таубе и Э. Крузе, добавляя: «Все это для любострастного зрелища...».²³ Но если саму по себе забаву царя нет оснований определять как «отзвук западного литературного анекдота, приуроченного к личности Грозного»,²⁴ то приходится отвергнуть и возможность возникновения его в русской среде. Присутствие голландок и англичанок на «празднике» при русском дворе плохо соотносится с тем, что мы знаем о русском придворном обиходе XVI—XVII вв. Анекдот Коллинза хоть и отражает русские слухи о забавах Грозного (см. еще типичную форму пожалования после наказания: «он напоил их вином»), но сформировался скорее всего в Иноземной слободе.

Выявленный с помощью такого достаточно строгого, как нам представляется, отбора устный повествовательный материал оказался все-таки столь обширным, что объем настоящей статьи позволил рассмотреть лишь наибольшую и, может быть, самую интересную часть этой устной традиции XVI—XVII вв., а именно фольклорную прозу о внутренней политике Ивана IV, распадающуюся на следующие группы произведений: народные анекдоты и предания, использующие традиционный сказочный сюжет о «судах» Грозного и его смеховых и серьезных контактах с простыми людьми; слухи-толки, легенды и предания об опричнине и о передаче власти Симеону Бекбулатовичу; боярские устные новеллы о Грозном-мучителе и, наконец, предания и легенды о сопротивлении террору царя.

Среди записей XVI в. народную точку зрения на справедливость суда Грозного с наибольшей яркостью выражает анекдот, пересказанный Д. Флетчером (1591), который в общем контексте своей книги приводит его как «притворный публичный пример строгости над должностными лицами», однако содержание текста говорит само за себя. С «дьяком одной из своих областей, который (кроме многих других поборов и взяток) принял жареного гуся, начиненного деньгами», царь поступил так: «Его вывели на торговую площадь в Москве, где царь, находясь лично, сам сказал речь: „Вот, добрые люди, те, которые готовы съесть вас, как хлеб, и проч.“, потом спросил у палачей своих, кто из них умеет разрезать гуся, и приказал одному из них сначала отрубить у дьяка ноги по половине

²¹ Коллинз С. Нынешнее состояние России. — Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1846, кн. I, с. 14 (далее: Коллинз). Вносим в перевод П. Киреевского поправку М. П. Алексеева (Алексеев М. П. К анекдотам об Иване Грозном..., с. 325).

²² Там же, с. 327.

²³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — Русский исторический журнал, кн. 8. Пг., 1922, с. 42 (далее: Таубе и Крузе).

²⁴ Алексеев М. П. К анекдотам об Иване Грозном..., с. 328.

икр, потом руки выше локтя (все спрашивая его, вкусно ли гусиное мясо) и, наконец, отсечь голову, дабы он совершенно походил на жареного гуся».²⁵ В версии, приведенной Коллинзом (был в России в 1660—1669 гг.), опущены речь царя к народу (что окончательно переводит рассказ из предания в анекдот) и вопрос царя к палачам (а это уже ослабляло мотивацию способа казни). По сведению Д. Горсея, во времена Грозного уличенного дьяка-взяточника публично наказывали кнутом, при этом «вещь, взятая в подарок», была привязана у него на шее.²⁶ В нашем анекдоте способ казни, придуманный Грозным, оказывается жестоким переосмыслением обычая.

Воспоминание об этом же обычае времен Грозного использовано и в другом анекдоте, услышанном на рубеже XVI и XVII в. голландским купцом И. Масса. Как-то царь Иван сидел во дворце, «смотря на Потешный двор» (здесь — смеховое пространство, знак, предупреждающий слушателя о жанре рассказываемого). Внезапно он распорядился вызвать всех дьяков и подьячих, а когда они явились, приказал раздеть их донага и попотчевать кнутом. Один из них опоздал и явился, когда остальные уже благодарили «за великую милость», получил от царя яблоко и был отпущен. Однако, выражая благодарность царю, он «не сумел удержать язык» и объяснил сделанное ему снисхождение тем, что его предки всегда честно служили царю «и никого из них никогда не секли...» и ему «было бы чересчур горестно безвинно тому подвергнуться». «Ого, — сказал тиран, — ты никогда еще не отведывал ударов кнута, так ты еще не сделался благородным, да и никто не может назваться придворным, ежели его не били кнутом», — и повелел отпустить ему втрое больше ударов, чем тем, что были до него.²⁷

Попотчевав всех подряд батогами, царь Иван выражает тем самым свое убеждение в продажности всех своих дьяков и подьячих. Идея эта полностью соответствует народной пессимистической точке зрения на честность приказных, многократно отразившейся в пословицах, народной драме и сатире XVII—XVIII вв. Опоздавший нарушает назидательность всеобщей порки, и милостиво отпущен, однако его неумное хвастовство заставляет царя приоткрыть смысл своей затеи. Правда, последняя реплика царя явно искажена (акцент перенесен на претензии приказных на аристократизм), что объясняется, по-видимому, социальным положением информатора голландского купца: И. Масса утверждает, что имел возможность «узнавать обо всем при дворах различных благородных людей и дьяков».²⁸ Народная основа анекдота, однако, несомненна.

Сложнее обстоит дело с другим анекдотом, приведенным Флетчером в качестве иллюстрации к рассуждению о способах московских царей выколачивать деньги из подданных: «В другой раз он (Иван IV, — С. Р.) послал в Москву добыть ему колпак, или меру, живых блох для лекарства. Ему отвечали, что этого невозможно исполнить и если бы даже удалось наловить столько блох, то ими нельзя наполнить меру оттого, что они распрыгаются. За это царь взыскал с них штраф, или выбил из них правожом 7000 рублей» (с. 77). В конспективном пересказе Коллинза (с. 14) исчезает непомерность «пени», зато значительно ослабляется острота анекдота: речь идет уже просто о меховом колпаке «в надлежащую меру», тем самым почти снимается «низкий» характер просьбы царя и свойственное

²⁵ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906, с. 73 (далее: Флетчер).

²⁶ Горсей Д. Записки о Московии. СПб., 1909, с. 36 (далее: Горсей).

²⁷ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, с. 26—27.

²⁸ Там же, с. 16.

древнерусской смеховой культуре «смешение культурного и природного».²⁹ Отметим, что вместо Москвы в версии Коллинза появляется Вологда, с которой связан, как увидим, целый цикл произведений о Грозном. В обоих вариантах сам сюжет выдвигает на первый план не корыстолюбие царя, а, скорее, недомыслие москвичей или вологжан, не сумевших должным образом ответить на смеховой запрос (выдвинуть в ответ иное неисполнимое задание?). Этот акцент позволяет предположить и здесь демократическое происхождение сюжета.

В XVII в. корпус подобных произведений устной прозы о Грозном существенно пополняется прежде всего текстами, впервые записанными Коллинзом. Здесь принципиальное значение имеют в первую очередь фиксации рассказов о Грозном и лапотнике,³⁰ Грозном-куме³¹ и Грозном и воре (Андреев, Указатель, № 951), свидетельствующие о том, что к середине XVII в. вокруг образа царя Ивана уже сложился типологический фольклорный цикл о «справедливом правителе». Поскольку тексты эти достаточно хорошо изучены, остановимся только на отдельных деталях.

Как отмечает Н. В. Новиков, «не исключено, что современники Коллинза сказку об Иване Грозном и лапотнике воспринимали как историческое предание, на что указывают, между прочим, такие места в тексте, как происхождение дворянской фамилии Лапотских или забрасывание „по обычаю прохожими старых лаптей на дерево в память о лапотнике».³² Добавим, что фраза «Это обыкновение до сих пор ведется» (с. 16) окончательно обличает в записи историческое предание. Как это ни парадоксально, не исключена возможность, что в устной традиции функцию генеалогического предания могла выполнять (в плане сатирическом?) и «сказка» о Грозном и воре. Во всяком случае в ее польском варианте XVIII в. (имя царя «moskiewskiego» здесь, правда, не названо) вор оказывается основоположником рода Долгоруких («Deloruki»)³³.

Означает ли краткость этих текстов, что Коллинз редуцировал сюжеты услышанных им рассказов? Первый и второй удовлетворительно раскрывают сюжет, относительно третьего наблюдения А. Н. Веселовского показывают, что многоэпизодные варианты XVIII в. («Шибарша») есть результат дальнейшего развития сюжета.³⁴ К решению этого вопроса можно подойти и с другой стороны.

Идейно-эстетическая структура этих трех текстов обнаруживает общие черты, сближающие их как друг с другом (дружеский контакт царя с подданным простолюдином, сопровождающийся во 2-м и 3-м рассказах карнавальным переодеванием государя), так и с другими записями Коллинза: смеховой характер (лапти и репа как дар царю, общий смех над обманутым в своих надеждах дворянином; пользуясь выражением И. Массы, «жесточкая шутка» над отказавшими Грозному в ночлеге; травестийное переосмысление отношений «первого» («царя») и «последнего» (вора)); мотив «испытания» в двух последних рассказах; традиционное пожалование вора «доброй чаркой вина и меда». Мы можем прийти к выводу о том, что тяготение рассматриваемых текстов к одноэпизодности, характерной для

²⁹ См.: Смирнов И. П. Древнерусский смех и логика комического. — ТОДРА, т. 32. Л., 1977, с. 306.

³⁰ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне. Л., 1929, № 921+1960 Д. (далее: Андреев, Указатель).

³¹ Используются традиционные сюжеты «Чудесный странник» и «Царский крестник». Это сочетание встречается и в других циклах о «справедливых правителях», например в преданиях о Матвее Корвине.

³² Русские сказки в ранних записях и публикациях... с. 264.

³³ Fryczkiewicz M. M. Sto sposobów nabożnie wesółych, Kraków, 1767, s. 129—130.

³⁴ Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном, с. 317—320.

анекдота,³⁵ — не дефект фиксации их Коллинзом, а свойство, исконно присущее устным прототипам этих преданий-анекдотов, рассказанных любознательному англичанину в составе цельного цикла, примерно соответствующего записанному им.

Не вызывает никаких сомнений жанр рассказа Коллинза о том, как царь Иван «однажды послал в Казань за одним дворянином, которого звали Тарас Плещеев, а воевода, не расслышавший приказания, подумал, что он велел привести полтора ста плешивых людей. Итак, собрав 80 или 90 человек плешивцев, воевода поспешно отправил их <...> Увидя такое множество плешивых, царь перекрестился от удивления». Недоразумение выясняется, для плешивцев встреча с грозным царем оканчивается благополучно: «Поив плешивых три дня до пьяна, царь отослал их назад» (с. 14).

Это, конечно же, один из классических типов анекдота, эксплуатирующий комизм неожиданной семантики, возникающей при ошибочном восприятии речи на слух. Очень близкую игру слов находим в северной посылке, возникшей, по-видимому, на основе сходного анекдота: «Один про Тараса, а другой чертей полтора ста»;³⁶ несомненно и в устном прототипе анекдота Коллинза было: «послать по Тараса...». Что же касается звукового эквивалента «плешивых», то транскрипции Коллинза (Plesheare) наиболее соответствует Плещей, возможен подставленный при переводе П. Киреевским Плещеев, но не исключен и Плешивый.³⁷

Дело в том, что Тарас Плешивый — персонаж, в свое время небезызвестный народной смеховой культуре. Былую его популярность отражают, в частности, пословицы из собрания В. Даля: от нейтральных («Тарас плешивый — человек неспесивый»; «Плешивый Тарас, моли бога о нас!») до издевательских («У Тараса на плечи разыгрались три вши» или «Кабы на Тарасовой голове да капуста росла, так был бы огород, а не плешь»);³⁸ В русле этой традиции следует рассматривать имя незадачливого философа-плешивца (плешь его играет свою роль в сюжете) в древнерусском смеховом «Прении о вере скомороха с философом жидовином Тарасом».³⁹ Наконец, нескромная повестушка о старике-плешивце и трех молодках, восходящая к сборнику фаяцей Поджо Браччолини и включенная в XVII в. в русский перевод польских «Фаяцей», в начале XVIII в. была напечатана как надпись к лубочной картинке «Тарас плешивый».⁴⁰

Вообще же плешь, лысина может рассматриваться как ослабленная форма обнажения, которое имело важное значение в древнерусском смехе;⁴¹ для слушателей анекдота появление сразу целой сотни плешивцев было просто смешно.

Если в этом анекдоте царю Ивану досталась роль довольно пассивная, то в опубликованной А. Н. Веселовским по рукописи XVIII в. так называемой «Сказке о Грозном и старце»⁴² он вступает в изобретательное, явно нарушающее благочиние церковной службы и монастырского быта

³⁵ Пермяков Г. А. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970, с. 59, 61.

³⁶ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные П. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960, с. 190.

³⁷ См.: Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974, с. 247.

³⁸ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957, с. 356, 647, 731, 851.

³⁹ Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). М.—Л., 1965, с. 182—184.

⁴⁰ Державина О. А. Фаяцей. М., 1962, с. 48, 83.

⁴¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси, с. 19—20 и сл.

⁴² Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном, с. 322—323.

смеховое состязание с веселым старцем головщиком (старшим на одном из клиросов) Троице-Сергиева монастыря.

Дошедший до нас текст — не запись фольклорной сказки (отметим, что А. Н. Веселовский в своей статье термины «сказка» и «повесть» употребляет как синонимы⁴³), но литературная повесть XVII в., основанная на местном, троицком, предании, исторический прототип которого — «горазд пению» старец, приглашенный, по повести, царем в Александровскую словоду, — выясняется из записи 1594 г. на одном из Обиходников ГПБ: «Писан обиходник у Троице в Сергиеве монастыре с уставщика старца Филарета, что был у царя Ивана Васильевича в Слободе в Александрове у Покрова. . .».⁴⁴

На литературный характер текста указывает уже философское кредо гуляки-старца: «Бес-де не может от добра к злу, а человек преложен еством и самопроизволен, может ся приложить от зла к добру и от добра ко злу».⁴⁵ Второй, пародийный, план повести, сближающий ее с произведениями демократической сатиры XVII в., затрудняет вычленение в структуре ее сюжета повествовательного материала, присутствовавшего уже в ее фольклорной основе. Так, двукратный отказ старца благословить царя («дать аминь» после его молитвы) пародирует ключевой эпизод «Жития митрополита Филиппа» (в середине XVII в. в связи с организованным Никоном переносом его мощей «было много толков в народе»⁴⁶); с другой стороны, объяснение старцем этого поступка («Здесь-де одного подобает слушати») очень близко к тому, которое дает . . . Дюк Степанович, отказывающийся в печорской версии былины вступать во время церковной службы в разговор с Чурилой (в одном из вариантов, записанных А. Марковым, с самим князем Владимиром):

Не то нынче поют, да не то слушают,
Поют и слушают обедню воскресенскую.⁴⁷

В другом эпизоде царь, «покою» в Слободе старцев с головщиком во главе, «после многого кушанья велел. . . спросить, сыти ли; и они сказали: сыти-де. И велел государь принести к ним пирог свой царский, и они его весь съели». На обвинение во лжи головщик отвечает: «Как-де бывает хоромина полна людей, а царь идет, и молвит: всем тесна, а царю пространная дорога. И так-де и пирог царский». Притча старца пародирует весьма популярные в древнерусском литературном красноречии, но особенно распространенные в XVI—XVII вв. сопоставления явлений царского обихода с делами «божицкими»;⁴⁸ смеховой эффект возникает при подстановке на место отношений человека (чаще святого) с богом взаимодействия царского пирога с битком набитыми монашескими брюхами. Однако притча находит близкую параллель в украинском анекдоте, в котором мужик, наевшись пи-

⁴³ Там же, с. 317, 320.

⁴⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 735/992. Этот уставщик фигурирует и в «Житии Дионисия Зобниновского» (под 1616 годом).

⁴⁵ Ср.: Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского. — ЧОИДР, М., 1877, кн. 4, с. 200—201. Проблема «самовластия» человека живо интересовала древнерусских книжников.

⁴⁶ О л е а р и й А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870, с. 115 (далее: Олеарий).

⁴⁷ Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904, № 24, с. 225—226. Ср.: Астахова А. М. Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, № 71, с. 418; Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901, № 113, с. 557.

⁴⁸ Например, у Симеона Полоцкого: «Яко царский вертоград многовидными украшается цветы, тако невеста Христова церковь различными чтенми и пенми благоулепствуется» (Жезл правления. М., 1662, л. 92 об.), у И. Владимирова, Дмитрия Ростовского и др.

рогами так, «жи вже не міг ані раз вкусити», съедает, к своему изумлению, и принесенную женой миску каши; успокаивается, только поставив опыт: в плотно набитый картошкой мешок помещается еще «гилетка» проса.⁴⁹

Трудно судить, ощущался ли пародийный оттенок заимствования двух неисполнимых заданий («обусловленного прихода» и выдачи испытуемым во время обеда ложек «долгия стебли, что не можно самому себе в рот уноровить») и их исполнения⁵⁰ из сказки-апокрифа о Соломоне (Андреев. Указатель, № 920), где только и встречаются рядом эти задания. Невольно возникает сопоставление старца «с крылошаны» и юного Соломона с товарищами.

Не подлежит, однако, сомнению, что уже устный прототип повести был построен на смеховом общении двух ее главных героев: каждая из забавных инициатив царя в состязании со старцем — от переворачивания «главою вниз» Пролога на аналое и до провокационного угощения царским пирогом — оказывается типичным для народных анекдотов о Грозном «испытанием», а завершается контакт приспособленным к монастырским условиям традиционным пожалованием: «И приказал его архимандриту жаловать наипаче всех братий». Жизненному идеалу нашего старца («Государь, немного старцу надобно, только в трое: тепло, мокро и мягко»⁵¹) далеко, конечно, до Телемской обители брата Жана из знаменитого романа Рабле, однако и здесь слышен «голос демократического клирика, пытающегося прославить материально-телесные ценности, оставаясь в то же время в рамках церковной системы мировоззрения».⁵² Троицкое предание демонстрирует солидарность с народной точкой зрения на Ивана Грозного монастырских певчих, клирошан, — самого бесправного, неимущего и мобильного слоя русского монашества; с другой стороны, оно сохранило реальные черты характера царя Ивана: любовь к музыке (он не только отличает «горазда пению» старца, но и «сам горазд пению», показан поющим на клиросе), живой и коварный для собеседника юмор.

Переходя к отражениям в устной традиции конкретных внутрениполитических начинаний Ивана IV, отметим сразу, что даже самое масштабное из них — опричнина — оставило здесь весьма слабые следы, что можно связать как с загадочностью самого явления, до сих пор представляющего проблему для историков, так и с известным официальным запретом упоминать о ней после отмены в 1572 г. Тем не менее предания об опричнине существовали. На это указывает, в частности, надпись на поддоне подсвечника конца XVII в. рядом со схематическими изображениями Александровской слободы и опричника: «Остави град и удалися царь со братию в монастырь».⁵³ Можно думать, что отраженное здесь предание было близко к записанному во 2-й половине XIX в. Н. Я. Аристовым, в котором бояре изгоняют доброго к народу царя Ивана, и он «отправился куда

⁴⁹ Етнографічний збірник видає етнографічна комісія Наукового товариства імени Шевченка, т. 6. Галицько-руські анекдоти. Зібрав В. Гнатюк. У Львові, 1899, № 50, с. 14.

⁵⁰ См. белорусский вариант: Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. 6. Сказки. Могилев, 1901, с. 459—461.

⁵¹ Ср. в романе Рабле иносказательный разговор Панурга с распевом о прелестях тайных любовниц. В нашей повести царь предпочитает дать иносказанию старца более приличное для монаха толкование («тепло — келья, и питья нескудного, и мягкого хлеба»).

⁵² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 309 (М. М. Бахтин говорит здесь о латинской рекреативной литературе XII и XIII веков).

⁵³ Надпись и изображения воспроизведены в кн.: Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Александровская слобода. М., 1970, с. 38—39. Надпись явно выполнена ремесленником, о чем свидетельствует ее малограмотность, в частности употребление *i* на месте *и* и *i*.

глаза глядят». По дороге он увидел, что ему кланяется березка (мотив «символ будущности рода»), вернулся в Москву и «перекрушил бояр, словно мух». ⁵⁴ Отметим еще возникшую в клерикальных, но близких к боярству кругах легенду о том, что митрополиту Макарию было видение об опричнине, суть которого он выразил «его келейнику, некоему духовну» так: «Грядет нечестие и кровоизлияние и разделение земли». ⁵⁵

Гораздо больше следов сохранила в наших источниках передача в 1575 г. власти Симеону Бекбулатовичу, которую новейший исследователь называет второй опричниной. ⁵⁶ Уже через два года в версии Даниила, принца из Бухова, это событие, о котором он узнал «из рассказов некоторых», обросло вымышленными подробностями: Симеон оказался сыном царя Казанского, он, «боясь за себя, тотчас упросил освободить его от этой чести». ⁵⁷ Слухи-толки москвичей об этом поступке царя живо передал один из информаторов составителей ПЛ: «А говорили нецны, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва будет в людех про то» (с. 192). Молва об «искушении» людей как мотиве отречения Грозного отразилась и в сообщении Маржерета. ⁵⁸ Писавший об эпохе Ивана IV по устным (возможно, семейным) преданиям князь И. М. Катырев-Ростовский (1626) соединил в одно целое опричнину и передачу власти Симеону, а в качестве опричной столицы назвал Старицу. ⁵⁹

Еще через полвека Коллинзу рассказали анекдот, в котором татарский царевич был уже заменен дьяком, а от исторической основы сюжета сохранилась только подпись на челобитной («Ванька Московский»), в которой царь смиренно просил дьяка, «чтобы он сделал одолжение, заготовил к назначенному времени 200 000 человек войско со всем нужным оружием ... С этим войском завоевал он Царство Казанское», Астрахань и Сибирь (с. 14). Смеховой эффект здесь возникал не только при противопоставлении безвестного дьяка и «подчиняющегося» ему царя, но и на контрасте незначительности фигуры первого и тех результатов, к которым привело выполнение им шутовской просьбы.

Что же касается террора, в сознании современников Грозного и их потомков связанного прежде всего с опричниной, то по-разному отразился в фольклоре верхов Московского государства и демократических его кругов.

Большинство боярских устных новелл о терроре царя Ивана построены по шаблонной, но отражающей реальной ход подобных событий — чем и объясняется использование ее и в противоположном по идейной направленности анекдоте «о гусе» — сюжетной схеме: действительный проступок (или ложный донос) и злодейская «острота» царя, которая реализуется как в избранном им способе казни (наказания), так и в словесном его обосновании.

В наиболее обнаженной и близкой к звучанию устного анекдота форме

⁵⁴ Аристов Н. Я. Русские народные предания об исторических лицах и событиях. — В кн.: Труды третьего археологического съезда..., т. I. Киев, 1878, с. 338—339.

⁵⁵ ПСРЛ, т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978, с. 190 (далее: ПЛ — Пискаревский летописец).

⁵⁶ Крыльников Р. Г. Опричный террор, с. 202.

⁵⁷ Даниил, принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877, с. 29.

⁵⁸ Маржерет. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году. М., 1913, с. 22—23.

⁵⁹ См.: Русская историческая библиотека, т. 13, вып. I. Изд. 3-е. Л., 1925, стб. 561.

эту конструкцию находим в новелле Шлихтинга — Пашковского, рассказывающей о том, как «к некоему синклитику» (у Шлихтинга — дьяку, с. 40) некто «орач» принес «в почесть рыбу шуку велику». ⁶⁰ Враждующий с придворным поп (у Шлихтинга — монах), узнав об этом, доносит царю, что этот придворный «никогда же ясть малыя рыбы, но всегда великия, их же уловляет в твоих езерах, и многожды теми великие обеды советником своим устроает» (намек на заговор?). Царь приказывает утопить придворного в озере, сказав: «О нечестиве, ибо много еси рыб великих и малых ловил в моих езерах, иди же ныне и лови и, ими же хочеши, питайся» («О обычаях...», л. 316 об.). Характер казни связан как с проступком, так и с обычным правом: по сведениям иностранцев, одной из самых распространенных у русских в XV—XVI вв. казней было утопление.

Схематичность этого анекдота, безымянность его героев-подданных позволяет видеть в нем продукт придворных пересудов, возникший по уже испытанному шаблону. Отметим, что здесь остроумие наказания и его словесного обоснования равноценны и как бы дополняют друг друга.

Наиболее эффектен среди рассказов этого типа (по крайней мере для современного читателя) анекдот о Борисе Титове, на пути от записи Шлихтинга до русского перевода XVII в. не претерпевший серьезных изменений; передает его и Одерборн. Вот как он звучит в русском переводе. Борис Титов, «бывый воевода», приходит к царю, сидящему за столом, и приветствует его. Тот отвечает, называя его «любимым Борисом» и «вернейшим» слугой, и продолжает: «Достоин еси, дабы от меня неким даром был почтенный. Приступи ко мне ближае». Затем велел Титову наклонить голову, «обретый же нож, ухо ему уреза». Титов покорно терпит боль и благодарит за наказание. Царь отвечает: «Ныне малое сие дарование от мене да примеши, донеле же величайшее воздам ти» (л. 283 об. — 284).

«Соль» анекдота — в загадочной немотивированности наказания и устранивающей двусмысленности заключительного обещания царя, оставляющего Титова в неведении об его дальнейшей участи. В версии Одерборна есть намек на причину «казни»: Титов приветствует царя «длинной вереницей титулов», а царь в конце замечает, что мало наградил мужа столь изящного (л. 01 об. — 02).

Разгадку «остроты» царя в версии Шлихтинга — Пашковского легко найти, если, во-первых, вспомнить, что в древней Руси ухо отрезали за первое воровство (Олеарий, с. 302). Далее, Б. И. Титов в действительности не был ни старицким (Одерборн), ни «бывым» воеводой, но служил в дворцовом опричном ведомстве в должности государева сытника, ⁶¹ т. е. ведал личным погребом царя. Злоупотребления при выдаче напитков из государственных запасов были во времена Грозного явлением обычным, ⁶² возможности для краж имелись и у государева сытника. Получив, очевидно, донос на Титова, царь лично наказал его, а реакция пострадавшего говорит о том, что он царя понял.

Менее тонкую игру затеял Грозный в весьма популярном у иностранных писателей XVI—XVII вв. рассказе о казни конюшого боярина И. П. Челяднина-Федорова. ⁶³ По сокращенной, но сохраняющей основные

⁶⁰ Ср. анекдот XVIII в. о воеводе-взяточнике, «неслыханном охотнике» до больших шук, использованный М. Д. Чулковым в его сборнике «Пересмешник, или Славенские сказки» (ч. I—IV. М., 1783—1784, Вечер 100. Драгоценная шука).

⁶¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 75, 455.

⁶² Штаден, с. 82; Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. М., 1889, с. 11, 22.

⁶³ Шлихтинг, с. 21—22 и восходящие к нему тексты; Oederbornius, л. M 3, и восходящие к нему тексты.

структурные компоненты рассказа версии «О обычаях...» Грозный, «призвав ево к себе, положил свою царскую пред ним державу и велел ево посадить на высокое место и сам пришед ему поздравил. И потом взял нож и прободе его в самое сердце» (л. 975). Многословное словесное сопровождение обоих «жестов» царя у Шлихтинга и в восходящих к нему текстах лишено обычного для Грозного остроумия.

То ли сам царь, то ли дворцовый сплетник⁶⁴ использовал древний фольклорный мотив, вошедший в состав одной из версий популярнейшего сюжета «Император и аббат»: ⁶⁵ герой меняется с царем одеждой и атрибутами власти, садится вместо него на трон, а затем «на законном основании» убивает его. На русской почве эта версия легла в основу «Повести о Дмитрие Басарге», сам мотив находим и в ряде восточных, в том числе татарских и монгольских, сказок.⁶⁶ Грозный вначале как бы воспроизводит первую половину мотива, а затем, поздравив нового царя, решительно вмешивается в ход пародийного «действия». Кроме того, возможно предположить воздействие на замысел инсценировки популярной в средние века по всей Европе игре «в царя» на святки; Грозный был способен и на пародирование евангельского эпизода облечения Христа перед казнию в терновый венец и багряницу и воздания ему царских почестей.

В ряде других боярских новелл о «мучительствах» Грозного смеховая ситуация возникает только при восприятии сопровождающей убийство «речи» царя: например, в новелле о гибели постельничего Гроздева это ответ царя на уверения медика в невозможности оживить сгоряча убитого царем любимца: «Да идет пес ко псу, егда не восхотел еси жити!» («О обычаях...», л. 283 об.).⁶⁷

Рассмотренные боярские новеллы типологически близки к другим европейским фольклорным циклам о «зломудром» правителе. Уже Ф. И. Буслаев увидел в одном из анекдотов Коллинза («Иван Васильевич велел одному французскому посланнику пригвоздить шляпу к голове» и угрожал тем же английскому — сэру Иерониму Боусу — с. 15) очевидное «подражание повести о мутьянском воеводе Дракуле».⁶⁸ Я. С. Лурье, автор новейшего исследования и издания этой русской повести конца XV в., признает равную вероятность как генетической связи между текстами, так и того, что «перед нами „бродячий сюжет“, связывающийся с различными персонажами».⁶⁹

Действительно, известные в настоящее время версии этого сюжета, прикреплённые к Грозному (как собранные Я. С. Лурье, так и оставшиеся ему неизвестными), сами по себе не позволяют решить проблемы происхождения их русского прототипа. Версии эти распадаются на три группы. В первой из них — самостоятельный анекдот о наказании Иваном IV итальянского посла, упомянутый голландским купцом И. Данкертом, который был в России в 1609—1611 гг. (с. 66), и русская надпись начала XVIII в.

⁶⁴ Р. Г. Скрынников как в цитированной монографии, так и в научно-популярной книге (Иван Грозный. М., 1975, с. 141) рассказывает об этой инсценировке как о достоверном факте. Любопытно, однако, что такие осведомленные свидетели, как Таубе и Крузе, Штаден (а также Курбский), об инсценировке не упоминают.

⁶⁵ Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. Helsinki, 1961, № 922.

⁶⁶ Скрипиль М. О. Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Л., 1969, с. 14—19.

⁶⁷ У Шлихтинга было: «Так пусть убирает его дьявол...» (с. 43). Каламбур в первой части фразы появился в версии Пашковского (с. 49) под влиянием предшествующего изложения, в котором тела казненных бросали псам (труп Челябинина и др.).

⁶⁸ Буслаев Ф. И. Исторические очерки... с. 514—515.

⁶⁹ Лурье Я. С. Повесть о Дракуле. М.—Л., 1964, с. 66 (в дальнейшем страницы этого издания указываем в тексте).

над вклеенной в Двинскую летопись гравюрой, иллюстрировавшей сочинение И. Данкерта в голландском издании 1700 г.: «Объявление посольства к царю Иоанну Васильевичу, како приказал оному послу шляпу железным гвоздем ко главе приколотить за ево непокорность и гордость, что не чинно посолствовал» (воспроизведена между с. 64 и 65 книги Я. С. Лурье). «Английскую» группу версий анекдота представляют рассказ Коллинза и близкий к нему, но восходящий к иному, тоже иноземному и также использовавшему устные рассказы англичан, живших в России, эпизод «О царстве...». Оба рассказа связывают сюжет с послом сэром Иеронимом Боусом, и в русском источнике это «человек был великова смельства», не снявший шапку перед царем, на что «ему было объявлено: „Когда он не скинет шапки, то она будет прибита гвоздем в его голову“». Но он и то презрил» (л. 1000 об.); дальнейшие доказательства «великого смельства» Боуса, восхищающие царя Ивана (однако невозможные в русском устном источнике⁷⁰) у Коллинза и в эпизоде «О царстве...» различны.

Присутствие анекдота о том, как Грозный прибывает гвоздем ермолку к голове еврейского купца, «чтобы он с нею никогда не расставался», в цикле преданий об Иване IV, записанных Н. Я. Аристовым,⁷¹ доказывает только бытование его в русском фольклоре, на что косвенно указывает и надпись в Двинской летописи.

Окончательно частный вопрос о соотношении анекдота о Грозном и эпизода «Повести о Дракуле» выясняется при фронтальном сопоставлении сходных явлений европейского эпоса о Дракуле, изученного Я. С. Лурье, и корпуса известий источников XVI—XVII вв. об Иване IV. Я. С. Лурье указал, например, среди знакомых русскому фольклору «бродячих сюжетов», отразившихся и в «Повести о Дракуле», «историю об убийстве тираном мастеров для сокрытия сделанного ими дела», назвав в качестве параллели легенду XVII в. (Олеарий, с. 110) о строителях церкви Василия Блаженного (с. 65).

Параллель эта довольно отдаленная: если Дракула приказывает убить рабочих и ремесленников, которые ему помогали прятать сокровища (немецкая брошюра 1594 г. — с. 22), — типичное деяние фольклорного разбойника, в том числе «благородного» и даже «народного мстителя» (от Яношика до Салавата Юлаева), то рассказы об ослеплении Грозным зодчих — шла ли речь о легендарном строителе Иван-города, лишенном глаз «за редкий способ архитектуры» (Горсей, с. 23), или о создателе церкви Василия Блаженного — относятся к другому типу международного сюжета, возникшего в результате переосмысления древнего архетипа «строительной жертвы»: злодеяние призвано предотвратить создание мастером столь же или еще более совершенного творения.

Гораздо бóльшую близость обнаруживают предание о построении Дракулой крепости Поенары, зафиксированное только в валашской «Хронике Кантакузена» (конец XVII в.) и в обработке П. Испиреску (XX в.), и предание о наказании Грозным вологжан, вошедшее в Пинежский и восходящие к нему летописцы. В версии И. Испиреску Дракула, оскорбленный купцами Тырговиште, мстит, велел схватить «всех горожан» во время пасхальных гуляний и отвести на стройку. «Все были разодеты в новую

⁷⁰ Высокомерие и бестактность Боуса вызвали у русских такую ненависть к нему, что тот после внезапной смерти благоволившего к нему царя Ивана едва смог унести ноги из страны (см.: Горсей, с. 60).

⁷¹ Аристов Н. Я. Русские народные предания..., с. 340—341. Отметим, что мотив забивания гвоздей (в подошвы, руки («подковывание»), в зад) обычен в славянских и немецких преданиях о «благородных разбойниках» (см.: Богатырев П. Г. Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни («Збойницкий цикл»). М., 1963, с. 14—17).

и чистую одежду... Мужья с женами и детьми таскали известку, кирпичи, камни. Слугам дела не было до того, кто кем был, всех заставляли работать» (с. 195). Грозный на Вологде повелел делать город каменный, «и прииде сам на Вологу на Велик день Христов. И вологъжане в недоумении после заутрени не ходили ко царю с яйцы здравствовать, и царь на них прогневался о том» и повелел «после обедни вологжанам, князем, и бояром, и рядовичам, и княгиням, и боярыням, и гостиным женам, от церкви в дома не ходя и платья не сложа с собою, в коем к церквам пришли, сносить сваи дубовые в ров, что были на подошвы ставить в городовую стену... И по Велице дни на той же недели казнил вологжан тако же, как в Новгороде».⁷² Содержание обоих преданий однотипно: крепость — твердыню тирана закладывают оскорбившие его подданные, месть приурочена к Пасхе — празднику христианского всепрощения. Перед нами — еще один международный сюжет, в основе которого лежит своеобразная модификация уже упоминавшегося архетипа «строительной жертвы».

Еще один традиционный сюжет эпоса о Дракуле, сожжение нищих с целью избавить страну от них, а их самих от нужды (с. 66 и др.), просматривается в рассказе Горсея о том, как Грозный освободил свое царство от наводнивших его после голода 1575 г. и эпидемии нищих и калек: «Объявлено было, что царь станет раздавать щедрую милостыню в такой-то день в Слободе».⁷³ Явилось туда несколько тысяч: семистам самым негодным обманщикам размозжили головы и бросили их трупы на корм рыбам, а остальных, действительно слабых, отправили в монастырь и в богадельни» (с. 63).

А вот сообщение Штадена, пользующегося обычно у историков доверием: после сражения на Молодах «все служилые люди получали придачу к их поместьям... если были прострелены, посечены или ранены спереди, а у тех, которые были ранены сзади, убавляли поместий, и на долгое время они попадали в опалу» (с. 112). Но точно так же «смотрел» своих воинов после битвы Дракула, только раненых сзади он сажал на кол (с. 117—118). Наконец, уже совершенно реальное начинание Грозного — написанные под его диктовку письма бояр к польскому королю и его вельможам с издевательским согласием принять под управление ключевые области и перейти с ними под начало к царю московскому⁷⁴ — явная параллель к своеобразной «службе» Дракулы турецкому царю.

Каково бы ни было происхождение рассмотренных и подобных им сближений — использование международного сюжета, историко-типологическое⁷⁵ или независимое же развертывание сюжета по законам смеховой логики тирана,⁷⁶ — несомненно, что перед нами два различных, но типологически близких фольклорных цикла о «зломудром» правителе. Гипотеза о прямом контакте между ними (анекдот о приколачивании гвоздем

⁷² Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в., с. 77; ср.: ГПБ, ОСРК, Q XVII, № 252, л. 280 об.—281.

⁷³ Этикетный момент. Жаль, что Горсей не называет дату: в XVII в. самая щедрая царская милостыня раздавалась обычно в сочельник.

⁷⁴ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 447 и сл.

⁷⁵ Несмотря на различия в масштабах деятельности Дракулы и Ивана IV, оба правили в условиях сильной боярской оппозиции, воевали на два фронта (западный и восточный).

⁷⁶ В немецкой поэме М. Бехайма Дракула помогает монахам поскорее попасть в царствие небесное, сажая их на кол (с. 24). Грозный, согласно А. Курбскому, сажает на бочку с порохом одевшего монашеский клобук Н. Казаринова-Голохвастова, помогая ему «на небо взлетети». Дракула сажает на кол встреченного им монаха вместе с его ослом (с. 19). Грозный, также, видимо, желая нейтрализовать плохую примету, велит «рассечь» перебежавшего ему дорогу коня, а заодно и «раба» Вяземского (Шлахтинг, с. 50) и др.

шляпы к голове посла) останется гипотезой до тех пор, пока по крайней мере не будут найдены в источниках XVI—XVII вв. прямые сопоставления Дракулы и Грозного. Отсутствие их, однако, едва ли случайно: в те времена, когда формировалась недобрая слава Грозного-тирана, произведения о Дракуле и у нас, и на Западе оказались в лучшем случае на периферии литературно-общественных интересов.⁷⁷

Иван IV и Влад Цепеш принадлежали разным эпохам развития феодализма, с чем связано, в частности, интересное отличие устных традиций о них как о «тиранах»: если в анекдотах о Дракуле тема противоборства тирании едва намечена, в фольклоре XVI—XVII вв. о Грозном она занимает место весьма значительное, а осмысление воплощающих ее произведений позволяет глубже понять народную точку зрения на деятельность Ивана IV.

Среди достаточно многочисленных известий источников о протестантах против террора, принадлежавших к «верхам» общества,⁷⁸ своей яственной фольклорностью выделяется записанный Шлихтингом рассказ о гибели во время новгородского погрома богатейшего гостя Ф. Д. Сыркова. К слуге царского лейб-медика, не участвовавшему в походе, этот рассказ дошел уже в четкой форме фабулята: сюжетная конденсация материала выразилась, например, в отсутствии сообщения о казни жены и дочери брата Федора Сыркова, Алексея, о которой свидетельствует «сводник казненных», реконструированный Р. Г. Скрынниковым.⁷⁹

Согласно русскому переводу версии Пашковского Федора Сыркова, обвязав веревкой, бросают в Волхов, а когда он начал тонуть, вытаскивают. Царь спрашивает: «„Повеждь ми, Феодоре, что еси во глубине реки тоя видел“. Он же отвеща: „Видех многих диаволов, иже в реке той и в прочих озерах, именуемых Ладоге, во Илмене и во иных живущих и на сие собравшихся, дабы из тебе, мучителя, душу извлекали и в геене такожде погрузили, яко ты нас неповинных в реках сих погружаеши“»⁸⁰ (л. 291 об.—292). Реакция царя лишена обычного остроумия и сводится к констатации того, что Сырков выдержал «испытание»: «Благо поведал еси. Се аз за повесть видения твоего благодарствене воздам ти». После чего следует приказ варить ноги Сыркова в котле до тех пор, пока не выдаст своих сокровищ (богатство фольклорно-гиперболически преувеличено). Если по Шлихтингу и Гваньини Сырков выдает свой клад (в 12 тысяч у Шлихтинга, в 30 — Гваньини, серебряной монетой), то в версии Пашковского Сырков стойко выдерживает пытку, указав клад в 30 тысяч золотых в некоем «пирепупт» (KSE, с. 54; в русском переводе — «худейшем») месте, «но обаче необретени быша. Царь же недомышляючи, что сотворити ему, повеле его и з братом его Алексеем без милости замученного на части разсеци и телеса их в реку Волхов пометати» (л. 292). Судьба трупа завершает начатую пыткой «шутку».

⁷⁷ См.: Варбанец Н. В. Немецкая брошюра «Об одном великом изверге» — лейпцигское издание 1493 г. — В кн.: Лурье Я. С. Повесть о Дракуле, с. 192—193.

⁷⁸ «Встречные речи» князя Владимира (Шлихтинг и др.), знатных жен и девиц его двора (Таубе и Крузе), дворянина Митнева (Курбский), ливонских дев «дворянского звания» (П. Петрей) и др.

⁷⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор, с. 276.

⁸⁰ Демонологическая основа «видения» купца вполне достоверна. Древнерусское представление о воде как о «лукавых жилище», обитании «бесов, в омутах живущих» использовано старообрядческим писателем конца XVII в. Евфросином (Отрагительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщение Хр. Лопарева. СПб., 1895, с. 73). Ср. еще записанный в Пензенской губернии меморат спасенного «утопленника» о якобы виденном им подводном царстве водяного (Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1974, с. 66).

В польской и русской версиях, как видим, смелый купец выдерживает характер до конца, жестокость царя оказывается бессильной. Однако и вариант Гваньини заинтересовал целый ряд иноземных писателей XVII в. (П. Петрея, Олеария, Л. Боса и др.), судьба же устного прототипа новеллы Шлихтинга в русском фольклоре была скорее всего недолговечной. Отметим, что в Пинежском летописце в рассказе о новгородском погроме сохранился отголосок какого-то иного рассказа о гибели Сыркова, здесь этого «вельможу» царь велел «на плахи сказнить».

Неизмеримо большая общественная значимость функции другого рассказа о сопротивлении террору Грозного, известного предания о спасении Пскова от разгрома юродивым Никулой Салосом, обеспечила не только пристальное внимание к нему иностранцев — современников Ивана IV, летописцев и агнографов, но и долгую жизнь в местном фольклоре: в середине XIX в. П. И. Якушкин записал его от псковского мещанина А. Ф. Полякова.⁸¹

Не так давно тексты, зафиксировавшие это предание, были рассмотрены И. У. Будовницем, доказывавшим историческую недостоверность сюжета и отрицавшим принципиальную возможность обличения юродивым царя,⁸² и А. М. Панченко, стоящим на противоположных позициях и привлекающим эти тексты в главе «Юродство как общественный протест» исследования, посвященного феноменологии юродства.⁸³ Работа, проведенная этими учеными, избавляет нас от необходимости сличения текстов предания в их хронологической последовательности⁸⁴ и позволяет сосредоточиться на тех сторонах идеологии и формы этого произведения, которые представляют наибольший интерес для нашей темы.

Отметим, прежде всего, что сохранившиеся записи предания позволяют восстановить такую сюжетную структуру его наиболее полного и развитого варианта: известие об ущербе, который уже нанесен Грозным Пскову; встреча с Никулой на улице; приглашение Никулой царя; угощение сырым мясом в пост; «встречные речи» в ответ на недоумение царя; угроза несчастьем, если Грозный нанесет ущерб городу; частичное исполнение угрозы; бегство царя. Как нам представляется, уже присутствие достаточно полного набора компонентов этой схемы в практически одновременной с походом на Псков записью Таубе и Крузе (с. 50—51) — довод в пользу установившегося у историков мнения о реальности столкновения царя Ивана с псковским юродивым; исторически достоверной представляется и фамильярность обращения Никулы к царю («Ивашка» — в большинстве текстов, «милухне» — в ПЛ, с. 191), отражающая традиционную близость монарха и юродивого, которая восходит к уже упоминавшемуся древнейшему культурному архетипу, отождествляющему «первого» и «последнего». Религиозный характер протеста Никулы наблюдается только в версии псковского летописца, где царь предо-

⁸¹ Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860, с. 158—159, информатор назван на с. 126.

⁸² Будовниц И. У. Юродивые древней Руси. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей XII. М., 1964, с. 171—177.

⁸³ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси, с. 176—178.

⁸⁴ К вариантам предания, проанализированным И. У. Будовницем (Таубе и Крузе, Штаден, Горсей, Флетчер, ПЛ, Новгородская IV летопись), мы можем присоединить только конспективную запись Пинежского летописца: «И прииде во Псков град казнить, и возврати его Никула Кочанов Уродивый, говоря царю встречные речи. Царь же противу его не смея гнева нанести, ведаа его мужа праведна» (Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в., с. 77); в ГПБ, ОСПК, Q XVII, № 252 добавлено, что Никула «глаголя царю о неповинном кровопролитии» (л. 280). Герой псковского предания спутан здесь с псковским же юродивым, умершим в 1493 г.

стерегается от дерзновения «грабити святых божия церкви»,⁸⁵ в иных версиях протест Никулы имеет светски-гуманистический характер (например, у Горсея: царь не избегнет смерти, если «он сам или кто-нибудь из его войска в гневе дотронется до головы последнего из детей в городе» — с. 25). Однако и на этом фоне поразительна по своей светскости характеристика Никулы в варианте Штадена: «Этот Микула — прожиточный мужик (Kerls), живет во Пскове во дворе один, без жены и детей. У него много скота, который всю зиму ходит во дворе под открытым небом, растет и тучнеет. От этого он и разбогател» (с. 91). Еще Микула «предсказывает многое о будущем» — черта, наряду с одиночеством Никулы ука-зывающая все-таки как будто на его юродство.

Основываясь на варианте Штадена, В. Ф. Ржига обнаружил в предании о встрече Грозного и Никулы один из «исходных пунктов... для самой фабулы» былины о Микуле Селяниновиче.⁸⁶ Поскольку богатство Никулы у Штадена никак не соответствует юродству его исторического прототипа, приходится признать возможность смешения в сознании информатора немца-опричника (скорее всего, им был опричник, поделившийся на Старицком смотре с немецким коллегой свежими слухами о походе, в котором тот не участвовал) героев псковского эпизода и былины, возникшей, конечно же, еще в Киевской Руси.

Скотоводческий дар Никулы у Штадена следует связать с одной из конкретных форм реализации частичной пророческой угрозы юродивого в иных версиях: в ПЛ Никула заявляет царю: «„Не на чом ти бежати!“ И в то время паде головной аргамак» (с. 191); в церковной обработке псковского летописца «паде конь его лучший по пророчеству святого». Мы приходим к выводу, что реальный юродивый Никула в представлении псковичей был знахарем, обладавшим таинственной властью над животными — от своего скота до царских аргамаков. Со временем в устной традиции своеобразные черты образа этого юродивого стерлись под воздействием обычного стереотипа, а варианты предания о встрече его с Грозным, близкие к услышанному Штаденом, забылись.

Тем не менее идейная значимость предания обусловила воздействие на позднейшую устную традицию обеих его версий, как более традиционной, так и язычески-светской: первая была приурочена к новгородскому погрому и прикреплена к образу московского юродивого Василия Блаженного,⁸⁷ вторая — к Петру I. В 1705 г. в Москве на допросе каторжный сиделец Д. Игнатъев рассказал, будто, отпустив царевича Алексея в Суздаль на встречу с матерью, царь «поехал за ним ночью сам и хотел его, царевича, известь... встретился ему, государю, навстречу стар человек, борода... и плешив. И сказал ему, государю: „Куда-де ты едешь? Возвратись назад!“ И он-де, государь, возвратился».⁸⁸

Следующее предание рассматриваемого типа повествовало о поразившей воображение москвичей самой крупной публичной казни в Москве XVI в., состоявшейся 25 июля 1570 г. «на Пожаре», ее целью было помилование царем 184 из 300 приговоренных к смерти, уже выведенных на площадь. Предание сохранилось в литературной обработке, вошедшей в состав Щепкинского, Пинежского и связанных с ними летописцев, а в 1961 г.

⁸⁵ ПСРЛ, т. 4, IV, V. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848, с. 344.

⁸⁶ Ржига В. Ф. Микула Селянинович. — Известия по русскому языку и словесности Академии наук, т. II. 1929, кн. 2, с. 455.

⁸⁷ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси, с. 178.

⁸⁸ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, с. 357, прим. 1. Цитируем по кн.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XX вв. М., 1967, с. 117.

опубликованной Д. Н. Альшицем в качестве литературной повести, имевшей и «самостоятельное, внелетописное распространение» и написанной «вскоре после 1572 г.».⁸⁹ Однако в эти годы в Москве (доказательства Д. Н. Альшицем московского купеческого происхождения повести бесспорны) не могло быть написано литературное произведение о казни 1570 г. с заведомо вымышленным героем. Это, с одной стороны, противоречило бы литературным канонам эпохи, допускавшим в XVI в. только некоторую долю «публицистического» вымысла;⁹⁰ с другой стороны, это было бы бессмысленным потому, что реальная казнь с не менее ужасными и впечатляющими деталями была еще тогда у москвичей на памяти.

Иное дело устное предание, в процессе бытования которого 120 казненных превратилось в 37 (Щепкинский летописец, в Пинежском и др. — уже 7), а «канцлер» Висковатый, отказавшийся признать в приписываемых ему преступлениях и обратившийся к царю с гневной речью (Шлихтинг, с. 46—47), — в одного из приговоренных к смерти «торговцев больших гостей» Харитона Алексеева Левренского (так в Щепкинском, в остальных — Харитона Белоулина или Белоуленева), фигуру фантастическую: «добр бе телом и высок возрастом, власы черн, лицом бе страховит», он не только «много изглагола ко царю встречныя глаголы з грубостью при смертном часе», но и противился палачу, не давая уложить себя на плаху (с ним справились только шестеро). Отрубленная наконец голова его «воспрянув и нача от земли спрядывать, а язык лечуше. А труп тела его воскочи на ноги стоя и нача страшно трястися». Палачи не смогли сбить его с ног и «главы утолити». Испугавшийся царь ускакал в свои хоромы за Неглинную, а затем прислал гонца с помилованием всем остальным приговоренным. Труп же купца Харитона перестал трястись и упал только в «второй час ночи и бысть мертв» (Щепкинский летописец, с. 268).

Отражением близкого к использованному здесь преданию о казни «на Пожаре» следует признать и легендарное известие ряда поздних летописцев, которое Д. Н. Альшиц считает вторичным, «кратким летописным отголоском» повести: «Лета 7063-го государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел казнить торговых многих людей и гостей на Пожаре многое множество казненных, где же ныне стоят храмы по рву на костях казненных и убиенных, на костях и на крови поставлены» (с. 258).⁹¹

Легко обнаруживается близость фантастической стороны подвига купца Харитона к двум религиозным легендам о Грозном, одна из которых была записана П. И. Якушкиным от новгородского рыбака, а вторая от псковского мещанина. В первой, объясняющей, почему в одном месте не замерзает Волхов, царю доносят, что брошенные в реку тела новгородцев стали стеной за 12 верст от города. Прискакав на место чуда, Грозный оказывается окруженным пламенем, выступающим из земли, и спасается молитвой. Молитва помогает царю избавиться и от преследующего его с отрубленной головой в руках (международный мотив, использованный

⁸⁹ Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина, с. 257, 260. В дальнейшем страницы этого издания указываем в тексте.

⁹⁰ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 131—132.

⁹¹ Д. Н. Альшиц приводит это известие по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1406 и указывает его в еще двух, также новгородских по происхождению, летописцах. Оно читается также в Мазуринском летописце и в московском летописном своде 1652 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 94/124, л. 47 и об.; ср.: ЦГАДА, ф. 181, № 13/14, 1736 г., л. 79), что подтверждает гипотезу о московском происхождении предания.

и в древнерусской «Повести о Меркурии Смоленском») труппа печерского игумена Корнилия.⁹²

Эта близость к новгородско-псковской устной традиции, по понятным причинам враждебной к Ивану IV, становится понятной, если принять во внимание тесную связь московского купечества с новгородским, действительно жестоко пострадавшим, на которую указывает Д. Н. Альшиц (с. 262), а также если внимательнее присмотреться к герою московского предания. В Щепкинском летописце — это один из ста «торговцев больших гостей», иными словами, как будто гость, член высшей привилегированной корпорации купцов, обладавший, в частности, правом непосредственной подсудности самому государю; в других списках возникает возможность отнесения его и к «гостям меньшим», т. е. к рядовым членам московской гостинной сотни. Однако и в этом случае его нельзя отнести к мелким торговцам (в 1634 г., например, сотня состояла всего из 158 купцов). Московские гости играли важную роль не только в экономической, но и в политической жизни Московского государства конца XVI—первой половины XVII в., принадлежали, несомненно, к «верхам» его общества, а некоторые из них пострадали во время московских восстаний 1648 и 1662 гг.⁹³

Однако если само предание о купце Харитоне, отражая точку зрения на царя Ивана московских гостей, в среде которых оно, очевидно, и возникло, было проникнуто глубокой неприязнью к нему (об этом свидетельствует фабула предания, сохраненная повестью), то в повести, по справедливому наблюдению Д. Н. Альшица, «нет налета враждебности по отношению к Грозному» (с. 270). Дело в том, что обретя литературную форму под пером составителя Щепкинского летописца, это предание потеряло первоначальную идейную направленность. Эпизод о купце Харитоне стал центральным в композиции историко-фантастической биографии царя Ивана, окончательно сформировавшийся вариант которой читается в Пинежском летописце, где с наибольшей четкостью выражена своеобразная, близкая к народно-фольклорной, концепция личности и государственной деятельности Ивана Грозного.

С точки зрения автора этой редакции летописца, пинежского крестьянина Нехорошко, избиения московских «сильных во Израили» (А. Курбский) не заслуживают упоминания сами по себе, его интересуют отношения самодержца и тех, кого он называет «все людие на Московском государстве», т. е. народа. В первой половине рассказа о царствовании Грозного он показан в глубоком конфликте как с народом, так и с церковью. Тема нравственного сопротивления террору возникает впервые в изложении предания о юродивом Никуле. Эпизод о купце Харитоне — кульминационный момент конфликта с народом, а в помиловании остальных приговоренных — начало его разрешения. Затем показано примирение с церковью (эпизод о тверском архиепископе Евфимии⁹⁴) и пожалование царем действительно изменивших, но покаявшихся и поклонившихся Сибирью Ермака и его товарищей. Все неудачи русских войск отнесены к первой половине царствования Грозного, жизненный путь он завершает — в жесточайшем противоречии с фактами! — в ореоле воинской славы и благодостной гармонии с окружением. Практически же перед нами то же противоречие между «справедливым» правителем и народом, вы-

⁹² Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний, с. 121—122, 160—161.

⁹³ Мы использовали материалы, собранные в статье: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудыне. — ТОДРЛ, т. 2. Л., 1935, с. 193—199, 209—213.

⁹⁴ См.: Салмина М. А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным.

званное подозрительностью и гневливостью самодержца, и то же его решение, что и в знаменитой песне о взятии Казани, только взято в иных, максимально расширенных, временных и пространственных границах.

Таким образом, и само московское предание о купце Харитоне, и его интерпретация северным крестыанским летописцем, равно как и другие рассмотренные нами устные произведения XVI—XVII вв. о протестантах против террора Ивана IV, отнюдь не противоречат установившемуся в науке положению о том, что за пределами новгородско-псковского региона широкие народные массы одобрительно оценивали кровавое подавление Грозным боярской оппозиции. Впервые на это явление обратил внимание Коллинз, охарактеризовав его с замечательной четкостью: «Иван Васильевич был любим народом, потому что с ним обходился хорошо, но жестоко поступал со своими боярами» (с. 14).

Известно, что реальным итогом правления Ивана IV было невиданное разорение страны, принесшее наибольшие бедствия и страдания в первую очередь простому народу. Однако первая часть объяснения любви народа к Грозному у Коллинза («потому что с ним обходился хорошо») отражает не только позднейшую народную оценку грозного царя, но и результаты усилий самого Ивана IV для создания и поддержания своего образа (сейчас сказали бы «имиджа») народного заступника. Что же касается второй части фразы Коллинза, то она сама требует объяснения. В советской фольклористике явлению, стоящему за ним, не раз давалось совершенно справедливое истолкование: террор Ивана IV против боярской оппозиции народные массы понимали как борьбу за их интересы.⁹⁵

Наполнить этот абстрактный тезис живым содержанием, выяснить некоторые исторически конкретные пути формирования идеализации антибоярского террора Ивана IV нам поможет обращение к такому парадоксальному на первый взгляд явлению, как поразительное сходство его внешней обрядности с тем, что происходило во время народных восстаний в Москве XVII в.

Иван IV оправдывал казни изменой бояр — восставшие в 1682 г. обвиняют своих угнетателей и обидчиков в измене;⁹⁶ царь Иван во время своего первого «отречения» хотел уйти с семьей «куда бог наставит» — стрельцы в случае невыдачи им «изменников» грозятся уйти «в ыное царство, побрав жен своих и детей» (с. 346). Царь вооружается для похода на Новгород или на казнь «на Пожаре», или для ареста князя Владимира «кобы на ратной» (ПЛ, с. 191) — стрельцы окружают «царев двор», «яко к неприятелскому граду приступати хотящим» (с. 339). Царь в «походе» на литовских пленников велит убить встречного купца, в испуге бегущего от его воинства, — стрельцы «многих богобоязливых чело-век, на путех бегущих от страха, побыша» (с. 343). Во время казни «на Пожаре» царь, обращаясь «к черни и стоя в середине ее», спрашивает толпу, правильно ли он поступает, наказывая изменников (Шлихтинг, с. 45), а после казней кричит со своими опричниками: «Гойда! Гойда!» (там же, с. 25 и др.) — то же происходит во время стрельцкого восстания, только вместо тюркского «Гайда!» стрельцы кричат сами и заставляют подхватывать толпу: «Любо!» (с. 343). Опальный митрополит Пимен был посажен на ослицу, снабжен гуслями и волынкой, ему приказано вписаться «в число свирельников и медведоводителей» («О обычаях...»

⁹⁵ См., например: Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, с. 318 (раздел написан М. О. Скрипилем) и др.

⁹⁶ Буганов В. И. Повесть о московском восстании 1682 г. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 342, 346 (далее страницы этого издания указываем в тексте).

л. 291) — Лжедмитрия I перед убийством переодевают в платье пирожника, к его обнаженному трупу были привязаны, как известно, скоморошеская дудка и «машкары». Грозный приказывает рассекать трупы казненных на части, не позволяя несколько дней их хоронить, велит бросить трупы псам и т. п. — то же происходит во время московских восстаний.

В некоторых из боярских новелл о Грозном-мучителе мы уже обнаруживали за кажущейся прихотливостью «жестоких шуток» царя переосмысление традиционной (правовой или этнографической) основы. Отмеченные совпадения указывают на отражение в сознании царя Ивана (или рассказывавших о нем) и участников народных восстаний общего комплекса представлений, корни которого уходят в разные по древности слои социальной психологии русского средневековья. Так, переодевание митрополита скоморохом, царя — пирожником означало смеховой перевод их в противоположные, «низкие», корпорации и представляло собой одну из форм поругания осужденного преступника («осужденника» — с. 346), в простейшем случае его всенародно толкали и избивали, «злословием ругаяся» (там же). Издевательства над трупом казненного также имели традиционнo-смеховой характер. Один из очевидцев событий 1606 г. вспоминает, что над трупами убитых поляков, лежащими на площади, русские, «по своему обычаю», три дня ругались всячески «с бесстыдными насмешками».⁹⁷ Что же касается таких форм поругания над трупами казненных, как рассечение на части, сбрасывание их «в одну кучу в поле» (Штаден, с. 101), в воду (Шлихтинг, с. 21 и др.), то они явно отражают какое-то древнее ритуальное отношение к телам преступников, напоминающее то формы позднейших погребений «заложных» покойников,⁹⁸ то известные праздничные манипуляции с чучелами Костромы, Кострубы и т. п., которые В. Я. Пропп интерпретирует как рудименты земледельческой продуцирующей магии,⁹⁹ а Н. Н. Велецкая — как переосмысление праславянского ритуала умерщвления стариков.¹⁰⁰

Уместно вспомнить, что уже в 1545 г. юный Иван IV под Коломной «пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху; и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался» (ПЛ, с. 189). Это возрождение древнего обычая, согласно которому «старейшие по рангу начинали все важные хозяйственные действия и все важнейшие обряды» (здесь — единый аграрно-магический комплекс),¹⁰¹ хотя и имело у Ивана IV не удивляющую нас смеховую форму «потехи», объективно работало на создаваемый им образ народного царя. Не случайно и отмеченные совпадения в обрядности эксцессов Грозного и московских восстаний касаются в первую очередь всенародной, публичной стороны антибоярского террора; так, Таубе и Крузе прямо указывают, что изрубленные тела своего казначея и членов его семьи царь оставил лежать на площади «для зрелища» (с. 40). Действуя в русле старинной полуязыческой традиции, Грозный дискредитировал жертв террора и заботился об одобрении и поддержке со стороны основных ее носителей — широких народных масс — казней «изменников».

⁹⁷ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Изд. 3-е, испр. Ч. 1—2. СПб., 1859, с. 169.

⁹⁸ См.: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. I. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.

⁹⁹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963, гл. 6.

¹⁰⁰ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, с. 79—93.

¹⁰¹ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 28.

В поведении стрельцов во время восстания 1682 г. обнаруживаются свидетельства того, что устная традиция об Иване Грозном сыграла свою роль в идеологическом обосновании их выступления. Среди стрельцов, несомненно, были люди не только начитанные (об этом свидетельствуют их многочисленные записи на рукописях XVII в.), но и насыщенные. Отметим также широкое участие в событиях старообрядцев, один из вождей которых за несколько лет до того, мечтая о расправе с Никоном, трогательно вспоминал об Иване IV: «Как бы доброй царь, повесил бы его на высокое древо, яко древле Артаксеркс Амана... Миленькой царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке».¹⁰²

Явным воспоминанием о введенном Иваном IV обычае публичного поругания дьяка, уличенного во взяточничестве (см. выше комментарий к анекдоту «о гусе»), объясняется такой эпизод восстания. Рядом с трупом князя Ю. А. Долгорукова стрельцы кладут «со страны полсть ветчины, з другие — рыбу осетра»; «полсть ветчины» позорит казненного князя как мелкого взяточника. С другой стороны, такая символическая мотивация казни боярина говорит о том, что восставшие взяли на себя прерогативу государя вершить правосудие. А это уже — одна из серьезных примет тех изменений в «наивном монархизме» народных масс, которые принес с собой бурный XVII в. Она окрашивает и угрозу стрельцов уйти «в ыное царство» (подразумевается, что без них, преследуемых «изменниками»-боярами, это не сможет существовать, — как и без царя Ивана в преданиях об его отречении), и расправы с «изменниками», одного из которых, А. С. Матвеева, они буквально отрывают от юного Петра I, в защиту которого формально выступают (с. 341).

В сохранившихся отражениях народной устной традиции XVII в. извечное обыкновение народных масс «обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже только обманывающих царя чиновников»¹⁰³ проявилось с особой резкостью. В Пинежском летописце не только смерть царевича Ивана Ивановича, повлекшая за собой казнь «на Пожаре», но и разгром Новгорода объясняются «подмовкою злых изменников»; даже начитанный составитель «О царстве...» все жестокости новгородского погрома приписывает Малюте Скуратову, «который от природы своей человек немилостивой, жестокой» (л. 977 об.). В Щепкинском летописце кознями изменников объясняется и катастрофически неудачное отражение нашествия крымцев в 1571 г. Оказывается, уже во время пожара Москвы «боярин государев Феодор Бельской много бився с нечестивыми, от великаго пожару задыхаяся и мечущися в каменный погреб отдыхая. И злый изменник насыпая в погреб угля горящего. Боярин же бьяшся и бросаюся в погреб на спочив, а не ведая умышления изменничья и в погребу на угле, изгоре, конец прия». В действительности главнокомандующий войсками, оборонявшими Москву, И. Д. Бельский, задохнулся во время пожара в погребу у сестры, где он отсиживался с семьей.¹⁰⁴ Тут же читается фиксация другого предания: «И государево войско на бою поймали крымсково царевича и еще пред царя не поставили, и воевода государев князь Федор Воротынской государю изменил: взял выкуп по царевича бочку златых и царевича отдав крымским. И доиде весть к государю, и государь положи гнев свои, повеле князя Федора Воротынского жыва в котле медяне сварити» (ГИМ, Муз собр., № 3996, л. 261 об.—262). Здесь сплелись в один сюжет слухи о пленении Дивея-мурзы во время

¹⁰² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 153.

¹⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 217.

¹⁰⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины, с. 202.

победы над татарами в 1572 г. и о неудачной попытке служилого татарина «Гарымского царевича» перебежать к крымцам во время событий 1571 г.,¹⁰⁵ и об опале и смерти в 1573 г. знаменитого земского воеводы князя М. И. Воротынского (он умер после пыток по дороге в ссылку). Совсем уже вымышленные изменники появляются и в тесно связанной с фольклором историко-фантастической «Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне», которая завершается сообщением о том, что юная царица «окормлена бысть от изменников отравою от столника Василья Хомутова с товарищи, их же царь Иван Васильевич злой смерти предаде: в котле свари. А род их весь перевешал и з женами и детми».¹⁰⁶

Прямое свидетельство того, что устная традиция об Иване IV и в XVIII в. оказывала воздействие на социальную психологию антифеодално настроенных протестантов из народа, находим в материалах дела Тимофея Труженника, выдававшего себя в 1732 г. за царевича Петра Алексеяевича. Этот самозванец, монастырский крестьянин, говорил в одном из сел Тамбовской губернии крестьянам, что, когда он объявится, «и боярам-де житья не будет, а которые и будут, и те хуже мужика находятся, и буду их судить с протазанами, воткня в ногу, как было при царе Иване Васильевиче».¹⁰⁷ Это — проникнутый классовой ненавистью крестьянский вариант воспоминания об «обычае» Ивана IV, которое было передано Коллинзом (с. 14), отразилось в известном рассказе Латухинской степенной книги о допросе Василия Шибанова и в вариантах песни о гневе Ивана Грозного на сына.¹⁰⁸

Рассмотренные отражения русской устной прозы об Иване Грозном-правителе в источниках XVI—XVII вв. позволяют сделать некоторые выводы о составе и тенденциях развития того массива реально бытовавших в этот период фольклорных произведений, который репрезентирует наша с большей или меньшей степенью случайности сложившаяся «выборка».

Прежде всего в этот массив входили рассказы об Иване IV как о «справедливом» царе и (также типологически близкие к соответствующим фольклорным циклам других народов) рассказы о нем как о «зломудром» тиране. Внутри первого цикла рядом с антибоярскими сюжетами, опосредованно отражавшими реальные факты внутренней политики Ивана IV, возникали сюжеты о благожелательном контакте царя с подданным-простолюдином, часть которых оказываются традиционными для европейского фольклорного цикла о «справедливом» правителе. Сходный процесс был характерен и для цикла о Грозном-«мучителе», только здесь отражающие реальные события устные новеллы и вытеснившие их в XVII в. предания на «бродячие» сюжеты вошли в устную традицию об Иване IV очень рано, еще при его жизни и практически одновременно (см. первые у Шлихтинга и вторые — у Горсея): раннему оформлению в фабуляты первых способствовала индивидуальная изобретательность царя Ивана, проявившаяся во внешних формах его террора, а традиционные сюжеты о тиранах,

¹⁰⁵ О связанном с ним деле см.: Скрынников Р. Г. Опричный террор, с. 131, прим. 1.

¹⁰⁶ Росовецкий С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М., 1976, с. 37.

¹⁰⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XX вв., с. 126.

¹⁰⁸ Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960, № 231, 234, 235, 236, 237, с. 386—402.

по-видимому, вообще легче прикрепляются к образу исторического лица, так как не требуют в отличие от сюжетов о «добрых» правителях сколько-нибудь значительного учета конкретных социально-экономических условий его деятельности. Кроме того, в XVII в. бывало некоторое количество анекдотов, в которых царь Иван фигурировал как нейтральный в идеологическом отношении традиционный смеховой персонаж (в нашей «выборке» они представлены анекдотом о полтораэта плешивцах); их появление было обусловлено популярностью произведений, относящихся к двум первым циклам, а исчезновение — ее угасанием в новых исторических условиях и вытеснением новыми циклами о новых героях.

Еще А. Н. Веселовский противопоставлял «народные» и «боярскую» редакции образа Ивана IV;¹⁰⁹ конечно же, и в XVI—XVII вв. рассказы о «добром» царе Иване слагались в среде «молодых» людей посада и крестьян, о Грозном-мучителе — боярами и дворянами; просто смешные анекдоты о нем могли возникнуть и среди интеллигенции XVII в. (справщиков, приказных, дьяков, «пописующего» монашества и т. п.) и в иных социальных слоях. Однако уже эта достаточно стройная социальная дифференциация фольклора о Грозном осложняется, если мы вспомним о недоброй памяти, которую оставило правление его во всех слоях общества Новгорода, Пскова и, вероятно, Вологды.

В устном же бытовании размывалась граница между циклами о царенародолюбце и царе-тиране, что объясняется в первую очередь амбивалентностью остросюжетных анекдотов об антибоярском терроре. Так, новелла о казни придворного, принявшего в подарок от крестьянина большую щуку, подслушанная, скажем, на боярском пиру слугой, могла затем пересказываться дворовыми, по-своему ее истолковывавшими. С другой стороны, злорадный посадский анекдот о поголовной порке впрок всех московских дьяков и подьячих мог быть подхвачен обиженным в приказе дворянином или боярином, желающим высмеять претензии важного дьяка на аристократизм (эта редакция, по всей вероятности, и сохранилась в передаче Массы), а то и толстосумом-гостем, потерявшим в 1659 г. право видеть в документе свое имя выше дьячего.

Подобному перетолкованию поддавались даже совершенно однозначные, казалось бы, рассказы о протестантах против тиранства царя в контексте цельного по идейной направленности цикла, принадлежавшего одному информатору (эту ситуацию воспроизводит Пинежский летописец).

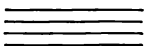
Отсюда трудность конкретной социальной атрибуции непосредственных устных прототипов большинства рассмотренных в работе текстов, за исключением таких ясных случаев, как троицкое предание о Грозном и старце или боярские новеллы, записанные Шлихтингом. Однако можно с уверенностью говорить о том, что в массе своей записи иностранцев не могли быть сделаны от посадских или крестьян, которые не имели оснований с ними откровенничать, да и вообще разглагольствования о самодержцах (живых или мертвых) были в Московском государстве делом опасным.

Отметим также смеховой характер, в значительной части отразившийся в рассмотренных источниках устной традиции о Грозном, — характер, который последняя явно теряет в XVIII в. С одной стороны, царь Иван индивидуальностью своего поведения сам облегчал возникновение анекдотов о нем (как позднее Суворов); эта особенность устной прозы об Иване IV хорошо согласуется с расцветом в XVII в. демократической смеховой ли-

¹⁰⁹ Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном, с. 320. Под боярской редакцией образа царя Ивана исследователь имел в виду интерпретацию его в сказке «Отчего на Руси завелась измена», опубликованной П. Н. Рыбниковым (содержание изложено на с. 320—321).

тературы, которая также отразила некоторые существенные черты идеологии и социальной психологии широких народных масс.¹¹⁰

Мы рассмотрели только одну, вычлененную с достаточной долей условности, группу отражений устной прозы об Иване IV в источниках XVI—XVII вв., в которой характеризуется внутренняя политика московского самодержца. Выявление в этом же круге источников фиксации рассказов о его военной, дипломатической деятельности, о его отношениях с церковью и частной жизни, их интерпретация, анализ общей структуры выясняющейся таким образом прозаической фольклорной традиции об Иване Грозном XVI—XVII вв. и связей ее с песенным циклом, известным в записях XIX—XX вв., должны стать предметом особого исследования.

¹¹⁰ См.: Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Изд. 2-е, доп. М., 1977, с. 115—128.

О. Н. ГРЕЧИНА, М. В. ОСОРИНА

СОВРЕМЕННАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРОЗА ДЕТЕЙ

В современном городском фольклоре значительное место занимает устное коллективное творчество детей, представленное разнообразными жанрами. Хотя в последние годы интерес к детскому фольклору значительно возрос, систематическая запись и научное изучение этого интереснейшего материала ведутся крайне недостаточно. Лишь в 1970 г. вышла первая за послевоенный период книга М. Н. Мельникова о детском фольклоре.¹ В наших знаниях о современном коллективном творчестве детей существует много пробелов. В частности, внимание исследователей привлекают обычно только стихотворные жанры детского фольклора (считалки, дразнилки, песенки и т. д.), в то время как популярнейший прозаический жанр страшных рассказов полностью остался вне поля зрения ученых.

Целью данной статьи является краткое описание этого жанра, названного нами по аналогии со считалками и дразнилками — страшилки.² Записи текстов страшилок ведутся авторами статьи с 1965 г. К настоящему времени накоплен достаточный материал, позволяющий сделать выводы о специфических особенностях и функциях этого жанра, условиях его бытования. Полученные факты представляют интерес как для фольклористов, так и для психологов и педагогов, интересующихся творчеством детей.

Материал, на котором основана статья, был доложен на фольклорном семинаре В. Я. Проппа в Ленинградском государственном университете в 1966 г., на Всесоюзной конференции, посвященной развитию современного фольклора в Новгороде (1970 г.),³ и на Второй научно-психологической конференции на факультете психологии ЛГУ (1971 г.).⁴

Полное отсутствие ранних записей и материалов не позволяет пока восстановить историю образования жанра страшилок в его современном виде. Однако многочисленные упоминания, встречающиеся в мемуарной и художественной литературе, посвященной жизни детей, дают достаточные основания считать, что именно в детской среде страшные рассказы бытуют давно (не меньше, чем полтора века). При этом их основным назначением всегда было стремление напугать слушателей. Исполнялись они обычно в детских коллективах в специфической обстановке (вечером, в темноте, при отходе ко сну, в ночном и т. п.) и, видимо, удовлетворяли какие-то

¹ Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970.

² Термин предложен М. В. Осориной в 1965 г.

³ См. отчет о конференции: Народна творчѣсть та этнографія, 1971, № 1.

⁴ Осорина М. В. Отражение особенностей детского мышления в детском фольклоре. — В кн.: Вопросы общей и прикладной психологии. Тезисы докладов. Л., 1971, с. 53.

важные потребности духовной жизни детей, так как пользовались большой популярностью.

Как известно, «страшные рассказы зимою в темноте ночей» пленяли сердце Татьяны Лариной, ими заслушивались мальчики в «Бежином луге» Тургенева, рассказы «о разных ужасах» играли большую роль в скучной жизни воспитанниц Смольного института благородных девиц,⁵ бытовали в репертуаре беспризорных детей 20-х годов (А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», А. Л. Пантелеев «Ленька Пантелеев»), были любимы в среде московских школьников конца 40-х годов (Л. Кассиль «Ранний восход»).

Выводы настоящей работы основываются на анализе материала более 120 страшилок (основные тексты и варианты), записи которых производились в основном в Ленинграде и Ленинградской области, а также в Поволжье.

В современной детской среде исполнение страшилок отличается двумя важными моментами. Во-первых, страшилки почти никогда не рассказываются при парном общении, а всегда в группе или коллективе детей. Основной целью страшилки является возможность напугать, но дети предпочитают переживать свой страх коллективно. Близость и эмоциональная поддержка других детей позволяет ребенку легче и безболезненней изжить некоторые страхи и проблемы, символически выраженные в страшилке, которые неизбежно возникают у маленького человека, входящего в большой и неизведанный мир. Кроме того, переживание страха в заведомо защищенной и безопасной ситуации доставляет своеобразное наслаждение, приводит к эмоциональному катарсису.

Известный американский психолог Стенли Холл, много занимавшийся проблемами детских страхов, отмечал и тот значительный познавательный элемент, который несет в себе чувство страха: «Никогда какой-нибудь предмет не обладает такой заманчивостью для ребенка как в то мгновение, когда он побеждает свой страх перед ним. Одно из главных побуждений к познанию и науке заключается в преодолении страха... Сознание, что известный страх уже не владеет нами, но что мы владем им, доставляет нам счастливое чувство своей силы».⁶

Как показывают наблюдения, наиболее богато, разнообразно и интересно страшилки исполняются в пионерских и спортивных лагерях, детских пансионатах, больницах, лесных школах — везде, где дети имеют достаточный досуг и возможности для неформального общения.

Второй особенностью страшилок является потаенность, связанная с ритуальностью их исполнения (чаще всего оно происходит вечером, в спальне, в темной комнате или просто в укромном уголке), а также с тем, что страшилки являются жанром, характерным только для детей определенного возраста. Дети стараются охранить эмоционально значимые для них моменты своей духовной жизни как от иронии старших подростков, так и от неодобрения взрослыми тех «ужасов», которые столь привлекательны для детей.

Возраст детей — носителей и активных исполнителей страшилок имеет довольно четкие границы. Как показывают наши наблюдения, нижней границей является шестилетний возраст, верхняя более расплывчата и приходится на тринадцать—пятнадцать лет. Наибольшее количество записей было нами сделано от исполнителей в возрасте восьми—двенадцати лет. Таким образом, страшилки — это жанр, характерный для коллективного творчества младших школьников.

⁵ Водовозова Е. На заре жизни. Л., 1963, с. 144.

⁶ Цит. по кн.: Погодин А. Л. Язык как творчество. Харьков, 1913, с. 164.

Указанная возрастная традиция имеет свои психологические закономерности. Как известно, раньше всего в репертуаре детей появляются стихотворные жанры (песенки, дразнилки, считалки и т. д.). Их небольшой объем, ритмичность, связь с игровыми действиями и многие другие особенности как нельзя лучше соответствуют тому этапу развития словесного мышления ребенка, который прекрасно описан К. Чуковским в книге «От двух до пяти».

При исполнении страшилки — жанра прозаического — ребенок сталкивается с существенными трудностями: необходимостью правильной передачи сюжета в рамках свободного рассказа и доведения его до понимания слушателей. Как показывают экспериментально-психологические исследования, в шесть—семь лет происходит важная перестройка тех логических принципов, на которых было основано мышление ребенка-дошкольника. Трансдукция в рассуждениях (движение мысли от частного к частному) начинает сменяться действительным осознанием причинно-следственных отношений.⁷ В речи ребенка все чаще и правильнее употребляются союзы «потому что», «так как», «поэтому», в то время как для младших детей характерно механическое склеивание (соположение) отдельных кусков рассказа при помощи союза-связки «и» или «тогда». Понимание причинно-следственных отношений позволяет ребенку правильно сохранять и передавать логическую структуру, сюжет рассказа.

Именно в это время прежний эгоцентризм ребенка-рассказчика, проявлявшийся в виде бессознательной уверенности в том, что слушателям изначально все известно, сменяется ориентацией на слушателя, потребностью правильно передать ему содержание, добиться его понимания.

Впервые в рассказах 6—7-летнего ребенка появляются логически обоснованные объяснения,⁸ которые, как мы увидим, играют большую роль в страшилках. Овладевая богатством возможностей, заложенных в языке, навыками рассказывания, ребенок чувствует себя все более уверенным в сфере словесного самовыражения. Поэтому, как показал известный советский психолог Л. С. Выготский, рисование, выступающее в качестве ведущей формы творческой деятельности младшего ребенка, в школьном возрасте постепенно уступает место словесному творчеству, которое дает ребенку новые и более гибкие способы передачи своих мыслей и чувств.⁹ Таким образом, появление прозаического жанра страшилки в репертуаре детей старше 6—7 лет далеко не случайно. Также имеет значение и поступление ребенка в школу, знаменующее начало его жизни в развивающемся детском коллективе.

Как было отмечено выше, кризис жанра страшилок, когда они исчезают из детского репертуара, приходится на подростковый возраст (13—14 лет). Этот кризис ярче всего характеризуется изменением отношения к страшилкам: детское «я не верю, но я боюсь» сменяется иронией, появляются даже страшилки-пародии. Отрицание страшилок как детской забавы старшими подростками аналогично их пренебрежению к своим детским рисункам.

Хотя страшилки знакомы большинству младших школьников, некоторые дети исполняют их чаще, чем другие. Во-первых, по нашим наблюдениям, играет определенную роль половая принадлежность: активными рассказчиками чаще становятся девочки (видимо, имеет значение тот факт, что в младшем возрасте девочки несколько опережают мальчиков в вер-

⁷ См.: Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

⁸ См.: Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.—Л., 1932.

⁹ См.: Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967.

бальном развитии). Во-вторых, важны индивидуальные особенности рассказчика: умение складно излагать, хорошая память на сюжеты, способность заинтересовать и эмоционально захватить слушателей — все эти свойства определяют престиж и высокий статус признанного «сказителя» в детском коллективе.

Современная страшилка представляет собой удивительный сплав сказочных и мифологических мотивов, часто очень архаических, в который, однако, непосредственно влились многие бытовые и социально-культурные элементы жизни города XX века. Как было отмечено в начале, страшилка — это скорее городской жанр детского фольклора, так как именно город и вся городская жизнь является той живой почвой, на которой вырастает современная страшилка и без которой она немыслима.

Научный анализ текстов страшилок осложняется одним важным моментом, который должен обязательно приниматься во внимание фольклористом-исследователем. Современная страшилка представляет собой жанр истинно детского фольклора. В непосредственной передаче текста по цепочке рассказчик — слушатели и т. д. взрослый принимает минимальное участие даже по сравнению с такими жанрами, как считалки, дразнилки. В страшилке, бытующей по меньшей мере в течение нескольких поколений только в детской среде, чрезвычайно резко и своеобразно отразились многие характерные черты ранней детской логики, детского мышления и восприятия мира, часто непонятные взрослому. В то же время эти черты иногда оказываются психологически близкими некоторым особенностям пра-логического мышления древних, которые мы встречаем в классических волшебных сказках. Поэтому одной из самых трудных для исследователя задач является дифференциация чисто фольклорных элементов страшилки и тех ее черт, которые больше обусловлены психологическими причинами.

Анализ текстов страшилок должен начинаться прежде всего с их названия. Каноническое название страшилок состоит из двух слов — прилагательного и существительного. Существительное называет предмет зла, фигурирующий в страшилке, а эпитет — чаще всего цветовой (около 80% всех названий). Например: «Красный кот», «Красная рука», «Белые перчатки», «Белое покрывало с черными крестами», «Золотая нога», «Синяя роза». Поскольку термин «страшилка» в детской среде не принят, характерность такого «цветового» названия служит признаком принадлежности к данному жанру.

Надо сказать, что страшилка обычно отличается бедностью деталей, описаний и характеристик персонажей и ситуаций. В обобщенном, скупо намеченном мире страшилки зловещий предмет единственный обладает цветом, что резко выделяет его из нейтрального фона и служит признаком необычных свойств.

По частоте употребления цветových эпитетов на первом месте стоит черный цвет (характерный для нашей культуры символ зла, несчастья), на втором — белый, на третьем — красный. С одной стороны, три этих цвета обладают наиболее выраженным и богатым символическим значением во многих культурах. С другой стороны, именно они раньше всего входят в словарь цветových прилагательных, которыми овладевает ребенок в 3—4 года. Другие цвета встречаются в названиях записанных нами страшилок несравненно реже: синий — всего 6 раз, золотой — 4, желтый — 2, зеленый («салатовый») — 2, розовый — 1.

Завязка страшилки, как и традиционной волшебной сказки, вводит нас в жизнь какой-нибудь семьи.¹⁰ Семья эта обычно, как говорят дети,

¹⁰ См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

«в полном наборе»: бабушка, дедушка, мать, отец и обязательно дети, главные персонажи страшилки. Так же как и в сказке, семья живет счастливо до тех пор, пока не происходит незначительное событие, которое неожиданно оборачивается катастрофой, постигающей членов семьи и прежде всего детей. Как и в сказочной семье, очень часто трагические события начинают развиваться в момент отлучки родителей (родители отправились в кино, мать ушла на работу, в магазин; ослабленная форма отлучки — все заснуло; усиленная форма — мать (бабушка) умерла). В отличие от сказки в страшилке сами дети никуда не отлучаются. Обычно они еще малы и несамостоятельны. Иная форма отлучки из родного дома — теперь уже всей семьи — переезд на новую квартиру. Уход родителей из дома или переезд семьи в новое жилище открывает доступ злым силам, которые тут же появляются. При помощи различных способов силы зла проникают в жилище и последовательно похищают (уничтожают) всех членов семьи или избирательно — детей. Чаще всего последний оставшийся ребенок (реже — родитель) пытается проследить, каким образом происходит несчастье, и, наконец, обязательно обращается за помощью. Помощь приходит, причины зла раскрываются, и злодеям, если это возможно, воздается по заслугам. Счастливые концовки встречаются редко только в сюжетах типа «запрет—нарушение—кара» (см. ниже).

Классификация сюжетов страшилок, сделанная пока на основе описательных признаков, может быть представлена (по частоте встречаемости сюжетов) в следующем порядке.

1. Причинение зла вредителем или предметами — помощниками вредителя в жилище семьи. Уход родителей из дома делает беззащитными остающихся детей. Так же опасно засыпание в новом доме или в комнате, где находится недавно внесенная в дом (купленная или подаренная) новая вещь. Именно в этот момент тревожные знаки опасности, которыми отмечено жилище семьи или имеющиеся в нем предметы, раскрывают свою зловещную сущность. Из черного пятна, оставленного малярами на стене новой квартиры, высовываются черные руки и хватают детей (Приложение, № 1); красное пятно, неотмытое девочкой на полу кухни, открывается, как люк, и из него выскакивает злой красный кот; в темноте на портрете, висящем в комнате, вспыхивают зеленые глаза. Таинственными предметами, неожиданно начинающими приносить зло, могут стать самые обыкновенные вещи: кресло, простыня, перчатки, лампа и т. п. Внезапно они оживают, начинают двигаться и становятся агрессивными. Чаще всего оказывается, что эти внешне безобидные вещи имеют особое устройство, механизм внутри, которым управляют злые силы. Надо сказать, что устройство механизмов, приносящих зло, вызывает у ребенка большое любопытство. Их конструкция часто подробно описывается в страшилках, обычно очень скупых на детали. В связи с этим интересно отметить наблюдения, сделанные известным детским психологом В. Стерном в отношении маленьких детей: «Вообще знакомый объект может возбудить страх какою-либо несоответствующей ему особенностью. Сюда относятся прежде всего обыкновенная боязнь механических движущихся игрушек. Ребенок очень рано начинает понимать разницу между живыми, самостоятельно движущимися телами и безжизненными объектами... И вдруг такая же игрушка начинает совершенно самостоятельно бегать, трещать, издавать звуки, вертеться — трудно представить себе что-нибудь более тревожное для ребенка».¹¹

В рамках описанного сюжета наиболее распространены следующие мотивы.

¹¹ Стерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг., 1915, с. 262.

1. Цветные пятна на полу, стенах, потолке, которые раскрываются в определенный момент, а за ними оказывается комнатка, подвал, гнездо и т. п., где сидят злодеи (Приложение, № 1).

2. Механические руки, которые хватают и уносят детей.

3. Разноцветные перчатки-душители, которые прилетают сами или их надевают себе на руки злодеи.

4. Купленная или подаренная вещь (кукла для ребенка, пальто, статуэтка, картина) начинает приносить зло, когда ее вносят в дом (Приложение, № 2).

II. Нарушение запрета и кара за него. Нарушение запрета является типичной завязкой волшебной сказки, в результате чего начинает развиваться цепь сказочных событий. Сюжетная схема страшилки проста и даже бедна, ей недоступна сложная комбинация мотивов, многоплановость действия. Чаще всего так называемые «страшилки с запретом» укладываются в простую формулу «запрет — нарушение — наказание» (Приложение, № 3, 4). Несколько реже эти страшилки имеют более развитую, сказочную форму (Приложение, № 5). В наиболее распространенном простейшем виде этот сюжет имеет такую последовательность событий: уход родителей из дома, запрет, предупреждение о грозящей опасности в результате нарушения запрета, которое многократно повторяется с нарастанием. Чаще всего оставшиеся дома дети все-таки не слушаются, и их постигает кара. Иногда дети в последний момент спасают себя, выполняя наказ.

На примере этого сюжета можно отчетливо увидеть, как сливаются в страшилке традиции волшебной сказки с актуальными проблемами реальной жизни ребенка. Необходимость выполнения приказаний, на которых настаивают родители, страх перед нарушением запретов взрослых получает здесь свое символическое и гипертрофированное выражение.

III. Похищение героя-ребенка вне дома. Ребенок, отправленного с поручением или оставленного матерью у магазина, похищают злодеи, чтобы сделать из него мыло, котлеты, выцедить кровь или просто воспитать как молодого бандита.

Источники этого сюжета, видимо, имеют начало в предостережениях родителей, пугающих детей опасностями большого города (обычная угроза непослушному ребенку: «Смотри, отдам дяде, посадит тебя в мешок и унесет»). Однако и в эти страшилки интересно вплетаются сказочные мотивы. Например, доказательства вины убийцы по характерной примете жертвы — накрашенному ногтю, пальцу с буквой имени и т. п. (Приложение, № 7). Ср. отрубленный палец с кольцом в сказочном сюжете «девица в доме жениха разбойника» (Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № 955). Большое сходство в деталях со сказочным домом разбойников имеет в страшилке описание жилища бандитов.

IV. Мертвец требует обратно свою вещь. Страшилки с таким сюжетом встречаются значительно реже, чем сюжеты, описанные выше, и гораздо больше тяготеют к сказке (Андреев, № 366). Эти страшилки интересны тем, что имеют иногда игровой элемент: в кульминационный момент рассказчик внезапно хватается кого-то из слушателей за горло с криком: «Отдай мою вещь!» (Приложение, № 6). Как показывают наши наблюдения, подобный сюжет с игровой концовкой широко распространен и среди современных чешских детей.

В трансформированном виде этот сюжет послужил основой популярных у детей *страшилок-игр*, которые отличаются ритмичностью, многократным повторением с нарастанием и развязкой в игровом действии (Приложение, № 8). Аналогичная страшилка-игра про черного человека, который проникает в дом, медленно поднимается по лестнице и наконец по-

является у постели ребенка с криком: «Ага, попалась!» — описана Р. Бред-бери в книге о жизни американских детей 20-х годов.¹²

Мир страшилки очень своеобразен. Он прост до примитивности, его герои условны, безымянны, их характеры никогда не раскрываются, поступки обычно не мотивируются, так как проистекают из самой сущности персонажа. Эти герои являются скорее схематическими олицетворениями сил добра и зла, борющихся в страшилке.

Персонажей страшилки можно разделить на три группы.

1. Пострадавшие — члены семьи, которые отличаются обычно крайней ненаблюдательностью и пассивной покорностью, за исключением героя-ребенка (или детей). Он более активен и чаще пытается бороться со злом. На его стороне обычно симпатии рассказчика.

2. Вредители или агрессоры — бандиты, шпионы, разбойники, редко колдуны или черти. Они похищают или убивают членов семьи при помощи специальных механизмов, волшебных предметов и т. п. Преступления обычно мотивированы самой злодейской сущностью агрессора, реже — его практическими целями (уносит людей, чтобы есть их, «на кровь», «на мясо» и т. д.). Иногда к агрессорам принадлежит и кто-то из членов семьи (мать, бабушка).

3. Добрые помощники — в качестве этой силы добра всегда выступают милиционеры. Их всегда призывают в последний, критический, момент. Они раскрывают тайну злодейства, карают агрессоров и по возможности возвращают (оживляют) пропавших (мертвых) членов семьи.

Кроме того, в страшилках с нарушением запретов присутствуют еще безличные «вещие голоса», которые предупреждают детей об опасности. Они звучат по радио, телевидению или из микрофонов стоящих на улицах машин, повторяя слова родительского запрета.

Хотя большинство детей хорошо знакомо из книг с волшебными сказками, в страшилках никогда не встречаются такие образы народной мифологии, как привидения, лешие, баба-яга, русалки, драконы. Немногочисленные черти в страшилках служат условным символом зла и, кроме наличия хвоста, ничем не отличаются от бандитов или шпионов.

Для страшилки характерно единство места, времени и действия. Обычно события разворачиваются последовательно в течение небольшого промежутка времени — от одного до трех дней или ночей. Особый интерес представляет исследование пространства, в котором живут и действуют персонажи страшилки. Социальное пространство героя-ребенка — это его семья, физическое пространство — жилище семьи (комната, квартира, дом). Силы зла в страшилке могут проникнуть в безопасное, защищенное жизненное пространство ребенка только в том случае, когда нарушается его целостность. Брешь в социальном пространстве возникает, когда из дома уходят родители. В самом доме ребенок защищен до тех пор, пока закрыты все отверстия, соединяющие внутреннее пространство жилища с внешним миром, откуда может прийти зло. В неблагоприятном случае зло проникает через проемы, имеющиеся в доме: белая простыня влетает в окно, черные перчатки открывают дверь, раскрываются цветные пятна на стенах, полу, потолке, за которыми оказывается гнездо бандитов, распаивается люк в полу, дверцы шкафа, откуда выезжает гроб. Ослабленная форма — открывается внутренность картины, бандит выходит из портрета. Специальный случай — зло приносится извне самим членом семьи в виде купленной вещи. Все эти проемы ведут в другое пространство, где обитают злодеи и куда они уносят своих жертв. Это пространство обычно тесное (углубление за картиной, комнатка за пятном, чердак, подвал, под-

¹² Бредбери Р. Вино из одуванчиков. М., 1967, с. 211—212.

пол, подземный ход, редко — могила), оно чаще находится внизу — под полом, под землей, иногда туда ведут длинные ходы. Недаром после ухода родителей вещи голоса по радио и телевизору предупреждают оставшихся: «Дети, закройте двери и окна!»

Детский поиск безопасности внутри семьи, родного дома перекликается в страшилке с древнейшими представлениями о необходимости магической защиты оконных и дверных проемов жилища от злых духов (ср. узор как магическое средство защиты, зооморфные изображения, например, львы у ворот и т. п.).

Психологический анализ текстов страшилок показывает, что в них можно выделить элементы, относящиеся к разным возрастным этапам развития ребенка. В частности, чрезвычайно характерно сохранение в страшилках школьников таких особенностей раннедетской логики, восприятия мира, эмоциональных переживаний, которые обычно присущи младшим детям (например, 3—5 лет). Можно думать, что эмоциональные проблемы и страхи, актуальные в раннем возрасте, изживаются и снимаются в страшилках, получая внешнюю форму выражения в коллективном творчестве старших детей.

Надо сказать, что исследователями детского изобразительного творчества было отмечено как закономерность то, что фазы психического развития, которые проходит ребенок, непременно находят свое отражение в его рисунках, однако с некоторым опозданием,¹³ т. е. требуется определенное время, чтобы познавательные и эмоциональные достижения ребенка на данном возрастном этапе были зафиксированы в продуктах детского творчества.

В страшилках отразился свойственный младшим детям артифициализм (представление о том, что все явления окружающего мира созданы человеком) и номинализм, когда само название предмета кажется определяющим его сущность и свойства. Ранним представлениям о причинности, сохранившимся в страшилке, не противоречит возможность воздействовать на вещь через ее изображение, поэтому маленькие герои страшилок зачеркивают рисунок красного автомобиля, чтобы он не приехал в действительности, а нарисовав лицо мамы в окошке своего домика, могут таким образом с ней поговорить.

В то же время в страшилках можно найти чрезвычайно архаические фольклорные мотивы. Так, например, несколько раз встречается мотив непохороненного мертвеца. Мать (бабушка), умирая, просит ее не хоронить, а положить под кровать, что дети и выполняют. После этого в доме начинаются несчастья, причиной которых является умершая, которая оказывается колдуньей. Возможно в этих страшилках отразился издавна существовавший на Руси культ «заложных», непохороненных покойников, которые попадали после смерти в распоряжение нечистой силы и были склонны мстить живым.¹⁴

В заключение следует остановиться на манере исполнения страшилок. При кажущейся непритязательности словесного оформления страшилки отличаются большим эмоциональным воздействием на слушателей. Недостаточно владея средствами словесной выразительности, дети-рассказчики активно и успешно используют интонационное богатство речи. Интонацией компенсируется бедность описаний и характеристик, подчеркивается динамика действия. В кульминационные моменты часто используются вырази-

¹³ Бакушинский А. В. Художественное творчество и воспитание. М., 1925, с. 15—16.

¹⁴ Зеленин Д. К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников. — Известия Академии наук, 1917, серия VI, т. XI, № 7, с. 399—414.

тельные движения (особенно в страшилках-играх). Все это вместе с таинственностью самой ситуации исполнения (темнота, отсутствие взрослых) создает тот эмоциональный фон, на котором воспринимается содержание страшилок.

Объем и задачи данной статьи не позволяют коснуться многих интересных проблем, возникающих при знакомстве с жанром страшилок. Основная цель настоящей работы состоит в том, чтобы открыть и представить этот неизученный жанр детского фольклора как достойный самого пристального внимания фольклористов. Можно предполагать, что научное исследование этого богатейшего материала окажется полезным не только для понимания особенностей коллективного творчества детей, но и поможет выяснить некоторые вопросы, связанные с эволюцией фольклорных жанров на современном этапе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ЧЕРНОЕ ПЯТНО

Однажды одна семья переехала на новую квартиру. Там они заметили на стене черное пятно. Они вызвали маляров и спросили: «Почему тут пятно?» Маляры сказали: «Мы красили, красили, его никак не закрасить!» Жильцы повесили на это место ковер и поставили детскую кроватку. Наступила ночь. Родители положили младенца в кроватку и заснули. В полночь из пятна протянулись черные руки, схватили бабушку и унесли. На следующую ночь черные руки унесли дедушку, на третью ночь — отца, потом — ребенка. Мать увидела, что никого не осталось, и подследила за этими руками, потом пошла и заявила в милицию. Пришла милиция. Вместо маленького черного пятна оказалась перед ними уже черная дверь. Они вошли в эту дверь и увидели комнату. Там сидели бандиты. Милиция убила их, вошла во вторую комнату и увидела мертвых людей. Вдруг все люди ожили, потому что убили бандитов. Все стали жить по-прежнему, только не стало черного пятна.

(Сучилина Наташа, 9 лет,
с. Рождествено, Ленинградская обл.)

2. КРАСНАЯ РОЗА

Один человек пошел в магазин и купил картину, на которой была нарисована женщина, и в руке у нее была красная роза. Эту картину он повесил у детей в спальне. В первую ночь все было тихо, но во вторую ночь пропал маленький ребенок. В третью пропала маленькая девочка. Тогда их отец пошел и заявил в милицию. Милиция сделала обыск в спальне, но ничего не нашла. Тогда остался у отца один ребенок. В эту ночь отец не спал и следил, но притворился, что спит. В двенадцать часов ночи вдруг женщина на картине ожила, вышла из картины и подошла к мальчику. В это время отец открыл глаза, но она была уже опять в картине. Потом отец опять притворился, что спит. В этот раз он заметил, что у этой женщины под розой находится финка. На следующий день отец забрал картину, отнес в магазин и купил другую картину, уже с белой розой, и повесил ее в спальне. На следующую ночь в кроватке оказались пропавшие дети. И с тех пор женщина с белой розой стала делать детям только хорошее.

(Недзеляк Оля, 12 лет, Ленинград)

3. ЧЕРНАЯ ПРОСТЫНЬ

Однажды мать пошла в магазин и говорила своим мальчикам, чтобы радио не включать, а девочке — на пианине не играть. Они не послушались, включили радио и стали играть на пианине. По радио передают: «Черная простынь идет по улице. Выключите радио и перестаньте играть на пианине!» Они не выключили. Опять радио передает: «Черная простынь идет по лестнице!» Они не выключили. Радио опять передает: «Девочка и мальчик, выключите радио и перестаньте играть на пианине. Черная простыня уже в коридоре, она открывает дверь!» Мальчики выключили радио,

но черная простыня все равно была уже у них дома. Они не слышат, что она дома уже, но вот они ее заметили и начали убегать. Они в дверь — и она в щелку в дверь, они под стол — и она под стол. Она сжала их, и потекла из них вода.

(Шарова Таня, 8 лет,
с. Рождествено,
Ленинградская обл.)

4. КРАСНЫЕ ПЕРЧАТКИ

У одной женщины была дочь. Когда мать умирала, она дала дочери красные перчатки и сказала, чтобы она надевала их, только когда будет купаться. И чтоб, когда мать умрет, ее не хоронили, а положили под кровать. Девочка сделала, как она сказала, но один раз одела перчатки, когда шла на танцы. Вдруг все машины в городе остановились, и по микрофону раздался голос: «Девочка, отдай перчатки, твоя мать идет по городу!» Девочка не отдала, и слышит опять голос: «Девочка, отдай перчатки, твоя мать идет по улице!» Так повторялось несколько раз, она шла по лестнице, по коридору. Потом мать вошла в комнату, накинулась на дочь, отняла у нее красные перчатки и закинула дочь в мешок. Потом она отнесла мешок за город, там развязала его, и на девушку напали бандиты и убили ее.

(Селедкина Лена, 13 лет, Ленинград)

5. ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

У одной девушки умерла мать, а перед смертью она подарила ей черные и белые перчатки и сказала, чтоб она носила только белые перчатки, а черные не надевала бы. Через несколько дней дочь познакомилась с молодым юношей, и они полюбили друг друга. У этого юноши отец был колдун, и он знал тайну черных и белых перчаток. Когда девушка пришла к ним в гости, отец юноши увидел у девушки белые перчатки, взял их и надел себе на руки. Девушка сначала очень горевала, но, вспомнив, что у нее есть черные перчатки, надела их. Она забыла предвещание матери. В это же мгновение она превратилась в очень некрасивую женщину. Она училась в институте, и когда она пришла туда, ее не узнали и выгнали. И она не знала, что ей дальше делать. Тогда отец юноши взял ее в служанки. Она все рассказала юноше о своем несчастье. Тогда юноша обещал ей помочь. Он рассказал ей, что когда отец садится кушать, он снимает белые перчатки и кладет их перед собой. В это время она подносила чай и быстро сняла свои перчатки и надела новые и сразу превратилась в прежнюю. А отец юноши пришел в такую ярость, что от злости умер. И всё — они стали хорошо жить.

(Недзеляк Оля 12 лет, Ленинград)

6. ЗОЛОТАЯ НОГА

Один дяденька попал под трамвай, и ему отрезало ногу. Его привезли в больницу, и врач ему сделал по секрету золотую ногу и сказал, чтобы он эту ногу никому не показывал. Потом он второй раз попал под трамвай, и ему отрезало голову. Его привезли в больницу, и врач сам взялся одевать его и класть в гроб, но шпионы подглядели. И когда его похоронили, они все оделись в белое и пошли на кладбище. Они открыли могилу, вытащили оттуда гроб, и вдруг поднялся этот мертвец. Они говорят: «Отдавай нашу золотую ногу!» — «Не отдам!» Шпионы отняли у него золотую ногу и переплавили ее в золото. Когда они стали зарывать могилу, гроб открылся, встал мертвец и с криком: «Отдай мою золотую ногу!» — схватил их за шею. (При этом рассказчик хватает за горло кого-нибудь из слушателей).

(Бугрина Гаял, 12 лет, Ленинград)

7. БУКВА Т

Одной девочке мать говорит: «Пойди купи мяса». Все магазины в этом городе были закрыты, только один магазин помещика был открыт. В этой стране, когда дети рождались, им вырезали на пальце первую букву имени. Пришла эта девочка к помещику и говорит: «Свешайте мне мяса». Помещик посадил девочку на стул, и стул провалился. Девочка попала в мясорубку, и ее прокрутили. Мать и отец начали беспокоиться, что девочки нет долго. Они пошли в магазин помещика и ска-

зали: «Свешайте нам мяса». Помещик свешал им мяса, и они пошли домой. Дома они развернули мясо и увидели на одном кусочке букву Т. Они заявили в милицию, и милиционер с собакой пришел к помещику в магазин. Помещик сказал милиционеру: «Садитесь на этот стул!» Но собака, почуяв что-то, держала милиционера за рукав. Милиционер хотел сесть на стул, но собака не пускала его. Потом милиционер понял, что помещик — бандит: он услышал, как шумели под полом мясорубки. Потом помещика посадили в тюрьму и убили.

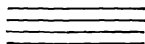
(Голубева Лена, 10 лет, Ленинград)

8. ЧЕРНЫЙ ГОРОД

Я иду по черному-черному городу,
 Я прохожу по черной-черной улице,
 Я вхожу в черный-черный дом,
 Я иду по черной-черной лестнице,
 Я вхожу в черную-черную дверь,
 Я появляюсь в черной-черной комнате,
 Я подхожу к черному-черному столу.
 На черном-черном столе
 Стоит черный-черный гроб.
 В черном-черном гробу
 Лежит черный-черный скелет.
 Скелет кричит: «Отдай мое сердце!»

(С последними словами исполняющий хватает кого-нибудь из слушателей за горло).

(Калятина Таня, 10 лет, Ленинград)

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. И. ВЛАСОВА

ФОЛЬКЛОР О ГРОЗНОМ У П. И. МЕЛЬНИКОВА И Н. К. МИРОЛЮБОВА

Иван Грозный — один из популярных героев русского исторического фольклора. Ему посвящена большая часть известных нам исторических песен XVI в. Образ его запечатали сказки, предания, легенды; он проник даже в заговоры. По свидетельству Олеария, Грозный уже при жизни знал и любил слушать песни о своих деяниях: «Когда, бывало, этот царь захочет повеселиться за пирушкой, то приказывает петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани». Это свидетельство Олеария дало мысль академику В. Ф. Миллеру проанализировать запевы песен о Грозном и выявить в них элемент творчества скomoroxов, которых по свидетельству Курбского, царь любил слушать.¹

Образ Грозного стал основой множества топонимических легенд и преданий в Поволжье, связанных с победоносными походами на Казанское и Астраханское царства. До настоящего времени этот материал не собран полностью и мало изучен.² Топонимические легенды и предания о походах Грозного хранят живые черты эпохи, в них запечатлелись свидетельства людей, или помнивших о недавних событиях, или слышавших о них от очевидцев.

Фольклор о Грозном, теперь почти повсюду исчезнувший, был учтен далеко не полностью и в некоторых его жанровых разновидностях не был исследован. Поэтому особый интерес представляют любые попытки собрать и записать историко-топонимические предания и легенды, сохранившиеся в местах, отмеченных так или иначе деятельностью Грозного.

Опыт такого собирания и записи представляют материалы П. И. Мельникова и Н. К. Миролубова. Они ценны для нас тем, что это — фиксация живого еще в то время фольклора, когда не только хранились в памяти, но и пелись песни о взятии Казани и женитьбе Грозного, рассказывались предания о пути следования его войск, хранились копии с его дарственных грамот и можно было еще видеть у населения подаренные им иконы.

Ценность такого рода материалов не только в том, что в них отражена деятельность именно Ивана IV, первого русского царя, уничтожившего крупную боярщину и удельные княжества и возбудившего поначалу неясные надежды в разных слоях народа. Группировка разнородного в жанровом отношении материала вокруг определенного исторического лица позволяет заглянуть в глубинные процессы формирования народного поэти-

¹ Миллер В. Ф. К песням о взятии Казани. — В кн.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. III. М.—Л., 1924, с. 205.

² Предания о походе Грозного на Казань составляют особую группу в мордовском фольклоре. См.: Седова Л. В. Предания мордвы. Автореф. канд. дис. М., 1978.

ческого мирозерцания, определить степень историко-познавательной ценности фольклорной исторической топонимики. Необходимость ее изучения возрастает в наше время, когда изменяется география огромных пространств, исчезают старые русские деревни и полностью преобразуется та или иная местность. Записи Мельникова и Миролюбова важны для нас и как документы, сохранившие исторические свидетельства первой половины XIX в. Кроме того, это не случайные записи; они сделаны известными собирателями, знатоками и ценителями народной поэзии.

Записи любопытны и тем, как отразилась в собирании и группировке материалов о Грозном личность каждого из собирателей.

В передаче Мельникова и Миролюбова нижегородский фольклор о Грозном сохранил далекие отголоски действительных исторических событий. Предания часто опираются на конкретные факты, документы, вещи, с которыми имели дело и сами собиратели. Фольклорная топонимика доносит до нас черты далекой эпохи. Грозный в преданиях показан как носитель исторического прогресса. Его действия в краю, только что присоединенном к России, имеют вид религиозного «культуртрегерства»: он дарит иконы, приказывает строить церкви, даже оставляет при них воинов, жалует земли для церквей и монастырей, заранее содействуя будущей миссионерской деятельности в Поволжье, которое стало полностью русским.

Записи Мельникова и Миролюбова несут на себе печать своего времени. Это прежде всего упоминания о борьбе за землю Поволжья между заводчиками, церковью и мелкопоместным дворянством, об уничтожении свободных земледельцев, их закрепощении в последующие века. Привлекает внимание и метод записи материалов. В 1840—1850-х годах наука об устном творчестве народа только начала формироваться. Эмпирически слагались представления ученых о принципах записи фольклорного текста. Хотя уже была осознана необходимость записывания песен «с голоса», т. е. в процессе пения, чтобы сохранить подлинность их песенной строфики, но осуществлялась такая запись далеко не всеми собирателями песен, а только такими, которые понимали научное значение фольклорных записей; для любителей этот принцип оставался чужд вплоть до появления магнитофона. Конспективно (хотя в некоторых случаях и мастерски) записывались сказки, причем собиратели стремились сохранить особенности речи сказочников. Однако такие жанры, как предания и легенды, не имеющие устойчивого текста, передавались в обычном литературном пересказе почти до начала XX в., без попыток сохранить особенности речи рассказчиков, их имена, названия мест записи. В материалах Мельникова и Миролюбова фиксируется место записи (названия уездов, реже — деревень), но нет почти никаких имен. И все-таки мы глубоко благодарны собирателям за вовремя записанный и сбереженный для нас фольклорный материал о походах Грозного в Поволжье.

Мы не ставим себе задачу исследовать научное значение публикуемых материалов в историко-фольклорном плане. Наша цель — рассказать о возникновении и осуществлении замысла: собрать фольклор о походах Грозного и рассказать о произведениях, которые были выявлены в процессе этой собирательской деятельности.

П. И. Мельников (как писатель известный под псевдонимом Андрей Печерский) с юных лет был энтузиастом нижегородского краеведения и уже с 1830-х годов интересовался устнопоэтическими преданиями Поволжья. Ему принадлежат первые публикации легенд и преданий о Грозном и редких мордовских исторических песен.

Возможно, что одной из начальных побудительных причин интереса Мельникова к деятельности Грозного в Поволжье послужило семейное

предание о том, что кого-то из предков писателя Грозный благословил иконой. Мельников упоминает об этом в незаконченной автобиографии: «У меня был старинный образ Спасителя, пропавший в Петербурге во время пожара 28 мая 1862 г., когда сгорел Апраксин двор, Министерство внутренних дел и часть Троицкого переулка, в котором я жил. На нем (образе, — Э. В.) была надпись, что он пожалован царем Иваном Васильевичем Василью Мельникову, но кто таков был этот Мельников — не знаю».³

В самом начале литературной деятельности писатель опубликовал несколько преданий о Грозном, которые записал, будучи еще учителем гимназии. Он включил их в «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», первое свое печатное произведение. Поскольку «Дорожные записки» не вошли ни в одно из современных изданий сочинений писателя, приводим эти предания.

«Когда царь Иоанн Васильевич Грозный шел на Казань чрез эти места, тогда мордвини, жившие на Лемети, вызвались быть его проводниками. Три брата: Ардатка, Кужендей и Торша провели войско русское чрез знакомые им леса и после, с милостью царскою, возвратились на Леметь. Ардатка поселился на месте Ардатово, а братья его — на месте села Кужендеева, верстах в четырех от города. Мордва охотно селлась вместе с проводниками царскими, и вскоре на этом месте явилась деревня, сделавшаяся впоследствии дворцовым селом, а с 1779 года городом Нижегородского наместничества».⁴

В пятой статье «Дорожных записок» сообщено предание, связанное с посещением Мельниковым Троицкого летнего собора в г. Соликамске.

«В этом соборе нам показали образ св. Николая-чудотворца весьма древней работы. Предание говорит, что в то самое время, когда царь Иван Васильевич находился с войском своим под Казанью, ногайские татары сделали набег на пермские земли. Соликамск находился в большой опасности, и жители его послали гонцов под Казань к царю с просьбой о помощи. Посланные прибыли в стан русский в то самое время, как подкопы были уже сделаны и все с часа на час дожидались нападения на крепость казанскую. Царю нужно было войско, и он не мог послать помощи жителям осаждаемого Соликамска. Вместо рати он дал посланным эту икону и свою грамоту, поручая город заступлению святителя. Предание молчит, избавился ли Соликамск от неприятелей, летописи молчат и о самом нашествии татар на этот город. Но как бы то ни было до сих пор хранится в соборе этот образ, до сих пор все соликамцы имеют к нему большое почтение. О грамоте говорят, что она хранилась в этом же соборе, но сгорела в 1774 году».⁵

Наконец, в шестой статье «Дорожных записок» приведено коми-пермяцкое предание о Грозном и Пере-богатыре. Оно пересказано и в «Дневниковых записках путешествия... по разным провинциям Российского государства» И. И. Лепехина (СПб., т. 1—3, 1771—1795; т. 4, 1805). В пересказе этого предания у Мельникова привлекают внимание замечания, указывающие на устный его источник: «нам показали», «говорят», «прибавляют». Подчеркивается легендарный характер предания о Пере-богатыре, оно характеризуется как «не имеющее вероятия».

На подлинность фольклорного материала «Дорожных записок» указывала К. Е. Корепова, исследовавшая фольклор народов Поволжья в материалах Мельникова. «Есть все основания считать, — пишет она, — что большинство преданий, приведенных в „Дорожных записках“, по крайней мере предания нижегородские, были найдены и записаны самим Мельни-

³ Сб. «В память П. И. Мельникова». Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. IX. Нижний Новгород, 1910, с. 67.

⁴ Отечественные записки, 1839, № 11—12. Другие варианты этого предания см. ниже, в статье Н. К. Миролубова, с. 141—143.

⁵ Мельников П. И. Полн. собр. соч., т. 12. М.—СПб., 1898, с. 290—291.

ковым; до него они не публиковались, а широкая собирательская деятельность в эти годы в Нижнем еще не развернулась».⁶

В начале 1840-х годов у Мельникова возник замысел описать местности Нижегородской губернии, через которые пролегал путь Грозного на Казань. В письмах М. П. Погодину и А. А. Краевскому 1842 г. он упоминает об этом. «Теперь занимаюсь исследованием, какими местами проходил царь Ив(ан) Вас(ильевич) в 1552 году, кончу и пришлю к Вам, если позволите», — писал он Погодину. «Пишу о станах Ивана Васильевича Грозного во время его похода 1550 г. в Казань», — сообщается в письме Краевскому.⁷

Исследование исторических реалий, собирание и изучение устнопоэтических материалов — преданий, легенд, песен о походах Грозного через Поволжье — занимает его на протяжении нескольких лет. В статье «Исторические заметки» 1843 г. февраля 15 вскользь упомянуто: «В Нижегородской губернии много курганов, которые называются мары. Много их на пути, которым проходил царь Иван Васильевич в 1552 г.».⁸

В 1845 г. Мельников был назначен редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», и в газете из года в год появляются статьи и заметки, так или иначе затрагивающие тему пребывания Грозного в Поволжье: «Памятники похода Иоанна IV на Казань по Нижегородской губернии», «Находка в Муромском лесу», «Калейка», «События, случившиеся в Нижнем Новгороде от 1462 до 1600 года», «Предания из времен похода Грозного на Казань».⁹ Через газету Мельников обратился к читателям за содействием в собирании материала. Сообщив предание о Калейке, проводнике И. Грозного, присланное в газету И. Рачковым, он добавил: «Редакция собирает теперь подобные предания и поместит их со временем в газете вместе с исследованием о том, какими местами проходил царь Иоанн Васильевич во время похода своего на Казань в 1552 г.».¹⁰

Весной 1847 г. Мельников начал чтение публичных лекций в Александровском дворянском институте, которые имели большой успех. Известный историк К. Н. Бестужев-Рюмин, ученик Мельникова по Нижегородской гимназии, вспоминал: «В этих лекциях, кроме интересного очерка Нижегородской местности по сотной грамоте, любопытны были некоторые характеристики, например сочувственная характеристика Грозного. У меня в памяти осталось одно замечание о том, что Грозный, подвергая опале князей, при помиловании переводил их из той местности, где у них были предковские вотчины, в другую. Если Мельников не знал Флетчера (а знать его он тогда не мог), сообщающего этот факт, он, вероятно, внимательно изучил акты, где есть указания таких случаев, например вывод Солнцевых из Ярославля».¹¹

В руках исследователя постепенно накапливался из новых для науки фольклорных источников свежий материал о походах Грозного. Изменяется первоначальный замысел задуманного труда. Вместо сухого историко-географического описания пути Грозного, определяемого летописными указаниями, Мельников решил включить в статью все произведения устной поэ-

⁶ Корепова К. Е. Фольклор народов Поволжья в историко-этнографических работах П. И. Мельникова-Печерского. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976, с. 163.

⁷ Сб. «В память П. И. Мельникова», с. 145, 152.

⁸ Русский инвалид, 1843, № 185, 21 августа, с. 1—2.

⁹ Нижегородские губ. ведомости, 1845, № 3; 1846, № 54; 1847, № 2, 26, 33, 34; 1861, № 47.

¹⁰ Там же, 1847, № 34, с. 136.

¹¹ Сб. «В память П. И. Мельникова», с. 263.

зии, сохранившие отзвуки этого события в народной памяти. Он снова пишет Погодину: «Приготовляю Вам статью „Путь Иоанна Грозного в 1552 году по летописям, курганам, преданиям и песням“». ¹²

К этому времени Мельников сумел привлечь к собиранию фольклора о Грозном других лиц.

В 1842 г. в Нижний был назначен профессором Духовной семинарии Н. К. Миролюбов, только что окончивший Московскую духовную академию. В 1846 г. Миролюбов принял монашество под именем Макарий. Впоследствии он получил сан архимандрита, затем епископа и был известен крупными исследованиями и статьями по истории русской православной церкви.

Как редактор газеты Мельников привлекает его к изучению исторического прошлого Нижегородского края. В период сотрудничества с Мельниковым Миролюбов-Макарий становится увлеченным краеведом и собирателем устной поэзии. В «Нижегородских губернских ведомостях» с 1848 г. публиковались его статьи: «Крещение черемис и чуваш в Нижегородской губернии и оставшиеся у них после крещения священные обряды»; «Древнее историческое значение Городецкого Феодоровского монастыря»; «Суеверия и обычаи мордвы-мокшан Нижегородской губернии»; «История Нижегородской семинарии» и др. ¹³

Статья «Город Княгинин», подписанная Мельниковым и Макарием, имеет следующее примечание: «Эта статья из ряда приготовляемых статей, которые заключают в себе описание городов Нижегородской губернии. Они составляются Мельниковым и профессором Нижегородской семинарии иеромонахом Макарием». ¹⁴ К этим сообща написанным работам, по-видимому, относятся статьи «Балахна», «Василь», опубликованные в 1849 г.

Поначалу статьи Миролюбова отражают исключительно его профессиональные интересы — это характеристики и биографии религиозных православных деятелей в Поволжье («Федор Догада, просветитель мордовской деревни Камкиной» и др.). Однако под влиянием Мельникова и позднее В. И. Даля характер его занятий принимает определенно фольклорно-этнографическое и археологическое направление. В протоколах заседания Археологического общества в 1850 и 1851 гг. неоднократно упоминаются различные предметы, переданные Миролюбовым в «Минц-кабинет Общества»: «семнадцать серебряных копеечек царей Михаила Феодоровича и Петра Алексеевича, снятых с женских уборов мордвы; обломки старинного мордовского сустава, которым застегивались на груди женские рубахи; сустав этот был сделан из серебра, хотя и низкой пробы; тогда как нынешние делаются лишь из меди и железа». Он представил также списки с древнерусских надписей, снятые в церквях Горбатовского уезда, список надгробных надписей из соборов XVI—XVII вв., историко-археологическое описание церквей и церковных ценностей. «Тот же ученый, — указывается в протоколе от 5 мая 1851 г., — сообщил Обществу на рассмотрение небольшую резную икону, старинные поручи и часть хоругви для определения, могут ли эти вещи восходить далее 17 века. Общество, по рассмотрении восьмиугольного рогового образа с изображением Спасителя и Богородицы и украшенного финифтью, признало это прекрасное произведение древнерусского художества за архиерейскую панагию XVI века, к которой позднее приделано медное ушко с надписями; материя же, из которой шиты

¹² Там же, с. 157.

¹³ Нижегородские губ. ведомости, 1848, № 25—26, 47—49; 1849, № 46—51, 64—65, 67—69; 1850, № 1—2, 4—5 и др.

¹⁴ Там же, 1849, № 57, с. 225.

поручи и хоругвь, есть старинная парча, время изделия которой трудно определить».¹⁵

Впоследствии Мельников вспоминал в автобиографии, написанной им от 3-го лица: «Известный археолог наш, отец архимандрит Макарий, при содействии П. И. Мельникова начал заниматься русскими древностями, и первые его сочинения печатались в „Нижегородских ведомостях“. Можно сказать положительно, что до 1845 года нижегородцы не знали истории своего края, но с тех пор познакомились с прошедшим их родины, и в Нижегородской губернии явилось много скромных, но полезных деятелей».¹⁶

В 1849 г. в Нижнем поселился В. И. Даль. Мельников был знаком с ним с 1845 г. (если не раньше; в этом году он посетил Даля в Петербурге, о чем упоминается в публикуемой ниже его статье), но особенно близко сошелся в Нижнем. В письмах к Д. Н. Толстому и Погодину он неоднократно упоминает о дружбе с Далем.¹⁷ Еще в Петербурге Даль стал одним из основателей Русского географического общества. С его появлением в Нижнем многие нижегородские краеведы стали корреспондентами общества, и одним из самых активных был Миролюбов. Академик В. Ф. Миллер писал: «В 1840—1850-х годах Миролюбов сблизился с жившими тогда в Нижнем писателями П. И. Мельниковым и В. И. Далем, тогда же был избран и членом Географического общества».¹⁸

С 1849 по 1851 г. Миролюбов послал в Географическое общество около 20 своих рукописей с фольклорно-этнографическими материалами; кроме того, по его указаниям прислали материалы по Нижегородской губернии многие сельские священники.¹⁹

Как известно, Мельников любил обсуждать с Далем и свои творческие замыслы, и маршруты статистических обследований. Под влиянием Даля написал он свой первый рассказ «Красильниковы». Более чем вероятно, что и замысел статьи о Грозном обсуждался в обществе Даля и Миролюбова. С 1848 г. внимание Миролюбова также направлено на исследование пути Грозного и местных сказаний о его походах. Участвовал в этих изысканиях и Даль. «В селе Сыресеве В. Даль нашел остатки деревянной паперти XVII века при церкви во имя Параскевы Пятницы, построенной, по преданию, Иоанном Грозным», — писал Миролюбов.²⁰

Однако на этот раз работа Миролюбова и Мельникова идет не столько совместно, сколько параллельно. Мельников, как кажется, не подозревал об изысканиях Миролюбова, во всяком случае он ни разу о них не упоминает. В 1849 г. Миролюбов послал в Географическое общество на имя Н. И. Надеждина публикуемую ниже статью о сказаниях и народных преданиях про поход Грозного 1552 г. на Казань. В конце статьи помещена песня о гневе Грозного на сына (сюжет с Пожарским). Текст ее известен в печати по записи А. А. Реймерса, двоюродного брата Даля, приезжавшего в Нижний из Петербурга, где он служил. Даль отослал песню Киреевскому, а из собрания Киреевского текст был отдан, вероятно, Якушкиным для публикации в «Этнографическом сборнике», где и напечатан.²¹

¹⁵ Там же, 1851, № 18, с. 71.

¹⁶ Сб. «В память П. И. Мельникова», с. 82.

¹⁷ См.: Труды Рязанской губернской ученой архивной комиссии за 1887 год. Рязань, 1888, с. 5.

¹⁸ Миллер В. Ф. К песням о взятии Казани, с. 225.

¹⁹ См.: Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 2. Пб., 1915, колл. XXIII, № 63—153 и др.

²⁰ Архив Горьковской области, ф. 765, оп. 597, № 53, л. 15.

²¹ Песни, собранные Киреевским. Старая серия. Вып. VI. М., 1864, с. 77—80. Этнографический сборник, вып. V. СПб., 1862, отдел «Смесь», с. 28—30. Перепечатано: Исторические песни XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, № 251, с. 430—432.

Возможно, Миролубов записал эту песню от того же исполнителя, так как текст Реймерса—Даля отличается от миролубовского более тщательной передачей фонетических особенностей говора, а в остальном полностью совпадает.²²

Итак, Мельников — с 1842 г., Миролубов — приблизительно с 1846 г. и, наконец, Реймерс и Даль записывают фольклор о Грозном. Но Мельников в 1851 г. еще работает над статьей «Путь Иоанна Грозного» и пишет об этом Погодину, а Миролубов в этом же году посылает в Географическое общество второй вариант статьи и сопровождает ее следующим примечанием: «Статья эта была представлена мною из Нижнего Новгорода в Общество в 1849 году, потом была исправлена и приготовлена к изданию; но с кончиною Н. И. Надеждина, бывшего председателем в этнографическом отделении, осталась в неизвестности. Теперь она переписана с оставшейся черновой тетради с некоторыми разве отступлениями от прежней исправленной рукописи».²³

В статье 1849 г. нет никаких следов подготовки к изданию: лишь на полях в нескольких местах имеются позднейшие вставки и дополнения к основному тексту, отличающиеся от него большей яркостью чернил. Повидимому, рукопись, которую Миролубов готовил к изданию, не была отослана Надеждину. В Архиве Горьковской области сохранились разрозненные листы рукописи, представляющей копию статьи, в которой часть листов написана переписчиком, со вставками почерком Миролубова. Название статьи также изменено; вместо «Сказания о последнем походе Грозного...» — «Путь Иоанна Грозного во время похода его на Казань через Нижегородскую губернию в 1552 году».²⁴

Миролубов, как видно из его примечания, хлопотал о скорейшем издании своей статьи через Надеждина и, боясь, что после смерти последнего рукопись затерялась, посылает новый вариант той же статьи. Неясно, почему именно эту статью он не мог (или не хотел) напечатать в «Нижегородских губернских ведомостях», где с 1848 по 1850 г. печатались различные его статьи и заметки и где помещались статьи Мельникова со сведениями о Грозном как историческом герое народных преданий? А может быть, именно поэтому?

По всей видимости, Мельников и в 1851—1852 гг. не знал ничего о статье Миролубова, он не упоминает о ней ни в письмах, ни в рукописи своей работы. В 1852 г. 4 февраля он снова сообщил Погодину: «Летом проехал весь путь Иоанна Грозного от Муромы до Казани, нанес на карту все курганы, оставшиеся на месте его станов, разрывая некоторые; собрал всевозможные предания, поверья, песни о Казанском походе, осмотрел церкви, Грозным построенные, видал в семействах, происходящих от царских вожатых, жалованные иконы, списки с грамот». Затем с неожиданным холодком добавляет: «Все вместе любопытно бы, кажется, да бог знает, когда придется заняться этим делом. Надеюсь на свою небезызвестную Вам память, много не записываю, да и побаиваюсь, чтобы не за-

²² Текст песни с Ф. И. Пожарским в качестве главного действующего лица был дважды послан Миролубовым в Географическое общество. Второй раз он написан на двойном (in folio) листе неизвестным лицом, с пометой Миролубова «Поется в Ардатском уезде Нижегородской губернии» (Архив РГО, колл. XXIII, № 133). Этот же текст известен по публикации Якушкина, которая полностью идентична с текстом Реймерса, но имеет паспорт: село Спешнево Княгининского уезда (Якушкин П. И. Соч. СПб., 1884, с. 530—532).

²³ Архив РГО, колл. XXIII, № 142, л. 1.

²⁴ Архив Горьковской области, ф. 765, оп. 597, № 53. Второй вариант статьи заканчивается разделом «Предания о первых походах Иоанна IV против Казани по Нижегородской губернии», который в первом варианте статьи только обозначен, но не написан.

быть чего-нибудь». В 1852 г. Мельников был назначен начальником статистической экспедиции в Нижегородской губернии и, начиная с этого времени, постоянно находился в длительных командировках по разным губерниям: Владимирской, Костромской, Казанской. В 1856 г. он переехал в Петербург, где продолжал свою литературную деятельность уже как писатель после успешного выступления с рассказом «Красильниковы» в 1852 г. В 1861 г. он опубликовал некоторые материалы в газетной заметке «Предания из времен похода Грозного на Казань», но эта публикация ни в коей мере не дает представления о его первоначальном плане.

Замысел статьи о Грозном, вынашиваемый в течение десяти лет, остался незавершенным. В архиве писателя сохранились только черновые наброски статьи, отражающие разные этапы работы.

Основу статьи должно было составить описание станов войска Грозного в соответствии с указаниями летописей. Автор руководствовался при этом картой Нижегородской губернии, составленной генерал-лейтенантом Ф. Ф. Шубертом. Во время работы статистическая экспедиция обнаружила в карте Шуберта ошибки и неточности.²⁵ В новом варианте статьи вместо ссылок на Шуберта указаны соответствующие широта и долгота описываемой местности. В то же время Мельников стремится ввести в описание пути Грозного как можно больше фольклорного материала. Сохранилось пять разных начальных листов статьи, по которым можно видеть, как увеличивалось количество песенного материала, привлекаемого писателем.²⁶ В двух экземплярах сохранилась вычерченная Мельниковым карта-схема похода через Нижегородскую губернию.²⁷

При сравнении набросков Мельникова со статьей Миролубова видно, что работа их шла почти параллельно. Их материалы дополняют друг друга, при знакомстве с обеими статьями возникает полная картина жизни устнопоэтических произведений о Грозном в Поволжье.

Добавления на полях статьи 1849 г., по-видимому, сделаны Миролубовым по следам публикаций Мельникова: упоминание о воинских доспехах, найденных в 1818 г. под Муромом, сообщение о марах, курганах, якобы насыпанных воинами Грозного. После предания о Калейке Миролубов добавляет: «Память всего этого события донныне сохраняется между туземными крестьянами в песне о Калейке-мужике». Мельников, опубликовавший в 1847 г. предание о Калейке (очень краткий вариант), писал следующее: «Память этого события донныне сохраняется между туземными крестьянами в песне о Калейке-мужике, показавшем путь чрез Выксунский лес христолюбивому воинству царя православного. Покорнейше просим г. Рачкова о доставлении нам списка этой песни, еще неизвестной любителям русской старины и, без сомнения, весьма интересной».²⁸ Песня не приводится ни в материале Мельникова, ни у Миролубова. Возможно, она так и не была записана. В известных нам исследованиях песенного фольклора Мордовии она не упоминается.²⁹

В большинстве случаев историко-фольклорные и топонимические сюжеты совпадают, но у одного они даны сжато, у другого подробнее: если

²⁵ В рапорте статистическому комитету Мельников писал: «...собраны обстоятельные сведения в отношении топографическом, исправлена и дополнена карта генерал-лейтенанта Шуберта» (сб. «В память П. И. Мельникова», с. 172).

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 95, оп. 1, № 6, 7.

²⁷ ГПБ, ф. 478, оп. 1, № 37, л. 1—2.

²⁸ Нижегородские губ. ведомости, 1847, № 34, с. 136.

²⁹ Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964; Ватанина М. Мордовские исторические песни об Иване Грозном. — Учен. зап. Мордовского гос. ун-та. Саранск, 1968, № 64, с. 108.

у Миролюбова песня лишь названа, то у Мельникова приведена полностью; если Мельников не закончил легенду, то окончание ее мы найдем у Миролюбова. Исследователи расходятся при упоминании села Вазьян. Миролюбов считал, что это местонахождение 7-го и 8-го станов, Мельников — что 5-го и 6-го. Оба указывают, что близ села в старину было большое озеро, позднее заросшее, и что первая церковь в селе была построена по приказу Грозного; сохранились старинные резные ворота из этой церкви и икона Николая-чудотворца.

В архиве Русского географического общества имеется записка священника этого села Михаила Покровского с краткими этнографическими сведениями о жителях. Она важна для нас как доказательство достоверности сведений, сообщаемых исследователями. «Что касается до народных преданий, — пишет Покровский, — то есть еще у жителей как Вазьяна, так и окрестных селений следующее, а именно: что Арзамасским уездом проходил царь Иван Васильевич Грозный, была в Вазьяне, построил в оном первую деревянную церковь во имя Николая-чудотворца, названную клетчатую (по причине фундамента, срубленного в виде клеток), пожертвовал в оную образа, царские двери и преимущественно образ св. Николая, который и донныне хранится в каменной Николаевской церкви, в киоте за правым клиросом, а царские двери — в деревянной Трехсвятительской, и, наконец, означенное село пожаловал провожатому Лопатину, при нем служившему, который и был первым онаго помещиком».³⁰ Оба исследователя сообщают эти же факты и рассказывают о заботах потомков Лопатина по сохранению древних реликвий.

Второй отрывок публикуемой далее рукописи Мельникова обрывается на описании церкви села Дубенского: «В церкви этого села замечательно предание о древнем храмовом абрисе Введения богородицы и о мраморном столбике...». Содержание этого предания читатель узнает из рукописи Миролюбова, которая приводится вслед за материалами Мельникова.

Таким образом, историко-фольклорный материал каждого из исследователей, то совпадая, то расходясь и по-разному конкретизируясь в вариантах легенд и преданий, создает единую и цельную картину жизни фольклора о Грозном в местах, связанных с его казанскими походами.

Значение этих походов и в особенности завоевания Казанского царства было так велико для всех народов Поволжья, получивших наконец возможность мирного существования, что у них возникают песни и предания об участии своих представителей в этих походах и о всеобщей помощи Грозному в решении насущной исторической задачи эпохи. Таковы песни о мордовской девушке Саманьке и проводнике Грозного черемисине Рознеге.

Современному читателю может показаться тенденциозной приуроченность большей части преданий о Грозном к церквям и предметам религиозного культа. Но именно эта особенность топонимики, связанной с именем Грозного, подтверждает ее историческую достоверность. Обращение в православие так называемых «инородцев», «неверных» было одной из постоянных забот русского правительства. Церкви и монастыри, становясь центрами миссионерской деятельности, заботливо и в первую очередь создавались на вновь присоединяемых землях. Подчиняя имущественные интересы церкви государственным и стремясь лишить ее независимого положения в государстве, правительство Грозного одновременно заботилось об укреплении православной веры в широких демократических слоях. Народные предания Поволжья отразили эти стороны внутренней политики прави-

³⁰ Архив РГО, колл. XXIII, № 184, л. 4.

тельства, сообщая детали о построении церквей, пожаловании их иконами, землями. В селе Ичалове Грозный оставил при церкви семь своих воинов, о чем рассказывают не только предание, но и документы.

Забота о распространении православия сочеталась со своеобразным привнесением новых форм культуры. В средние века все виды искусства имели религиозную оболочку, это типичная черта эпохи. Распространение икон, устройство резных позолоченных иконостасов оказывали не только религиозное, но и эстетическое воздействие.

Не случайно в статье Миролюбова, убежденного служителя церкви, ощутим большой интерес к преданиям, связанным с церковной топонимикой.

Некоторые предания у Миролюбова имеют более развитый сюжет, например, о Кужендее. Зато Мельников более широко намерен был использовать песенный фольклор. Он включил в начало статьи несколько песен о Грозном, в их числе уникальную — «Дятловы горы» — о подчинении мордвы «русскому мурзе» (позднее он опубликовал ее в «Очерках мордвы», назвав «Мордовской былинной»)³¹. В варианте 1851 г. о ней упоминает и Миролюбов: «Обрусевшая мордва доселе вспоминает в песнях о „грозном мурзе“, что он

Где бросит горсточку — там быть градочку,
Где бросит щепоточку — там быть селеньицу».³²

Рассказывалось и предание, которое слышали Мельников и Миролюбов, о «добровольном покорении» мордвы Ивану IV.³³ Содержание песни заключается в следующем. Московский мурза принял людей в белых одеждах, молящихся на Дятловых горах, за шатающийся березник. Узнав, что это молится мордва, он послал дорогие подарки. Получив в ответ блюдо земли и блюдо песка, он истолковал это как знак покорности. Плывая по Волге, он бросал землю на берега, указывая, где быть городу, где селению. Миролюбов отнес предание, заключающееся в песне, ко временам Андрея Боголюбского и волжских болгар. Мельников объяснял смысл песни иначе: «Здесь перемешаны предания об Андрее Боголюбском, Юрие II и Иоанне Грозном. Приписывается все последнему как позднейшему».³⁴

Академик В. Ф. Миллер, знакомый с рукописью Миролюбова и публикацией Мельникова в «Очерках мордвы», анализируя эту песню и ее толкования, заметил: «Хотя и П. И. Мельников, и архимандрит Макарий высказывают уверенность в том, что приведенная песня обруселой мордвы относится к первоначальному завладению мордовских земель русскими, т. е. ко времени Андрея Боголюбского и Юрия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, однако я далеко не разделяю эту уверенность. Едва ли известная у обруселой мордвы, почти позабывшей родной язык, песня может помнить события такой глубокой старины, как XII век.

³¹ Мельников П. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 14.

³² Архив РГО, колл. XXIII, № 142. По словам Мельникова, песня была записана священником села Сиужи («Рождественское тож») в 1848 г. и через нижегородского епископа Иакова передана Мельникову. Она находится в рукописи, которую после смерти Мельникова приобрел известный коллекционер А. А. Титов. Его собрание поступило в Отдел рукописей ГПБ, где и хранится (рукопись № 2340).

³³ «В разных селениях на пути царя Ивана Васильевича в нынешней Нижегородской и Симбирской губерниях до сих пор сохраняются предания, что тут жила мордва, покорно встретившая московского царя, принесшая ему чашки с землей и песком, что означало добровольное покорение, и тогда же крестившаяся» (Мельников П. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 24).

³⁴ Там же.

Песня под московским мурзою разумеет царя Ивана Грозного».³⁵ Вопрос этот остается спорным и в наше время. А. И. Маскаев, мордовский исследователь этой песни, считал сюжет древним: «Только популярность имени Грозного перетянула древнее предание в XVI век».³⁶ М. Ватанина повторяет точку зрения В. Ф. Миллера.³⁷ Отсутствие вариантов к тексту песни, которые вносили бы какие-то дополнительные детали, усложняет решение вопроса. До настоящего времени песня известна по двум текстам: опубликованному Мельниковым по рукописи из с. Сиухи и записанному Миролюбовым.³⁸ Оба текста почти идентичны. Это можно объяснить тем, что источник в обоих случаях один, а разница во времени записи — два года. Неясно только, почему Миролюбов не включил свою запись во второй вариант статьи (1851 г.).

Вторая песня, включенная Мельниковым в статью, известна по публикации ее в «Литературном наследстве» и предшествующей — Миллера. Миролюбов так пересказал ее в рукописи 1851 г.: «О дер. Тоторшеве есть у мордвы песня, в которой представляется богатый мужик Вачайка (по-русски голодный), а дочь у него Саманька. Эта дочь, по сказанию песни, будто бы вызвана была царем к Казани и взорвала город, подложив под него 50 бочонков с бочонком. За такую услугу взятия осаждаемой будто бы семь лет Казани Саманька пожелала только того, чтобы царь позволил „лицо свое колоть и на лбах носить“».³⁹

Третья песня в статье Мельникова — фрагмент о взятии Казани, заимствованный из песни о гневе Грозного на сына, записанной Реймерсом и Далем, о чем свидетельствует почти буквальное совпадение текста.

С 1853 по 1857 г. Миролюбов, судя по его письмам И. П. Сахарову, служит инспектором Пермской семинарии.⁴⁰ В 1858 г. он переведен в Рязань. Поздравляя Мельникова с наступлением нового 1859 г., он желал ему успеха в издании газеты «Русский дневник» и обещал, что «при возможности, в часы досуга, не поскупится рязанскими лептами».⁴¹ Однако статей его в «Русском дневнике», просуществовавшем полгода, не появилось.

В 1847 г. Мельников привлек к участию в «Нижегородских губернских ведомостях» еще двух авторов: Н. Шаганова (статьи: «Из истории Горбатова», «Курган стана Батыева», «Кидекша») и П. И. Пискарева. С 1847 по 1850 г., т. е. как раз во время редакторства Мельникова, Пискарев опубликовал в «Нижегородских губернских ведомостях» около 20 статей, среди них «Река Теша», «Арзамасские убогие дома», «Гора Оленья», «Академик Ступин и его художественная школа, находящаяся в Арзамасе», «Село Выездная свобода», «Новоусадская волость», «Чернушинская волость» и описания всех Арзамасских монастырей. В 1847 г. в газете публиковались «Материалы для истории Макарьевской ярмарки».⁴² Из них 28 актов XVII столетия были сообщены редактору

³⁵ Миллер В. Ф. Русские и инородческие предания о казанском походе Ивана Грозного. — Очерки русской народной словесности, т. III. М.—Л., 1924, с. 233.

³⁶ Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня, с. 311.

³⁷ Ватанина М. Мордовские исторические песни..., с. 108.

³⁸ Список песен «Дятловы горы» и «Саманька» с пометой «Сообщено из Н. Новгорода от И. М. 28 августа 1850 г.» оказался в архиве И. Д. Беляева (РО ГБЛ). Миллер расшифровал инициалы как «Иеромонах Макарий» (сан архимандрита Миролюбов получил в конце 1850-х годов) и опубликовал тексты по копии Г. З. Кунцевича в статье «К песням о взятии Казани» (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. III, с. 227—229, 231—233).

³⁹ Архив РГО, колл. XXIII, оп. 1, № 142, прим. 19. Т. е. просила разрешения прокалывать монеты с изображением царя, чтобы использовать их как украшение.

⁴⁰ РО ИРЛИ, архив И. П. Сахарова, № 14161.

⁴¹ РО ИРЛИ, ф. 95, оп. 2, № 9.

⁴² Нижегородские губ. ведомости, 1847, № 3, 42—79.

П. И. Пискаревым. В статьях Пискарева есть упоминания о Грозном, связанные с топонимикой сел, церквей, монастырей. Так, про село Собакино сообщается: «До 1572 года оно писалось „Село на мордовском городище“ и считалось в числе дворцовых; в этом году оно было пожаловано кравчему Каллисту Васильевичу Собакину, брату царицы Марфы Васильевны, третьей супруги царя Грозного; потом, вероятно по случаю злополучной смерти Каллиста, казненного по повелению Иоанна в 1577 г., снова поступило в число дворцовых сел».⁴³ В статье о Никольском женском монастыре приведены факты, позволяющие установить, что время основания монастыря относится к последним годам царствования Ивана IV.⁴⁴

По-видимому, Пискарев передал П. И. Мельникову не только старинные акты, но и свою тетрадь с записями песен Арзамасского уезда. После смерти писателя тетрадь Пискарева в числе других рукописей была куплена А. А. Титовым и сохранилась в его собрании.⁴⁵ В ней видны следы работы Мельникова. Архаизмы, диалектизмы и различные фразеологизмы народного языка подчеркнуты карандашом, на полях помечено «Далю». Подчерком Мельникова написано название: «Песни Арзамасского уезда Нижегородской губернии». В разделе, озаглавленном собирателем «Удалые», Мельников перечеркнул заголовок и написал «Былевые». В конце тетради Пискаревым помещено начало статьи «Г. Макарьев» с редакторской правкой Мельникова. Собиратель написал примечания к хороводным песням, содержащие точные описания хороводных игр, но часть листов с примечаниями утрачена.

Песенная коллекция Пискарева содержит разнообразный материал, ценный для фольклористов. Она еще полностью не вошла в научный обиход; из нее опубликованы только историческая песня «Кострюк» (вариант, где поединщики Кострюка — «Три Василья Васильевича, Три Васюточки маленьких») и баллада «Домна и Грозный».⁴⁶

В этой коллекции привлекает внимание баллада, где главным действующим лицом оказывается Грозный. Ее можно назвать «Домна и Грозный». Сюжет ее представляет переделку старинной версии баллады «Князь Дмитрий и Домна». Д. М. Балашов, изучавший варианты этой последней, установил, «со значительной долей вероятности», что баллада новгородского происхождения и возникла в XIV—XV вв.⁴⁷ Она была зафиксирована в районах Севера на путях новгородской колонизации. Вспомним основные эпизоды ее сюжета, чтобы установить степень близости к ней более поздней баллады «Домна и Грозный».

1. Дмитрий идет к заутрене. 2. Домна высмеивает его внешность. 3. Дмитрий через сестру приглашает Домну на пир. 4. Мать Домны остерегает ее, рассказав свой сон про дорожную потерю. 5. Дмитрий избивает Домну до смерти. Такова старинная версия баллады (мы не касаемся позднейших версий).

Сюжет баллады «Домна и Грозный» состоит из следующих эпизодов. 1. Грозный у заутрени увидел красавицу и послал к ней сватов. 2. Она отказывает, высмеивая внешность царя. 3. Грозный через сестру приглашает Домну во дворец. 4. Она отказывается, ссылаясь на свой вещий сон, но отказ не принят. 5. Грозный трижды спрашивает согласия на брак и

⁴³ Там же, 1849, № 63, с. 297.

⁴⁴ Там же, № 60, с. 236—240.

⁴⁵ ГПБ, ф. А. А. Титова, № 2321.

⁴⁶ Исторические песни XIII—XVI веков. Л., 1960, № 143 (Памятники русского фольклора); Народные баллады. М.—Л., 1963, с. 236—241 («Библиотека поэта» Большая серия).

⁴⁷ Балашов Д. М. Князь Дмитрий и его невеста Домна. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., 1959, с. 98.

при третьем отказе казнит Домну. 6. Он приказывает положить голову девушки на золотое блюдо и отослать к ее тетке в монастырь.

Два последних эпизода представляют дополнительные звенья в традиционном развитии используемого сюжета. Отступлением от традиции стал зачин, представляющий монолог царя:

Я вечер был у заутрени,
У прихода Благовещенья.
Я не столько богу молился,
Сколько глядел на красавицу,
На игуменьи племянницу.⁴⁸

Царь показан в балладе в двух конкретных эпизодах бытового плана. Он предстает человеком необузданных страстей, что соответствует его историческим характеристикам. Грозный посылает «добрых» сватов и дважды получает отказ. Тогда обманом («А царя-то, скажи, дома нет») он вынуждает Домну приехать на царский двор. Гнетущее впечатление возникает от первых слов царя:

Ты пожалуй, гостя спесивая,
Ты пожалуй, гостя ломливая...

Он требует от Домны согласия на брак под угрозой смерти. Внешние черты Грозного («носатый», «губастый») — это, пожалуй, черты не молодого, а пожилого обрюзглого человека. Семь раз повторяется отрицательная характеристика Грозного в форме отказов Домны. Но дело не только во внешнем облике. Царь не внушает уважения как государственный деятель:

Не хочу идти за царя православного
За Ивана Васильевича.

Грозный намеренно включает в формулу своего сватовства характеристику, данную ему Домной:

Ты идешь ли за носастого,
Ты идешь ли за губастого?

В его устах это звучит мрачной иронией и вызовом: осмелится ли Домна повторить свой отказ этими же полными насмешки словами? Домна повторяет их. Царь выслушивает их и повторяет вопрос дважды, а после третьего отказа в ярости собственноручно «срубил с нее головушку». После казни царь плачет. Его способность к внезапному раскаянию известна из многих исторических свидетельств, так что в данном случае баллада запечатлела подлинную черту в характере царя. В заключение Грозный посылает голову Домны ее тетке — игуменье. Эта деталь косвенно сближает его образ с библейским образом Ирода, дочь которого потребовала себе голову Иоанна Крестителя, и Ирод приказал обезглавить его. Этой выразительной деталью логически завершена отрицательная характеристика Грозного.

Образ Домны противопоставлен царю. У него отталкивающая внешность, Домна — красавица. Ее внешний облик рисуется в традиционной

⁴⁸ В некоторых стихах баллады есть нарушения в ритме стиха — показатель, что текст записан не в процессе пения, а со слов. Такая запись характерна для всей коллекции, но это не снижает ее большого научного значения. Информатором собирателя был, надо полагать, великолепный знаток песен, помнивший редкие и замечательные сюжеты. Сбои в ритмике неизбежны при диктовке даже у хороших певцов.

для фольклора манере: лицо белое, румянцы алые, очи ясные, коса русая. Она живет у тетки, игуменьи монастыря, не пострижена, носит черное монашеское платье. В этих деталях заключен неясный намек на какое-то неблагоприятное в ее судьбе, трагедию, как-то, видимо, связанную с Грозным. После ее первого решительного отказа возникает предположение, что у нее есть глубокие личные причины ненавидеть царя, но песня умалчивает об этом, так как описание политических действий, государственных деяний — не в стиле балладного жанра. Услышав о сватовстве Грозного, девушка «заплакала горьким голосом». Это подчеркивают сваты Грозного:

И тужила, горевала,
Лицо белое слезила.

С начала и до конца Домна неизменно выражает глубокую неприязнь к царю. Ни она, ни ее тетка не поверили сестре царя, что его не будет дома. «Не говори царю слова грубного», — просит ее тетка. «Боюсь царя Грозного», — признается и Домна. Она предчувствует беду:

Белое лицо приусмягнуло,
Алые румянцы призакрылися,
Ясные очи помутилися.

Но как пред сватами царя, так и перед ним самим держится она мужественно, смело мотивируя отказ глубоким к нему отвращением, предпочитая смерть почетному брачному союзу.

В образе прекрасной, гордой и вольнолюбивой девушки воплотился идеал новгородских выселенцев, оплакивающих навеки утраченную вольность и независимость.

Создатель баллады блестяще владел поэтикой эпических жанров фольклора. Звенья, составляющие сюжет, заключают традиционные эпические повторения. Некоторые поэтические формулы встречаются и в других эпических балладах: «Покатилася головушка к добрым коням под копытчики. Добры кони стоят — не шелохнутся» (баллада «Оклеветанная жена»); выражение «срубить голову по могучи плеча» типично для фольклорной эпики. Повторяются не только традиционные формулы, но и созданные в данной балладе: отказ Домны, вопросы сватов и их ответы Грозному, вопросы игуменьи и монахини при встрече гостей и т. п. Композиционно развитие сюжета строится из одних и тех же повторяющихся звеньев, которые следуют с эпической медлительностью и разнообразятся лишь сменой персонажей: сват-дядюшко, сваха-тетушка, сестра царя, наконец, сам царь. Эпическую плавность повествованию придает однотипное строение строф с повторами и единоначатиями:

Как встречает православный царь,
Он встречает, сам выпрашивает:
Что сказали тебе, тетушка?
Что сказали те, родимая моя?

При строго эпическом изложении событий острее воспринимается необычность зачина, которому соответствует необычность развязки, созданной под влиянием библейского сюжета. Как и в балладе-прототипе, в повествовании напряженная сухость и строгая графичность рисунка. Авторских характеристик нет, автор полностью отсутствует в тексте, описания скупы, характеры раскрываются исключительно в действиях героев, содержание драматично.

Нельзя с уверенностью сказать, в каких социальных слоях возникла баллада, но несомненно длительное ее существование в простонародной,

скорее всего, крестьянской среде, что отразилось в речевых оборотах: «супрядка», «не сержаεταιся», «лицо приусымягнуло». Усеченная форма прилагательных (платье монашеско, родимо дитятко) и личных местоимений (что сказали те?) характерна для народного языка. В традициях устной фольклорной поэтики и встречающиеся в балладе постоянные эпитеты: темная ночь, вольный свет, широкий двор, вострая сабля, красные девушки, светлая светлица, платье цветное и т. д.

Баллада «Домна и Грозный» ни разу не была записана на всем протяжении XIX в., что заставляет предполагать узко локальный характер ее бытования. Однако в 1956 г. в Казанской области В. Ф. Павловой записаны еще два варианта баллады.⁴⁹ Песню знали женщины из Архангельской слободы, где живут потомки стрелецких семей. Семьи стрельцов выселены в слободу в XVIII в. из Новошешминска, который был прежде укрепленным острогом на Закамской оборонительной линии, созданной после присоединения к России Казанского царства. Как известно, в Казанский край, как и в среднее Поволжье, Грозным были выселены сотни опальных ярославцев и новгородцев. Исполнительницы помнят, что песню «певали старики» (т. е. она была в мужском репертуаре). По сравнению с казанскими вариантами текст Пискарева более эпичен и полон, композиционно он стройнее и выразительнее. Зато в позднейших вариантах сохранились важные детали, позволяющие полнее судить о сюжете. В них есть зачин, играющий роль экспозиции к дальнейшему действию:

Жила-была старица,
А у старицы была племянница
Домнушка Перфильевна.
Никуда она не хаживала,
Ни к подружкам, ни на улочку.
Только ходила Домнушка,
Ходила же Перфильевна
Во собор богу молитися.

Во всех трех текстах одинакова по существу, но различна по форме выражения завязка баллады:

Становилась же Домнушка
Супротив правого крылиса,
А царь Иван Васильевич —
Супротив левого крылиса.
Он не столь богу молится,
Сколь на Домнушку глядючи.

В одном варианте дальше следует монолог Грозного (в другом его нет):

Что это за девица,
Да что за красавица!
Без белил-то лицо белое,
Без румян-то щеки алые,
Без сурьян-то брови черные,
Очи ясные, развеселые.

Вместо сцены сватовства дана краткая о нем информация:

Стал Иван Васильевич
Эту девушку посватывати.

⁴⁹ Павлова В. Ф. Новые варианты песни о Грозном. — Сов. этнография, 1958, № 6, с. 104—105.

Отказ Домны мотивирован одинаково, но есть еще одна деталь — «красные волосы» (в другом варианте — «волосы огнивчавы»):

Не пойду я за носастого,
 Не пойду я за глазастого,
 Не пойду я за красные волосы
 (За твои волосы огнивчавы).

В одном варианте дальше следует лишь краткое сообщение о казни:

Приказал царь Иван Васильевич
 Еще Домнушку казнить-вешати.

В другом варианте сохранились следы более сложной композиции: за Домной приходят царские слуги, и она надевает «платье черное, печальное». Ее приводят на царский двор, где она заявляет о своем отказе, после чего

Вынает-то царь Иван Васильевич,
 Он вынает саблю острую.
 Он ссек с нее головушку.
 Он саблей-то венчался,
 А кровью-то обручался.

Таковы позднейшие варианты баллады. Они важны как доказательство популярности ее в определенной социальной среде. Скорее всего баллада возникла в оппозиционно настроенных по отношению к Грозному социальных кругах. Она являет пример использования традиционного сюжета для новой, нетрадиционной, оценки того или иного явления, в данном случае — для выражения отрицательного отношения к Грозному. Сама по себе переработка известного сюжета предполагает широкую его популярность. Если допустить по гипотезе Д. М. Балашова, что баллада «Дмитрий и Домна» возникла в XIV в., можно полагать, что в XV в. она уже была достаточно известна. Закономерно в этом случае переосмысление сюжета почти через два столетия. В балладе Грозный назван царем, следовательно, действие происходит после 1547 г. Вряд ли возможна отрицательная оценка Грозного в первый период его деятельности, связанный с укреплением государства, присоединением Казани (1552) и Астрахани (1556). Логически более всего допустимо неприязненное отношение к Грозному в народной среде после его опустошительного похода на Новгород и жестокой расправы с новгородцами (1570).

Первые десятилетия царствования Ивана IV получили одобрение в народных сказках, преданиях и песнях. Он поэтизировался как устроитель государства, покоритель Казани, усмиритель боярского произвола, хотя фольклор о Грозном, справедливо оценивая значение государственных деяний, объективно рисовал характер царя, указывая на его вспыльчивость, подозрительность и жестокость.

Среди оппозиционно настроенных выселенцев создавался, по-видимому, другой образ царя, возникали другие песни, полные затаенного гнева и скорби. Они запечатлели неприязненное и резко отрицательное отношение к Грозному. Показательна песня, записанная в 1820-х годах в Балахнинском уезде Нижегородской губернии. Вот главные, «опорные», ее строфы:

Уж пойду ли я, уж пойду ли я,
 Под Новгород пойду. (2)
 Разнесу ли я, разнесу ли я,
 Стены каменны разнесу! (2)
 А всю земщину-деревенщину

По святой Руси размечу. (2)
Уж я вольницу-своевольницу
Смертью лютою показню! (2)
Я крамольников-своевольников
В омутах-реках потоплю!
У бояр-купцов, у бояр-купцов
Золоту казну заберу! (2)⁵⁰

Текст этой песни использовал В. Г. Короленко в рассказе «Художник Алымов», считая ее подлинно народной. «Смысл песни был, конечно, ясен, — писал он. — Это московский князь идет под Новгород и похваляется разнести каменные его стены. <...> Балахна и Городец, и многие места на Волге, и угрюмая Кама, и дикая Вятка, и вологодские леса, и тихие архангельские реки видели у себя новгородских насельников, и даже среди простого народа живы до сих пор предания о грозе, разметавшей из великого Новгорода земщину-деревенщину, опальных бояр и вольных посадских людей».⁵¹

Песня о походе на Новгород также представляет переосмысление известной игровой песни.⁵²

Произведения, заключающие скрытый протест и осуждение самодержавного насилия, должны были преследоваться властями. Они представляли опасность для их хранителей и могли распространяться лишь в определенной, сочувственно их принимавшей среде. Поэтому до нас дошли только случайно некоторые единичные тексты; к ним безусловно относится и баллада «Домна и Грозный».

Мельников не упомянул о ней в набросках своей статьи не только потому, что характер этого произведения не соответствовал, даже противоречил всему остальному материалу. Балладу вряд ли пропустила бы цензура. По этой же причине, по всей вероятности, осталась неопубликованной и статья Миролюбова, хотя характер опасения был иной. Читатели узнали бы из статьи, что церкви, построенные по указанию Грозного, разрушены или опустели; земля, которой он награждал своих проводников-крестьян, отнята заводчиками у их потомков, жалованные грамоты умышленно затеряны в «присутственных местах» — картина не очень похвального и уважительного отношения потомства к деяниям первого царя и его памяти. Статья Миролюбова не была опубликована и изучавшим ее академиком В. Ф. Миллером, он лишь частично пересказал ее содержание в упомянутой выше работе — «Русские и инородческие предания о Казанском походе Ивана Грозного».

Далее публикуются три цельных фрагмента из незавершенной статьи Мельникова по материалам его архива из Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ф. 95, оп. 1, № 6 и 7) и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 457, оп. 1, № 34), а также статья Н. К. Миролюбова в первом варианте с добавлением заключительного раздела из варианта 1851 г. (Архив РГО, колл. XXIII, № 75 и 142) и перепечатываются упоминавшиеся песни о Грозном.

⁵⁰ Нижегородские губ. ведомости, 1887, № 22.

⁵¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 3. М., 1953, с. 248—249.

⁵² См.: Архангельская В. К. Фольклор в волжских рассказах В. Г. Короленко. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. VII. М.—Л., 1962, с. 127.

П. И. МЕЛЬНИКОВ
ПУТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

№ 1

В Нижегородской, Казанской и многих местностях Симбирской губернии живо в народе воспоминание о грозном завоевателе Казанского царства. Здесь триста лет поются былевые песни об Иоанне, до сих пор в арзамасских и ардатовских деревнях старики любят петь:

Как года-то были старые,
Времена-то были прежние;
Как женился православный царь,
Царь Иван, сударь, Васильевич.

До сих пор памятен лихой удалец князь Михаил Темрюкович, и жалобная песня о казни его нередко слышится на широких полях арзамасских. Нередко удается, проезжая летним вечером через здешние поля холмистой дороге симбирской, что идет из Арзамаса, или где-нибудь в глуши Выксунского леса услышать песню про взятые казанские, про Калейку-мужика, который провел Грозного чрез знакомые ему одному дремучие леса Саканские. И если покорооче познакомитесь с здешним народом, то услышите и ту былевую песню о несчастной кончине царевича Иоанна Иоанновича. Добрый народ наш не помнит лиха про своих государей, и в этой песне не погибает царевич. Скуратову отдано повеление казнить его, но боярин князь Пожарский сохраняет царского сына, и Грозный царь жалует доброго боярина. Так в народной песне соединилась память о спасении Русского царства Пожарским с именем Грозного — единственного из царей допетровской России, которого имя помнит здешний народ. Песня эта замечательна. Сначала поется она громко, скоро, как победный клик, но потом, когда речь пойдет о царевиче, переходит в плачевную, заунывную. Начало этой песни-былины замечательно:

Грозен был воин — царь наш, батюшка,
Первый царь Иван Васильевич.
Он вывел Перфила из Новагорода,
Не вывел измену в каменной Москве,
Тут царское сердце разгоралось
Пуще огня, пуще полымя:
И глядит государь-царь неласково —
И прячутся бояре: старый за малого,
И хоронятся бояре: малый за старого.
И воскликнул царь громким голосом:
«Ох вы, гой еси, слуги верные,
Слуги верные, неизменные,
Кто идет со мной под Казань-город?
Кто сослужит службу верную,
Службу верную, неизменную?»
Не сыра земля всколыхалась,
Не дубравушка расшаталась,
То идут бояре, слуги верные,
На тае службу, на царскую.
Все в наряде большом, в светлом, в золоте.
И кони у всех обряжены,
Сабли вострые изготовлены,
И доспехи ратные снаряжены.
А веселье на всех так и светится.
И пошел воин, царь наш, батюшка,
Первый царь Иван Васильевич,
Сквозь дремучий лес с войском-силою
Через всю землю мордовскую.
Себе царство взял Казанское,
Мимоходом — Астраханское.

Много преданий здешней стороны соединяется с именем Иоанна Грозного. В одном селе расскажут вам, как проходил здесь Грозный, как насыпал курган, построил церковь; там в церкви укажут вам на древнюю икону — дар царя православного; здесь найдете вы семейство, идущее по прямой линии от царского вожаго, и в этом семействе покажут вам образ, царем жалованный, или расскажут, что предку их дал государь земли и пожаловал на них свою грамоту с красной печатью, но что землю ту у их дедушек соседи утягали, а грамота в судах запропастилась.

Все, все говорит вам здесь об Иоанне — и события, случившиеся за триста лет, живее в народной памяти, нежели позднейшие, живее даже Отечественной войны 1812 года. И немудрено: нашествие Наполеона не коснулось здешних мест, а поход царя на Казань оживил всю Низовскую землю, совсем запустевшую от казанских набегов. Разбирая старинные бумаги монастырей нижегородских Печерского и Благовещенского, нашел я несколько актов, свидетельствующих о том несчастном положении, до которого доведена была Низовская земля казанскими татарами. Каждогодно бывал казанский набег, каждогодно уводился из Руси казанский полон, захваченный врагами; то и дело казанские вести тревожили православных от Нижнего до Муром, Рязани и Суры, судовая рать то и дело ходила по Волге; не торговые караваны судов носила на себе эта могучая река, но могучих воинов царя русского да легкие насады казанских хищников.

Жители Низовской земли разбрелись розно, деревни сделались пустошами, пашни лесом поросли, тридцать лет с полей хлеба не снимали. Страна богатая и изобильная вконец, запустела. И вот Грозный царь смиряет бунтливых казанцев, царство Улу-Махмета делается московской вотчиной, там сидит государев наместник, а царь казанский — уже христианин — вступает в ряды бояр русских. Страна Низовская усмирилась. Созванные из разных мест русского царства жители построили на пустых селницах деревни; снова возникли храмы божи и монастыри, зацвело сельское хозяйство, закипела торговая деятельность, и ожившая земля Низовская благословила Иоанна. Выселенцы из разгромленного Новгорода, из стесненного униєю Киева нашли здесь новое отечество; розданная монастырям и боярам для крещения мордва, просветясь евангельским учением, сливалась с русским населением. Таким образом, падение Казани дало новую жизнь здешней стороне. И помнит народ виновника своего благоденствия; прошло три века, а в памяти его живо и неукоризненно сохранилось имя царя Ивана Васильевича.

Летописцы подробно описали казанское взятие. Они обозначили место каждого стана царского; путем Грозного недавно проезжал я, собирая изустные предания народа, записывая все виденное и слышанное. Предлагаю благосклонным читателям мои путевые заметки.¹

¹ В более ранней редакции далее следует: «В Нижегородской и Симбирской губерниях сохранилось много курганов. Предание говорит, что они насыпаны Грозным. Рассказывают, будто каждый раз, когда царь останавливался станом, он делал смотр войскам своим и считал ратников, опасаясь, чтобы не разошлись они по дремучим неизвестным лесам. И каждый воин насыпал шапку земли, подходил к царской ставке и насыпал землю перед государем. Оттого-то и сделались эти насыпи — мары, как слывят они в народе. Не могильные ли это холмы? В Симбирской губернии Алатырского уезда близко дер. Цыповки о таком кургане говорят, что он насыпан над могилою царского вельможи, тут умершего, и что тут же зарыт клад, являющийся по ночам в виде всадника в броне на белом коне, у которого из-под копыт сыплется золото. Близ села Девичьи Горы в Лукояновском уезде о кургане говорят, что он насыпан над могилою девушки, бывшей в стане Иоанна. Но охотники до кладов раскапывали курганы Иржинского стана, находящегося в Ардатском уезде Ниже-

Июня шестнадцатого, 1552 года Иоанн сел на коня. Из Москвы поехал он в село Коломенское, там обедал, ночевал в любимом его Острове и девятнадцатого числа был в Коломне. Крымский набег замедлил ненадолго Казанский поход. В Коломне русская рать разделилась на две части: большой полк и правая рука под начальством князей Мстиславского и Воротынского пошли на Рязань и Мещеру, чтобы соединиться с царем за рекою Алатырем. Этот отряд прикрывал главное войско от внезапного набега ногайцев. «Идохом, — говорит князь Курбский, — от царя по правой руке, аки в пяти днях конем ездю, понеже мы заслонихом его тем войском от заволжских татар, да не приидут на него безвестно».²

Царь с своей дружиной, с левой рукой, запасным полком и стрельцами из Коломны пошел во Владимир, куда прибыл восьмого июля, тринадцатого он был в Муроме. Здесь он делал большой смотр войскам. «Государю же воя своя учреждаючи и рассматривая их орудия, да вси уготовятся на брань», — говорит летописец.*

Затем Шейх Алий с князем Булгаковым, предводительствуя стрельцами и детьми боярскими, сели на суда и отправились Окою и Волгою в Свияжск, где был уже князь Горбатый, предварительно отплывший из Нижнего Новгорода с войском и артиллериею. После того царь занялся в Муроме устройством своей дружины, царского полка, имевшего значение нынешней гвардии. Он урядил в этом полку над каждой сотней «бранных детей боярских» особого голову из молодых людей лучших боярских родов, «изящных молодцов и искусных ратному делу, для большого дела супротивного и для посылок».** Эти «изящные молодцы» были вроде нынешних флигель-адъютантов. Июля пятнадцатого царь отправил вперед ертоул, т. е. передовые летучие отряды, бывшие под начальством князей Шемякина и Троекурова. С ними были посошные, т. е. рекруты. Ертоулу велено было посредством посошных «на речках и ржавцах мосты мостить». Следовательно, этот отряд имел также значение нынешних саперов и пионеров. Он же, вероятно, насыпал и курганы для указания пути, сохранившиеся до сих пор в некоторых местах, где проходил Иоанн Грозный.

Отпев молебны в храме Рождество Богородицы, Иоанн в самый день Илии Пророка, которого русский народ почитает небесным громовержцем, выступил из Мурома громить Казань. Переправясь через Оку, он вступил в дремучий лес Саканский. Он вместе с лесами Салавирским, Выксунским, Саровским составляет одно неразрывное лесное пространство. Это

городской губернии, и ничего не нашли, кроме земли и глины. В Пензенской губернии много курганов; там говорят, что их делали в степях для указания пути. Это было не что иное, как степные маяки. Думаю, что мары Иоанна Грозного были делом ертоульского полка, посланного из Мурома наперед «на речках и ржавцах мосты мостить». По этим указателям пути и по местным преданиям можно определить путь Иоанна Грозного. Летописцы обозначают место каждого стана царского. Эти указания будут и нашими главными указателями (ф. 95, оп. 1, № 7, л. 124 об.).

² Далее в более ранней редакции следует: «Этот боковой отряд проходил через нынешние губернии Рязанскую, Тамбовскую и Пензенскую. Знаю, что там, а особенно в уездах Мокшанском и Нижнеломовском, много курганов, равно как и в Краснослободском уезде. Без сомнения, здесь и мары, оставшиеся памятником похода Правой руки и Большого полка. Не зная хорошо местностей этих курганов, не подробно зная туземные предания, предоставляю тамошним исследователям объяснение пути бокового отряда Иоаннова».

* Царственная книга, с. 250.

** Царственная книга, с. 251. Князь Курбский в двух местах определяет значение ертоула; в одном месте он говорит: «Передовой полк — за ертоулом ходит». А передовой полк то же, что ныне авангард. В другом месте князь Курбский говорит: «Прежний, т. е. самый передовой, полк, а тамо обыкли звать его ертоул».

бедные остатки славных в народных сказаниях лесов, известных под общим именем Муромских. В настоящее время по песчаному...³

Чтобы судить о лесе стародавнем, лесе, которым проходил Иоанн Грозный, надобно съездить в пустынные места Салавирской волости в южной части Горбатовского уезда, посмотреть тамошные казаны на смоляных заводах; там можно видеть громадные корни соснового борového леса, употребляемого на садку смолы. Деревьев давно нет; смолистые корни былого леса выкапывают из земли.

Развернем карту западной части России генерал-лейтенанта Шуберта и пойдем вслед за Грозным.* Летописи, мары и предания укажут нам путь завоевателя царства Казанского.

Первый стан двадцать первого июля был на реке Велетме. Эта речка означена и надписана на карте Шуберта (лист XXV). Она берет свое начало на границе уездов Шатского Тамбовской и Ардатовского Нижегородской губернии из болот Муштафских. На ней устроен железный завод Шепелевых завод Велетминский, а во Владимирской губернии на ней деревня Саватлейка, в которой первая почтовая станция по дороге из Мурома в Симбирск. Впадает Велетьма в Оку с правой стороны, пониже Мурома. Глубина Велетьмы — от полутора до двух с половиной аршин, ширина — до пяти сажень, берега низкие, лесные, иловатые. Иоанн до речки Велетьмы шел по направлению нынешней большой дороги, и первый стан его был около деревни Саватлейки.

Второй стан — по реке Шилокше. Эта речка означена и надписана на том же листе карты Шуберта. Она берет начало в Выксунских лесных дачах, принадлежащих к заводам господ Шепелевых. Речка не длинная, течет по местам лесным, болотистым и впадает в Тешу. Глубина от двух до четырех аршин, ширина — до четырех сажень, берега заросли лесом, дно иловатое. На том месте, где речка пересекает большую дорогу, находится небольшая деревня господина Дурново — Новая Шилокша, на карте Шуберта не означенная. У этой деревни был второй стан Иоанна. В здешних местах поется песня о Калейке-мужике, который был вожатым царским до второго стана. Предание говорит, что Грозный пожаловал Калейке за его службу несколько сот десятин леса в потомственное владение.**

³ Дальше рукопись обрывается. Продолжение текста дается по более ранней редакции, по-видимому предшествующей данной. Листы более ранней редакции при вклеивании в переплет перепутаны. Указываем нумерацию листов в нужном порядке: ф. 95, оп. 1, № 7, л. 125, 132, 130, 133, 126—129, 131.

* Таблицы XXV, XXVI, XXVII.

** Между 1 и 2 станами царя Иоанна Васильевича находится Выксунский лес. Здесь в 1818 г. крестьяне рубили дрова и в стороне глубокого оврага нашли вымытые весеннею водою доспехи шести древних богатырей. Они обратили их на домашний обиход. Один шишак, покрывавший некогда буйную голову могучего витязя, сделался походным котлом, и в нем варили дровосеки кашлицу, другим запаса извозчик и мерял им овес. Несколько медных вещей и железная кольчуга (одна из шести) были мне доставлены в 1847 г. г. Рачковым. Я издавал в то время «Нижегородские губернские ведомости» и в № 33 1847 года описал все это. Полагаю, что доспехи, мною виденные, принадлежали богатырям финского племени, здесь старожитного. Медные вещи относились к конской сбруе — признак чудской могилы, а не останков православного воина из рати Иоанна Грозного. Они сходны с найденными в Пермской губернии и описанными мною в «Отечественных записках» (1841 года, т. XVIII) и с вещами, отысканными в 1845 году в Московской губернии, кажется, г-ном Чертковым, которые видел я в Петербурге в том же году у В. И. Даля. Но из найденных в Выксунском лесу доспехов все ли шесть таковы, как те, которые доставлены мне г. Рачковым? Все ли они найдены в одно время и в одном месте? При всех ли была конская сбруя? Вот вопросы, разрешение которых может объяснить, не найдены ли были в Выксунском лесу когда-либо и доспехи русских воинов из полков Иоанна Грозного.

Третий стан Иоанна был под Саканским городищем. Село Саканы г-на Дурново с каменной церковью и двумястами дворов находится на левом возвышенном берегу реки Теши, оно означено на карте Шуберта. Здесь близ села на высокой горе, под которою бьет сильный ключ чистой воды, находятся остатки валов и рвов. Это место слывет в народе под именем Городища и в летние праздники служит обыкновенно местом гулянья сельских жителей. Все место древнего, с незапамятных времен существующего укрепления покрыто орешными скорлупами. Жители говорят, что здесь жили мордовские панки.* Другие рассказывают, что тут в ста-

* Нестор говорит, что чудские племена имели города Муром, Ростов, город на Беле-озере, к ним можно присоединить и Суздаль. Сама ли чужь построила эти города? В Суздале и Кидекше есть предания о построении этих городов пришельцами. Между мордвою Нижегородской губернии ходит предание, что отцы их жили независимо и управлялись властителями особой высшей породы. Эти властители жили в городах и назывались панками. Восточные писатели (см.: Ibn Fozzlans und anderer Agaben Berichte) в X столетии знали эрзян, у них был русский царь Арса, живший в городе того же имени (Арзамас). В летописях XIII столетия прямо говорится, что в мордовском союзе Пургаса была Русь (Полное собрание русских летописей, I, 191). Панки, паны — слово славянское, а не финское. Сообразив все это, приходим к заключению, что во времена стародавние, в первую эпоху Руси, финские племена по Волге и Оке были подчинены русскими, (не князьями, а панами), которые строили в мордовской и черемисской земле города, до сих пор сохранившиеся в некоторых местах в виде городищ. Укажу на некоторые такие городища: 1) в нижнем Новгороде теперь сглаженное, застроенное место *Панские бугры*; в Семеновском уезде: 2) село Городище при реке Ватоме на торговой дороге из Макарьева в Семенов; при нем остатки городища; 3) около села Олониха по дороге из Семенова в Варнавин сохранились валы и рвы, здесь есть предание о панках; в 1840 году найдены здесь каменные точные молоты — древнее оружие славян (Kraledworska Rucoris, стихотворение «Zbigon»); 4) дер. *Паново*, недалеко от Нижнего Новгорода; в Горбатовском уезде; 5) село *Панино* с преданиями о панках; 6) *Мещерские Горы* подле Горбатова на Оке; 7) городище около села *Павлова* на Оке; в Ардатовском: 8) *Саканское городище* на р. Теше, село *Круглые Паны*; 9) дер. *Панки*; в Арзамасском уезде: 10) Арзамасово городище; 12) Городище Мордовское, пожалованное в 1542 году брату царицы Марфы Каллисту Собакину, теперь село Собакино; 13) городище с дачах села Корина; 14) *Обрезная Стрелица*, недалеко от него в даче Ломы, дер. *Паново*; в Нижегородском уезде; 15) городище и кереметь бога Нйшки-Паса близ села Сиухи; 16) то же и кереметь бога Верешки-Веленбаса в дер. Инютине; 17) то же при дер. Малом Сескине с кереметью Волчи-Паса; здесь городища как места богослужения истреблены в XVIII столетии, когда мордву обращали в христианство; 19) городища с большой кереметью Ангепате-Паса я решительнее не мог отыскать; 20) городище, существующее только в предании и называвшееся Инелей, близ села Богоявленья; 21) деревня Городищи в приходе Таможникова; все места Нижегородского уезда есть на карте Шуберта (XXV—XXVI), но Сиуха названа Сивухой, а Инютино — Инютней; в Княгининском: 22) остатки безыменного городища близ г. *Княгинина*; в Макарьевском уезде: 23) на *Оленьей горе* подле Лыскова на Волге хорошо сохранившееся городище; в Сергачском уезде: 24) и 25) два села *Панова*; 26) деревня *Паньша*.

Все эти места — остатки городков мордвы-эрзян, кроме, быть может, Горбатовских, которые, кажется, принадлежат мордве мокшанам (прежде Муроме, по Нестору, потом Мещере). Мокшанские городища в Пензенской губ. по рекам Мокше и Суре близ Нижнего Ломова, Наровчата и особенно в Городищенском уезде. По р. Суре есть городища и в Симбирской губ., но это уже Эрзянские: Баранчево или Промзино городище около Алатыря, городище в Симбирском уезде близ Суры. В г. Василе на горе есть рвы и валы, вероятно строенные русскими в XVI столетии, но предание говорит, что здесь когда-то жили нерусские князья. В пяти верстах от слободы Хмелевки сохранилось городище и предание о кладе. На Ветуге — городища и дер. Городец в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Это остаток укрепления луговой черемисы, которая, кроме того, имела на Вятке-реке город Кашкарев, что видно из летописей XIII-го столетия. Самостоятельные мордовские владельцы тоже известны по преданиям, но все они люди мирные, занимаются скотоводством и кудесники. Таков Дятел, по имени которого назвались горы Дятловы в Нижнем Новгороде (Нижегородские губернии ведомости, 1845, № 3), таков Скворец Нижегородский. Замечательно, что самостоятельные мордовские владельцы называются именами животных, преимущественно птиц. И до сих пор у мордвы-мокшан самые

рые годы бывал притон разбойников. Судя по местности — на горе, при реке — и по сходству Саканского городища с другими мордовскими городищами здешнего края, безошибочно можно полагать, что здесь был некогда мордовский город, который Грозный нашел в виде одного запустелого городища. Две мары у городища остались памятниками похода его на Казань. Предание народное здесь помнит Иоанна, говорит, что он построил в Саканах церковь; вероятно, он повелел на запустелом городище построить город, так же точно, как на другом городище таком же — Арзамасовом — он соорудил город Арзамас. Мордва-эрзяне Терюшевской волости, ныне забывшая свой язык, поет по-русски старинную свою песню о подчинении русским мордовской земли. Здесь перемешаны предания об Андрее Боголюбском, Юрие II и Иоанне Грозном. Приписывается все последнему как позднешему. Замечательно в этой песне народное воспоминание о строении городов Иоанном: старики, молившиеся на горе, посылают мимо идущему рекою царю меду, хлеба и соли; молодые ребята, посланные с дарами, съели их и вместо посланных даров

Земли и желта песку в блюда накладывают,
Наклавши, поднесли
И Мурзе, московскому царю, в дар принесли.

Царь принимает эти дары как знак подданства мордвы. Он крестится, бога благословляет и говорит:

Слава тебе, Боже-Царю,
Что отдал в мои руки всю мордовскую землю.

Затем следует замечательное место народной мордовской песни — память о строении русских городов по рекам в приобретенных мордовских землях. Царь держит в руках принесенную в дар мордовскую землю:

Поплыл Мурза по Воложке,
По Воложке на камешке:
Где бросит горсточку —
Там быть градечку,
Где бросит щепоточку —
Там быть селеньицу...

А четвертый стан на поле, на *Ирже*. Речка Иржа берет свое начало в дачах села Атемасова Ардатского уезда, течет по этому уезду и Арзамасскому на северо-восток и близ села Водоватова впадает в Тешу. Протекает она местами безлесными, верховья ее летом пересыхают. На карте Шуберта (л. XXV) она означена, но не подписана. На ней села: Хрипуново, Хохлово, Кологреево Ардатовского уезда, Степаново и Семенов Приселок — Арзамасского уезда. Здесь между именами Хрипуновым и Четвертаковым поле называется Иржинским станом, и здесь же мары, числом шесть. Здесь полагаю четвертый стан Иоанна Грозного, который шел сюда от Саканского городища местами сухими, придерживаясь течения речки Лемети, на которой находится город Ардатов.

Здесь рассказывают, что три мордвина — Ардатка, Кужендей и Торш — провели Иоанна Грозного от Саканского городища до Иржи, за что царь пожаловал им земли, и они населили три деревни не в дальнем

обыкновенные имена, кроме христианского: Тыр-пыр — лесной голубь, Торай — гусь. Сказка об русском богатыре Илье Муромце, связавшем в муромских лесах Соловья-разбойника, сидевшего на семи дубах, не объясняется ли покорением муромской чуди и ее властителя русскими?

одна от другой расстоянии. Деревни те получили имена своих основателей, царских вожатых: Ардатовой (ныне уездный город), Кужендеевой (ныне село) и Тоторшевой. Об одном из этих царских вожатых, именно о Торше, поется или, лучше сказать, говорится нарспев песня-сказка, известная не только здесь, но и в Нижегородском уезде. В ней взятие Казани приписывается дочери Торша по имени Сашайка. Вот этот рассказ, списанный слово в слово со слов одного старика:

В деревне Тоторшеве жил мужик богатой,
Сгробал он деньги лопатой,
Имя ему Торш, званье Вашайка.
Дочь у него была Сашайка,
Сама собой маленька, лицом беленька, волосом русенька.
Сидела Сашайка со своим подружкам в теплой бане.
Коя хвалилась одежей, коя хвалилась работой.
— Ох вы, красные девушеньки, мои подруженьки,
Нашли чем хвалиться, нашли чем величаться!
Я бы, красная девушка, Казань-город взяла,
В три часа в свои руки подобрала.
Какой есть там царь, какой есть государь?
Семь лет Казань берет, а все не возьмет!
Я бы, Сашайка, своим девичьим умом в три часа взяла,
Взяла бы не хитростью, не мудростью, а своим умом девичьим.
Через трои сутки царь Иван за Сашайкой посылает,
За ней шестнадцать троек присылает.
Едут к Торшеву двору высокие повозки,
Становятся у Вашайкиных ворот зеленые колёски.
Сидит Сашайка у красного у окна,
Шьет красным шелком узорья-калканы.
— Ох, тятяй, тятяй, батюшка Торш Вашайка!
Поди к своей дочке Сашайке.
Царские солдаты к нам едут,
Повозки-колёски у наших ворот ставят.
Говорят царски солдаты мужику Торшу Вашайке:
— Давай к великому государю твою дочку Сашайку:
Она собой хвалилась, над царем насмеялась.
— Тятяй, тятяй Вашайка, давай им два ста, а мало, так три ста,
— Дурак мужик Вашайка, мы триста возьмем,
А дочку твою Сашайку с собой увезем.
Срядилась Сашайка, сели в колёску, в зелену повозку,
Сашайку привозят, к царю приводят.
— Ох ты, гой еси, красна девка Сашайка, богатого отца дочь,
Собой хвалилась, надо мной смеялась — голова с тебя прочь!
— Батюшка Иван-царь, великий государь!
Ты мою голову девичью руби,
Теперь же хоть на плахе с плеч отвали,
А дай мне лучше пятьдесят человек с человеком,
Да с порохом пятьдесят бочонков с бочонком.
Вот Сашайка под Казань бочонки накатала,
Восковые свечки в бочонки втыкала,
Себе взяла свечку, царю Ивану дала другую,
— Ох ты, красная девка Сашайка!
Коли свечки не сгорят под землей,
Голова твоя с могучих плеч долой.
— Батюшка царь Иван, не гневись!
Пади на восток да богу молись.
У царя да у Сашайки свечки сгорели,
А Казань-города взять не успели.
— Ох, ты, девка Сашайка! голову долой,
Что ты насмеялась надо мной!
И тут свечки дошли до каждого бочонка, —
И взяло Казань рвать, и взяло стену метать.
И сказал царь Иван красной девке Сашайке:
— Чем тебя мне миловать, чем тебя мне жаловать?
— Великий царь Иван! меня помилуй,
Ничем, государь, меня не жалуй,

А позволь нам лице твое колоти
 Да на своих лбах носить.*
 К отцу, к матери меня отпусти,
 В Тоторшево вели меня отвезти.

Хитрое дело Розмысла не забыто народом.⁴ Есть русское сказание в стихах об этом, есть такое же сказание и у мордвы.

Пятый стан — на реке Акше. Река Акша, более называемая Авша, берет начало в Ардатовском уезде между селами Кутузовым и Малым Макаелемом, течет по Ардатовскому и Арзамасскому уездам на север и впадает в Тешу с левой стороны, повыше г. Арзамаса, у села Ивановского; течет безлесными местами и летом пересыхает. На карте Шуберта (л. XXV) она означена, но не надписана. При ней села: Ездаково Ардатовского уезда, Исупово и Новый Усад (в Арзамасском уезде). На этой речке близ села Ичалова (Ардатовского уезда), означенного на карте Шуберта, был пятый стан Иоанна Грозного. Здесь сохранились марты и предание, что первая церковь в Ичалове была построена Иоанном.

Недалеко от Ичалова находится селение Бестужево (Ардатовского уезда) и Кавлеи, Скорятино тож (Арзамасского уезда), они оба занесены на карту Шуберта. Предание рассказывает, что здесь, на р. Кавлей (ныне сухой овраг) пять мордвинцев из селения Абрамова при реке Теше в Арзамасском уезде вышли навстречу царю с хлебом, солью, землей и водою. Иоанн каждого из них пожаловал иконой. В семействе абрамовского крестьянина Максима Сидорова есть старинный образ Иоанна-воина и Николая-чудотворца с остатками серебряного оклада сканной работы. По семейному преданию, этот самый образ жалован предку Сидорова Иоанном. В селе Кавлеве был девяностолетний старик Петр Степанов Якунин — не знаю, жив ли теперь он; по наслуху от деда своего Якова Луппова, жившего сто двадцать лет и бывшего 50 лет церковным старостой, он рассказывал о том, как абрамовская мордва выходила к царю, показывал самое место встречи и говорил, что царь спрашивал у них, не знают ли они поблизости места доброго, где бы была гора и река и можно было построить город. Они указали ему на Арзамасово городище, и один из них, по имени Лямас, привел царя к этому месту.**

Предание о том, что Иоанн был лично на Арзамасовом городище и оставил там город Арзамас, повсеместно. На этом месте, говорит предание, во времена незапамятные поселился мордовский панок Тёшай,*** от которого произошли Арсяй и Масяй, положившие начало Арзамасу. В Арсяе видел Ибн-Фоццланов Арса.

Оставляя предание, можно объяснить название Арзамас мордовскими словами: арзя или эрзя — название племени и маса — город.

Иоанн не нашел здесь мордовского города, здесь была мордовская деревня Михалева, остатки которой сохранились на выгонной земле Арза-

* Мордовки прокалывают серебряные монеты и носят их на лбу (кумбо). Повсеместно у мордвы предание, что Иоанн Грозный во время осады Казанского похода за службу мордвы дозволил женам их прокалывать монеты и носить на себе.

⁴ Розмысл Петров (Nerg Asmus), строитель Вологодского кремля, инициатор подкопа и взрыва крепостных стен Казани.

** В селе Кавлеве церковь Покрова Богородицы построена по повелению Иоанна, и ей было пожаловано 130 десятин земли, которая за 50 лет пред сим отошла в другие руки, но до сих пор слывет в народе «поповой землею». В нынешней каменной церкви сохранены царские двери и местные иконы XVI столетия, оловянный дискос и такая же дарохранительница — все это называют дарами царя.

*** Он пришел из древнего мордовского селения Втёрас, ныне деревня Вторуская, на границе Нижегородского и Арзамасского уездов — есть на карте Шуберта.

маса; * в подгорной части нынешнего города жили татарские мурзы,** а на горе было запустелое Арзамасово городище.

На горе, на том месте, где теперь церковь Святого Духа, и прежде в 1764 году был монастырь Особный Троицкий. Царь Иоанн Васильевич водрузил крест в знамение торжества христианства над здешнею неверною страной. Царь указал, где быть городу, т. е. крепости, монастырю Спаса милостивого и соборной церкви Воскресения. В Арзамасском соборе, замечательном по своей огромности и архитектуре и строенном в память избавления России от Наполеона, показывают две старинные иконы Воскресения и Иоанна-воина. Этими иконами, по преданию, благословил царь Иоанн Васильевич новый христианский город.

Из Арзамаса, по преданию, царь пошел в Возьян. Это село в 26 верстах от Арзамаса на речке Ватме (означено на XXVI листе карты Шуберта). Близ села находится заросшее озеро, по которому и село, вероятно, получило название, ибо возьян по-эзянски значит озеро. В Возьяне, по преданию, первая церковь, которую зовут Царскою, построена была царем Иоанном Васильевичем. Она звалась еще клетчатою, потому что дубовое бревенчатое основание было вложено в клетку.*** Она существовала до 1760 года, в котором по ветхости была разобрана, и тогдашний помещик Лопатин построил на ее месте новую деревянную церковь Трех святителей.**** В этой церкви деревянные, столярной работы, выкрашенные красками царские двери почитаются даром Иоанна Грозного. Они поновлены в красках г. Лопатиным при перестройке церкви, и тогда сделана на них следующая, существующая до сих пор надпись: «Сии царские двери с прочими святыми иконы древнего письма пожалованы от царя и великого князя государя Иоанна Васильевича во время шествия Его Величества под Казань в 1552 году». Говорят, что до 1760 г. на царских дверях была надпись такого же содержания, но что г. Лопатин, поновляя царские двери, поновил и слог надписи. В Возьянской церкви есть старинная икона Никололая-чудотворца, которую предание с большим уверением называет даром Иоанна Грозного. Под ней надпись г. Лопатина, подобная предыдущей.

Шестой стан на реке Кевсе. Эта река течет по Арзамасскому уезду с юго-запада на северо-восток и впадает в реку Пьяну в Княгининском уезде. (Она означена на XXVI л. карты Шуберта). На ней села: Воронцово, Медынцево (бывшая станция по Симбирскому тракту), Дубенское, деревня Миленина. Здесь близ Воронцова находятся мары, и предание говорит, что они насыпаны Грозным. В селе Дубенском первоначальное основание церкви приписывают ему же. В церкви этого села, построенной в 1779 году, замечательно предание о древнем храмовом абрисе Введения Богородицы (10 вершков вышины, 9 ширины) и о мраморном столбике. . .⁵

* На выгонной земле Арзамаса есть овраг Михалев, под нею урочище Мордовское селение с признаками селения: овинными ямами и грядами. В писцовых книгах 128, 129, 130 годов письма и меры писца Измайлова читаем: «В приправочных книгах письма и меры Игнатия Зубова с товарищи 93 года (1585 г.) написано арзамасским посадским людям на выпуск и на село — селение и поля, что была деревня мордовская Михалево по обе стороны реки Тёши промеж города и Красного Села». Мордва из города была переселена в село Старо Иванцово — за 5 верст от Арзамаса на юго-восток (есть на XXVI л. карты Шуберта) и крещена в царствование Анны Иоанновны.

** По преданию, мурзы остались на месте и даже брали с посадских за землю оброк. В 1572 г. арзамасские купцы были в немецком походе и упоминаются в разрядах.

*** При описи старинных церквей в сотных грамотах и писцовых книгах часто встречается слово клетска.

**** Кроме того, в Возьяне каменная церковь; построенная в 1805 году помещицей Зиновьевой.

⁵ Часть листов утрачена.

№ 2

...тому назад. У нынешнего помещика Василия Николаевича Левашова хранится план этой церкви; длина сей восемь аршин, ширина — три с половиной, высота с фундаментом и кровлею — восемь аршин. В церкви только четыре узких окна, над нею черепичный купол с крестом в пять с половиной аршин. Большое сходство имеет она с маленькой церковью Андрея Стратилата в Новгороде Великом, в Кремле. В нынешней церкви сохранились царские двери из прежней очень древней работы.*

Любопытно предание о речке Елтме, протекающей за Городком и впадающей в Тёшу. (Она означена на XXVI л. карты Шуберта). Множество малых речек текут в нее, но не дотекают, а теряются в каком-нибудь болоте или овраге. Говорят, проходила тут царица и хотела перейти со своим войском Елтму, но река царицу не пропустила. Царица прокляла ее, и все ручьи не пошли в Елтму. А не будь она проклята, говорит народ, так быть бы ей Алатырем.** Нет ли тут намек на Иоанна Грозного и на то, что войско от Елтмы своротили круто в левую сторону и пошли к Якшене, где соединились с царем, бывшим в Арзамасе и Возьяне, когда у Шатков была битва, обстоятельствами которой объясняется и то, куда девался один день похода, опущенный летописцем.

Осьмой стан на озере; не дошед Пьяны-реки, оттуда государь полем пошел и тут ко государю пришел из Городка Ак-Сейт Черевсеев со всеми городецкими князьями и татары, а шел Сейт на Мансырев угол, и государь велел ему идти с ертоулом и на Пьяне наделать мосты многие.*** Место восьмого стана в нынешнем Сергачском уезде, там, не доходя Пьяны, по нынешней Симбирской дороге есть речка Ежать, текущая с юга на север в Пьяну, с нею сливается озеро, близ которого находятся мары, и сохраняется предание о том, что они насыпаны царем Иоанном Васильевичем. Это озеро между селами Пановым и Ломакиным. (Все места эти означены на XXVI л. карты Шуберта).

Есть на Руси местные присловья к каждому почти городу, ко многим селениям; в этих присловьях, всегда заключающих в себе какую-либо насмешку, часто бывает намек на событие. Присловья эти древни: они встречаются у Нестора.**** Замечательно такое присловье о селе Ломакине: «Хороши ломакинцы: царя, не поя, не кормя, спать положили». Нет ли в этом присловье намек на путь Иоанна Грозного и на те лишения, которые терпело войско, по свидетельству князя Курбского.

Ак-Сейт Черевсеев шел из Касимова на Мансырев угол. Этот Мансырев, ныне Манцырев угол, до сих пор так же называется: он находится в Темниковском уезде Тамбовской губернии, на берегах реки Мокши. До сих пор татары населяют его, живя в селениях вместе с русскими. Здесь селения Старое Манцырево, Новое Манцырево, рядом с первым село Бутаково.***** Здесь остатки старого города: рвы и валы, татарское запустелое кладбище с надгробным камнем 1562 года по нашему летосчислению, очень хорошо сохранившимся. Близ Старого Манцырева деревня Шиг-

* Там же ризы из робы императрицы Елизаветы Петровны, присланной в дар удалившейся от двора в свою вотчину на молитвенное уединение штатс-даме Марье Петровне Левашовой.

** Алатырь — довольно большая река, впадающая в Симбирской губернии в р. Суру, в здешних краях берет начало.

*** Летописец русский, издание Несторовской летописи. СПб., 1792, с. 358.

**** Например: «Погибоша яко обри»; «Беда яко в Родни».

***** Есть в этих местах до сего времени много князей Манцыревых, потомков здешних владетелей старинных. Они, подобно множеству здешних многочисленных княжеских фамилий, не утверждены в княжеском достоинстве.

Алеевы Починки, конечно, построенная Шейх-Алеем, царем Казанским, которому Грозный пожаловал Касимовский городец. На этот-то Манцырев угол шел Черевсеев, отсюда — на нынешнюю Саровскую пустынь, где тогда был татарский город Сараклыч, рвы и валы которого сохранились, а потом лесом — на мары, что у деревень Новой и Михайловки Лукояновского уезда, о которых выше было сказано.

Ак-Сейт Черевсеев с ертоулом сделал мосты через Пьяну у нынешнего села Покровского, Бронское тож, находящегося на большой Симбирской дороге. По преданию, здесь на перевозе построена была церковь, освященная потом во имя Покрова Богородицы, — как воспоминание о дне Казанского взятия; ***** после около этой церкви расселилось много людей и образовалось таким образом село.

Девятый стан у озера Дубровки. . .

№ 3

. . . город Ардатов.⁶

Путь из Хрипунова к Саканам идет прямо на север через селения: дер. Лепели, село Нучу, дер. Миякуши.* Шилокшанский стан находится под 55°20' с северной широты и 60°30' в восточной долготы, Хрипуново — под 55°17' с северной широты и 60°45' в восточной долготы, Саканское городище — под 55°25' с северной широты и 60°45' в восточной долготы. Следовательно, путь войска представляет в этом месте острый угол. А обе линии этого угла простираются на тридцать верст. «А четвертый на поле на Ирже» — здесь явная ошибка: должно бы поставить — «На Ирже», как и находится в некоторых других списках и, между прочим, в Древней российской вивлиофике (XVII, 162). Река Иржа течет по Ардатовскому уезду и в Арзамасском (уезде) впадает в Тёшу близ села Водоватова. На берегу этой реки находится четвертый стан царя Ивана Васильевича. До сих пор близ села Стеклова** находится шесть курганов, а поле, на котором они находятся, называется Иржинским станом. Положение его: 55°22' с северной широты и 61°2' в восточной долготы. От Сакан оно находится верстах в двадцати пяти. Близ Стеклова находится село Ичалово,*** которым также проходил царь Иван Васильевич. В этом селе церковь старинная; говорят, что она строена была по указу царя Ивана Васильевича, желавшего этим ознаменовать память своего пребывания на этом месте.

В городе Арзамасе носится следующее предание: царь, находясь в Ичалове, принял намерение утвердить совершенное владычество свое над окрестными полуподвластными ему странами. С этим намерением спросил он у туземцев, занимавшихся звероловством и из глубины дремучих лесов пришедших взглянуть на сильную рать московскую, не знают ли они где-нибудь в окрестностях места, удобного для построения крепости. Звероловы отвечали: есть верстах в тридцати отсюда место доброе, на крутой горе над рекою Тёшею, а заселено оно татарами и мордвами-эр-

***** Повествование о России, IV, пр. 1204.

⁶ Ф. 95, оп. 1, № 6, л. 7. ГПБ, ф. 457, оп. 1, № 34.

* Лепели и Нуча принадлежат г-ну Левашову, в первой 257, во втором 254 души мужского пола; Миякуши — г-на Мельникова с 197 душами мужского пола.

** Село Стеклово Ардатовского уезда — разных помещиков с 817 душами мужского пола, замечательно ныне своими маслобойнями.

*** Ардатовского уезда, казенного ведомства с 63 душами мужского пола.

зянами, которыми управляет князь Маса.* Посреди этой горы царь водрузил крест во знамение основания города, получившего название Арза-Маса. На том месте, где был водружен крест руками царя русского, впоследствии построили монастырь Троицкий. Монастырь этот был после уничтожен. . . но как его остаток до сих пор существует церковь Святого Духа. Это предание, приписывающее Арзамасу честь основания самим покорителем Казани, едва ли справедливо, ибо, основываясь на положении станов, мы имеем полное право думать, что место, на котором стоит Арзамас, осталось верстах в двадцати или двадцати пяти от пути, которым проходил царь Иоанн Васильевич. Точно так же и село Возьян,** стоящее при реке Водке, верст на тридцать или тридцать пять осталось в стороне от этого пути, хотя предание и говорит, что царь Иоанн Васильевич построил здесь церковь, и хотя до сих пор в этой церкви показывают царские двери, пожалованные царем на память его похода через эти страны.*** Без сомнения, как сия церковь, так и Спасо-Преображенский монастырь в городе Арзамасе построены после покорения Казани.****

От Иржинского стана русское войско пошло на юго-запад и, пройдя верст тридцать пять, остановилось на реке Акше. Река Акша выходит в Ардатском уезде, течет по Арзамасскому уезду с юга на север и впадает в реку Тёшу несколько повыше Арзамаса. В летописи она, без сомнения, по ошибке переписчика названа Авшею.*****

На берегу ее находится село Хирино,***** близ которого находятся мары, о которых предание говорит, что они насыпаны были царем Иоанном Васильевичем, который здесь ночевал. Положение Акшинского стана . . . 61°29' восточной долготы. Из Акшинского стана войска шли на восток чрез нынешнюю деревню Корино, населенную мордвами,***** при которой находятся мары, и село Шатки,***** у Шатков переправилось оно через реку Тёшу; мары, стоящие до сих пор, насыпаны были на месте переправы. Перейдя Тёшу, поворотили на северо-восток и имели шестой стан на реке Кевсе. От Хирина до Шатков через Корино двадцать верст, следовательно, царь Иван Васильевич 25 июля прошел со своим войском 45 верст. Река Кевса течет по Арзамасскому уезду с юго-запада на северо-восток и впадает в Княгининском уезде в реку Пьяну близ села Пилекшова. На этой реке находится село Воронцово.***** Близ этого села находятся курганы, которые можно видеть с большой дороги, ведущей из Москвы в Симбирск, проехав несколько верст от станции Медынцево. Преданья говорят, что эти курганы насыпаны царем Иоанном Васильевичем, ночевавшим на этом месте. Здесь полагаем шестой стан. Географическое его положение — 55°20' северной широты и 62° восточной

* Мордва разделяется на два племени: мокша и эрзя. Здесь разумеются мордва-эрзя. Вариант этого предания: на горе жил татарский князь Арза, под горой — мордовский — Маса. Сперва городские жители владели землею татар и платили им, за это, но впоследствии татары были переведены в близлежащее село Старое Иванцево.

** Село Возьян Арзамасского уезда помещицье, с 244 душами мужского пола находится от Арзамаса в 25 верстах к востоку.

*** Они деревянные, от времени почернели, позолота уцелела.

**** Спасо-Преображенский монастырь построен в 15. . . году в память похода царя Иоанна Васильевича через эти страны.

***** А реки, которая бы называлась Авшею, нет во всем этом краю.

***** Село Хирино Арзамасского уезда помещицье, имеет 568 душ мужского пола.

***** Деревня Корино господина Бажанова Арзамасского уезда с 594 душами мужского пола.

***** Село Шатки Арзамасского уезда принадлежит г-ну Полуехтову, имеет 534 души мужского пола.

***** Село Воронцово Арзамасского уезда принадлежит г-ну Бетлингу, имеет 370 душ мужского пола.

д<олготы>. «А седьмой стан на озере на Икше», — продолжает летопись. Около сел Пречистенского и населенной мордвами Кистянки* находится довольно обширное озеро, посреди которого остров, а на острове высокий курган, о котором говорят, что он насыпан царем Иоанном Васильевичем... Не знаю названия этого озера, но, судя по местоположению, полагаю, что здесь был седьмой стан русского войска. Полагать его на озере Икше, которое лежит на границе земель сел Воронцово и Кобылино, невозможно, ибо оно находится верст на двенадцать от реки Кевсы на запад к Тёше-реке. Географическое положение седьмого стана — 55°15' с<северной> ш<ироты> и 62°12' в<восточной> д<олготы>. Он находится на юго-западе от шестого стана в двадцати верстах от него.

Летописец продолжает: «... а осьмой стан — на озере. Оттуда государь полем пошел, не дошед до Пьяны-реки, и тут ко государю пришел из городка Аксеит со всеми городецкими князьями и мурзами и татары. И шел Сеит на Мансырев угол. И государь ему велел идти со ертоулом вместе, и на реке Пьяне государь велел мосты поделать многие и пошел». Трудно искать безымянного озера, но мы, кажется, не ошибемся, если скажем, что с Икшинского стана царь Иоанн Васильевич пошел на восток, мало уклоняясь к югу и направляя путь свой к реке Пьяне, 27 июля сделал около 35 верст и остановился на озере близ нынешнего села Панова, Асанова тож». Приведенные выше слова летописи перемешаны. Должно читать: «А осмой на озере, не дошед до Пьяны-реки, оттуда государь полем пошел и тут ко государю...» и пр. Они будут совершенно согласны с местностью, потому что озеро, о котором говорим мы, находится в самом деле верст пять или шесть «не дошед реки Пьяны». Оно сливается с рекой Ежатыю, которая протекает по Лукояновскому и Сергачскому уездам с юго-запада на северо-восток и впадает в Пьяну. Близ этого озера находятся остатки курганов, которых построение относят ко времени похода царя Иоанна Васильевича на Казань. Географическое положение этого места 55°10' северной ш<ироты>, 62°43' в<восточной> д<олготы>.

Далее в печатном тексте летописи заметны явные опечатки: вместо Сеит напечатано Аксеит и глагол шел превращен в собственное имя. Дело идет здесь о том, что Сеит с касимовскими татарами встретился, «не дошед реки Пьяны» с царскими войсками. Известно, что Касимов назывался Городцом, а татары, жившие в его области, городецкими. «И шел Сеит на Мансырев угол», — это значит, что касимовцы избрали средний путь между путями правой и левой руки. В Темниковском уезде, там, где река Мокша делает почти прямой угол, до сих пор находятся следующие селения: Новое Манцырево, Старое Манцырево, Манцырев погост. Все сии селения находятся на пространстве 10 верст. Близ последнего из них находится село Бутаково, подле которого есть курган и старинное татарское кладбище. О древности его можно заключить из того, что на нем находится надгробный камень, положенный в 1562 году. Если провести прямую линию из Касимова к месту осьмого стана, то все эти места будут на ней находиться. Полагаю, что об этом Мансыревом углу говорится в летописи, иначе и быть не может.

Переправа через реку Пьяну была около села Еранского. «А девятый стан на Дубровке озере», — говорит летописец. Полагаю, что это близ деревни Дубровки, находящейся в Сергачском уезде и принадлежащей госпоже Топорниной.

* Село Пречистенское Арзамасского уезда помещичье, имеет 272 д<уши> мужского пола. Мордовское село Костянка Арзамасского уезда г-на Котлубицкого имеет 512 д<уш> м<ужского> п<ола>.

Переpravясь через Пьяну, войска шли на восток и, пройдя 35 верст, остановились у этого места, которого географическое положение 55°9' северной широты и 63°10' восточной долготы. Между деревнями Чимбиловым и Татарскою Медянкою был стан царя Ивана Васильевича.

ИЗ ТЕТРАДИ П. И. ПИСКАРЕВА

Я вечер был у заутрени,
У прихода Благовещенья,
Я не столько богу молился,
Сколько глядел на красавицу,
На игуменьи племянницу.
Я пошлю ли свата доброго,
Своего дядюшку родного,
Ко честной-то ко игуменьи.
Подъезжает дядюшка царев
К широку двору ко игуменьи;
Растворяются воротички;
Тут встречает игуменья,
Со игуменьей — красавица.
Что встречают, сами спрашивают:
— Вам какая нужда крайняя
Что до нашего монашества?
— Ты отдай свою красавицу
За царя-то православного
За Ивана за Васильевича.
Услыхала же красавица,
Заплакала горьким голосом:
«Ты родима моя тетушка!
Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то
православного
За Ивана за Васильевича!»
Как поехал его дядюшка
Со двора же со игуменьина.
Подъезжает к двору царскому,
Как встречает православный царь,
Он встречает, сам выпрашивает:
— Что сказали тебе, дядюшка?
Что сказали те, родимой мой?
— И, тужила, горевала,
Лицо белое слезила
И такой ответ красавица держала:
«Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то
православного
За Ивана за Васильевича».
На то царь не сержается:
«Я пошлю ли сваху добрую,
Свою тетушку родную
Ко честной-то игуменьи».
Подъезжает тетушка родная

К широку двору ко игуменьи,
Растворяются воротички;
Встречает ее игуменья
И с ней ее красавица,
Встречают, сами спрашивают:
— Вам какая нужда крайняя
Что до нашего монашества?
— Я приехала к игуменьи
От царя-то православного
От Ивана от Васильевича.
Ты отдай свою красавицу
За царя-то православного.
Как растужится,
Как расплачется красавица:
«Ты родима моя тетушка!
Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то
православного
За Ивана Васильевича!»
Как поехала его тетушка
Со двора же со игуменьина.
Подъезжает к двору царскому,
Растворяются воротички,
Въезжает она на широкий двор,
Встречает же православный царь,
Он встречает, сам выпрашивает:
— Что сказали тебе, тетушка,
Что сказали те, родимая моя?
— И, тужила, горевала,
Лицо белое слезила
И такой ответ красавица держала:
«Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя-то
православного
За Ивана за Васильевича!»
Придумал же царь такую думу —
Посылает он сестру свою родную
Ко честной-то ко игуменьи:
— Собери ты, сестра родная,
супрядку
Про красных девушек,
Поезжай-ка ты за красавицей,
Зови к красным девушкам на
супрядку.
А царя-то, скажи, дома нет,

У боярина дитя крестит.
 Как поехала его сестра родная
 Ко честной-то ко игуменьи,
 Подъезжает к широку двору,
 Растворяются воротички;
 Как встречает же ее монашина,
 Что встречает, сама спрашивает:
 — Вам какая нужда крайняя
 Что до нашего монашества?
 На ответ ей сестра царская:
 — Я еду ко игуменьи.
 Въехала она на широкой двор,
 Входит же ко игуменьи
 Во новую горницу,
 Во светлую светлицу.
 Увидала же игуменья:
 — Вам какая нужда крайняя
 Что до нашего монашества?
 Отвечала же ей сестра царская:
 — Приехала я за красавицей
 К красным девушкам на супрядку,
 А царя-то дома нет,
 У боярина дитя крестит.
 Услыхала же красавица.
 Подходит сестра царская
 к красавице:
 — Собирайся-ка, красавица,
 Свет Домна Перфильевна,
 Я сделала супрядку
 Про красных девушек,
 А царя-то дома нет,
 У боярина дитя крестит,
 Надевай-ка платье цветное(е).
 Отвечает же красавица,
 Осударыня Домна Перфильевна:
 «Уж я не еду во дом царской,
 Уж я боюсь-то царя Грозного;
 Еще нет у меня платья цветного,
 Еще есть-то у меня платье черное,
 Платье черное, монашенско».
 Возговорит же сестра царская:
 — Не отговаривайся, красавица,
 Поедем во платьи черным.
 Белое лицо красавицы
 приусмягнуло,
 Алые румянцы призакрылися,
 Ясные очи помутилися.
 Возговорила же красавица:
 «Ты, родимая моя тетушка!
 Мне сегодняшню темну ночь
 Мало спалось, много виделось.
 Привиделся во сне сон нехорош:
 Что отпала моя русая коса
 Со лентою со алою».
 Как возговорит ей тетушка:

— Ты родимо мое дитятко,
 Как поедешь ли во царский дом,
 Не говори царю слова грубного,
 Слова грубного, противного!
 Еще срубит с тебя царь головушку
 По могучи твои плеченьки.
 Как поехала красавица
 Со царевой же сестрой родною.
 Подъезжают ко двору царскому,
 Растворяются воротички,
 Въехали на широкой двор.
 Встречает же православный царь,
 Встречает, сам выпрашивает
 И берет ее за белу руку:
 — Ты пожалуй, гостя спесивая,
 Ты пожалуй, гостя ломливая!
 Уж идешь ли ты за носастого,
 Уж идешь ли ты за глазастого,
 Уж ты хочешь ли любить губастого,
 Уж ты хочешь ли идти за царя-то
 православного
 За Ивана Васильевича?
 Отвечает же красавица:
 — Я нейду-то за носастого,
 Я нейду-то за глазастого,
 Не хочу любить губастого,
 Не хочу идти за царя-то
 православного
 За Ивана за Васильевича.
 На то царь не сержается.
 Он опять ее выпрашивает:
 — Ты идешь ли за носастого,
 Ты идешь ли за глазастого,
 Хочешь ли любить губастого,
 Хочешь ли идти за царя-то
 православного,
 За Ивана за Васильевича?
 Отвечает же красавица:
 — Я нейду-то за носастого,
 Я нейду-то за глазастого,
 Не хочу любить губастого,
 Не хочу идти за царя-то
 православного
 За Ивана за Васильевича.
 Закричал же православный царь:
 — Вы подайте, слуги, саблю
 вострую,
 Я срублю ее головушку
 По могучи ее плеченьки!
 А сам стал опять ее выпрашивать:
 — Ты идешь ли за носастого,
 Ты идешь ли за глазастого,
 Хочешь ли любить губастого,
 Хочешь ли идти за царя
 православного

За Ивана за Васильевича?
И опять ему в ответ красавица:
— Я нейду-то за носастого,
Я нейду-то за глазастого,
Не хочу любить губастого,
Не хочу идти за царя

православного
За Ивана за Васильевича.
Как срубил же с нее царь
головушку

По могучи ее плеченьки,
Покатилась же головушка
К добрым коням под копытечки.
Добры кони стоят, не шелохнутся.
Закричал же православный царь:
— Вы подайте, слуги, золото
блюдо!

Положил головушку красавицы
На золото блюдо,
Сам заплакал горючьми слезьми,

Во слезах возговорил:
— Вы возьмите, слуги, золото
блюдо

С буйной с этою головушкой,
Отнесите ее ко игуменни,
Ко родимой ее тетушки,
Поставьте-ка на дубовой стол!
Принесли же головушку красавицы
Ко честной-то ко игуменни,
Поставили на дубовой стол.
Увидала ее тетушка,
Заплакала горьким голосом:
— Ты родимо мое дитятко!
Не могла меня послушаться,
Говорила я тебе, наказывала:
Не говори царю слова грубного,
противного!

Вот он срубил твою головушку,
За твои слова дерзкий
Лишил тебя свету вольного.

Н. К. МИРОЛЮБОВ

СКАЗАНИЕ

О ПОСЛЕДНЕМ ПОХОДЕ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО
ПРОТИВ КАЗАНИ В 1552 Г. ЧЕРЕЗ АРДАТОВСКИЙ И
АРЗАМАССКИЙ УЕЗДЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ,
С ПРИМЕЧАНИЯМИ О ПОХОДАХ ЕГО ЧЕРЕЗ ДРУГИЕ УЕЗДЫ.
ОСНОВАНО НА ПРЕДАНИИ

Сквозь дремучий лес с войском-силою
Он прошел в страну Татарщину.

(Из народной песни)

Походы Иоанна Васильевича IV против Казанского царства действовали на современников с такою силою, что воспоминание об них в продолжение трех столетий не могло изгладиться. Особенно памятны они для тех, кои видели проходящие вокруг себя воинские отряды грозного победителя и пользовались плодами победы. К числу таковых областей принадлежит между прочим и земля Низовская, лежавшая на пути против татар. Чтобы увериться в этом, укажем на последний поход Грозного в двух смежных уездах — Ардатовском и Арзамасском, с некоторыми примечаниями о походах его и в других уездах Нижегородской губернии. Оставшиеся в них предания и памятники могут воскресить пред нами прежнюю оную страну и прежних людей с их нравами и обычаями.

Но, чтобы не удалиться от сказания собственно исторического, выпишем для проверки то, что осталось известным из истории о последнем походе Иоанна IV по уездам Ардатовскому и Арзамасскому. В своей «Истории государства Российского» Карамзин рассказывает о Иоанне IV,¹ что «он не терял ни часа в бездействии: пеший и на коне смотрел полки, лю-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд., т. I—XI. СПб., 1842—1843, кн. II, т. VIII, с. 93, и примеч. к т. VIII, с. 281. Ср.: Летопись царствования Иоанна IV от 7042 до 7061. СПб., 1769, с. 252—253.

дей, оружие; велел расписать детей боярских на сотни и выбрать начальника для каждой из воинв знатнейших родом; отпустил Ших-Алея в судах к Казани с князем Петром Булгаковым и стрельцами; послал дружину артаульскую (легкий передний отряд передового полку) наводить мосты и 20 июля 1552 г., вслед за войском переехав Оку, ночевал в Саканском лесу на р. Велетме в 30 верстах от Мурома.² Второй стан был на Шилокше,³ третий — под Саканским городищем,⁴ а четвертый стан на поле, на Ирже,⁵ а пятой — на Авше-речке,⁶ а шестой — на Кевсе,⁷ а седьмой — на озере, на Икше,⁸ а восьмой — на озере, не дошед Пьяны-реки».⁹ Сопрозражая местоположение этих станов, находим, что царь Иоани Васильевич последний поход свой против Казани совершал не зимою, а летом и не чрез Нижний Новгород, как первые два похода, а чрез тот непроходимый путь, который лежал, между прочим, по двум уездам — Ардатовскому и Арзамасскому. В этих уездах обрусевшая мордва доселе вспоминает в песнях о «грозном мурзе»,¹⁰ что он «где бросит горсточку — там быть градичку, где бросит щепоточку — там быть селеньицу».

1. В Ардатовском уезде

Из третьего похода против Казани в Нижегородской губернии осталось известным, по преданию, самым первым то место, которое занимает ныне Выксунским (в тридцати верстах от Мурома) и Верхнежелезнодорожным или Вильским, Велетминским (в 44 верстах от Мурома) заводом господ Шепелевых и Баташевых. Станы походные, по рассказам, были как на р. Велетме, так и на том месте, где теперь находится церковь в селе Выксунском заводе.

Окрестности этого селения во времена Грозного были покрыты Муромским непроходимым лесом, в котором с давних времен укрывалась побежденная мордва. В таком месте, без сомнения, царю путь был неизвестен: его знала только мордва, переходившая по лесам с одного пчелиного бортья на другой. Вот почему в числе проводников Грозного встречаются не русские, коих там почти не было, а мордва. Из этих царских проводников в Ардатовском уезде первым упоминается в предании мордвин Калейка,¹¹ живший в лесу около нынешнего Верхнежелезнодорожного завода. Исполнив свое дело, он не был оставлен без награды. За услугу, как гласит предание, царь хотел наградить мордвина деньгами, сколько ему нужно. Но Калейка денег будто бы не пожелал, а только сказал царю, что если ему угодно жаловать, то он пожаловал бы его землею с лесом, в котором нашли его. По желанию мордвина дано ему вокруг его жилья несколько сот десятин земли с лесом. Впрочем, награжденный царскою милостью проводник недолго наслаждался счастьем. Калейке вскоре стали завидовать многие из окрестных скитальцев, и он сделался жертвою насильственной смерти. Рассказывают, что разбойники, известные под име-

² Первый стан был на границах нынешнего Ардатовского уезда с Муромским, где ныне Велетминский железный завод, коим протекает р. Велетма.

³ Второй стан в Ардатовском уезде, где ныне сухая речка Шилокша.

⁴ Здесь ныне село Саканы Ардатовского уезда.

⁵ Близ с. Семенова Арзамасского уезда на Московском тракте.

⁶ К югу от г. Арзамаса, где течет р. Авша.

⁷ На юг от села Возьяна, где ныне село Дубенское Арзамасского уезда.

⁸ Под селом Возьяном Арзамасского уезда.

⁹ Между селом Возьяном и рекою Пьяною.

¹⁰ Так назывался царь русский в устах мордвы.

¹¹ Калейка происходит от мордовского *каль* — ветла и значит — *ветляный*, т. е. родившийся под ветлою.

нем Фомят, вздумали убить обогащенного мордвина. Когда решились исполнить свое злонамерение, то, пришедши к Калейке, нашли его сидящим на сонё. Два пса были верными ему стражами. Фомяты сперва убили псов, а потом приказывали слезть с дерева и самому мордвину. Калейка начал умолять разбойников о помиловании: сулил им множество денег и обещался отдать самое свое владение. «Нам не нужно, — ответствовали разбойники, — ни злата, ни серебра: нам нужно тебя самого. Слезай сюда, и мы убьем тебя». Так кончил жизнь свою благодетельствованный мордвин, провожавший царя с воинством. Память всего этого события донныне сохраняется между туземными крестьянами в песне о Калейке-мужике. К этому прибавим, что в 1818 году в конце апреля месяца в 30 верстах от Мурома близ Выксунского завода в лесу, так называемом Муромском, дровосеками найдены древние вещи, вероятно вымытые весеннею водою. Вещи эти состояли из шести металлических кольчуг, из стольких же шлемов и из разных мелких вещей, принадлежавших к воинским украшениям и большею частью — к конской сбруе. Из найденных шлемов один употреблен был крестьянами для меры овса, другой — для походного котла и проч. Из кольчуг, например, одна состояла из железных мелких колец более 18 фунтов и сделана с немалым искусством, особенно в спусках от рубашки к рукавам. Но с какого именно времени остались эти ратные доспехи — неизвестно.

Второй из проводников Ивана Васильевича был также мордвин нынешнего села Кужендеева, Вскресенское тож, Ардатовского уезда. Одни из туземцев мордвина этого называют Ивашкою Кульдяевым,¹² основываясь на копии с уцелевшей царской выписи, данной на владение землею оному мордвину 31 августа 1611 (7119) года.¹³ Другие называют его Кужендеем, положившим основание селу Кужендееву.¹⁴ Этот мордвин, по преданию, был сын Пуреса¹⁵ и брат Ерзи,¹⁶ положившего с женою своею Масью основание Арзамаса.¹⁷ А русское прозвание дано Кужендею — Гольцов, по случаю будто подаренного ему царского перстня, который называл он вместо кольца «гольцом» и «дольцом» и таким образом заслужил себе оное прозвание. Иные, впрочем, производят слово *Гольцов* от рыбы

¹² *Кульдяй* или *Кильдяй* от мордовского слова *кильдима* — впрягать лошадь и значит — впрягающий лошадь.

¹³ Вот начало выписи, данной из приказа Большого двора: «Лета 7117 августа в 31 день бьет челом великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа великия и малыя и белыя России самодержцу Арзамасского уезда (ныне Ардатовского) деревни Кужендея мордовские веры новокрещен Ивашка Кульдяев. В прошлых годах была у него жалованная Великого государя-царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа великия и малыя и белыя России самодержца на пашенную землю и на сенные покосы и на стечение бортяго ухожья и на всякие уголья грамота и та де грамота во время разоренья пропала, и великий государь Михайло Федорович пожаловать велел с дозорных арзамасских книг впрядь для владения на тое землю и на лесные уголья дать выпись и проч. (Хранится в архиве РГО, колл. XXIII, оп. 1, № 70 «Жалованная грамота от царя и великого князя Иоанна Васильевича Грозного провожавшему его под Казань 1552 г. мордвину с. Кужендеева Ивашке Кильдяеву, названному от него Дружиною», 7 страниц. Получено в 1849 г. писано, вероятно, в 1848 г. Копия грамоты 1564 (7072) г. о пожалованных вотчинах и угольях).

¹⁴ *Кужендей* от мордовского слова *кужа* — поляна и *тиима* — делать и значит — возделыватель полян.

¹⁵ *Пурес* от *пуре* — медовый квас; вероятно, имя сие дано во время ломки меда и делания мордвою кваса.

¹⁶ *Ерзя* — от мордовского слова *ерясь* или *ерькс* — быстро и значит — быстрый.

¹⁷ *Мась* значит красный. Из соединения двух слов составилось наименование *Арзамас*, что будет значить — быстрокрасный. Напротив, город Ардатов происходит не от собственных имен, а от *орда* — ступать и *тов* — туда и будет значить порусски — ступайте туда. В Ардатове рассказывают, что проводником Грозного был некто мордвин Ардатка, положивший основание нынешнему городу Ардатову.

огольца, с коим по проворству сравнен и назван указывавший царю путь мордвин. Откуда бы слово это ни происходило, только известно, по преданию, что провожал Иоанна IV «кужендеевский мордвин Гольцов», как говорят старожилы Ардатовского уезда.¹⁸ Соглашаясь в том, что проводником Грозного был мордвин, рассказчики в некоторых чертах разногласят между собою. Впрочем, разногласие большею частью отрицательное, а не положительное. Одни рассказывают подробнее и обстоятельнее, а другие — в сокращенном виде и тоном более простодушным. Последний рассказ представим прежде, а потом уже — и более обширный для пояснения оного.

По рассказу одних, Кужендей жил в лесу. Занятие его состояло в поставлении пчелиных бортней. Нашедши его среди густого леса, Иоанновы воины привели к государю. Представленного мордвина царь с любопытством спрашивал, что он за человек. Но ответа никакого не было; мордвин не только не понимал, а даже и не слыхивал о русском наречии. Разгневанный безответным молчанием царь отдал приказ повесить его на дереве. Но приближенные к царю упросили его прежде поискать, не найдется ли кто в ополчении из ратников, который бы мог понимать на незнакомом наречии и быть толмачом для русских. Из приводимых к царю иноплеменных ратников один нашелся способным понимать найденного в лесу мордвина и передавать его речь царю. Знаток русского и мордовского языка начал разговаривать с Кужендеем. Окружавшие воины своему соратнику велели спросить, не проведет ли он как здешний житель лесами царя с ополчением под Казань. Не зная всей дороги, Кужендей, впрочем, не отказался. Он дал обещание довести их до своего большого брата Ерзи, который более его знает дороги по лесам. Поведши царя с воинством, путеводитель через несколько времени остановился и сказал по-мордовски, что у него есть топло, т. е. ночлег.¹⁹ На этом самом месте царь ночевал с отрядом воинства и, не отступая от мордовского произношения, назвал оное место «тэплом». Здесь ныне стоит село Теплово в 24 верстах от Ардатова к Северо-западу.

После ночлега Кужендей среди леса сбился было с известного ему пути. Немало водил царя лесом и наконец, выведши на знакомую ему по-

¹⁸ Вместе с указанием на имя царского проводника можно слышать рассказ и об его происхождении. О родословии Кужендея рассказывают, что на р. Теше при подошве горы жил некто мордвин Пурес. У него было два сына: 1) Ерзя, имевший жену Мась и положивший основание Арзамасу. От них будто бы произошло мордовское поколение ерзян, поселившихся в Арзамасском и Лукояновском уездах. Второй сын у Пуреса был Кужендей, который, как человек кочующий, удалился от отца своего на р. Леметь (от *лемь* — имя), окруженную непроходимыми лесами, и здесь основал себе местопребывание, построив деревню Кужендеево, что ныне село в трех верстах к югу от Ардатова. У царского проводника Кужендея было три сына: 1) Афтодей (от *офта* — медведь), 2) Тоторшка (от *тотор* — стук) и 3) Сырьс (сырьс — старый). У Афтodeя было два сына: 1) Кутля (куд — дом, ляй — враг), 2) Кяня (от *кияня* — тропинка, дорожка). Кутля поселился в 15 верстах от Ардатова к юго-западу, где ныне село Кутлей. А Кяня поселился в 16 верстах от Ардатова к югу, где ныне село Кинерги. Вторым сыном Кужендея — Тоторшка поселился на р. Лемети, где ныне деревня Тоторшево, в одной версте от Ардатова к югу. У Тоторшки было два сына: 1) Ардатка (от *ардат* — ты пойдешь) и 2) Машколей (от *мошка* — измятая конопля и *лей* — дол). Ардатка поселился на р. Лемети, где ныне город Ардатов, а Машколей остался при отце своем Тоторшке, где ныне деревни Тоторшево и Машколей. Третий сын Кужендея Сырьс поселился на речке Мице (от *миша* — продавать), где ныне село Сырсово в 18 верстах от Ардатова к востоку.

¹⁹ Очевидно, это производство придумано русскими поселянами, кои хотели подтвердить чем-либо пребывание Грозного в с. Теплово, основанном около того времени. Впрочем, царь мог назвать место Теплово по-русски для русского воинства. А слово *отдых* на мордовском языке зовется *воймыма*.

ляну, сказал предстоявшим: «моляксо!», т. е. молитесь! — за то, что он нашел дорогу и теперь может провести до брата Ерзи.²⁰ Царю понравилось место, и он при всей поспешности приказал сделать на нем роздых. На этом месте стоит ныне село Молякса в шести верстах от Ардатова к юго-востоку. От поляны Кужендей вел царя, не сбываясь, до самого Арзамаса, с коего избран был проводником брат его Ерзя.²¹ За такую услугу царь, отпуская Кужендея, пожаловал его перстнем. Мордвин не знал названия подарку. Русские объясняли ему, что это перстень или кольцо. Кужендей, желая затвердить оное слово, повторял: «гольцо», «дольцо», от этого и получил название «Гольцов». Впрочем, верную услугу его царь не ограничил одним подарком перстня. Возвратившись с полной победою из Казани, Иоанн IV пожаловал Кужендею в потомственное владение землю с лесами, среди коих был найден оный мордвин. Такой простодушный рассказ можно слышать от каждого из стариков, живущих вокруг Ардатова. Но, соображая многие подобные предания, можно составить более обстоятельное и более сообразное с летописью сказание о проводнике царском Гольцове. Обыкновенно говорят, что его, как занимавшегося бортнями, нашел один из воинов передовой рати Грозного. Общий голос предания — что он найден на вершине дерева около бортни, находившейся близ р. Оки. Это было, вероятно, пред тем временем, как царь, по сказанию летописца, «вслед за войском переехал Оку». Гольцова немедленно представили к царю. Мордвин, желая почтить «московского державца», поднес ему на поклон самого лучшего белого меду на бересте. Принявши дар и будучи занят войною против Казанского царства, царь тотчас стал спрашивать Гольцова о том, можно ли пройти ему лесами прямо на Казань. Мордвин, зная сам дорогу на довольное пространство и имея в виду знакомых на пути людей, принял на себя обязанности царского проводника по непроходимым лесам.

Нашедши проводника, царь 22 июля перебрался с войском через р. Оку и вышел на речку Велетьму,²² вытекающую из нынешнего Темниковского уезда и впадающую в р. Тёшу.²³ Перешедши р. Велетьму близ ее устья, он пришел к болоту, заграждавшему путь его войскам. Болото сие нашел он неудобным для перехода и тотчас велел засыпать, назвав его «пересыпным». Название сие сохранилось в устах туземцев и донныне. Место Пересыпного болота находится между пятою и шестою верстами от села Кулебак к городу Мурому и выходит даже на большую Московскую

²⁰ И здесь видно только старание подтвердить предание о том, что Иоанн IV с воинством останавливался в Моляксе, поелику Молякса происходит от мордовского слова *моляма* — идти, а с прибавлением слова *лей* — дол *молякслей* значит: дол для хождения.

²¹ Заметим, что род царских проводников Кужендея и Ерзи, по преданию, происходит по прямой линии от мордовских князей. Рассказывают, что в XI столетии первый мордовский князь был Тюстин (от *тись* *тень* — он сделал это), а 2-й Кячай (от *кячас* — крючок). По смерти их мордва разделилась на три княжества: в 1-м княжестве был третий князь Ерзя, во 2-м четвертый князь Мокша (твердый, от *мокшанде* — кулак). А в 3-м княжестве пятый князь — *Киритай* (посекающий, от *кири-тама* — мы рубим). После того в XII столетии 6-й мордовский князь Пургас (грозный, от *пура* — гроза) соединил всю мордву в одно княжество. И под его предводительством мордва восстала против России, разоряя многие окрестности Нижнего Новгорода. Но, ослабевшая и гонимая русскими, она начала укрываться в непроходимые леса, ей одной известные. Сам Пургас удалился к р. Мокше в нынешнее село Пурдошки Пензенской губернии Краснослободского уезда. Это было, вероятно, после войны основателя Нижнего Новгорода Юрия II Всеволодовича с Пургасом, прогнанным от него в 1232 г. А от князя Ерзи в XV веке произошел Пурес, который имел двух сыновей — Ерзю и Кужендея, провожавших Иоанна IV с воинством под Казань.

²² *Велетьма* — от мордовского слова *вель* — село и значит — река населения.

²³ *Тёша* — от ерзянского слова *тешке* — примета и значит — замечательная.

дорогу. От Пересыпного болота Гольцов повел Иоанна IV с войском в правую сторону от нынешней большой дороги на село Кужендеево. Этот путь почитал он самым прямым и самым близким. По указанию Гольцова воины за царем проходили верховьями речек Шилокши²⁴ и Ломовки. На сем пути в лесу и донныне есть место, называемое Гольцов бор. От речки Ломовки царь прошел на Александровы поляны на Путодлей²⁵ или Пуштарлей²⁶ и отсюда уже на Кужендеево, в котором имел жительство и сам проводник. Здесь царь приказал выстроить каменную церковь. Но рассказывают, что будто бы на жалованную царем сумму выстроена каменная церковь не в Кужендееве, а в шести верстах от него — в селе Нуче.²⁷ Впрочем, и в самом Кужендееве спустя несколько времени была выстроена также церковь, только деревянная, а не каменная, явившаяся уже в недавнее время. До царского перехода прежняя деревня Кужендея построена была над оврагом, именуемом «Кужендей», и ручьем того же имени. А когда царь назначил место для построения церкви, недалеко, впрочем, от оврага Кужендей, то вместе с построением храма передвинута к нему и деревня, сделавшаяся вскоре селом.

Из деревни Кужендеево Гольцов повел царя к речке Моляксе,²⁸ окружаемой лесом и пригорками. Место сие царю понравилось. Здесь будто остановился он «завтракать» и тотчас в своем же присутствии велел на месте отдыха устроить часовню. Вместе с этим отдал приказ в скором времени построить вместо часовни церковь и к ней переселить несколько приходских дворов. К этому прибавляют, что будто царь, распорядясь переселением, сказал: «Сколько людей выселю, столько и будет». И царское слово, переходящее из уст в уста, по преданию, целые три столетия сбывалось. Доселе Молякса — село самое малое из селений Ардатовского уезда, с небольшою деревянною церковью. Кроме священнослужителей, считается только двенадцать дворов, при коих 35 душ. В подтверждение предания следует заметить, что около села Моляксы находится участок земли до 12 десятин, именуемый доселе по имени царского проводника «гольцовским».

От реки Моляксы путь царский, по указанию Гольцова, лежал на нынешнее село Надежино. Близ этого села, не более с версту, находится замечательное место, известное под именем Городка, или Городища, уцелевшего донныне. Городище это состоит из круглого места, до 60 сажен в диаметре. Оно устроено наверху угловатого окончания гор, обрыто тремя валами, увеличивающимися к внутренности Городища, так что и ныне высота внутреннего вала местами простирается до двух с половиною сажен. На этих валах находятся старые пни от дерев и самые деревья дубовые. С двух противоположных сторон Городища очень заметны бывшие на него въезды. Предание гласит, что тут до перехода Грозного жил какой-то татарский князек Чамбай. От этого и место вокруг Городища зовется ныне «пустошь Чамбаевская». Что касается до села Надежина, то в нем при посещении Грозного были уже жители, состоявшие будто из трех семейств. Они, по рассказам, вышли из Стародуба. Прозвание трех семейств доселе сохраняется между туземцами. Эти-то семейства, теснимые от жителей Городища, с радостью встретили и приняли царя,

²⁴ Шилокша — от мордовского слова *ши* — день и *ликше* — греча.

²⁵ Путодлей — от мордовского слова *путыма* — ставить, утверждать и *лей* — дол.

²⁶ Пуштарлей — от мордовского слова *пуштар* — стрелец или воин и *лей* — дол.

²⁷ Каменная церковь в Нуче, как рассказывают, построена стараниями нученского владельца г. Соловцева, а по другим, — что и вероятнее, — от г. Мантурова, бывшего близким тогда к царю.

²⁸ По старым рукописям Молякса именуется Молякселей, что значит — дол прохождения (см. примеч. 20).

а затем просили его выслать беспокойных жителей Городища на другое место. И царь, вняв прошению, немедленно выслал их за реку Мокшу, а крестьян надежинских за радушный прием наградил землею и велел у них выстроить церковь. Письменных актов об этом не осталось никаких; только года с четыре тому назад близ с. Надежина найдена медная кольчуга, до истления повредившаяся и затерявшаяся между крестьянами.

От Надежина Иоанн Васильевич вслед за Гольцовым пошел к дер. Сыресеу.²⁹ Но прошед к оврагу с речкою Мицею,³⁰ отделявших деревню и неудобных к переходу, он должен был повернуть на левую сторону, придерживаясь, впрочем, течения речки. При сем повороте приказал он устроить церковь и переселить к ней, подобно Моляксе, несколько бобылей. С того времени неизвестно почему место поворота у туземцев зовется «Пятницкий погост», и доселе есть также рубеж (длиною около полутора верст), идущий от церкви или от прежнего царского поворота к дер. Погибловке. Этот рубеж зовется там «Государева дорога». В селе Сыресеу, бывшем прежде деревнею, хранится предание и о том, что будто бы к Гольцову присоединился в провожатые также мордвин этого селения. Всего вероятнее, что этот новый проводник присоветовал только царскому воинству обойти дурные, неудобные для перехода места по избранной уже Гольцовым дороге. Впрочем, и за эту услугу новому проводнику, как гласит предание, даны были царем лесные угодья, кои разными случаями перешли к устроившему Алевский завод Андрею Баташеву.

Из села Сыресева на царском пути сделан поворот вправо на село Онучино. Этот путь показывают оставшиеся следы мара или насыпного кургана, находящегося за четыре версты пред селом Онучиным к стороне села Ичалова.³¹ От этого мара верстах в восьми, по переходе Онучина и дер. Слепых, встречается другой мар, а чрез версту далее еще два мара, устроенные поперек дороги, один от другого в нескольких только саженях. Потом в правой руке, не доходя до Ичалова версты за три, к стороне села Собакина снова мар, от коего версты на три начинается уже нынешний Арзамасский уезд.

От Онучина царский путь лежал к селу Ичалову. Здесь рассказывают, что будто на этом самом месте Иоанн Васильевич останавливался с войском и приказал устроить тут церковь, оставив для церкви и для священноцерковнослужителей семь старых солдат. Построенная по повелению царя Николаевская церковь сгорела уже более ста лет, а крестьяне ичаловские и донные слынут под именем бобылей. Они, по преданию, без всякого упорства работали на духовенство, пока не требовали с них подати, а после того начали отставать и от самой работы. В прежней церкви хранились и грамоты царские, но они вместе с церковью сгорели. Если остались копии с прежних бумаг, то они должны храниться во Владимирской духовной консистории. Впрочем, и доселе при Ичаловской церкви хранятся акты, восходящие почти до половины XVII века. В этих оставшихся бумагах содержится спор между бобылями и священноцерковнослужителями, коим бобыли отказывались платить по одному рублю денег и обрабатывать землю, основываясь на том, что царь Иоанн Васильевич «приписал

²⁹ Сыресево — от мордовского слова *сыре* — старый и значит — село старое.

³⁰ Мица — от *мина* — продавать и значит — речка продажи.

³¹ Мар — по-русски значит холм, насыпь. Этими насыпями крестьяне определяют походную дорогу Иоанна Васильевича против Казани. По их рассказам, курганы насыпались шапками или рукавицами идущих за царем воинов. Должно заметить, что курганы в то время нужны были и для узнания пути, по коему должно идти заднему воинству, особенно на перекрестках, где встречалось между собою много дорог. Мара в Ардатском уезде начали перепахивать не более 20 лет тому назад, так что и самые следы их мало-помалу сглаживаются.

их к церкви в погост для охранения самой церкви и для возобновления ее ветхостей». ³² Из Ичалова царь перешел уже за границу нынешнего Ардатовского уезда, направляя путь свой к селениям Арзамасского уезда — Собакину и Возьяну.

Впрочем, указывая царские станы в Ардатовском уезде, должно упомянуть и об опущенном нами третьем стане, который, по летописцу, был «под Саканским городищем» Ардатовского также уезда. Это городище есть не что иное, как насыпанный земляной вал, который находится близ церкви в с. Саканах, в 17 верстах от г. Ардатова, а от упомянутой нами Моляксы или прямого царского пути — около 20 верст в левой стороне.

Судя по преданиям, оправдываемым местностью, можно думать, что самым Саканским городищем царь не проходил. ³³ Что касается до указания на него в «Летописце», то указание сие зависело от большей известности Саканского городища пред окрестными дер. Кужендеево и ненаселенным тогда местом на р. Моляксе, коими проходил Иоанн IV. А можно думать, что и Саканским городищем проходила левая или задняя часть воинского отряда. Как бы то ни было, только городища, подобные Саканскому и Надежинскому, были и в других местах, хотя теперь не так заметны, как оные два. Об этих городищах или городках есть предание, что они устраивались еще до царствования Иоанна IV. А в его время были они средоточием сбора податей, вносимых деньгами, медом и т. п. и собираемых, по отзыву крестьян, мироедами или десятскими для препровождения в г. Арзамас. Гораздо прежде до Казанского похода в городках оных жили особые владельцы, называемые от туземных жителей князьками, царьками и корольками. Городища находились обыкновенно у самых сел и деревень, например у Юрьевки, Козина, ³⁴ Кошелихи и др.

³² Из оставшихся в Ичаловской церкви бумаг видно, что еще в 1764 г. священно-церковнослужители с. Ичалова показывали, что «хотя на объявленных бобылей и землю пожалованная от государя-царя и великого князя Иоанна Васильевича вся Россия грамота и имелась, точно она прежде бывшими церковнослужителями неведомо коим случаем утрачена и как с нее точной копии, так и прочих о том же крепостей у них не имеется». «А церковной земли из давних времен, по писцовым книгам Тимофея Измайлова с товарищи в 7129 (1621) и 7130 годов, по 50 четвертей в поле, а вдву (так!) потому же сенных покосов на 60 копен да на оной же церковной земле девять бобыльских дворов. Эти бобыли первой подушной переписи в 1716 г. жили в дворах и всякую работу на церковь божию и на них, попов, работали; а с того времени, по своевольству и упрямству перестали работать на церковь и платить им рублевой оброк».

³³ Хотя с. Саканы, согласно со сказанием «Летописца», происходит от мордовского слова *сакань* — прихождение к месту и значит — село прихождения; впрочем, верность предания о походе Грозного чрез леса на Моляксу подтверждается, кроме указанных нами памятников, тем, что: 1) путь этот есть кратчайший пред дорогою на с. Саканы, а краткость пути обыкновенно избиралась мордвою для ближайшей пешей ходьбы за бортиями; 2) доселе на протяжении этого ближайшего пути есть проселочная дорога от с. Дубовки на завод Велетминский под названием «русский стопник» (от слова *стоп*). Дорога эта хотя узкая, но способна к проездам без особенного устройства мостов и гатей, ибо пролегает верхами речек, тогда как нынешняя большая Московская дорога, идущая на Саканы и Арзамас, недалеко от реки Тёши, перерезывается устьями речек, впадающих в Тёшу, и многими болотами, требующими большого количества мостов и гатей; 3) искусство мордвы — переходить прямыми лесными дорогами — основывалось на приметах как по деревьям и по местности, так и по светилам небесным. Предание объясняет последнего рода искусство следующим образом: в то время как ободья и тому подобные лесные изделия парят для большей гибкости, старейшины мордовские, лежа на спине близ рабочих мест, толкуют астрономические замечания лежащим вокруг них детям или работникам. Объясняют им положение и перемены светил небесных, чтобы заметить и всегда можно было отыскать восход и захождение солнца, а вследствие этого узнавать не только прямой путь по лесу, но даже предугадывать тот яровой хлеб, который лучше должен родиться в предстоящем лете, чтобы более занять им поля свои.

³⁴ Из мордовских селений Юрьевка происходит от *юра* — корень, а Козино от *козе* — богатый.

И владельцы жили в них нерусские: у Юрьевки, например, жил, как говорят, королек Индей.³⁵ Нельзя не упомянуть и о самой награде, какую получил от царя проводник его Гольцов. По преданию, он находился с Иоанном IV под самую Казанью. А по взятии города царь спросил мордвина, чем наградить его за добрую службу — провожанье: казною или имением? Гольцов отвечал, что казны ему не нужно, а если угодно царю наградить, то наградил бы его лесными угодьями, санными покосами, верхними ухожьями (т. е. местами бортней) да станами бобровыми. Вследствие такого желания дана ему от царя в вечное потомственное владение большая лесная дача вдоль рек Тёши и Оки. Данная на сие владение грамота у туземных крестьян доселе зовется «царская крепь», золотом написанная на узкой и долгой бумаге, словно «на холсте». Таким образом, Гольцов, как гласит предание, сделался владельцем леса с угодьями, имеющего в длину около 70 верст.

Из рода Гольцовых доселе есть в дер. Сиязме,³⁶ принадлежащей к владению господ Гагариных, один 55-летний крестьянин Алексей Григорьев Гольцов, владеющий участком земли не более других.³⁷

Как же утратилось наследственное владение Гольцовых с самыми грамотами на оное? Причиною сему можно полагать то, что во времена самого проводника царского в лесных угодьях нужды имели мало: продавать деревья при большом количестве леса было некому, а потому и оспаривать у Гольцовых владение никто не мог и не имел нужды. Так продолжалось до половины прошлого столетия. Тогда не имели нужды и в хранении самых грамот на владение лесом. От этого, по смерти Грозного, во времена бедствий России, посетивших и места Ардатовского уезда, подлинные жалованные грамоты были затеряны. Хотя на место затерянных актов со вступлением на царство дома Романовых Гольцовым даны были копии с выписей,³⁸ но и эти копии хранились при церкви в целости только до прибытия из Тулы в Ардатовский уезд в 1766 г. заводчиков Баташевых.

Рассказывают, что Баташевы, узнавши о бумагах в Кужендеевской церкви на владение лесом, прилегающим к устрояемому ими заводу, подкупили первого ардатовского секретаря Матвея Воскресенского. При учреждении г. Ардатова секретарь этот взял будто бы для просмотра у кужендеевского священника хранящиеся в церкви бумаги, но оставил их у себя, не возвращая назад. С этого времени владение Гольцовых начало переходить к заводу Баташевых, кои за лес прежним владельцам давали понемногу иногда вином, а иногда и деньгами. А генеральное межевание оставило все имение Гольцовых за Баташевыми. Впрочем, и после потопки Гольцовых считали жалованный некогда лес своим и хотели даже возвратить его, но без актов не могли уже исполнить своего намерения. К этому прибавляют, что когда Баташев призвал священника для освящения на-

³⁵ *Индей* происходит от мордовских слов: *ин* — весьма и *тиима* — делать, по-русски значит — сильно или весьма много действующий.

³⁶ *Сиязма* происходит от *сия* — серебро и значит — серебряная.

³⁷ Этот потомок известного по преданию царского проводника Гольцова находится теперь в бедном состоянии и занимается частью звероловством, а частью — хлебопашеством.

³⁸ Копия с одной выписи найдена у кужендеевского крестьянина. Начало ее помещено в замечании 13. В с. Моляксе, по преданию, находились также замечательные грамоты от времен Иоанна Грозного, но и эти акты затерялись у соседних владельцев, коим даваемы были от моляксинских священников. Теперь разве можно находить некоторые бумаги, относящиеся к походу Иоанна IV чрез Ардатовский уезд, во Владимирской духовной консистории, куда они пересылались, или в заводских конторах: Выксунской, Илевской и Гусевской, если только они не были истреблены пожаром.

чальных работ Велетминской заводской плотины, то потомки Гольцовых с товарищами напали на бывших тут людей, разогнали их и едва не разорвали одежду священнических, так что церемонию после должны были совершить уже под надзором воинской команды. Самое село Кужендеево вместе с Гольцовыми, бывшими прежде в числе экономических крестьян, по именному указу 25 апреля 1792 г. было пожаловано тайному советнику Соймонову.

Кроме Калейки, Кужендея, или Гольцова, был ли кто проводником Иоанна IV по Ардатовскому уезду — ясного предания не сохранилось. Говорят только, что Гольцов имел разных товарищей для сопровождения царя с воинством, но кто были они — неизвестно. Может быть, они не были столь замечательны и действовали под руководством одного руководителя Гольцова. Впрочем, из рода же Гольцовых рассказывают, что товарищем их предку был некто из дер. Тоторшево³⁹ Пятрушка Щугляев, вслед за царем проважавший левый отряд войска.⁴⁰ Такое предание можно считать вероятным, потому что войска Грозного занимали тогда широкое пространство земли верст на семь или более. И в левой стороне описанного нами царского пути, верстах в шести, есть два мара, где прежде были лесные поляны.

Все эти предания о проводниках Иоанна Грозного подтверждаются и объясняются жалованной царской грамотой, сохранившейся в селе Выксунского завода. Грамота дана царем проважавшему его под Казань мордвину села Кужендеева Ивашке Кильдяеву, прозванному Дружиной.*

2. В Арзамасском уезде

Из Ардатовского уезда путь Иоанна Васильевича лежал к Арзамасу и сначала к тем селениям, кои находились от него на запад и юго-запад. В числе таковых селений первые упоминаются Семеново и Абрамово.

О первом селении, отстоящем в 17 верстах от Арзамаса на запад, предание подтверждается тем, что в старинных актах южная и юго-западная части Арзамасского уезда разделены были на три царских стана: Ичаловский, Ирженский и Тёшный. Первый стан ныне принадлежит к Ардатовскому уезду и находится около упоминаемого уже нами села Ичалова, лежавшего на царском пути. Второй стан — Ирженский находился на нынешнем Московском тракте в с. Семенове с его окрестностями. Доказательством этому служит то, что р. Иржа, по коей назван и самый стан, от Семеновской церкви отстоит не более как на пять сажен. А приняв во внимание то, что церковь в Семенове существует с незапамятных времен и имеет при себе 24 десятины писцово́й земли, можно думать, что первая Семеновская церковь близ р. Иржи построена была на самом месте Ирженского царского стана или по крайней мере в память его. Этот стан у летописца зовется «четвертый на поле, на Ирже».

К четвертому также стану царскому принадлежит и с. Абрамово, находящееся в 10 верстах на запад от г. Арзамаса близ Московского тракта. В этом селении есть предание, что будто бы из жителей его пять человек

³⁹ О дер. Тоторшеве есть у мордвы песня, в которой представляется богатый мужик Вачайка (голодный), а дочь у него Саманька (пришлая). Эта дочь, по сказанию песни, будто бы хвасталась взять Казань, а потому и вызвана была туда и там взорвала осаждаемый город, подложив под него пороху 50 бочонков с бочонком. За такую услугу — взятие осаждаемой будто 7 лет Казани — Саманька пожелала только того, чтобы царь позволил лицо свое (на монетах, — *З. В.*) колоть и на лбах носить. Что заключается в таком мордовском предании — определить трудно.

⁴⁰ Щугляев происходит от мордовского слова *щотляй* — щеголлиный.

* «Далее следует рукопись под № 25», — пишет Миролубов, по-видимому имея в виду копию жалованной грамоты.

мордвы, вероятно крещеной, выходили к царю навстречу с хлебом и солью и представлялись ему у оврага Кавлея⁴¹ между нынешними селами Бестужевым и Кавлеями, верстах в 10 от Абрамова. За такую встречу и поздравление все пятеро получили будто бы от царя по благословенному образу. Кому достались все эти иконы — неизвестно. Известно только об одной иконе, которая доселе хранится в потомстве у абрамовского крестьянина Максима Сидорова. Образ этот, как видно, был в серебряном окладе, только самом тонком. Теперь от оклада остались одни небольшие лоскутки, но лики изображенные доселе сохранились в целости. Царский образ (т. е. икона) представляет двух лиц: святителя Николая и Иоанна-воина.

К пятому царскому стану, находившемуся, по сказанию летописца, на р. Авше, текущей к югу от Арзамаса, принадлежат, по преданию, три селения: первое — село Кавлеи, Скорятино тож. Оно находится в 14 верстах от Арзамаса к юго-западу. В этом селе основание церкви относят ко временам Казанского похода. Рассказывают, что по приказанию Иоанна IV устроена была первая в Кавлеях церковь. Основанием этому преданию может служить то, что к церкви Кавлейской неизвестно кем приписано издревле жалованных 130 десятин земли. Эта-то земля, известная у туземцев под именем «земли поповой», лет 55 тому назад отнята у кавлейских священнослужителей происками одного бестужевского жителя. Полагают за верное, что земля сия есть дар Иоанна Васильевича Грозного, проходившего на Казань чрез село Кавлеи. Вместе с этим рассказывают, что царь из села Кавлеи ходил и на то место, где ныне г. Арзамас, а проводником у него был некто татарин Лямас.

Из Кавлей путь царский лежал на село Ивановское, находящееся в трех верстах от Арзамаса на юг. Об этом селе рассказывают, что церковь в нем первоначально основана по повелению царя Иоанна Васильевича. В доказательство этому указывают на главный престол, посвященный издревле святому Иоанну Богослову. Чем ознаменовано царское посещение самого Арзамаса, основанного в начале XV столетия на месте разоренного города Эрзы, одного из меньших колен мордвы, только что покоренной под московскую державу, — на это нет ясных следов. Впрочем, два больших образа в Арзамасском Воскресенском соборе: первый образ воскресения Христова, а второй великомученика Иоанна-воина, по преданию, считаются дарами шедшего против Казани Иоанна IV. Ко временам царского похода против Казани относится и устройство прежнего города Арзамаса, и основание в нем как собора, так и Спасского мужского монастыря, близ коего жили некогда повторяемые в устных преданиях Ерзя и Мась.

От окрестностей Арзамаса путь Иоанна Васильевича лежал на юго-восток. На этом пути, известном доселе, встречается село Кобылино, Никольское (Мисюрево тож, или Мисюриха)⁴² в 27 верстах от г. Арзамаса на юго-восток по нынешней Пензенской дороге. Оно принадлежало к одному из станов, коими шел Иоанн IV против Казани. Этот стан известен в древних актах под именем Тешного, куда принадлежало и Кобылино, названное Мисюревым с 1621 г., когда оно подарено было от Михаила Федоровича Мисюрю Мансурову за службу при защите Москвы от поляков, — не городище и не село, уже существовавшее и называвшееся Кобылиным, которым Мисюрь владел и прежде, а земля, находившаяся дотеле у Мисюря в излишнем завладении. От пожалованной особы, вероятно, про-

⁴¹ *Кавлей* — от мордовских слов *кал* — рыба и *лей* — дол и значит — рыбий дол.

⁴² Мисюрево происходит от мордовских слов *мись* — продал и *юрав* — корнистый и порусски значит — село, в коем продано корнистое место, а если относить к владельцу Мисюрева, то значит — продал корнистое место.

изошли две дворянские фамилии: одна — Мисюрей, другая — князей Мансуровых. Из первой фамилии Евдокия Герасимовна Мисюря в 1662 г. погребена в Арзамасском Спасском монастыре, как свидетельствует надгробный камень с надписью; а другая фамилия — князей Мансуровых — существует и ныне. Невдалеке от села Мисюрева, на правом берегу р. Тёши, есть место, называемое Городищем, где, по рассказам старожилов, найдены были разные монеты и хозяйственные орудия, даже кости человеческие. Этих давних жителей относят к татарскому племени и доказывают тем, что с. Мисюрево, или Мисюреха, получило название от владельца Мисюря: либо татарина, обратившегося в христианство, либо татарского потомка; а Кобылиным село названо потому будто бы, что прежние жители его употребляли в пищу лошадиное мясо. Грамотою царя Михаила Федоровича, данною 1621 г., пожаловано Мисюрю.

Что касается до маров, или курганов, оставшихся от похода Иоанна IV против Казани, то эти земляные насыпи в Арзамасском уезде указываются по направлению от запада на восток с поворотом к северу при селениях: 1) Бестужево, в дачах дер. Панфиловки, в 17 верстах от Арзамаса на юго-запад; 2) Постниково, в дачах дер. Дардиково, в 20 верстах на юг; 3) Хирина, в дачах дер. Корино, в 35 верстах на юго-восток; 4) Верхних Печерках, в дачах дер. Чапары, в 57 верстах на восток; 5) между селами, подведомственными Арзамасскому духовному правлению, Юрьевом и Гагином Сергачского уезда близ дороги, в 75 верстах от Арзамаса на северо-восток. Места всех этих указываемых насыпей согласны и с планами, указываемыми летописцем; а самые насыпи величиною вообще до двух аршин вышины и от трех до шести сажен длины и ширины.

В смежности с селом Мисюревом находится село Архангельское, Кобылино тож, в 28 верстах от Арзамаса. Это селение, по преданию, ознаменовано было сражением с напавшими на царя Грозного татарами, кои обитали в то время на нагорной и лесной сторонах р. Тёши. По рассказам помещика Василия Николаевича Левашева, основанным на актах, хранящихся в герольдии, воинский отряд Иоанна IV, предводимый Петром Васильевичем Левашовым, встретил тут сопротивление от местных татар. Но под предводительством Левашова победа над татарами была одержана. За сию-то победу царь пожаловал Левашову населенное русскими место сражения, с городищами и селищами татарскими, и тогда же на месте сражения основал каменную церковь. Теперь этой церкви уже нет; впрочем, у господ Левашовых доселе хранится копия плана и фасада с прежней государевой церкви, замечательной по размеру и устройству. Длина церкви внутри, кроме алтаря, как видно из оставшейся копии, была 8 аршин, а высота с фундаментом и кровлею 7 аршин, ширина — три с половиною аршина. Во всей церкви было только 4 окна. Над трапезною возвышался черепичный купол с главою и крестом на пять с половиною аршин. Эта церковь существовала с небольшим изменением до начала текущего столетия. От нее остались на стенах одни царские ворота мерою в вышину два с половиною, а в ширину полтора аршина.

На восток от Архангельского пути Иоанна Васильевича встречались селения Шатки и Дубенское. Село Шатки, ознаменованное царским походом, от г. Арзамаса отстоит в 30 верстах на юг. Рассказывают, что первая церковь в Шатках построена была в память перехода чрез них царя Ивана Васильевича. По преданию, он проходил со своим воинством или самим селом Шатками, или же в самом близком от него расстоянии. Такое предание основывается на том, что: 1) самое село Шатки в старых актах именуется Шатковскими воротами, Никольское тож. А сие наименование относят здесь к тому, что будто за Шатками открывался царю путь (вороты) уже по степям, или же лесной, только менее затруднительный;

2) предание подтверждается и тем, что верстах в шести от с. Шатков, далее на юго-восток, доселе уцелели земляные насыпи, делаемые войсками Грозного. Эти курганы, время от времени сглаживаемые, виднеются между селом Хирино и деревней Корино в 35 верстах от Арзамаса. Близ Шатков на царском пути лежало с. Дубенское, находящееся в 30 верстах от Арзамаса также на восток.

По преданию, в этом самом селе царь с воинством имел стан. Это подтверждают тем, что 6-й стан от Мурوما летописцем назначается на р. Кевсе, а р. Кевса протекает самым селом Дубенским. Село это должно быть на тракте у царя и потому, что он с войском из Ардатского уезда до р. Пьяны шел с юга на север; а на таком пути непременно должны были встретиться селения Шатки и Дубенское. В этом последнем селе есть еще предание, что будто Иоанн IV в двух верстах от него близ озера поставил мраморный столбик вышиною в два аршина, а шириною в верхнем конце в четыре вершка, и при нем образ Введения Божией матери в 10 вершков вышины и в 9 вершков ширины. Озеро, сделавшееся ныне болотом, от святой иконы с тех пор носит название «Введенского куста», а самая икона с мраморным столбиком взяты в Дубенскую деревянную церковь, устроенную, как говорят, вслед за царским походом. Ныне образ Введения Божией матери, как храмовой, стоит в местном иконостасе, в серебряной позлащенной ризе, с жемчужными привесами и камнями в венчиках. А мраморный столбик стоит вроде подсвечника пред резным изображением Спасителя, сидящего в темнице; к верху столбика приделана бронзовая отбеленная плоская чаша с шандалами для поставления свеч. Против достоверности этого предания можно заметить разве то, что царь Иоанн IV в походах едва ли возил с собой подобные столбику памятники для ознаменования своих станов. Обыкновенные памятники его станов — мары или курганы. Да и самого мрамора нет ни в Дубенском, ни в его окрестностях — кроме села Барнукова, принадлежащего к Княгининскому уезду. Имея это в виду, можно думать, что мраморный столбик поставлен у озера кем-либо после Иоанна IV в память явленного образа или даже в ознаменование царского стана, а не самим царем. Впрочем, в предании туземцев такой догадки не встречается.

Из с. Дубенского Иоанн Васильевич пошел прямее на Казань. И на этом поворотном пути лежало у него с. Возьян,⁴³ отстоящее от Арзамаса в 26 верстах на северо-восток. В этом-то селении с его окрестностями должно отыскивать те царские станы, кои у летописца называются «седьмым на озере на Икше и осьмым на озере, не дошед Пьяны-реки». Что касается до построения первой церкви в Возьяне, то оно неоспоримо приписывается Иоанну Васильевичу IV. Это предание ясно подтверждается подписью на царских воротах, сделанною помещиком Лопатиным: «Сии царские двери с прочими святыми иконы предстоящими, древнего письма, пожалованы от великого государя-царя и великого князя Иоанна Васильевича во время шествия Его Величества в 7062 г. на Казань и поставлены были в новопостроенную их Величеством клетчатую⁴⁴ церковь во имя Николая-чудотворца в с. Возьяне, при первом помещике онго села Приваторхе Лопатине; а ныне собраны и поставлены в сию божию церковь триех вселенских учителей при последнем помещике той фамилии Григорье Осиповиче Лопатине в лето господне 1773 года». По устройству царские ворота дере-

⁴³ По производству одних *Вазьян* — от мордовского слова *Вазтелец* и значит — село телячье, а по другим *Возьян* значит будто бы озеро.

⁴⁴ Доселе у возьянцев прежняя возьянская государева церковь зовется, по преданию, клетчатая. Возьян и доселе стоит на большом проселочном проезде из Арзамаса в Казань.

вянные, гладкие, с древнею иконописью, коею изображены вверху, или полукружии, Благовещенье пресвятыя Богородицы, в середине Василий Великий и Иоанн Златоустый, по сторонам Николай-чудотворец с священномучеником Власием и мученики Флор и Лавр. А над всеми этими изображениями вверху в малом виде представляются Спаситель и Божия мать; внизу же святых врат находится и самая надпись. Впрочем, подобная надпись, по преданию, была и прежде 1773 года и г. Лопатиным возобновлены только потускневшие краски как на самых царских вратах, так и на древних иконах. Подобного содержания другая надпись имела и под древнею иконою святителя Николая, которую предание несомненно почитает даром Иоанна Грозного. Икона сия, стоящая ныне за правым клиросом, вышиною в один аршин и 11 вершков, а шириною в один аршин и семь вершков. Ныне эта древняя икона по усердию помещицы Елизаветы Зиновьевой украшена сребропозлащенной ризою весом в один пуд, восемь фунтов и 93 золотника.

К пожалованным царским иконам в Возьянской церкви, по преданию, относятся также: 1) образ нерукотворного Спаса, поддерживаемый ангелом; 2) образ Владимирские Божией матери — обе иконы одинаковой меры, вышиною в полтора аршина, а шириною в один аршин. Третий образ Иоанна Предтечи с крыльями, держащего в шуйце главу на блюде с хартиною, а десною рукою указывающего на оную; внизу по углам иконы усекновение и обретение его главы. Все три иконы стоят в ряду местных икон.

Согласно с описанием летописца, седьмой и восьмой станы должны быть под селом Возьяном как потому, что, по уверению всех туземцев, близ Возьяна в старину было большое озеро с островами, коего название неизвестно и которое, теперь будучи подернуто илом, поросло травой и частью превратилось даже в материк. В подтверждение последнего предания говорят, что и самое слово Возьян по-русски значит озеро. Кроме этих двух указаний, соответствующих седьмому и восьмому станам летописца, прибавляют, что царь Иоанн IV под Возьяном крестил живших тут татар, а о построении им Возьянской церкви упоминается даже в одном старинном крепостном акте господ Лопатиных.

От Возьяна 30 июля царь с своим войском проходил ближе к реке Пьяне,⁴⁵ чрез село Ивашкино, которое находится в 33 верстах от Арзамаса на северо-восток. А в селе Успенском на восток от Возьяна, по преданию, положена царем икона Успения Божией матери. Прежнее село Успенское, а ныне деревня, принадлежит к селу Медынцеву, находящемуся в 27 верстах от Арзамаса на восток. А жалованная царем икона стоит ныне в церкви села Воронцова.

Наконец, из селений Арзамасского уезда остается упомянуть о Малой Акшени,⁴⁶ находящейся в 40 верстах от Арзамаса на восток к Княгининскому уезду. Неизвестно, дальше ли восьмого стана, упоминаемого летописцем, или ближе его на пути Иоанна IV лежало село это; только известно по преданию, что первое основание в нем деревянной церкви положено Грозным во время похода его против Казани.

⁴⁵ Об самой реке Пьяне передают, что она получила такое название от Грозного, который нарек ее так потому, что течение ее довольно прилучистое, подобное будто бы идущему пьяному человеку. Впрочем, есть и другое, гораздо более древнее предание о названии р. Пьяны. Она названа так будто бы после победы, одержанной 2 августа 1377 года ордынским царевичем Арапшею над войсками великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича во время их разгульного потешения. Отсюда и прежняя пословица: «За Пьяной люди пьяны».

⁴⁶ Акшень — от мордовского слова *акша* — белый и значит — село Белое.

В Малой Акшени, как гласит предание, имел он дневной роздых. В память этого, по любви к местоположению, царь прежнюю деревню переименовал селом; основал здесь деревянную церковь и на содержание церковного причта пожаловал 280 десятин земли, большей частью лесной, а после уже несколько обращенной в пахотную. Из этого владения доселе остается за акшенским причтом 118 десятин земли. В этом числе селидебной считается три, пахотной и луговой — 66, лесной — 45, болотистой и каменистой — 4 десятины. Об этой жалованной царем земле упоминается, как говорят, и в крепостных актах помещиков.

Таковы предания и памятники в Ардатовском и Арзамасском уездах о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного против Казани. Имя его памятно здесь для всех взрослых, особенно для стариков, любивших слушать и рассказывать про старину. Оно упоминается и в песнях, сложенных собственно в похвалу царя и его знаменитого окончательного похода против царства Казанского. Выписываем одну из этих песен, которую можно слышать и в Ардатовском, и в Арзамасском уездах, особенно в селениях, коими проходил Иоанн IV с своим воинством. Вот она.

Грозен был воин, чарь наш батюшка,
Первый чарь Иван Васильевич:
Сквозь дремучий лес с войском-силою
Он прошел в страну Татарщину;
Себе царство взял Казанское,
Господарство Астраханское;
Вывел Перфила из Новагорода,
Не вывел измену в каменной Москве.
То царское сердце разгорелось
Пуще огня, луще поломя.
Вот сказал он речью громкою:
— У меня есть-де всяки мастера,
Есть такие разные дохтуры.
Но все прячутся: старый за малого,
И хоронятся: малый за старого.
А один из них лишь не прячется —
То Малютка-палач, то Гурбатов-сын.⁴⁷
— Ну, поди-ка сюда, гой, Гурбатов-сын,
Сослужи-ка небось службу верную,
Службу верную, неизменную;
Во палаты ступай — в царски каменные,
Взяв царевича там за черны кудри,
Распоясни с него шелковой пояс,
Золотой перстень сними с правой руки,
Отведи самого на Москву на реку,
Впрямь на место на то, место лобное,
И на плаху на ту, что на липовую,
И сними там с него буйну голову;
А мне к явке подай саблю острую,
Саблю острую в горячий его руде.⁴⁸
И увидел то Федор Иванович,
Федор Иванович, Пожарской сын,
Из косящита из окошечка.
Пропустивши царя вдоль по улице,
Вдоль по улице, вдаль от терема,
Как воскликнет он ко Гурбатову:
— Ой ты, гой еси, Гурбатов-палач!
Не за свой ты кус принимаешься,
Сам куском таким подавишься.
И Пожарский позвал слугу верного,
Слугу верного, свою стряпчего,
Свою стряпчего, что не лучшова,

Что не лучшова свою ключника.
«На, сними, — он сказал, — с него
голову,
Снеси саблю к царю в горячий руде,
А к царевичу не причастуйся».
Вот наутро царь Иван Васильевич
На поминки собрал поголовно народ:
Он бояр повелел во медвежны шивать,⁴⁹
Во медвежны шивать, по Москве-реке
пущать;
А попов приказал во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москве-реке пущать,
Что царевича не защуняли.
Вот съезжаются все в платье черным,
В платье черным, во печальным;
А едит лишь Федор Иванович,
Федор Иванович, Пожарской сын,
Пожарской сын в наряде цветном,
В наряде цветном, в ярком золоте,
И кони его все обряжены,
Все обряжены, что не лучшие,
А веселье в самом так и светится.
Вот увидел его царь Иван Васильевич,
Как воскликнет громким голосом:
— Ой ты, гой еси, Федор Иванович,
Федор Иванович, Пожарской сын!
Аль об горе моем ты не сведался,
Что срядиться посмел, словно
в радостный пир?
А Пожарской сын отвечает царю:
— Я, батюшка-царь, все в отлучке гулял,
Все в отлучке гулял, за охотою,
И поймал сокола, что ни лучшава,
Что ни лучшава, тебе ближнева,
То Дмитрия Ивановича.
И возрадовался царь, и ответил ему:
— Уж ты, гой еси, Федор Иванович,
Федор Иванович, Пожарской сын,
Ведь не мне бы царем, а тебе должно
быть:
Ты умел соблюсти царски семени.

⁴⁷ Вероятно, что под Малюткою Гурбатовым-сыном надобно разуметь Малюту Скуратова, хотя и были у Иоанна IV полководцы из рода Горбатовых.

⁴⁸ Рудой и доселе у крестьян называется кровь.

⁴⁹ Медвежнами зовутся здесь медвежьи шкуры, в кои облакали преступников.

3. В других уездах Нижегородской губернии

Что касается до других уездов Нижегородской губернии, чрез которые проходил также Иоанн IV с войском на Казань, то в них не осталось таких преданий, какие находятся в уездах Ардатовском и Арзамасском. Да и оставшиеся предания в прочих уездах менее определенны и относятся не к одному последнему походу, а вообще к походам Грозного против Казани. Впрочем, для полноты рассказа укажем и на эти оставшиеся предания. (Далее следует рукопись под № 21).*

Нижний Новгород 9 августа 1849 года

ПРЕДАНИЯ О ПЕРВЫХ ПОХОДАХ ИОАННА IV ПРОТИВ КАЗАНИ ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Известно, что Иоанн IV в Нижнем Новгороде был три раза: в первый раз был 1548 года с 25 января по 2 февраля, в другой раз 1550 года с 18 до 23 января, а в третий раз по взятии г. Казани в 1552 году 14 и 15 октября. В первый раз своего пребывания в Нижнем он выступил отсюда в поход в праздник Сретения господня. Путь его сначала лежал по правую сторону р. Волги, почти по нынешнему Казанскому тракту. Отправившись из Нижнего после обеда, он дошел только до Ельни и здесь ночевал. Впрочем, ночлег его был не в селе Ельне, а в дер. Малой Ельне, стоящей на берегу Волги. Поутру 3 февраля он дошел до приволжского села Работок Нижегородского также уезда. Но по случаю оттепели Иоанн лишился многих ратников, провалившихся в Волгу со всеми их орудиями. Оттого принужден был остановиться в Работках и ждать морозов. Целых три дня ждал он в Работках, проливая слезы, и в досаде возвратился назад.

Вероятно, к первому походу относится предание о подарках, подносимых от мордвы Иоанну IV. Пробираясь к Нижнему Новгороду, он увидел будто на Дятловых горах, примыкающих к самому городу, молившую по-своему мордву. Это было поводом к подаркам, кои получила мордва от царя, а царь от мордвы, и к тому порабощению, по коему мало-помалу стала переходить нижегородская мордва под русскую державу. Впрочем, предание сие вероятнее всего относится ко времени великого князя Андрея Боголюбского против волжских болгар. В XVI веке не могло быть в Нижнем того, о чем упоминается в мордовской песне.

Другие воспоминания о Грозном остаются известными только по синодикам Нижегородского Печерского монастыря, где записаны несколько человек, павших под опалю Грозного и его опричнины. Кроме этого, о пребывании Грозного в Нижнем Новгороде не осталось никаких преданий. Некоторые из них сохранились по уездам, где проходил Иоанн IV. Предания эти подтверждаются даже и памятниками.

Есть предание, что Иван Васильевич останавливался близ с. Лыскова, где находятся так называемые Оленьи горы. Стан его был недалеко от Лыскова близ самой Волги Макарьевского также уезда в с. Исадах. Место сие, находящееся под горою, ему понравилось. Он водрузил здесь крест с тем, чтобы построить тут храм и перевести сюда жителей. Построенная церковь была дубовая. До 1764 г. село Исады известно было под именем Архидиаконской пустыни, находившейся в заведовании Ма-

* Как уже указывалось, рукопись № 21, о которой дважды упоминает Миролюб, нами не обнаружена.

** Поскольку данный раздел в рукописи № 75 отсутствует и обнаружить его не удалось, он печатается по второй редакции статьи № 142, архив РГО, колл. XXIII.

каръевского Желтоводского монастыря, к коему приложена она Борисом Морозовым.

Макаръевского также уезда близ с. Колычева на южной стороне доселе остаются в целости два мара, отстоящие друг от друга сажнях в 20. По общему преданию окрестных жителей, мара сии насыпаны ратниками Ивана Грозного во время шествия его под Казань по горной стороне Волги. Из этих двух курганов один большей, а другой меньшей величины. О первом говорят, что он насыпан войском, шедшим под Казань, а другой насыпан на возвратном пути из Казани. К этому прибавляют, что первый насыпан воинами по одному рукавичному напалку, а другой по целой шапке, выражая сим многочисленность шедших под Казань и малочисленность возвращавшихся оттуда. О селе Рознежье Макаръевского уезда известно только то, что основателем его был будто бы татарин Рознега, провожавший Иоанна IV с войском под Казань.

По Княгининскому уезду предание о походах Иоанна IV осталось в с. Инкино. Село это до покорения Казани населено было татарами, жившими под предводительством своих князьков. В первой половине XVI века прибыл из Швеции в Россию некто Яган-Астаф. По принятии христианской веры он назван был Иваном Астафьевым и сначала служил при царском дворе стремянным, а потом стольником. За такую службу даны были ему крестьяне сперва во Владимирской, а потом в Нижегородской губерниях. Сопроводя Иоанна IV под Казань и осматривая окрестности нынешнего села Инкина, Иван Астафьев захотел поселить здесь на болотах своих крестьян. Самое селение получило название свое от обитавшего здесь татарского князька Инки. Впрочем, последним князьком, как говорят, был Ботька, от коего и доселе место занимаемой им горы называется Ботьковым. Когда царь останавливался со своим войском близ Инкина, то приказал каждому ратнику снести по горсти земли в одно место, отчего образовался довольно большой мар, скрытый уже в недавнее время. Ко времени также похода Казанского относится следующий рассказ.

Однажды царь Иван Васильевич ездил куда-то на охоту с Иваном Астафьевым. Кони завезли их в непроходимое болото. Царю предстояла опасность погибнуть. Желая услужить ему, Астафьев взял его и вынес на себе в безопасное место. «Не будь ты Иван, — сказал после того царь Астафьеву, — а будь мне Родивон; чем наградить тебя?» «Не надо мне, — отвечал Астафьев, — ни крестьян твоих, ни золота, ни серебра, а вот какая у меня до тебя просьба: в одном месте около Инкина недостает у меня земли, пожалуй мне ее». Царь за его услугу вскоре дал ему жалованную грамоту на владение землею. Эта грамота хранилась у потомков Астафьева, владельцев с. Инкина, но в недавнее время затеряна.

Вероятно, ко времени также похода Казанского относится и тот рассказ, что будто Иоанн IV, проезжая от с. Инкина верстах в двух на полдень, лишился своего любимого коня. Место сие, где пал его конь, и доселе слывет под именем Царь-конь.

Кроме Макаръевского и Княгининского уездов осталось предание о походах Иоанна IV и в Сергачском уезде. Именно в с. Архангельском или Ветошкине царь, проходя с войском под Казань, приказал взять копию с подлинной Тихвинской иконы Божией матери и привезти сюда, потому, что местоположение Успенского храма, где был мужской монастырь, показалось ему весьма сходным с местоположением г. Тихвина. Храм Успенский и доселе остается цел, только без совершения службы, а икона перенесена верст за шесть от храма в Предтеченскую церковь села Ветошкина. Предание подтверждается двумя марами, доселе остающимися близ упраздненной Успенской церкви. В Сергачском также уезде на пути своем в Казань Иоанн IV был на том месте, где стоит ныне с. Андосово.

Предание сие подтверждают тем, что в 10 верстах от Андосова к югу, где было некогда с. Троицкое¹ и где находится теперь одна старая деревянная церковь в честь Тихвинской иконы Божией матери, построен женский монастырь Иоанном IV на возвратном его пути из Казани. На стан Грозного указывают мары близ р. Пьяны и дер. Ломакина, принадлежащей к приходу села Покрова. Об этих марах говорят, что они насыпаны воинами царя Иоанна IV. Наконец, Сергачского также уезда с. Сакмы лежало на пути Ивана Васильевича под Казань. Предание сие подтверждают тем, что в Казанской церкви этого села доселе хранится приложенная царем икона Можайского Николая-чудотворца в сребропозлащенной ризе и с вынизанною жемчугом епитрахилью. С. Сакмы и доселе слывет под именем Никольского погоста. Потому здесь был основанный тем же царем Никольский мужеский монастырь, под который пожертвовано было земли 300 десятин.

ПЕСНЯ В ВОСПОМИНАНИЕ ПОХОДОВ
ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО ПРОТИВ КАЗАНИ

Среди лета красного шелкова трава не возросте.
 Как у нас было на святой Руси
 Православной царь на помысли:
 Он думает крепкую думушку,
 Никому думы не поведает.
 Перед ним был малый юныш,
 Офицерский сын лет двенадцати.
 Взговорит он царю белому, тому грозному
 Царю Ивану Васильевичу:
 «Батюшка ты наш, православной царь!
 Не прикажи меня казнить, вешати,
 Прикажи пред собой речи говорить.
 Что ты у нас, батюшка, все задумавшись?»
 Взговорит ему православной царь:
 «Ой еси ты, молодой юныш!
 У меня, царя, большая заботушка:
 Захотелось царю Казани-городу,
 А не знай, как Казань-город взять.
 Мы боем пройдем — не исправимся,
 Обманом — не догадаемся».
 Взговорит ему малый юныш:
 «Ой ты, батюшка наш, православной царь,
 Иван грозен Васильевич!
 Ты сбри-ка свою силу войскую;
 Давай выступим мы во чисто поле
 До украинного Нижнего городу;
 В Нижнем городе остановимся,
 За реку Волгу переправимся.
 За рекой Волгой всё леса дремучие;
 Там живут люди неверные —
 Всё чуваша с черемисами.
 Тамо нет у них большой дороженьки.
 У родимого государя моего батюшки

¹ При этом селе был Троицкий монастырь, существовавший со времени похода Иоанна IV на Казань. Из оставшегося синодика видно, что основателем Троицкого монастыря был схимонах Мина, а самый монастырь принадлежал к Владимирской епархии.

Тамо есть большая надежинька —
Рознега-черемисянин.¹
Провести он хотел через темны леса
До Казани, славного городу.
Близ Казани остановимся,
Во темном лесу укоронимся.
Мы станем думу думати,
Как нам во Казань взойти.
Поведем подкоп ночным бытом
Под Казанку, под Булат-реку.
Накапаем мы туда пороховой казны,
Изорвем и<х>ну стену каменну,
Зажигать пошлем виновника».
Злы татары догадалися,
Выходили на белу стену,
Отсылали царя белого
В матушку каменну Москву:
«Не возьмешь наш Казань-город!»
Из подкопу государева
Выходили два виновника,
Выносили свечи сальные, угасимые.
Разгневался православный царь
На своих злых виновников,
Вынимает саблю вострую. . .
Взговорит молодой юнш:
«Батюшка, православный царь!
На ходу свеча скорей горит,
А стоячая доле топится».²
Загорелася порхова казна,
Изорвала стену каменну.
Взрадовался православный царь
И взошел в Казань-город
К самому хану татарскому
С Рознегой-черемисянином.³
Проклажались⁴ они двадцать два числа.
Он Рознегу спрашивал:
«Рознега мой, черемисянин!
Хорошо ли жить в станках королевских?»⁵
Взговорит Рознега-черемисянин:
«Батюшка, православный царь!
Хорошо жить у самого царя,
Еще лучше — в сыром бору у нотья!⁶
Близ царя — близ смерти,
А в сыром бору я сам большой».

Архив РГО, колл. XXIII, № 86.

¹ Рознега-черемисянин, по преданию, признается основателем села Рознежья Макарьевского уезда Нижегородской губернии, где и поется крестьянами вся эта песня. От него-то, как говорят, получило и наименование свое село Рознежье.

² Топится вместо — теплится.

³ О Рознеге доселе остается местное предание, что он провожал Ивана Грозного под Казань.

⁴ Проклажались вместо — прохлаждались или забавлялись, утешались.

⁵ Станками королевскими названы чертоги или царские палаты.

⁶ Словом нотьё обозначается несколько сплоченных между собою смолянистых кряжей, соединенных посредством пазов в виде тростника. Их зажигают в лесу на ночь для произведения тепла и для прогнания овода.

В. Ф. ПАВЛОВА

НОВЫЕ ЗАПИСИ БАЛЛАДЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Историческая баллада эпохи Московской Руси об Иване Грозном и Домнушке относится к числу тех редких фольклорных произведений, о которых науке до последнего времени не было известно. Впервые она была обнаружена в рукописи А. Титова середины XIX в., относящейся к Арзамасскому уезду Нижегородской губернии.¹ В живом бытовании ее слышали в 1956 г. сотрудники русской фольклорной экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР в с. Архангельская Слобода Новошешминского района Татарской АССР. С голоса было записано два варианта баллады.² В 1966 и 1967 гг. было сделано два выезда в Архангельскую Слободу и зафиксировано еще пять вариантов «Домнушки» (местное название песни).

От Нижегородской баллады «Домнушка» отличается не только меньшим объемом (варианты ее колеблются от 22 до 46 строк), но соответственно и содержанием. Встреча в церкви Грозного с Домнушкой в Нижегородской балладе представляет собой лишь краткий эпизод, хронологически предшествующий основным событиям, в то время как эта встреча и составляет основное содержание «Домнушки».

В центре внимания — смелая девушка, отстаивающая свободу и искренность своего чувства. В некоторых вариантах любовно описывается ее внешность в духе традиционных свадебных песен, величающих невесту.³ Уважение народа к героине подчеркивается прибавлением к ласковому ее имени отчества Перфильевна.

Быть может, в этом можно найти объяснение того, что «Домнушка» входит исключительно в женский репертуар. А. Г. Барсукова вспоминала, что «Домнушку» особенно любил слушать ее отец Григорий Андреевич, большой любитель и знаток песни. Слушая ее, он плакал, но сам никогда не пел эту «бабью» песню. В Слободе нам указали «славушего» песельника А. С. Новикова, 70 лет. «Домнушку» он не знал и сказал так: «Тревожная песня. Бабы которые ее знают».

Отчетливая композиция, небольшой объем баллады определили устойчивость ее содержания, о чем мы можем судить по наблюдениям на протяжении свыше десяти лет.

Сотрудникам экспедиции удалось установить, что баллада о Грозном и Домнушке живет только в Архангельской Слободе. Население близких и более далеких от Слободы сел ее не знает. Это позволяет сделать пред-

¹ Народные баллады. Сост. Д. Балашов. М.—Л., 1963, с. 236—243 (Библиотека поэта. Большая серия).

² Советская этнография, 1958, № 6; альманах «Литературный Татарстан», 1959, № 1.

³ Указание на внешность Домнушки в нижегородском варианте отсутствует.

положение, что «Домнушка» связана со Слободой не только бытованием, но и, возможно, происхождением. Население Слободы, издавна гордившееся песней как творчеством своих предков-односельчан, продолжает бережно хранить ее в своей памяти. На местное происхождение баллады указывает и пентатоничность ее напева, свойственная мелодике татарских песен.⁴

«Домнушка» и сегодня продолжает вызывать интерес: на пирах и гуляньях по просьбам присутствующих ее поют знатоки. Слушают внимательно, с глубокой верой в правдивость изложенного. Достоверность содержанию баллады придает и реальный образ Ивана Грозного, песни о котором и сегодня не забыты в Казанском крае.

Несколько слов о носителях баллады, о селе, где она продолжает жить и сегодня. Наиболее полный вариант сообщила М. Н. Подопрелова, 1898 г. рождения, уроженка Архангельской Слободы, колхозница-пенсионерка. Песенный запас ее обширен, он вобрал песни как Слободы, так и дер. Лебедки, расположенной вблизи. Среди сообщенных ею 50 песен, которыми ее репертуар далеко не исчерпывается, довольно много исторических. «Домнушку» усвоила от матери. Поет ее всегда охотно, знанием баллады гордится. По количеству песен, любовному к ним отношению, выразительному эмоциональному исполнению М. Н. Подопрелова может быть отнесена к лучшим песельницам большого колхоза.

Уважаемой песельницей слывет и К. П. Быстрова. К сожалению, нам не удалось встретиться с ней еще, так как она теперь живет у сына-нефтяника. О ней нам говорили: «Только Быстрова бабушка вам скажет эту песню. Больше ее никто песен не знает».

Архангельская Слобода — одно из наиболее старых селений района. Основана она в 1763 г. отличившимися в войнах солдатами. Екатерина II отвела им земли по реке Шешме и на время освободила их от податей. Население Слободы пополнялось стрельцами из Старошешминского острога, позднее — из Казани, из-под Москвы, Петербурга. В настоящее время Слобода известна своим крупным зерноводческим совхозом имени Горького.

О населении Слободы в районе говорят как о мастерах-песельниках. Действительно, песни в Слободе знают и любят. В песенном репертуаре сохранилось довольно много песен на исторические темы («Соловей кукушку уговаривал») о взятии Казани, «Уж вы гости мои, гости любящие» (о взятии Казани), «Собирался царь Александра», «Не белы-то снежочушки» (выбор Разина атаманом), «Вздумал турок волноваться» (русско-турецкая война) и другие. Помнят их и поют «на голоса» целые коллективы. Кроме указанных песен назовем также впервые встреченную в республике песню о стрелецкой вдове, разыскивающей своего мужа (сообщила П. И. Веселовцева, 88 лет). Конечно, здесь, как и в других колхозах, бытуют и песни из кинофильмов и радиопередач, но широкий круг традиционной песни, ее хорошая сохранность и частое исполнение невольно обращают на себя внимание. Это находит объяснение, видимо, в ряде причин. Одна из них — отдаленность Слободы от путей сообщения и вследствие этого большая стабильность населения, устойчивость фольклорного репертуара.

Приведу записи баллады об Иване Грозном и Домнушке, сделанные в 1966—1967 гг. сотрудниками Казанского Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР.

⁴ «„Домнушка“ слишком необычна в смысле мелодики: очень близка татарским напевам, построена на мажорной пентатонике. В то же время по структуре и общему характеру она близка некоторым былинам, четким структурно и стабильным по темпу» (Из письма от 12 IX 68 г. музыковед М. Н. Нигаметзанова автору статьи).

1

Жила-была старица.
 Как у старицы были племянница,
 Была Домнушка Перфильевна.
 Никуда она не ходила,
 Ни к подружкам, ни на улочку,
 Только хаживала Домнушка
 Во собор богу молитися.
 Собиралась же Домнушка,
 Надевала же она
 Светло платье коленкорово.
 Становилась же Домнушка,
 Она на левом на клиросе,
 А царь Иван Васильевич,
 Он на правыем на клиросе.
 Он немного богу молился,

От П. И. Веселовцевой, 88 лет, пенсионерки-колхозницы села Архангельская Слобода Чистопольского р-на. Записана 19 VIII 66 г. Н. Малафеевой.

Все на Домнушку гляючи,
 На Перфильевну смотрячи.
 «Еще что это за девица,
 Еще что же за красавица!
 Без белил лицо белое,
 Без румян — щеки алые,
 Без сюрьми — брови черные,
 Очи ясные, развеселые!»
 Что Иван-то Васильевич,
 Он собрал девичий пир
 И стал девушку посватывать.
 А она ему на ответ:
 «Не пойду я за носастого,
 Не пойду я за глазастого,
 Не пойду я за рыжие волоса!»

2

Что была-то, жила-то
 В селе старица Юрия.
 Как у Юрии была дочка,
 Дочка Домнушка Перфильевна.
 Никуда-то она не ходила,
 Ни к подружкам, ни на улочку,
 Только ходила во собор богу
 молитися.
 Становилась же Домнушка
 Возле крылеса, возле левого.
 Что и царь-то Иван Васильевич

Становился возле крылеса, возле
 правого.
 Что не столько он богу молитися,
 Все на Домнушку гляючи,
 На Перфильевну смотрячи.
 «Еще что это за девушка,
 Еще что за красавица!
 Без белил-то у ней лицо белое,
 Без румян-то щеки алые,
 Без сурмян-то брови черные,
 Ее очи развеселые...»

Он и послал за ней сватов. А она его опозорила:

«Не пойду я за носастого,
 Не пойду я за глазастого,
 За большие глаза, за рыжие волоса».

А он велел казнить ее. Маленько подзабыла я конец-то.

От Е. Е. Бронниковой, 62 лет, колхозницы села Архангельская Слобода. Записана 6 VIII 67 г.
 В. Ф. Павловой.

3

Жила-была Домнушка Перфильевна.
 Никуда она не ходила,
 Ни к обедне, ни на улицу,
 Ни к подружкам, ни к суседушкам.
 Собиралась же Домнушка,
 Собиралась же Перфильевна
 Во собор богу молитися.
 Надевала же Домнушка,
 Надевала же Перфильевна
 Светло платье коленкорово.
 Что вставала же Домнушка,

Что на правое на крылосе.
 А Иван-сударь Васильевич,
 Он на левом на крылосе.
 Всю обедню, всю заутреню
 Все на Домнушку гляючи,
 На Перфильевну смотрячи.
 «Уж ты, Домнушка Перфильевна,
 Ты пойдешь ли за меня замуж?» —
 «Не пойду я за носастого,
 Не пойду я за глазастого,
 За твои волоса огнивчавы!»

От Д. С. Филиновой, 68 лет.
 Записана 20 VIII 66 г. В. Ф. Павловой.

4

Как жила-то была старица,
А у старицы была племянница,
Была Домнушка Перфильевна.
Никуда она не хаживала,
Ни к подружкам, ни на улочку.
Только она ходила
Во собор богу молитися.
Становилась же Домнушка,
Становилась же Перфильевна,
На левом она крылисе.
А царь Иван Васильевич
Не столько он богу молится,
Сколь на Домнушку гляючи.
Выходили же они из храма божьего,

Выходили же они на паперек.
Начал же Иван Васильевич,
Начал он Домнушку поспрашивать:
«Ты чья же будешь, девица?
Ты чья будешь, красавица?
Я возьму ли тебя за себя замуж.
Куплю ли я хмелю ярова,
Наварю я пива пьяного,
Созову я гостей званых...» —
«Не пойду я за носастого,
Не пойду за бородастого,
Не пойду я за твое больша глаза!» —
«А я тебя силом за себя возьму!»

От А. Г. Барсуковой, 69 лет.
Записана 24 VIII 66 г. В. Ф. Павловой.

5

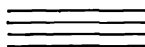
Ох, Домнушка, ты Перфильевна!
Ох, собиралась, ох, Домнушка
Во собор только богу молитися.
Да надевала же она да бело платье,
Бело платье коленкорово.
Выходила же Домнушка
На паратнее она только крыльцо...

От А. Ф. Апраксиной, 80 лет.
Записана В. Ф. Павловой.

Любопытной оказалась повторная запись «Домнушки», сделанная от М. Н. Подопреловой в 1966 г. Она дополняет запись 1956 г. и в какой-то степени приближается к исходному тексту баллады.

«Что жила-то была старица,
Как у старицы была племянница.
Как у старицы была племянница,
Была Домнушка Перфильевна.
Никуда она не ходила,
Ни к подружкам, ни на улочку.
Собиралась-то Домнушка,
Собиралась Перфильевна
Во собор богу молитися.
Надевала же Домнушка,
Надевала же Перфильевна
Светло платье коленкорово.
Вставала же Домнушка
Что у левого у крылиса.
А царь Иван Васильевич,
Он у правого у крылеса.
Он не столько богу молится,
Все на Домнушку гляючи,
На Перфильевну смотрячи.
Собирался царь Иван Васильевич,
Посылал он слугов верных,
Посылал-то он за Домнушкой,
Посылал же за Перфильевной:

«Привезите-ка мне Домнушку,
Привезите-ка Перфильевну!»
Собиралась-то Домнушка,
Собиралась-то Перфильевна.
Надевала же Домнушка
Черно платьице печальное.
Вот ведут-то, ведут Домнушку,
Ведут же широким двором Перфильевну,
А царь-то Иван Васильевич,
Он с балхону-то посматривает.
Он и стал ее выспрашивать:
«Ты пойдешь ли, пойдешь, Домнушка,
Пойдешь ли ты за меня замуж?» —
«Не пойду я за носастого,
Не пойду я за глазастого,
За твои волоса огничавы!»
Тут-то царь Иван Васильевич,
Он и крепко распрогневался.
Вынает-то царь Иван Васильевич,
Вынает-то саблю острую,
Он и ссек с нее головушку.
Он и саблей-то венчался,
А кровью-то обрuchался.

ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

С. Н. АЗБЕЛЕВ

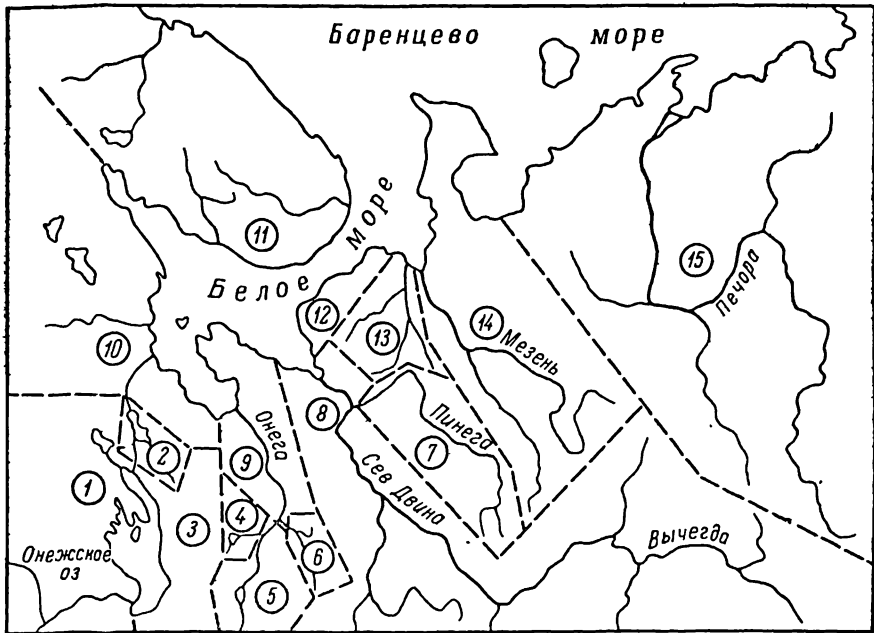
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАПИСИ БЫЛИН

Более четверти всего фонда былинных записей составляют варианты, никогда не издававшиеся. Значительно менее половины их — материал, собранный в течение двух-трех последних десятилетий (преимущественно экспедициями Московского университета) при обследовании старых гнезд былинной традиции. Основная же часть неопубликованного фонда — записи довоенного и дореволюционного времени. Многие из них были произведены от крупных мастеров — И. Т. Фофанова, Ф. А. Конашкова, И. Г. Рябина-Андреева, П. И. Рябина-Андреева, Н. А. Ремизова, Н. В. Кигачева, М. Е. Самылина и др. Существует более сотни неизданных вариантов былин только от названных сказителей. В большинстве своем это звукозаписи, выполненные незадолго до начала Великой Отечественной войны. Среди текстов, остающихся пока в архивах, важное место принадлежит наследию таких собирателей, как А. В. Марков и А. М. Астахова. Неопубликованными записями отражены почти все былинные сюжеты и охвачены почти все известные науке очаги былинного сказительства. Этот обильный материал может дать многое для корректировки устоявшихся представлений былинноведения.

Сколько-нибудь детальная характеристика архивных вариантов не входит в задачу статьи. Ее цель информационная. Издание былин в Своде русского фольклора требует учета всех существующих записей. То, что к настоящему времени зарегистрировано автором этих строк, здесь сообщается полностью, дабы работа по приведению всего материала в известность могла быть продолжена с максимальной эффективностью возможно большим числом участников. Кроме мест хранения и архивных шифров, для каждой из 850 записей сообщаются: основные паспортные данные (собиратель, исполнитель, время и место записи),¹ количество стихов в архивном тексте собирателя (либо указание, что текст является прозаическим), наличие звукозаписи. Приведение сведений, дополняющих архивные шифры, важно не только для общего представления о составе неизданного фонда былин: без таких сведений невозможно избежать в дальнейшей работе дублирования и недоразумений. Как выяснилось, нередко запись существует в нескольких экземплярах, хранящихся в архивах разных городов (иногда — в разных коллекциях одного архива). В подобных случаях я привожу подряд все шифры такой записи (сперва оригинала, потом копий), а затем ее паспорт.²

¹ Степень полноты и точности этих сведений определяется состоянием источников.

² Иногда машинописные экземпляры равноценны, а их оригинал отсутствует; шифры дублетного, как и копияного, материала указаны в скобках. Изредка в предлагаемом перечне те же паспортные данные идут после другого шифра — это случаи, когда мы имеем дело с повторной записью, осуществленной тогда же и тем же собирателем. Если есть текстовая расшифровка звукозаписи, вначале указывается шифр текста, затем шифр звукозаписи.

Регионы былинной традиции на Русском Севере.

1 — Западное Прионежье; 2 — Выгозеро; 3 — Восточное Прионежье; 4 — Кенозеро; 5 — Каргопольщина; 6 — Моша; 7 — Пинега; 8 — Северная Двина; 9 — Онега; 10 — Карельский берег; 11 — Терский берег; 12 — Зимний берег; 13 — Кулой; 14 — Мезень; 15 — Печора.

Помимо материала не издававшегося, в перечень включены 28 коротких звукозаписей, опубликованных в неполном виде как образцы напевов (в сборниках: *Былины Севера*, т. I—II. М.—Л., 1938—1951; *Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева*. Петрозаводск, 1948). Эти варианты отмечены звездочкой (*). Также отмечены 7 текстовых записей И. Н. Этиной, напечатанные хотя и целиком, но в количестве лишь 50 экземпляров (*Студенческие записки филологического факультета ЛГУ, Л., 1937, стеклограф*) и вследствие этого включенные мною наравне с вариантами не публиковавшимися.

Материал располагается в следующем порядке: после обозначения традиционного былинного сюжета даются его варианты, далее — записи, представляющие контаминации его с другими сюжетами. Каждый тип контаминации указывается один раз, и все его варианты приводятся в одном месте. Они располагаются в общем перечне сразу после того, как приведены в отдельном виде былины, входящие в эту контаминацию.³ Если сама былина имеет ряд устойчивых разновидностей, варианты каждой из них приводятся компактно, а краткие заглавия этих разновидностей даются под литерами.

Для каждой былины (либо каждой ее разновидности) и для контаминации каждого типа перечень записей дается по регионам (в одинаковой последовательности их); в пределах региона записи сгруппированы по населенным пунктам (в алфавитном порядке их названий);⁴ записи в одном пункте идут по хронологии (но все варианты одного исполнителя поме-

³ Почти нет случаев, когда какая-либо из былин, входящих в контаминацию, в отдельном виде отсутствует среди известных мне неизданных записей.

⁴ Если запись произведена не там, где жил исполнитель, за основу берется место его жительства.

щены рядом); записи, осуществленные в одном месте и в одно время от разных лиц, даются в алфавитном порядке по исполнителям.

Таблица дает общее количество неизданных вариантов каждой былины по регионам. При подготовке данных для таблицы контаминированные записи и сводные былины занесены по традиционным сюжетам (поэтому итоговая цифра таблицы не совпадает с общим числом записей по перечню их).

Условные границы регионов былинной традиции для севера Европейской части РСФСР схематически обозначены на карте.

Считаю приятным долгом выразить благодарность сотрудникам архивов, рукописных хранилищ и собирателям, оказавшим мне содействие в работе, — Л. М. Верюжской, С. И. Дмитриевой, Е. Н. Дунаевой, В. Я. Евсееву, О. Н. Ивановой, В. В. Коргузалову, А. В. Кулагиной, С. М. Лойтер, А. Н. Мартыновой, Н. Ф. Онегиной, В. И. Панкрушевой, Ф. М. Селиванову, Л. Г. Соболевой.⁵

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АКФ	— Архив Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск).
АЯФ	— Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР (Якутск).
ГБЛ	— Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва), Отдел рукописей.
ГЛМ	— Государственный Литературный музей (Москва).
ДЛ	— диски лабораторные.
ед. хр.	— единица хранения.
зв.	— звукозапись.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград), Рукописный отдел.
ИРЛИ, ФА	— Фонограммархив Института русской литературы АН СССР.
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР (Москва).
к.	— коллекция.
к. п.	— книга поступлений.
КПИ	— Карельский педагогический институт (Петрозаводск), кафедра литературы.
МГУ	— Московский государственный университет, кабинет фольклора.
оп.	— опись.
отр.	— отрывок. ⁶
п.	— папка.
ПИЯЛИ, КЗ	— Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск), кабинет звукозаписи.
полупр.	— полупрозаический текст.
пр.	— прозаический текст.
р.	— разряд.
т.	— тетрадь.
ф.	— фонд.
ФВ	— фонд валиков.
ФМ	— фонд магнитозаписей.
ФС	— фольклорное собрание.
ЭР	— экспедиционный реестр.

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Западное Прионежье: МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 10, зап. Н. Карцева, Ю. Смирнов в VII 1960 г. от М. Е. Конюковой 61 г., И. Е. Власовой 69 л., Середка (пр.).

⁵ Кроме того, А. М. Мехнецов любезно познакомил меня с двумя записями его личного архива, а Л. А. Астафьева передала мне написанные ею карточки с паспортными данными пятидесяти записей МГУ.

⁶ Так обозначается запись, неполнота которой обусловлена целями собирателя, а не степенью сохранности былины в памяти исполнителя.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 32, зап. А. Д. Соймонов 27 VII 1940 г. от И. И. Болотова 75 л., Климово (пр.); МГУ, 1960, п. 2, т. 17, № 39, зап. Ю. Грейдинг, Т. Ярембаш в VII 1960 г. от Медведева 74 л., Ранина Гора (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 44, зап. Г. Н. Парилова 12 VII 1940 г. от П. Н. Сахаровой 92 л., Ярчево (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 14, № 36, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в VII 1958 г. от А. К. Шишкиной 82 л., Горка (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 4, № 4, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 13—18 VII 1958 г. от С. А. Кировой 64 л., Зехново (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 31, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 29 VII 1958 г. от А. С. Дорофеева 70 л., Кумбасозеро (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 36, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 29 VII 1958 г. от Е. Ф. Ножкиной 66 л., Кумбасозеро (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 2, № 46, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 15 VII 1962 г. от А. Ф. Кухтина 75 л., Кухтин Наволок (Кузьминская) (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 6, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 25—27 VII 1958 г. от А. И. Матюговой 69 л., Першахта (11+пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 1, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от Г. А. Шумилова 74 л., Симаково (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 20, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от К. А. Шумилова 56 л., Симаково (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 3, № 6, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов в VII 1962 г. от А. Ф. Самойловой 62 л., Устирья (Степановская) (6); МГУ, 1963, п. 1, т. 7, № 113, зап. И. Носкова в VII 1963 г. от М. С. Широких 67 л., Ширяха (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 17, зап. А. Грибанов, В. Велинская 20—21 VII 1958 г. от М. Н. Лукниной 61 г., Шишкино (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 3, т. 25, № 97, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от А. П. Петровой 75 л., Авдотьино (пр.); МГУ, 1963, п. 1, т. 2, № 135, зап. В. П. Аникин, О. Видова 25 VII 1963 г. от М. П. Кузнецовой 76 л., Бабкино (8); МГУ, 1963, п. 1, т. 2, № 136, зап. В. П. Аникин, О. Видова 25 VII 1963 г. от М. П. Кузнецовой 76 л., Бабкино (пр.); МГУ, 1961, п. 2, т. 7-а, № 101, зап. О. Михайлова, И. Носкова в VII 1961 г. от Е. С. Половниковой 67 л., Дудинское (Дьяково) (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 22, № 41, зап. Т. А. Арестова, М. Шилина в VII 1962 г. от Е. С. Половниковой 68 л., Павлово (пр.).

Онега: МГУ, 1964, п. 3, т. 28, № 164, зап. С. Е. Никитина в VII 1964 г. от Д. С. Швецова 72 л., Росляково (пр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 34, № 90, зап. В. Д. Постников в VII 1935 г., Ковезма (40).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 266, п. 2, № 30, зап. М. А. Лобанов 19 VII 1975 г. от Е. С. Вокуева 71 г., Майда (пр.); ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 1, зап. А. М. Астахова 11 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (748).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 7, № 5, зап. В. Жибкова, Т. Сиротина в VII 1976 г. от А. С. Морозовой 80 л., Заручье (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 8, № 4, зап. М. Кузьминская, А. Незванкина в VII 1975 г. от Е. А. Рахманиной 73 л., Каменка (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 8, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от М. С. Аникеевой 66 л., Козьмогородское (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 10, № 3, зап. Жукова в VII 1976 г. от И. Ф. Листова 80 л., Пылема (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 8, № 3, зап. В. Харитонова в VII 1976 г. от Л. А. Прокшиной 91 г., Ценагора (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 5, № 3, зап. Ильюшина, Калакуцкая в VII 1976 г. от Л. В. Сидоровой 79 л., Ценагора (пр.).

Былина об исцелении Ильи с добавлением кратких припоминаний о содержании других былин.

Каргопольщина: МГУ, 1961, п. 2, т. 5-а, № 118, зап. А. Музылев, Б. Юндин в VII 1961 г. от Е. М. Солодягиной 80 л., Исаково (пр.).

Северная Двина: МГУ, 1967, т. 10, № 209-а, зап. О. Видова в VII 1967 г. от А. А. Михайлова 62 л., Константиново (пр.).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 26, № 169, зап. Е. Токарева, Н. Юдина в VII 1965 г. от П. И. Алексеевой 79 л., Петровское (пр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 16, № 1, зап. Н. И. Савушкина в VII 1975 г., от А. А. Ковалевой 63 л., А. М. Ковалева 66 л., Черсова (пр.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР

А. Илья и Святогор.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 14, № 23, зап. Н. А. Бутинов в 1939 г. от И. Т. Фофанова 69 л., Климово (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 63, зап. Г. Григорьева, Л. Лялина, А. Пашкова 3 VII 1961 г. от О. И. Фофановой 64 л., Климово (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 64, зап. Г. Григорьева, Л. Лялина, А. Пашкова 3 VII 1961 г. от О. И. Фофановой 64 л., Климово (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 40, зап. Ю. Смирнов 24 VII 1960 г. от А. В. Парамоновой 76 л., Кодозеро (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 18, № 64, самозапись 28 I 1939 г. Е. А. Со-

ловьевой, Корчагино (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 24, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 31, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева, 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1959, п. 4, т. 39, № 7, зап. Г. Григорьева, М. Полидва в VII 1959 г. от С. И. Мелехова, Пирос-Озеро (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 3, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от Г. А. Шумилова 74 л., Симаково (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 11, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (106); МГУ, 1960, п. 3, т. 20, № 43, зап. В. Иевлева, В. Кузин, А. Михеев, С. Ожегова 13 VII 1960 г. от К. Е. Романова 79 л., Челмужи (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 2, т. 14, № 52, зап. Г. Балькова, В. Кочетов в VII 1962 г. от В. С. Пилицына 80 л., Горушка (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 6, № 2, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от М. П. Елисеевой, Ручьевская (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 3, т. 25, № 96, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от А. П. Петровой 75 л., Авдотьино (пр.); МГУ, 1961, п. 2, т. 7-а, № 102, зап. О. Михайлова, И. Носкова в VII 1961 г. от Е. С. Половниковой 67 л., Дудинское (Дьяково) (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 22, № 43, зап. Т. А. Арестова, М. Шилина в VII 1962 г. от Е. С. Половниковой 68 л., Павлово (пр.); МГУ, 1963, п. 1, т. 6, № 31, зап. Т. А. Арестова в VII 1963 г. от М. В. Богданова 79 л., Никулинская (пр.); МГУ, 1963, п. 3, т. 27, № 50, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от Е. С. Поповой 73 л., Преслениха (пр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 11, № 3, зап. Е. Калакуцкая, Г. Трубицына в VII 1975 г. от А. А. Михашиной 83 л., Азаполье (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 19, № 3, зап. Е. Кузина, Н. Нешина в VII 1975 г. от Ф. М. Петровой 73 л., Дорогорское (26+пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 9, зап. Л. Митрохина, Е. Цветкова в VII 1975 г. от Н. И. Анфимова 75 л., Лобан (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 17, № 2, зап. В. Кочетов в VII 1975 г., от Е. С. Мишукова 70 л., Мосеево (пр.).

Б. Илья и жена Святогора, Илья и Святогор.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 12, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (152).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 3, зап. А. М. Астахова 13 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (1346).

В. Илья и Святогор, Илья и отец Святогора.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 40, зап. Г. Н. Парилова 11 VII 1940 г. от А. А. Соловьевой 53 л., Корчагино (130).

Исцеление Ильи, Илья и Святогор.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 23-а, зап. Г. Н. Парилова, А. Д. Соймонов в 1940 г. от Л. Л. Фадеевой 56 л., Ижгора (пр.); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 4, зап. Б. Кербелите, Ю. Новиков в VII 1957 г. от М. Т. Пахомова 74 л., Остров (пр.).

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А. Илья проезжает через непроходимые болота и леса, освобождает город, побеждает Соловья-Разбойника.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 23, зап. А. Д. Соймонов, Г. Н. Парилова в 1940 г. от А. Л. Фадеевой 56 л., Ижгора (168+пр.).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 5, № 2, зап. Ильюшина, Калакуцкая в VII 1976 г. от Л. В. Сидоровой 79 л., Ценагора (пр.).

Б. Илья освобождает город, побеждает Соловья-Разбойника.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 716/1, зап. С. И. Бернштейн 20 VI 1926 г. от П. И. Рябинина-Андреева 21 г., Гарницы (зв.*, отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 76, № 35, зап. в 1937 г. (30).

Восточное Прионежье: ИРЛИ, р. V, к. 192, п. 1, № 1, с. 207—213, зап. М. Н. Правдин в 1901 г. от Т. А. Фешева, Ижгоры (222); ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 13, зап. И. Ламакина в 1938 г. от И. Т. Фофанова 67 л., Климово (333); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 17, № 92, зап. А. В. Белованова 17 IX 1945 г. от А. А. Портнягина 78 л., Старое Сивого (131).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 2, зап. А. М. Астахова 11 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (1031).

В. Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Западное Прионежье: МГУ, 1956, п. 1, т. 1, № 74 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 32), зап. С. Ожегова, С. Гоголь в 1956 г. от М. П. Рагозиной 72 л., Моталово (1); МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 1, зап. Н. Карцева в VII 1960 г. от М. Е. Коноковой 61 г., И. Е. Власовой 69 л., Середка (46+пр.).

Восточное Прионежье: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 21, зап. Е. Костюхин, Ю. Новиков в VII 1957 г. от Е. И. Алексеевой 74 л., Рагнозеро (140); МГУ, 1959, п. 4, т. 39, № 36, зап. Г. Григорьева, М. Полидва в VII 1959 г. от Ф. А. Власовой, Татарская Гора (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 13, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (279).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 29, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 25—27 VII 1958 г. от А. И. Матюговой 69 л., Першлахта (5+пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1961, п. 2, т. 7-6, № 12, зап. О. Михайлова, И. Носкова в VII 1961 г. от А. Н. Брызгалова 75 л., Медвежье (пр.).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 839/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от П. Широкго, Великий Двор (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 4, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от С. А. Суднова 76 л., Печище (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 9, № 1, зап. Вощина в VII 1976 г. от И. И. Листова 80 л., Пылема (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 8, № 8, зап. В. Харитонова в VII 1976 г. от М. Ф. Фатянова 89 л., Селище (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 8, № 4, зап. В. Харитонова в VII 1976 г. от Л. А. Прокшиной 91 г., Ценагора (пр.).

Г. Илья на росстани, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 14, № 53, зап. Г. Балькова, В. Кочетов в VII 1962 г. от В. С. Пилицына 80 л., Горюшка (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 2, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от Г. А. Шумилова 74 л., Симакково (пр.); МГУ, 1959, п. 2, т. 16, № 40, зап. Б. Исадченко, Н. Фомина в VII 1959 г. от А. А. Артемьевой 50 л., Тарасово (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1961, п. 1, т. 4, № 110, зап. Л. Иванова, Б. Исадченко в VII 1961 г. от Г. М. Солодягиной 46 л., Ларионово (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 22, № 42, зап. Т. А. Арестова, М. Шилина в VII 1962 г. от Е. С. Половниковой 68 л., Павлово (пр.).

Исцеление Ильи, Илья освобождает город, побеждает Соловья-Разбойника.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 76, № 82, зап. Е. П. Родина в 1937 г. от Н. С. Абрамова 70 л., Войнаволок (пр.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 17, № 98, зап. А. В. Белованова 30 VII 1946 г. от М. А. Павкова, Мелентьево (269); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 1, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 79 л., Семеново (419); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 207 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 182), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 6, № 3, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от М. П. Елисейевой, Ручьевская (пр.).

Онега: МГУ, 1965, п. 1, т. 14, № 9, зап. А. Гуткина, О. Усенко в VII 1965 г. от И. В. Распутина 80 л., Медведево (пр.).

Исцеление Ильи, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 72, № 5, зап. И. Ананьев 6 III 1938 г. от М. Е. Самылина, Косозеро (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 17, зап. Ю. Смирнов 7 VII 1960 г. от О. В. Потемкиной 62 л., Середка (пр.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 191, зап. Г. Григорьева, И. Шарاپова 7 VII 1961 г. от А. В. Михеевой 74 л., Авдеево (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 20, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 231, зап. Ю. М. Агулянский в 1940 г. от А. Т. Зуевой 53 л., Рагнозеро (120+пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 1, № 64, зап. О. Емельянова, А. Копкова 23 VII 1960 г. от И. Л. Горбачевой 53 л., Тамбичозеро (пр.); МГУ, 1960, п. 3, т. 20, № 38, зап. В. Ивлева, В. Кузин, А. Михеев, С. Ожегова 13 VII 1960 г. от Е. К. Романова 79 л., Челмужи (полупр.).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 13, № 102, зап. Ю. Новиков, Т. Ярембаш в VII 1958 г. от И. П. Артемьева, Коровино (пр.); МГУ, 1962, № 1, т. 4, № 2, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 24 VII 1962 г. от А. Д. Самойловой 82 л., Устьирьга (Степановская) (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 11, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от С. М. Власовой 54 л., Ширияха (Ошевенск) (пр.); МГУ, 1963, п. 1, т. 7, № 103, зап. И. Носкова в VII 1963 г. от С. М. Власовой, Ширияха (пр.); МГУ, 1963, п. 1, т. 7, № 106, зап. И. Носкова в VII 1963 г. от В. П. Широких 76 л., Ширияха (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 1, т. 8, № 60, зап. И. Носкова в VII 1963 г. от Я. С. Ширихина, Никулинская (пр.); МГУ, 1959, п. 2, т. 11, № 65—66, зап. А. Масс, Е. Кузнецова в VII 1959 г. от П. А. Макаровой 48 л., Орлово (Хвалинская) (пр.).

Онега: МГУ, 1965, п. 1, т. 9, № 4, зап. Ю. Г. Круглов в VII 1965 г. от С. И. Пономарева 82 л., Наволок (пр.).

Терский берег: ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 231 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 44, № 87), зап. Д. М. Балашов в VII—VIII 1957 г. от А. М. Клещевой 69 л., Тетрино (пр.).

Печора: ПИЯЛИ, КЭ, № 501/1, зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Г. В. Вокуева 81 г., Усть-Цильма (зв.).

Исцеление Ильи, Илья на росствии, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Восточное Прионежье: МГУ, 1958, п. 3, т. 7, № 37, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 22 VII 1958 г. от А. С. Матюговой 72 л., Тыр-Наволок (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 3, т. 23, № 32, зап. Г. Балькова, В. Н. Кочетова в VII 1963 г. от И. М. Березина 80 л., Надконецкая (пр.); МГУ, 1962, п. 2, т. 16, № 46, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от А. С. Солодягина 27 л., Исаково (Печниково) (пр.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Илья побеждает Идолище в Киеве.

Восточное Прионежье: ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 11, зап. И. Ламакина в 1938 г. от И. Т. Фофанова 67 л., Климово (150); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 65, зап. Г. Григорьева, Л. Лялина, А. Пашкова 3 VII 1961 г. от О. И. Фофановой 64 л., Климово (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 35, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 29 VII 1958 г. от В. К. Сатина 79 л., Кумбасозеро (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 32, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 203 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 183), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л., из Семенова, Петрозаводск (зв.); МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 85, зап. А. Грибанов, В. Велинская 13 VII 1958 г. от Н. П. Сидоровой 52 л., Спицыно (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 13, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (87).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 56, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 6, № 5, зап. Г. Григорьева, Б. Исадченко в VII 1962 г. от П. М. Елисеевой, Ручьевская (полупр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 6, зап. А. М. Астахова 17 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (468).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 4, № 3, зап. В. Маркова, И. Панина в VII 1975 г. от А. Н. Сахарова 81 г., Усть-Няфта (пр.).

Исцеление Ильи, Илья побеждает Идолище.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 61, № 306, зап. А. Д. Соймонов 27 I 1937 г. от И. А. Вепрева 40 л., Петрозаводск (30).

Кенозеро: МГУ, 1961, п. 1, т. 1, № 105, зап. А. Михеев 25 VII 1961 г. от И. А. Харева 73 л., Маслиха (пр.).

Илья и Святогор, Илья побеждает Идолище в Киеве.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 5, № 4, зап. Ю. Смирнов 13—18 VII 1958 г. от И. А. Абрамова 79 л., Зехново (пр.).

Исцеление Ильи, Илья освобождает город, побеждает Соловья-Разбойника, побеждает Идолище.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 8, зап. Л. Остапенко, В. Кийранен в VII 1955 г. от И. Ф. Мишкина 85 л., Каршево (Великодворская) (пр.).

Илья побеждает Идолище (в доме Идолища), Илья на росствии, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Восточное Прионежье: МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 30, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 29 VII 1958 г. от А. С. Дорофеева 70 л., Кумбасозеро (пр.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК

А. Рождение Сокольника, бой Ильи с сыном.

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 55, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (5+пр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 14, № 6, зап. И. Вогошина, И. Жукова, Т. Кривошапова в VII 1975 г. от А. Г. Рассолова 52 л., Кильца (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 17, № 3, зап. В. Кочетов в VII 1975 г. от Е. С. Мишукова 70 л., Мосеево (пр.).

Б. Богатыри на заставе, бой Ильи с сыном.

Западное Прионежье: АКФ, р. 3, оп. 1, № 120, 125 (ПИЯЛИ, КЗ, №№ 100/7, 100/11), зап. Н. И. Богданов в X 1940 г. от Т. Е. Туруева из Сельги, Петрозаводск (зв.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 27, зап. И. К. Горопцев 17 II 1938 г. от И. Ф. Мишкина 66 л., пог. Великодворский (89).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 74, л. 166—169 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 10—10 об.), зап. А. В. Марков 3 VII 1909 г. от А. Т. Ивановой 26 л., Гридино (67+пр.).

Мезень: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 350/1, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 29 VI 1928 г. от В. М. Михеева, Засулье (зв.* отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 327/2, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 26 VI 1928 г. от Я. Е. Гольчикова, Лебское (зв.* отр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 6, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от С. А. Суднова 76 л., Печище (пр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 360/1, зап. Э. В. Эвальд 1 VII 1928 г. от М. Г. Антонова 60 л., Усть-Низема (зв., отр.).

Печора: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 656/3, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 14 VII 1929 г. от Е. П. Чупрова 39 л., К. П. Чупрова 56 л., Я. П. Чупрова 47 л., Л. Е. Чупрова 18 л., Аврамовская (зв.*, отр.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 8 (ПИЯЛИ, КЗ, № 510/1=ИРЛИ, ФА, МФ, № 770.03), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Е. П. Чупрова 77 л., Боровская (216+пр., зв.); ПИЯЛИ, КЗ, № 512/1, 513/1, зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Л. Т. Чупрова 60 л., Боровская (зв.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 10 (ПИЯЛИ, КЗ, № 514/1=ИРЛИ, ФА, МФ, № 770.05), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Л. Т. Чупрова 61 г. и А. Л. Чупровой 52 л., Боровская (235, зв.); ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 38, зап. А. М. Астахова 6 VII 1929 г. от Г. В. Поздеева 45 л., Рошинский Ручей (4); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 6 (ПИЯЛИ, КЗ, № 500/1=ИРЛИ, ФА, МФ, № 770.01), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Г. В. Вокуева 82 л., Усть-Цильма (177, зв.).

В. Бой Ильи с сыном.

Восточное Прионежье: МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 25, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 33, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 14, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (82).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 176, зап. К. В. Чистов, С. Вавилина, Л. Лукина, И. Суханова, Т. Величко в VII 1956 г. от А. В. Ивановой 68 л., Гридино (71).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 835/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Ф. Нечаева, Долгошеле (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 6, № 5, зап. Н. И. Савушкина в VII 1976 г. от А. И. Максимовой 74 л., Селище (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 4, № 2, зап. В. Маркова, И. Панина в VII 1975 г. от А. Н. Сахарова 81 г., Усть-Няфта (пр.).

Г. Богатыри на заставе, бой Ильи с нахвальщиком.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 17, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 15 I 1932 г. от В. В. Амосова 72 л., Обозеро (125).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 9, зап. Л. Остапенко, В. Кийранен в VII 1955 г. от И. Ф. Мишкина 85 л., Каршево (Великодворская) (пр.); ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 20, зап. И. Ламакина в 1938 г. от И. Т. Фофанова 67 л., Климово (183); АКФ, р. 3, оп. 1, № 59, зап. 6 V 1941 г. от И. Т. Фофанова из Клямова, Петрозаводск (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 15, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева, 42 л., Тубозеро (189); МГУ, 1960, п. 3, т. 20, № 42, зап. В. Иевлева, В. Кузин, А. Михеев, С. Ожегова 13 VII 1960 г. от Е. К. Романова 79 л., Челмужи (пр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 2, зап. Т. Величко, И. Суханова, К. В. Чистов в VII 1956 г. от А. С. Мехниной 65 л., Гридино (85).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 8, зап. А. М. Астахова 15 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (501).

Д. Бой Ильи с нахвальщиком.

Западное Прионежье: МГУ, 1956, п. 3, т. 36, № 6 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 1107), зап. А. Филатов, Ю. Смирнов, Ю. Зузанек 25 VII 1956 г. от О. В. Потемкиной, Посад (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 13, № 103, зап. Ю. Новиков, Т. Ярембаш в VII 1958 г. от И. П. Артемьева, Коровино (63).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 9, зап. А. М. Астахова 14 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (420).

Поволжье: ГЛМ, ФС, к. п. № 5/9110/1, л. 103—104, зап. Ф. И. Покровский в 1901 г., Хохлома Нижегородской губ. (43).

Западная Сибирь: ГЛМ, ФС, к. п., № 23/4643/7500, л. 8, зап. П. Петров в 1890—1900 гг. от Г. Е. Грязного, Омск (18).

Исцеление Ильи, бой с сыном (двоюродным братом).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 100, л. 279—280 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 14—14 об.), зап. А. В. Марков 6 VII 1909 г. от И. Т. Мяхнина, Гридино (пр.).

Исцеление Ильи, Илья освобождает город, проезжает через непроходимые болота и леса, бой Илья с нахвальщиком, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 133, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от П. А. Степановой 78 л., Пяльма (365).

ССОРА ИЛЬИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

А. Неузнанного Илью оскорбляют на пиру у Владимира.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 16, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (116).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 7, зап. А. М. Астахова 15 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (634).

Б. Непозванный на пир к Владимиру Илья устраивает пир для гостей.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 704/5—705/1, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв.).

Восточное Прионежье: МГУ, 1958, п. 3. т. 16, № 6, зап. А. Грибанов, В. Велинская 20—21 VII 1958 г. от И. С. Дорофеева 73 л., Вершинино (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 36, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 79 л., Семеново (72); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 206, 208, 209 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 184—186), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

Исцеление Ильи, Илья побеждает Соловья-Разбойника, бой Ильи с нахвальщиком, ссора с Владимиром.

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 1, т. 6, № 30, зап. Т. А. Арестова в VII 1963 г. от М. В. Богданова 79 л., Никулинская (пр.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

Северная Двина: ИРЛИ, р. V, к. 202, п. 1, № 3, зап. В. И. Пономеров в 1909—1917 гг., Лальск (110).

Поволжье: ГЛМ, ФС, к. п., № 5/9110/1, л. 101—102, зап. Ф. И. Покровский в 1901 г., Хохлома Нижегородской губ. (34).

Верхний Енисей: личный архив А. М. Мехнецова, 77—1—16, зап. А. М. Мехнецов 2 VIII 1977 г. от Ф. Ф. Портнягиной 81 г., К. П. Колосовой 45 л., М. П. Ивановой 53 л., В. П. Черемных 50 л., Н. Ф. Поздеевой 76 л., Енисейск (зв.); там же, 77—5—121, 122, зап. А. М. Мехнецов 10 VIII 1977 г. от Ф. Ф. Портнягиной 81 г., Енисейск (зв.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 17, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (57).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 4, № 3, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 24 VII 1962 г., от А. Д. Самойловой 82 л., Устьырья (Степановская) (пр.).

Моша: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3047/2, зап. в 1903 г. от А. Стахеевой, Шалыкушка (зв., отр.).

Пинега: ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 4, № 1, зап. Ф. А. Абрамов 13 VIII 1939 г. от И. А. Ломтева 63 л., Карпогоры (37).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 32, л. 69—71 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 12—12 об.), зап. А. В. Марков 19 VI 1909 г. от Н. М. Дементьевой, Вирьма (51).

Верхний Енисей: ГЛМ, ФС, к. п., № 4/1274/30, л. 2, зап. А. А. Савельев 6 II 1911 г. от Н. С. Рукусева 30 л., Яркино (21).

Терек: ИРЛИ, р. V, к. 18, п. 2, № 2, л. 23—25 (ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4847/1), зап. А. Н. Лозанова в 1931 г. от И. Г. Кондратьева, ст. Солдатская (24, зв.).

Исцеление Ильи, Илья и разбойники, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 16, зап. А. Д. Соимова 14 VII 1940 г. от Ф. Т. Миронкова, Гора (100+пр.).

Илья и разбойники, Илья побеждает Соловья-Разбойника, побеждает Идолище в Киве.

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 87, л. 253—257 (ГЛМ, ФС, к. п. № 29, л. 15—16 об.), зап. А. В. Марков 5 VII 1909 г. от И. М. Мяхнина, Гридино (72+пр.).

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЫИ МУРОМЦА

А. Илья на росстани, поездки Илья по дорогам, где быть убиту, быть женату и быть богату.

Западное Прионежье: АКФ, р. 3, оп. 1, № 119 (ПИЯЛИ, КЗ, № 100/6), зап. 10 VIII 1939 г. от Т. Е. Туруева из Сельги, Петрозаводск (зв.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 7, № 58, зап. Н. Н. Алексеев в 1938 г. от Е. Г. Якушевой 55 л., Семеново (127); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 6, № 90, зап. Н. Якушев в VIII 1938 г. от С. В. Якушевой, Семеново (140); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 18, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (104).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 6, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 29 VII 1958 г. от А. С. Калитиной 66 л., Заречье (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 25, № 24, зап. Т. Бирюкова, Н. Антонова в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (104); МГУ, 1963, п. 1, т. 3, № 1, зап. Н. Антонова, Т. Бирюкова в VII 1963 г. от М. А. Соколовой 69 л., Кривцы (полупр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 45, зап. В. Велинская, А. Грибанов в VII 1958 г. от М. А. Солодягина 74 л., Масельга (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 55, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 25—27 VII 1958 г. от А. М. Артемьевой 72 л., Першлахта (88); МГУ, 1958, п. 3, т. 16, № 24, зап. А. Грибанов, В. Велинская 25—27 VII 1958 г. от А. Н. Сивцева 71 г., Пóромское (97+пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 1, № 2, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 20 I 1959 г. от А. Н. Сивцева 72 л., Пóромское (95); МГУ, 1962, п. 4, т. 38, № 130, зап. С. Никитина в VII 1962 г. от А. В. Кожевниковой 65 л., Спирово (125).

Зимний берег: ГЛМ, ФС, к. п., № 9/6422/6, л. 11—24 (ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 2, № 1), зап. В. П. Чужимов 31 VIII 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (555).

Печора: ПИЯЛИ, КЗ, № 506/1 (ИРЛИ, ФА, МФ, № 769.01), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от В. И. Лагеева 67 л., Усть-Цильма (зв.).

Б. Илья на росстани, поездки Илья по дорогам, где быть убиту и быть женату.
Кенозеро: МГУ, 1959, п. 1, т. 1, № 33, зап. И. Носкова 2 VII 1959 г. от Е. К. Луговской 69 л., Ундозерский погост (пр.).

Мезень: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 361/1, зап. Э. В. Эвальд 1 VII 1928 г. от М. Г. Антонова 60 л., Усть-Низема (зв.*, отр.).

В. Илья на росстани, поездка Илья по дороге, где быть убиту.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 16, № 4, зап. А. Грибанов, В. Велинская 20—21 VII 1958 г. от И. С. Дорощева 73 л., Вершинино (36); МГУ, 1963, п. 3, т. 25, № 58, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от А. Ф. Семеновой 73 л., Йоктуша (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 2, № 62, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в I 1959 г. от О. К. Артемьевой 72 л., Коровино (17); МГУ, 1958, п. 3, т. 5, № 16, зап. Ю. Смирнов 27—28 VII 1958 г. от П. К. Старицыной 60 л., Першлахта (30); МГУ, 1959, п. 5, т. 4, № 11, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 30 I 1959 г. от К. Ф. Артемьевой 51 г., Першлахта (34); МГУ, 1959, п. 1, т. 1, № 36, зап. И. Носкова, Ю. Смирнов 5 VII 1959 г. от Е. К. Луговской 69 л., Ундозерский погост (пр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 143 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 1=к. 76, п. 3, № 34), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от К. И. Коноваловой 67 л., Гридино (51); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 182, зап. К. В. Чистов, С. Вавилина, Л. Лукина, И. Суханова, Т. Величко в VII 1956 г. от А. В. Ивановой 68 л., Гридино (58); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 3, зап. П. Величко, И. Суханова, К. В. Чистов в VII 1956 г. от А. С. Мехниной 65 л., Гридино (38); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 247, зап. Т. Величко, И. Суханова в VII 1956 г. от Н. Е. Мухниной 56 л., Гридино (20); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 251, зап. Т. Величко, И. Суханова в VII 1956 г. от Ф. Т. Мухнина 62 л., Гридино (32); МГУ, 1968, т. 24, № 64, зап. В. П. Аникин в VII 1968 г. от Н. С. Ивановой 68 л., Гридино (36); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 93 (ИРЛИ, р. V, к. 76, п. 3, № 17), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от У. С. Ерловой 56 л., Калгалакша (65*); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 104 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 29=к. 76, п. 3, № 11), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от Х. И. Костиной 76 л., Калгалакша (45); АКФ, ф. 1, оп. 1,

к. 35, № 55, зап. П. Величко, И. Суханова в VII 1956 г. от А. И. Ефремовой 63 л., Калгалакша (42); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 58, № 47, зап. А. Ф. Солякова в X 1948 г. от Е. И. Ладиной 73 л., Кереть (59); МГУ, 1966, п. 1, т. 14, № 1, зап. Н. Воскобоева, В. Малюжин в VII 1966 г. от А. Г. Крошкиной 64 л., Колежма (44); МГУ, 1966, п. 3, т. 25, № 51, зап. Н. Воскобоева, А. Малюжин в VII 1966 г. от А. Г. Крошкиной 64 л., Колежма (полупр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 130, № 65, зап. А. П. Разумова, Т. А. Коски в VII 1971 г. от А. Г. Корощкиной 69 л., Колежма (48); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 26, № 8-а, зап. А. М. Астахова в VII 1932 г. от А. А. Петуховой 60 л., Нюхча (65); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3518/1, зап. А. М. Астахова 7 VII 1932 г. от Н. А. Ростовцевой 69 л., Сумской посад (зв.*, отр.); МГУ, 1968, т. 8, № 53, зап. Е. Богданова, М. Юхневич в VII 1968 г. от Анфисы Ивановны 78 л., Сумпосад (пр.); ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 45, л. 107, зап. А. В. Марков 22 VI 1909 г. от М. А. Смагиной 74 л., Сухой Наволок (7).

Г. Илья на росстани, поездка Ильи по дороге, где быть женату.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 2, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 29 VII 1958 г. от И. И. Калитиной 70 л., Мыза (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 7, № 2, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 20 VII 1958 г. от А. Е. Мартыновой 87 л., Тыр-Наволок (4+пр.).

Д. Илья на росстани.

Восточное Прионежье: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 7—8, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов в VII 1957 г. от А. Ф. Мамоновой 70 л., Отовозеро (20).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 11, № 28, зап. С. Ожегова в VII 1958 г. от А. Т. Спициной 82 л., Захарово (3); МГУ, 1958, п. 3, т. 5, № 20, зап. Ю. Смирнов 27 VII 1958 г. от К. Ф. Артемьевой 51 г., Зехново (11); МГУ, 1959, п. 5, т. 2, № 57, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в I 1959 г. от О. К. Артемьевой 72 л., Коровино (10+пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 62, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 25—27 VII 1958 г. от А. М. Артемьевой 72 л., Першлахта (9); МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 5, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 25—27 VII 1958 г. от А. И. Матюговой 69 л., Першлахта (30); МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 9, зап. В. Велинская, А. Грибанов 25 VII 1958 г. от А. Ф. Сивцевой 40 л., Пёрмоское (3); МГУ, 1958, п. 3, т. 13, № 78-а, зап. Ю. Новиков, Т. Ярембаш в VII 1958 г. от М. М. Шаховой 78 л., Телицыно (5).

Каргопольщина: МГУ, 1962, п. 3, т. 22, № 5, зап. Т. А. Арестова, М. Шилина в VII 1962 г. от Е. П. Тонких 81 г., Фоминки (Лядины) (17+пр.).

Карельский берег: МГУ, 1968, т. 9, № 91, зап. Е. Богданова, О. Черемовская, Т. Ширма в VII 1968 г. от А. А. Поповой 68 л., Шуерецкое (21).

Исцеление Ильи, Илья на росстани, поездки Ильи по дорогам, где быть богату и быть убиту.

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 2, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от С. А. Суднова 76 л., Печище (пр.).

Исцеление Ильи, Илья на росстани, поездки Ильи по дороге, где быть убиту.

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 27, № 177, зап. И. Дуров в 1926 г. Сумской посад (94).

Место записи неизвестно: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 40, № 205, зап. предположительно в 1935 г. (78).

Исцеление Ильи, Илья на росстани, Илья побеждает Соловья-Разбойника, поездки Ильи по дорогам, где быть женату и быть убиту.

Моша: МГУ, 1959, п. 4, т. 31, № 103, зап. Ю. Новиков, С. Ожегова 2 X 1959 г. от А. Г. Вавиловой 67 л., Большая Орьма (пр.).

Исцеление Ильи, Илья на росстани, поездки Ильи по дорогам, где быть женату, быть богату и быть убиту, Илья освобождает город, побеждает Соловья-Разбойника.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 12, № 12-а, зап. М. М. Михайлов от А. М. Пашковой, Семеново (732).

Илья на росстани, поездка Ильи по дороге, где быть убиту, Илья побеждает Соловья-Разбойника, поездка Ильи по дороге, где быть женату.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 2, зап. А. Грибанов, В. Велинская 25 VII 1958 г. от С. А. Сивцева 80 л., Пёрмоское (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 7, № 88, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от Д. И. Старицына, Першлахта (пр.).

Илья на росстани, Илья побеждает Соловья-Разбойника, поездка Ильи по дороге, где быть женату.

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 6, № 7, зап. Н. И. Савушкина в VII 1976 г. от П. Ф. Логуновой 64 л., А. В. Шишовой 87 л., Кельчегора (полупр.).

Илья на росстани, поездка Ильи по дороге, где быть убиту, Илья побеждает Идолице, поездка Ильи по дороге, где быть женату.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 48, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 26 VII 1958 г. от Д. И. Старицына 55 л., Першлахта (26+пр.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

А. Победа Ильи над вражеским войском.

Восточное Прионежье: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 22, зап. Е. Костюхин, Ю. Новиков в VII 1957 г. от Е. И. Алексеевой 74 л., Рагнозеро (181); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 19, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (280); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 20, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (167).

Пинега: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 885/3, зап. О. Э. Озаровская в 1916 г. от М. Д. Кривополоновой 73 л. (зв. отр.).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 86, л. 251—252 (ГЛМ. ФС, к. п., № 29, л. 13—13 об.), зап. А. В. Марков 5 VII 1909 г. от И. М. Мяхнина, Гридино (22+пр.).

Б. Илья в заточении, победа его над вражеским войском.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 52, зап. Г. Н. Парилова 20 VII 1940 г. от А. М. Фоминой, Кичаково (пр.); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 204, 205, 211 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 178—180), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); МГУ, 1960, п. 1, т. 1, № 65, зап. О. Емельянова, А. Копкова 23 VII 1960 г. от И. Л. Горбачевой 53 л., Тамбичозеро (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 41, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (64+пр.); МГУ, 1959, п. 4, т. 39, № 36-а, зап. Г. Григорьева, М. Полюдва в VII 1959 г. от Ф. А. Власовой, Татарская Гора (пр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, оп. 1, № 4, зап. А. М. Астахова 16 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (436); ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 5, зап. А. М. Астахова 16 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (654).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 5, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от С. А. Суднова 76 л., Печище (пр.).

Исцеление Ильи, Илья в заточении, победа его над вражеским войском.

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 5, зап. Л. Миронихина, Е. Цветкова в VII 1975 г. от Н. И. Анфимова 75 л., Лобан (пр.).

Илья побеждает Соловья-Разбойника, Илья в заточении, победа Ильи над вражеским войском.

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 7, № 6, зап. В. Жибкова, Т. Сиротина в VII 1976 г. от А. С. Морозовой 80 л., Заручье (пр.).

Илья проезжает через непроходимые болота и леса, побеждает Соловья-Разбойника, победа Ильи над вражеским войском.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 16, зап. П. К. Торопцев в 1938 г. от Ф. М. Ефимова 69 л., Равина Гора (169).

Илья освобождает город, побеждает Соловья-Разбойника, Илья в заточении, победа его над вражеским войском.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 77, зап. А. В. Щемелева (Белованова) 13 VII 1955 г. от А. Л. Фадеевой 73 л., Ижгора (152).

Непозванный на пир к Владимиру Илья устраивает пир для голей, Илья в заточении, победа его над вражеским войском.

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 6, № 4, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от М. П. Елисейевой, Ручьевская (пр.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, ЕРМАК И КАЛИН-ЦАРЬ

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3491/2, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 10 I 1932 г. от Е. Б. Сурикова 63 л., Конда (зв.*, отр.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 13, № 19 (ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, 14), зап. И. Ламакина в 1938 г. от Н. А. Ремезова 61 г., Алек-

сеево (246); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 303, зап. Н. А. Бутинов в 1940 г. от Я. Ф. Львова 68 л., Алексеево (169); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 128, зап. Н. Пялинин, И. Шарапова в VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 131, зап. Г. Григорьева 5 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (76); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 132, зап. Г. Григорьева, 5 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, р. 3, оп. 1, № 60, зап. 6 V 1941 г. от И. Т. Фофанова из Климова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 12, зап. И. К. Торопцев в II 1938 г. от Д. М. Ефимова 64 л., Ранина Гора (174); АКФ, р. 3, оп. 1, № 66/2 (ПИЯЛИ, КЗ, № 95/6), зап. К. Н. Белова 6 V 1941 г. от Д. М. Ефимова из Раниной Горы, Петрозаводск (зв., отр.).

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 21, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (196).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 13, № 104, зап. Ю. Новиков, Т. Ярембаш в VII 1958 г. от И. П. Артемьева, Коровино (24).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 43, № 4, зап. Л. Заковоротная, С. Сердюк в VI 1965 г. от Е. И. Первушиной 68 л., Поле (пр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 10, зап. А. М. Астахова 6 VIII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (699).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 6, № 8, зап. Н. И. Савушкина в VII 1976 от А. В. Шишовой 87 л., Кельчеггора (115); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 361/2, зап. Э. В. Эвальд 1 VII 1928 г. от М. Г. Антонова 60 л., Усть-Низема (зв.*, отр.).

Поволжье: ИРЛИ, ФА, ФМ, № 375.01, зап. В. В. Коргузалов 10 VII 1957 г. от Поликарпа Ивановича 70 л., Комаровка Саратовской обл. (зв.).

Камское побоище, бой Илья с нахвальщиком.

Мезень: ИЭ, Архангельский отряд 1971 г., зап. С. И. Дмитриева в VIII 1971 г. от А. В. Шишовой 82 л., Кельчеггора (240); МГУ, 1976, п. 1, т. 6, № 6, зап. Н. И. Савушкина в VII 1976 г. от П. Ф. Логуновой 64 л., А. В. Шишовой 87 л., Кельчеггора (полупр.).

СВОДНЫЕ БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Былины, объединяющие от 5 до 10 самостоятельных сюжетов об Илье.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 70, № 1, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от П. Г. Горшкова 64 л., Демидово (1230); АКФ, р. 3, оп. 1, № 75/1 (ПИЯЛИ, КЗ, № 96-а/6), зап. К. Н. Белова 2 I 1941 г. от П. Г. Горшкова из Демидова, Петрозаводск (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 76, № 83, зап. Г. Ф. Нефедов в 1937 г. от И. А. Степановой 78 л., Конда (627); ИРЛИ, р. V, к. 27, п. 2, № 3, л. 41—47 об., зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 7 VII 1932 г. от И. Г. Чванова 63 л., Коровниково (100).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 35, зап. А. М. Астахова 4 VII 1929 г. от А. Н. Хаханзыкской 68 л., Рошинский Ручей (169).

Сводные былины, включающие и небынные сюжеты либо сюжеты о других былинных героях, переделанные в былины об Илье.

Восточное Прионежье: КПИ, 1973, кассета 3, зап. С. М. Лойтер, Л. Ахтиева в VII 1973 г. от Е. Н. Неркиной 68 л., Шалуха (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 43, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от Н. С. Логинова (154).

Кенозеро: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 10, зап. Е. Костюхин, Ю. Новиков в VII 1957 г., Кенозеро (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1962, п. 2, т. 17, № 24, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от А. И. Захаровой 54 л., Воробьевская (пр.); МГУ, 1961, п. 2, т. 7-а, № 104, зап. О. Михайлова, И. Носкова в VII 1961 г. от Е. С. Половниковой 67 л., Дудинское (Дьяково) (пр.); МГУ, 1963, п. 1, т. 6, № 1, зап. Т. А. Арестова в VII 1963 г. от А. И. Поповой 37 л., Красная Ляга (пр.); МГУ, 1959, п. 1, т. 8, № 71, зап. Н. Карцева, Е. Костюхин 2—3 VII 1959 г. от Я. В. Ушакова 53 л., Макарий (пр.).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 43, № 3, зап. Л. Заковоротная, С. Сердюк в VII 1965 г. от Е. И. Первушиной 68 л., Поле (пр.); МГУ, 1962, п. 4, т. 39, № 22, зап. Н. Карцева, 28 VII 1962 г. от А. И. Елисейевой, Ручьевская (пр.).

ОТРЫВКИ БЫЛИН ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ (НЕЯСНОЙ СЮЖЕТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 24-а, № 16, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1965 г. от П. И. Черкесова 83 л., Остров (Ефимовское) (2).

Карельский берег: ИРЛИ, КЗ, № 1614/10, зап. А. П. Разумова и Т. А. Коски в 1971 г. от А. Г. Крошкиной, Колежма (зв.).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 8, № 7, зап. В. Харитонова в VII 1976 г. от М. Ф. Фатьянова 89 л., Селище (пр.).

Регион неизвестен: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3051, зап. от Ильи Михайловича, Серегово (зв., отр.).

ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

Пинега: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 884/3, 885/4, зап. О. Э. Озаровская в 1916 г. от М. Д. Кривополеновой 72 л. (зв., отр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 12, зап. А. М. Астахова 3 VIII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (532).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 7, зап. Л. Миронихина, Е. Цветкова в VII 1975 г. от Т. И. Анфимовой 82 л., Лобан (пр.).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ

А. Добрыня побеждает Змея и отпускает, побеждает вторично и освобождает Забаву Путятичну.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 33-а, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от А. Ф. Трухавой 58 л., Липовицы (260).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 301, зап. Н. А. Бутинов в 1940 г. от Я. Ф. Львова 68 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 55, зап. Г. Н. Парилова 20 VII 1940 г. от Н. Л. Фадеевой, Ижгора (140); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 76, зап. А. В. Шемелева (Белованова) в VII 1955 г. от А. Л. Фадеевой 73 л., Ижгора (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 32, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Коняшкова 79 л., Семеново (148); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 210, 214 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 192, 193), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коняшкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 13, зап. А. М. Астахова 18 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (894).

Б. Добрыня побеждает Змея и отпускает.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 714, зап. С. И. Бернштейн 20 VI 1926 г. от П. И. Рябинина-Андреева 21 г., Гарницы (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 69, № 3, самозапись в 1937 г. П. И. Рябинина-Андреева, Гарницы (169).

В. Добрыня побеждает и убивает Змея.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 4, № 1, зап. Ю. Смирнов, С. Ожегова 13—18 VII 1958 г. от С. А. Кировой 64 л., Зехново (23).

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 3, т. 25, № 32, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от А. Н. Каргаловой 59 л., П. Н. Каргаловой 62 л., Коневы (пр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 5, № 3, зап. Л. Миронихина, Е. Цветкова в VII 1975 г. от Т. И. Анфимовой 82 л., Лобан (65+пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 6, зап. Л. Миронихина, Е. Цветаева в VII 1975 г. от Т. И. Анфимовой 82 л., Лобан (полупр.).

Якутия: ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 15, № 5, зап. Д. Травин 4 IX 1928 г. от Г. А. Чихачева, Русское Устье (79).

Г. Добрыня побеждает Змея и освобождает Забаву Путятичну.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 706/1, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв., отр.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 29, зап. Н. А. Бутинов и А. Д. Соимонов 24 VI 1940 г. от И. Т. Фофанова 71 г., Климово (280).

Регион неизвестен: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 40, № 15, зап. предположительно в 1935 г. (44); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 40, № 16, зап. предположительно в 1935 г. (74).

Д. Добрыня побеждает Змея и впрягает его в плуг (былинная переработка сказки о Кирале Кожемяке).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 13, № 29, самозапись 28 III 1941 г. Н. А. Ремезова 64 л., Алексеево (240).

Е. Бой Добрыни со Змеем (отрывки неясной редакционной принадлежности).

Кенозеро: МГУ, 1959, п. 5, т. 1, № 4, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 20 I 1959 г. от А. Н. Сивцева 72 л., Поромское (2+пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 87, зап. А. Грибанов, В. Велинская 13 VII 1958 г. от Н. П. Сидоровой 52 л., Спицыно (13); МГУ, 1958, п. 3, т. 13, № 71, зап. Ю. Новиков, Т. Ярембаш в VII 1958 г. от А. С. Артемьевой 52 л., Телицыно (15).

Каргопольщина: МГУ, 1963, п. 1, т. 6, № 32, зап. Т. А. Арестова в VII 1963 г. от М. В. Богданова 79 л., Никулинская (пр.).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 831/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Е. Мелихова, Сояна (зв., отр.).

Якутия: АЯФ, инв. № 1231, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 779 (ИРЛИ, р. V, к. 205, п. 1, № 9), зап. Н. А. Габышев 24 IV 1946 г. от П. Н. Черемкиной, Приморское (Русское Устье) (7).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И МАРИНКА

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 710/4, зап. С. И. Берштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв., отр.); МГУ, 1960, п. 2, т. 14, № 15, зап. Л. Евсеева, И. Кочетков в VII 1960 г. от А. Я. Завьяловой 72 л., Гарницы (пр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 1, № 99 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 51), зап. С. Гоголь, С. Ожегова в VII 1956 г. от П. М. Рагозиной 72 л., Моталово (180).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 47, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от И. Т. Фофанова 69 л., Климова (126); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4820/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 24 VII 1932 г. от П. П. Царева 75 л., Северская (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 33, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 79 л., Семеново (99); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 212 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 181), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 49, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 26 VII 1958 г. от Д. И. Старицыной 55 л., Першлахта (2+пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 7, № 90, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от Д. И. Старицыной, Першлахта (пр.).

Каргопольщина: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3047/1, зап. в 1903 г. от А. Стахеевой, Шалякушка (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3047/3, зап. в 1903 г. от А. Стахеевой, Шалякушка (зв., отр.).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 838/2, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Ф. Нечаева, Сояна (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 11, № 2, зап. А. Рогова в VII 1976 г. от А. М. Кожевниковой 90 л., Пылема (21).

Центр: ИРЛИ, ФА, ФВ, Гринк. № 1, зап. Н. П. Гринкова в 1926 г. в Воронежской обл. (зв.).

Добрыня побеждает Змея и отпускает, побеждает вторично и освобождает Забаву Пуятяичну, Добрыня и Маринка.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 1, № 62, зап. М. М. Михайлов в VII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (284).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА

Западное Прионежье: МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 23, зап. Ю. Смирнов 8 VII 1960 г. от О. В. Потемкиной 62 л., Середка (пр.).

Восточное Прионежье: МГУ, 1958, п. 3, т. 4, № 12, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 13 VII 1958 г. от П. И. Абрамовой, Зехново (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 55-а, зап. Г. Н. Парилова 20 VII 1940 г. от Н. Л. Фадеевой, Ижгора (43); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 74, зап. А. В. Щемелева (Белованова) в VII 1955 г. от А. Л. Фадеевой 73 л., Ижгора (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 15, зап. И. К. Торопцев в 1938 г. от В. И. Ефимова 70 л., Ранина гора (45); МГУ, 1960, п. 3, т. 20, № 40, зап. В. Иевлева, В. Кузин, А. Михеев, С. Ожегова 13 VII 1960, от Е. К. Романова 79 л. Челмужи (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 2, т. 19, № 15, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от Я. С. Елусеева 71 г., Самково (пр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 14, зап. А. М. Астахова 20 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (409).

Добрыня побеждает Змея и отпускает, Добрыня и Настасья Микулична.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 67, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от Н. И. Антошкова. Ножево (185).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И АЛЕША ПОПОВИЧ
(НЕУДАЧНАЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ)

Западное Прионежье: МГУ, 1960, п. 2, т. 14, № 14, зап. Л. Евсева, И. Кочетков в VII 1960 г. от А. Я. Завьяловой 72 л., Гарницы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 70, № 3, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от П. Г. Горшкова 63 л., Демидово (111); АКФ, р. 3, оп. 1, № 76/1 (ПИЯЛИ, КЗ, № 96-а/9), зап. К. Н. Белова 2 I 1941 г. от П. Г. Горшкова из Демидова, Петрозаводск (зв.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 789/2, 790, зап. Е. В. Гиппиус 20 IX 1927 г. от А. С. Богдановой 66 л. из Зиновьева, Ленинград (зв.*, отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3492/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 12 I 1932 г. от Н. С. Богдановой 73 л., Зиновьево (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 74, № 46, зап. А. Д. Соймонов в 1937 г. от К. Ф. Буториной 76 л., Клементьевское (119); ИРЛИ, р. V, к. 192, п. 1, № 1, с. 178—185, зап. М. Н. Правдин в 1901 г. от Н. С. Еремеевой, Конда (289); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 737, зап. С. И. Бернштейн 24 VI 1926 г. от А. Б. Сурикова 68 л., Конда (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3489/3, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 10 I 1932 г. от К. Д. Андрианова 57 л., Конда (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 72, № 37, зап. И. Ананьев в III 1938 г. от М. Е. Самылина, Космозеро (165); АКФ, р. 3, оп. 1, № 56, зап. 31 XII 1940 г. от М. Е. Самылина из Космозера, Петрозаводск (зв., отр.); МГУ, 1956, т. 1, № 73 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 32), зап. С. Гоголь, С. Ожегова в 1956 г. от М. П. Рагозиной 72 л., Моталово (7+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 24, зап. Б. М. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 17 I 1932 г. от Ф. С. Амосова 52 л., Обозеро (144); МГУ, 1957, п. 2, т. 14, № 1, зап. Л. Гаврилова, М. Роговская в VII 1957 г. от А. Ф. Герасимовой 68 л., Палтига (85); МГУ, 1957, п. 2, т. 15, № 48, зап. Э. Бакалова, Н. С. Полищук в VII 1957 г. от А. К. Калининной, Паяницы (71); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4816/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 15 VII 1932 г. от А. Ф. Оргиной 29 л., Погост Деригорского сельсовета (зв.*, отр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 2, № 95, 96-а (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 149), зап. Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак в VII 1956 г. от А. А. Назарьевой 60 л., Сенная губа (14).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 189, зап. Г. Григорьева, И. Шарاپова 7 VII 1961 г., от А. В. Михеевой 74 л., Авдеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 99, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко 20 VII 1940 г. от А. Н. Тимоиной 63 л., Алексеево (145); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 130, зап. Г. Григорьева, 4 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (154); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 129, зап. Н. Пялинен, И. Шарاپова в VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 20, зап. А. Д. Соймонов 14 VII 1940 г. от Ф. Т. Миронкова, Гора (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 51, зап. Г. Н. Парилова 20 VII 1940 г. от А. Л. Фадеевой, Ижгора (232); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 76-а, зап. А. В. Щемелева (Белованова) в VII 1955 г. от А. Л. Фадеевой 73 л., Ижгора (пр.); АКФ, р. 3, оп. 1, № 62 (ПИЯЛИ, КЗ, № 95/2), зап. К. Н. Белова 6 V 1941 г. от И. Т. Фофанова из Климова, Петрозаводск (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 108, зап. Г. Григорьева, И. Шарاپова 3 VII 1961 г. от О. И. Фофановой 64 л., Климово (75); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4820/3, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 24 VII 1932 г. от А. М. Никоиной 88 л., Колповское (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4820/5, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 24 VII 1932 г. от А. Н. Корешковой 42 л., Колповское (зв.*, отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 5, № 9 (ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 18), зап. И. Ламакина в 1938 г. от А. Н. Корешковой 46 л., Костинская (116); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 17, № 99, зап. А. В. Белованова 30 VII 1946 г. от М. А. Павкова, Мелентьево (120); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 19, зап. С. Ожегова, Б. Кербелите в VII 1957 г. от А. И. Ульяновой 82 л., Новинка (Сумозеро) (186); МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 21, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 34, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 7, № 34, зап. Н. Н. Алексеев в II 1938 г. от Е. С. Журавлевой 42 л., пос. Первомайский (167); КПИ, 1973, кассета 4, зап. С. М. Лойтер, Л. Бабкина, Я. Гин в VII 1973 г. от К. А. Зятинной 66 л., Пудож (83+пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 10, № 77, зап. Б. Исадченко, Н. Муратова в VII 1960 г. от Е. В. Соколовой 62 л., Пяльмы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 55, зап. Бычкова в 1940 г. от Д. М. Ефимова, Ранина Гора (471); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 106, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от П. Т. Ярышевой 32 л., Римское (108); МГУ, 1960, п. 3, т. 22, № 16, зап. В. Иевлева, А. Михеев, С. Ожегова в VII 1960 г. от П. Т. Ярышевой, Римское (112); МГУ, 1960, п. 3, т. 24, № 40, зап. М. Соломина в VII 1960 г. от Е. И. Ермолиной 55 л., Римское (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 11, № 13, зап. Б. Исадченко, Н. Муратова в VII 1960 г. от И. Н. Урликовой 55 л., Римское (пр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3499/1, зап. Е. В. Гиппиус 15 I 1934 г. от Ф. А. Конашкова 74 л. из Семенова, Ленинград (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 44, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 79 л., Семе-

ново (250); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 215 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 194), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 6, № 92, зап. А. В. Белованова в 1938 г. от С. В. Якушевой, Семеново (149); АКФ, ф. 1, оп. 1, № 63, зап. М. М. Михайлов в VII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (317); МГУ, 1960, п. 2, т. 12, № 13, 60-а, зап. И. Геник, Л. Станкина в VII 1960 г. от В. Ф. Пашковой 80 л., Черново (полупр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 290, зап. Б. Е. Марголис, К. В. Чистов в 1940 г. от А. И. Митрофановой 58 л., Чуяла (полупр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 8, зап. А. Д. Соймонов 12 VII 1940 г. от М. И. Зубовой 70 л., Ярчево (158); МГУ, 1960, п. 2, т. 17, № 2, зап. Ю. Гейдинг, Т. Ярембаш в VII 1960 г. от И. А. Головановой 61 г., Ярчево (пр.); МГУ, 1960, п. 2, т. 17, № 32, зап. Ю. Гейдинг, Т. Ярембаш в VII 1960 г. от М. А. Шимковой 90 л., Ярчево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 52, зап. Г. Ф. Нефедов в 1938 г. (185); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 19, № 55, самозапись 16 X 1948 г. Ф. Ф. Кабрекова (265).

Кенозеро: МГУ, 1959, п. 3, т. 22, № 1, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева в VII 1959 г. от А. Г. Болозневой, Зехново (123); МГУ, 1959, п. 3, т. 22, № 11, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева в VII 1959 г. от А. Г. Болозневой, Зехново (пр.); МГУ, 1962, п. 4, т. 36, № 4, зап. Н. Михайлова, Н. Свиридова в VII 1962 г. от Е. Н. Сажинной 80 л., Йоктуша (пр.); МГУ, 1963, п. 3, т. 31, № 47, зап. С. Е. Никитина в VII 1963 г. от Т. И. Пономаревой 70 л., Конево (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 62, зап. в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 2, № 47, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 15 VII 1962 г. от А. А. Истоминой 80 л., Кухтин Наволок (Кузьянская) (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 44, зап. В. Велинская, А. Грибанов в VII 1958 г. от М. А. Солодягина 74 л., Масельга (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 1, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 29 VII 1958 г. от И. И. Калитиной 70 л., Мыза (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 3 зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 29 VII 1958 г. от И. И. Калитиной 70 л., Мыза (3); МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 6, зап. В. Велинская, А. Грибанов 25 VII 1958 г. от А. Ф. Сивцевой 40 л., Пороумское (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 6, № 1, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от М. П. Елисейевой, Ручьевская (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 22, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от К. А. Шумиловой 56 л., Симаково (пр.); МГУ, 1959, п. 1, т. 1, № 32, зап. И. Носкова 2 VII 1959 г. от Е. К. Луговской 69 л., Ундозерский погост (пр.); МГУ, 1959, п. 1, т. 1, № 35, зап. И. Носкова, Ю. Смирнов 3 VII 1959 г. от Е. К. Луговской 69 л., Ундозерский погост (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 12, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от С. М. Власовой 54 л., Ширияха (Ошевенск) (пр.); МГУ, 1963, п. 1, т. 7, № 104, зап. И. Носкова в VII 1963 г. от С. М. Власовой 54 л., Ширияха (Ошевенск) (пр.); МГУ, п. 3, т. 18, № 18, зап. В. Велинская, А. Грибанов 20—21 VII 1958 г. от М. Н. Лукиной 61 г., Шишкино (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1961, п. 2, т. 7-а, № 103, зап. О. Михайлова, И. Носкова в VII 1961 г. от Е. С. Половниковой 67 л., Дудинское (Дьяково) (пр.); МГУ, 1961, п. 1, т. 4, № 109, зап. Л. Иванова, Б. Исадченко в VII 1961 г. от Г. М. Солодягиной 45 л., Ларионово (пр.); МГУ, 1959, п. 1, т. 10, № 60, зап. Карцева, Ю. Новиков, Полидва 28—29 VI 1959 г. от М. А. Солодягина 74 л., Каргополь (пр.); МГУ, 1959, п. 4, № 35, № 5, зап. Г. Григорьева, Е. Костюхин 1 VII 1959 г. от М. И. Макарова 85 л., Орлово (Хвѣлинская, Ручей, Федоровицкая) (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 22, № 44, зап. Т. А. Арестова, М. Шляйна в VII 1962 г. от Е. С. Половниковой 68 л., Павлово (пр.); МГУ, 1963, п. 3, т. 27, № 49, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от Е. С. Поповой 73 л., Преслениха (пр.).
Моша: МГУ, 1959, п. 3, т. 30, № 84, зап. Ю. Новиков, С. Ожегова 26 IX—2 X 1959 г. от Т. Г. Пинаевой 63 л., Большая Орьма (2); МГУ, 1959, п. 4, т. 31, № 105, зап. Ю. Новиков, С. Ожегова 2 X 1959 г. от А. Г. Вавиловой 67 л., Большая Орьма (полупр.).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 45, № 4, зап. В. П. Аникин, Е. А. Зелинская в VII 1965 г. от Н. Ф. Ляпуновой 84 л., Клещево (пр.); МГУ, 1965, п. 2, т. 26, № 171, зап. Е. Токарева, Н. Юдина в VII 1965 г. от П. И. Алексеевой 79 л., Петровское (пр.); МГУ, 1965, п. 2, т. 28, № 29, зап. Т. Круня, А. Налепин в VII 1965 г. от И. Е. Таразановой 40 л., Усть-Кожа (пр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 180, зап. К. В. Чистов, С. Вавилина, Л. Лукина, И. Суханова, Т. Величко в 1956 г. от А. В. Ивановой 68 л., Гридино (110); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 4, зап. Т. Величко, И. Суханова, К. В. Чистов в 1956 г. от Д. Г. Мехниной 65 л., Гридино (285); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 91 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 16=к. 76, п. 3, № 15), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от У. С. Ерловой 56 л., Кагалаакша (95); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 224 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 22—24=к. 76, п. 3, № 21), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от К. Е. Редкиной 58 л., Кагалаакша (93); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 30, зап. Л. Лукина, И. Суханова в VII 1957 г. от П. В. Миккоевой, Поньгома (76); МГУ, 1968, т. 29, № 21, зап. Н. Плотникова в VII 1968 г. от П. В. Миккоевой 70 л., Поньгома (полупр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 15, зап. А. М. Астахова 21 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотца (988+вариант окончания 170).

Кулоя: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 830/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Е. Мелихова, Сояна (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 14, № 3, зап. И. Вогошина, И. Жукова, Т. Кривошапова в VII 1975 г. от М. В. Барашковой 69 л., Кильца (44); ИЭ, Архангельский отряд 1971 г., л. 50—53, зап. С. И. Дмитриева в VIII 1971 г. от Т. Г. Немногиной 79 л., Кимжа (122); МГУ, 1976, п. 1, т. 8, № 1, зап. В. Харитонова в VII 1976 г. от У. С. Кармановой 86 л., Койнас (пр.); МГУ, 1976, п. 1, т. 8, № 9, зап. В. Харитонова в VII 1976 г. от У. С. Кармановой 86 л., Койнас (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 5, № 4, зап. Л. Миронихина, Е. Цветкова в VII 1975 г. от Т. И. Анфимовой 82 л., Лобан (47); МГУ, 1975, п. 1, т. 6, № 8, зап. Л. Миронихина, Е. Цветкова в VII 1975 от Т. И. Анфимовой 82 л., Лобан (полупр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 3, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от С. А. Суднова 76 л., Печище (полупр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 12, № 3, зап. В. Харитонова в VII 1975 г. от А. М. Парыгиной 70 л., Тиглява (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 15, № 5, зап. Денисова, Рогова в VII 1975 г. от А. Я. Парыгиной 74 л., Тиглява (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 11, № 1, зап. Е. Калауцкая, Г. Трубицына в VII 1975 г. от М. М. Макаровой 78 л., Тиглява (полупр.).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 4 (ПИЯЛИ, КЗ, № 504/1, 505/1=ИРЛИ, ФА, МФ, № 769.04), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от В. И. Лагеева 69 л., Усть-Цильма (290, зв.).

Повольжье: ГЛМ, ФС, к. п., № 5/10096/1, л. 100—102, зап. Ф. И. Покровский в 1902 г. от И. А. Бабушкина, Кутьино (42).

Верхний Енисей: ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 38—41, зап. К. М. Некошнов в 1911 г. на р. Чуне (104).

Добрыня побеждает Змея и отпускает, побеждает вторично и освобождает Забаву Путятичну, Добрыня и Настасья, Добрыня и Алеша.

Мезень: ИЭ, Архангельский отряд 1971 г., л. 96—97, зап. С. И. Дмитриева в VIII 1971 г. от К. П. Кашуниной 70 л., Кильце (пр.).

Добрыня побеждает Змея и отпускает, Добрыня и Маринка, Добрыня и Алеша.

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 113, зап. В. Вилинская, А. Грибанов 18—23 VII 1958 г. от А. И. Матоговой 58 л., Горы (87); МГУ, 1958, п. 3, т. 5, № 9, зап. Ю. Смирнов 13 VII 1958 г. от Н. В. Абрамовой 46 л., Зехново (42); МГУ, 1958, п. 3, т. 4, № 13, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 13 VII 1958 г. от А. Е. Семеновой 54 л., Зехново (пр.).

Добрыня побеждает Змея и освобождает Забаву Путятичну, Добрыня и Алеша.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 3, зап. В. Р. Дмитриченко в VII 1938 г. от Е. А. Коковой 74 л., Рубцово (155); МГУ, 1960, п. 3, т. 20, № 41, зап. В. Иевлева, В. Кузин, А. Михеев, С. Ожегова 13 VII 1960 г. от Е. К. Романова 79 л., Челмужи (пр.).

Добрыня и Настасья, Добрыня и Маринка, Добрыня и Алеша.

Кенозеро: МГУ, п. 3, т. 4, № 2, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 13—18 VII 1958 г. от С. А. Кировой 64 л., Зехново (пр.).

Добрыня и Настасья, Добрыня и Алеша.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 253, зап. Г. Григорьева, 9—10 VII 1961 г. от А. Е. Канавина 67 л., Луг-остров (пр.); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 2, зап. Б. Кербелите, Ю. Новиков в VII 1957 г. от М. Т. Пахомова 74 л., Остров (пр.); МГУ, 1960, п. 2, т. 17, № 7, зап. Ю. Гейдинг, Т. Ярембаш в VII 1960 г., от И. А. Головановой 61 г., Ярчево (пр.).

Добрыня и Алеша, Добрыня и Настасья, Добрыня побеждает Змея и отпускает.

Восточное Прионежье: МГУ, 1960, п. 2, т. 17, № 38, зап. Ю. Грейдинг, Т. Ярембаш в VII 1960 г. от Медведева 74 л., Ранина Гора (пр.).

Добрыня побеждает Змея и отпускает, Добрыня и Настасья, Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 68, зап. В. Р. Дмитриченко в II 1938 г. от Н. И. Антошкова, Ножево (869).

Добрыня и Алеша, Добрыня и Василий Казимирович.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 710/1, 711, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л., из Гарниц, Петроград (зв.*,

отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 69, № 2, самозапись в 1937 г. П. И. Рябинина-Андреева, Гарницы (1021).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 39, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от А. С. Логинова (318).

Поединок Добрыни с Алешей, Добрыня и Василий Казимирович, Добрыня и Алеша.

Восточное Прионежье: ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 12, зап. И. Ламакина в 1938 г. от И. Т. Фофанова 67 л. (445).

ОТРЫВКИ БЫЛИН О ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ (НЕЯСНОЙ СЮЖЕТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3495/2, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 17 I 1932 г. от Ф. С. Амосова 52 л., Обозеро (зв., отр.).

Выгозеро: МГУ, 1956, п. 3, т. 32, № 5 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 972), зап. Л. Астафьева, К. Дубровина в VII 1956 г. от А. М. Ереминой 70 л., Петровский Ям (3).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 11, № 3, зап. А. Рогова в VII 1976 г. от М. Г. Шумковой 80 л., Пылема (3).

АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

А. Алеша побеждает Тугарина в поле.

Восточное Прионежье: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 1, зап. Б. Кербелите, Ю. Новиков в VII 1957 г. от А. И. Анкудинова 52 л., Кривцы (35); МГУ, 1960, п. 1, т. 11, № 53, зап. Б. Исадченко, Н. Муратова в VII 1960 г. от П. П. Гашкова 74 л., Римское (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 22, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (119).

Б. Алеша побеждает Тугарина в Киеве.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3495/4, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 17 I 1932 г. от И. Ф. Амосова 31 г., Обозеро (зв., отр.).

Алеша Попович освобождает сестру, побеждает Тугарина в поле.

Зимний берег: ГЛМ, ФС, к. п., № 9/6422/6, л. 1—10 (ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 2, № 2), зап. В. П. Чужимов в IX 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (387).

АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ЗБРОДОВИЧЕЙ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 42, зап. Г. Н. Парилова 11 VII 1940 г. от А. А. Соловьевой 53 л., Корчагино (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 4, т. 39, № 23, зап. Н. Карцева 28 VII 1962 г. от А. И. Елисейевой, Ручьевская (пр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 103 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 30), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от Х. И. Костиной 76 л., Калгалакша (38*).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 2, № 3, зап. В. П. Чужимов в VIII 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (240); ГЛМ, ФС, к. п., № 9/6422/5, л. 7 об.—13 об. (ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 2, № 3), зап. В. П. Чужимов в IX 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (240).

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ И КОРОЛЕВИЧНА

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 97, л. 195—197, зап. А. В. Марков 6 VII 1909 г. от И. Ф. Горшковой, Гридино (44); ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 6, зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от А. И. Ивановой 76 л., Гридино (70); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 213 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 13), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от А. И. Ивановой 76 л., Гридино (8+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 157 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 3=к. 76, п. 3, № 33), зап. Ф. 1, оп. 1, к. 35, № 141, зап. К. В. Чистов в VII 1956 г. от А. Т. Бурой 71 г., И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от К. И. Коноваловой 67 л., Гридино (62); АКФ, Гридино (81); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 9, зап. Т. Величко, И. Суханова, К. В. Чи-

стов в VII 1956 г. от А. С. Мехниной 65 л., Гридино (77); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 179, зап. К. В. Чистов, С. Вавилина, Л. Лукина, И. Суханова, Т. Величко в VII 1956 г. от А. В. Ивановой 68 л., Гридино (62); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 122 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 25=к. 76, п. 3, № 19), зап. И. Н. Эттина в VI—VII 1935 г. от К. Е. Реджиной 58 л., Калгалакша (77); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 58, № 46, зап. А. Ф. Солякова в X 1948 г. от Е. И. Ладиной 73 л., Кереть (61); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 27, № 174, зап. в 1913 г., Сорока (151); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 26, № 4, зап. А. М. Астахова 24 VII 1932 г. от А. С. Никитиной 72 л., Сумской Посад (63); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 28, № 109 (=к. 34, № 47), зап. М. А. Проккопьев 9 VI 1935 г. от А. И. Проккопьевой, Сухое (63); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 1, № 3, зап. Д. М. Балашов в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (77); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 201, зап. И. Суханова, Л. Лукина, С. Вавилина в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (78).

ПОЕДИНОК ДУНАЯ ИВАНОВИЧА С ДОБРЫНЕЙ НИКИТИЧЕМ

Кулой: ИРЛИ, р. V, к. 12, п. 1, № 1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от М. А. Красиковой 32 л., Карьеполье (53).

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ — СВАТ

А. Дунай и Добрыня сватают невесту для Владимира, встреча Дуная с Настасьей и женитьба, состязание и гибель их.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 706/2, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 21/1, зап. в 1926 г. от П. Г. Горшкова 50 л. из Демидова, Погост (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 70, № 6, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от П. Г. Горшкова 63 л., Демидово (381); АКФ, р. 3, оп. 1, № 75/2 (ПИЯЛИ, КЗ, № 96-а/2), зап. К. Н. Белова 2 I 1941 г. от П. Г. Горшкова из Демидова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 70, № 35, зап. К. Ф. Прохорова в VIII 1947 г. от П. Г. Горшкова 73 л., Демидово (352); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3493/2, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 12 I 1932 г. от Н. С. Богдановой 73 л., Зиновьево (зв., отр.); ИРЛИ, р. V, к. 192, п. 1, № 1, с. 162—173, зап. М. Н. Правдин в 1901 г. от Н. С. Еремеевой, Конды (408); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 72, № 47, зап. Кругликов в II 1938 г. от М. Е. Самылина, Космозеро (123).

Зимний берег: ГЛМ, ФС, к. п., № 9/6422/3, л. 1—35 об. (ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 2, № 4), зап. В. П. Чужимов 31 VIII 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (1395).

Кулой: ИРЛИ, р. V, к. 12, п. 1, № 5, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Н. П. Крычакова 70—80 л., Карьеполье (356).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 14, № 4, зап. И. Вогошина, И. Жукова, Т. Кривошапова в VII 1975 г. от М. В. Барашковой 69 л., Кильда (пр.).

Б. Дунай и Добрыня сватают невесту для Владимира, встреча Дуная с Настасьей и женитьба.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 10, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Коначкова 79 л., Семеново (208); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 227, 242 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 198, 199), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коначкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

В. Дунай и Добрыня сватают невесту для Владимира.

Карельский берег: ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 5 (=к. 76, п. 3, № 39), зап. И. Н. Эттина в VI—VII 1935 г. от А. И. Ивановой 76 л., Гридино (55*).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 5, № 10, зап. А. М. Астахова 31 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г. Нижняя Зимняя Золотица (948+пр.).

Кулой: ИРЛИ, р. V, к. 12, п. 1, № 2, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от М. А. Красиковой 32 л., Карьеполье (66); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 797/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от М. Красиковой, Карьеполье (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 838/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Ф. Нечаева, Сояна (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 18, № 3, зап. А. Иванова, В. Парамонов в VII 1975 г. от Т. А. Коршаковой 83 л., Бычье (26); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 426/1, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 13 V 1928 г. от И. И. Поздякова 57 л. и Д. С. Поздякова 57 л., Малые Нисогоры (зв.*, отр.).

Регион точно неизвестен: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3046/1, зап. в 1903 г. в Олонецкой губ. (зв., отр.).

Добрыня побеждает Змея и отпускает, побеждает вторично и освобождает Забаву Путятичну, Дунай и Добрыня сватают невесту для Владимира, Добрыня и Настасья, Добрыня и Алеша.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 132, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от И. А. Степановой 78 л., Пяльма (585).

ГИБЕЛЬ ДУНАЯ И НАСТАСЬИ (НЕПРА И ДОН)

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 134, зап. Г. Григорьева 4 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 6, № 91, зап. Н. Якушев в 1938 г. от С. В. Якушевой, Семеново (76).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 1, № 34, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 12—13 VII 1962 г. от У. А. Красиковой 89 л., Враниково (55).

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Западное Прионежье: МГУ, 1956, п. 1, т. 1, № 76 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 32-а), зап. С. Гоголь, С. Ожегова в VII 1956 г. от М. П. Рагозиной 72 л., Моталово (12).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 38, зап. А. М. Астахова 6 VII 1929 г. от Г. В. Поздеева 45 л., Рошинский Ручей (6).

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 710/2, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л., из Гарниц, Петроград (зв.*, отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 76, № 85, зап. Г. Н. Нефедов в 1937 г. от И. А. Степановой 78 л., Конда (258); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 34-а, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от А. Ф. Трухавой 53 л., Липовицы (395); МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 21, зап. Ю. Смирнов 7 VII 1960 г. от О. В. Потемкиной 62 л., Середка (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 22, зап. Ю. Смирнов 8 VII 1960 г. от О. В. Потемкиной 62 л., Середка (пр.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 133, зап. Г. Григорьева 4 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 188, зап. Г. Григорьева, И. Шарапова 7 VII 1961 г. от В. А. Михеевой 74 л., Авдеево (пр.); ИРЛИ, р. V, к. 192, п. 1, № 1, с. 226—227, зап. М. Н. Правдин в 1901 г. от Т. А. Фешева, Ижгоры (59); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 73, зап. А. В. Щемелева (Белованова) в VII 1955 г. от А. Л. Фадеевой 73 л., Ижгора (пр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4820/4, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 24 VII 1932 г. от А. М. Никоновой 88 л., Колповское (зв., отр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 26, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 35, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 6, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в VII 1957 г. от А. Г. Афонина, Остров (пр.); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 3, зап. К. Кербелите, Ю. Новиков в VII 1957 г. от М. Т. Пахомова 74 л., Остров (пр.); КПИ, кассета 4, зап. С. М. Лойтер, Л. Бабкина, Я. Гин в VII 1973 г. от К. А. Зятяиной 66 л., Пудож (11+пр.); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 23, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в VII 1957 г. от Е. И. Алексеевой 74 л., Рагнозеро (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 54, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от Ф. А. Конашкова 80 л., Семеново (270); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 218 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 177), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, р. 3, оп. 1, № 61/1, зап. в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова из Семенова, Петрозаводск (зв., повторная запись); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 74-а, зап. В. Р. Дмитриченко в II 1938 г. от Д. Т. Родина 67 л., Семеново (180+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 12, № 136, зап. А. В. Белованова 30 I 1941 г. от А. М. Пашковой 80 л., Семеново (943); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 1, № 65, зап. М. М. Михайлов в VII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (426).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 3, т. 25, № 27, зап. Н. Антонова, Т. Бирюкова в VII 1962 г. от С. И. Лениной 72 л., Гарь (пр.); МГУ, 1959, п. 3, т. 22, № 3, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева в VII 1959 г. от А. Г. Бóлозневой, Зехново (8); МГУ, 1962, п. 3, т. 25, № 21, зап. Н. Антонова, Т. Бирюкова в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 8, зап. В. Велинская, А. Грибанов 25 VII 1958 г. от А. Ф. Сивцевой 40 л., Пóромское (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 16, № 27, зап. В. Велинская, А. Грибанов 27 VII 1958 г. от А. М. Сивцева 57 л., Пóромское (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 4, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от Г. А. Шумилова 74 л., Симаково (пр.).

Каргопольщина: МГУ, 1962, п. 3, т. 22, № 45, зап. Т. А. Арестова, М. Шилина в VII 1962 г. от Е. С. Половниковой 68 л., Павлово (пр.).

Пинега: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 123/1, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 25 VI 1927 г. от Т. А. Бабиновского 68 л., Заборье (зв., отр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 51, № 287, зап. А. П. Разумова, А. А. Митрофанова в 1964 г. от А. И. Ефремовой 69 л., Калгалакша (81).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 839/2, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от П. Широкого, Великий Двор (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 831/2, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Е. Мелихова, Соляна (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 11, № 2, зап. Е. Калакуцкая, Г. Трубицына в VII 1975 г. от А. А. Михашиной 83 л., Азаполье (пр.).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 36, зап. А. М. Астахова 4 VII 1929 г. от А. Н. Хаханзыкской 68 л., Рошинский Ручей (104); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 598/1, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 7 VII 1929 г. от В. П. Носова 65 л. и Г. И. Носова 40 л., Усть-Цильма (зв.* отр.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 1, зап. Д. М. Балашов в VII 1963 г. от Г. В. Вокуева 81 г., Усть-Цильма (181).

Регион неизвестен: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 40, № 119, зап. М. И. Силов в 1935 г. (114).

Дюк и Чурила, Дюк (вместо Добрыни) и Алеша.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 164, зап. К. В. Чистов 21 VII 1940 г. от В. М. Родина 70 л., Балдина Гора (365).

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА

Западное Прионежье: МГУ, 1957, п. 2, т. 15, № 38, зап. Э. Бакалова, Н. С. Полищук в VII 1957 г. от А. Н. Колчиной, Богомолковское (51); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 80, № 51, зап. Н. С. Полищук в 1957 г. от А. Н. Колчиной, Богомолковское (22); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 41, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 23 I 1932 г. от А. Т. Тихоновой 69 л., Боярщина (7); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3487/2, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 1 I 1932 г. от П. И. Рябинина-Андреева 27 л., Гарницы (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 783—785, 789/1, зап. Е. В. Гиппиус 20 IX 1927 г. от А. С. Богдановой 66 л., из Зиновьева, Ленинград (зв.*); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3492/2, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 12 I 1932 г. от Н. С. Богдановой 73 л., Зиновьево (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 196, зап. М. Б. Каминская 29 VII 1932 г. от Н. С. Зиновьевой 71 г., Зиновьево (133); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3489/4, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 10 I 1932 г. от К. Д. Андрианова 57 л., Конда (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 23, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 17 I 1932 г. от Я. А. Сысоева 41 г., Обозеро (79); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3495/3, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 17 I 1932 г. от Я. А. Сысоева 41 г., Обозеро (зв., отр.); МГУ, 1957, п. 2, т. 15, № 49, зап. Э. Бакалова, Н. С. Полищук в VIII 1957 г. от А. К. Калининой, Пяницы (35); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4810/3, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 12 VI 1932 г. от Е. И. Моисеевой, Харлово (зв., отр.); МГУ, 1957, п. 2, т. 14, № 72, зап. Л. Гаврилова, М. Роговская в VII 1957 г. от Е. И. Моисеевой 56 л., Харлово (67).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 226, зап. Б. Е. Марголис, К. В. Чистов 21 VII 1940 г. от М. В. Родина 70 л., Балдина Гора (120); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 244, зап. Г. Григорьева 9—10 VII 1961 г. от Д. М. Канавиной 66 л., Луг-остров (51); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 245, зап. Г. Григорьева 9—10 VII 1961 г. от Д. М. Канавиной 66 л., Луг-остров (48); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3499/2, зап. Е. В. Гиппиус 15 I 1934 г. от Ф. А. Конашкова 74 л. из Семенова, Ленинград (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 47, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от Ф. А. Конашкова 80 л., Семеново (98); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 233, 234 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 196, 197), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск, (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 130, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от И. А. Степановой 78 л., Пяльма (98); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 136, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от И. А. Степановой 78 л., Пяльма (122); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 105-а, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от П. Т. Ярошевой 32 л., Римское (65); МГУ, 1960, п. 3, т. 22, № 19, зап. В. Иевлева, А. Михеев, С. Ожегова в VII 1960 г. от П. Т. Ярошевой, Римское (85).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 9, № 111, зап. Н. Притулина, Е. Шевченко в VII 1962 г. от М. И. Красковой 77 л., Вранниково, (полупр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 13, № 105, зап. Ю. Новиков, Т. Ярембаш в VII 1958 г. от И. П. Артемьева, Коровино (39); МГУ, 1959, п. 2, т. 15, № 26, зап. Т. Макашина, Н. Фомина 22—23 VII 1959 г. от П. Н. Тиуновой 73 л., Нижнее Волошово (полупр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 16, № 28, зап. В. Велинская, А. Грибанов 27 VII 1958 г. от А. М. Сив-

цева 57 л., Пóромское (101); МГУ, 1959, п. 5, т. 1, № 23, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 21 I 1959 г. от А. М. Сивцева 58 л., Пóромское (115); МГУ, 1958, п. 3, т. 17, № 8, зап. В. Велинская, А. Грибанов в VII 1958 г. от Г. Д. Сивцева 60 л., Пóромское (2); МГУ, 1959, п. 5, т. 1, № 3, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 20 I 1959 г. от А. Н. Сивцева 72 л., Пóромское (12); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 49, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 4 II 1959 г. от А. М. Костиной 68 л., Симаково (41); МГУ, 1962, п. 1, т. 1, № 32, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 10 VII 1962 г. от А. М. Костиной 72 л., Симаково (47); МГУ, 1962, п. 1, т. 9, № 7, зап. Н. Притулина, Е. Шевченко 8 VII 1962 г. от А. А. Осиповой 68 л., Симаково (46); МГУ, 1962, п. 1, т. 9, № 8, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 8 VII 1962 г. от А. А. Осиповой 68 л., Симаково (45); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 15, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от К. А. Шумиловой 56 л., Симаково (37); МГУ, 1962, п. 1, т. 1, № 29, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 9 VII 1962 г. от К. А. Шумиловой 59 л., Симаково (38).

Моша: МГУ, 1959, п. 4, т. 31, № 104, зап. Ю. Новиков, С. Ожегова 2 X 1959 г. от А. Г. Вавиловой 67 л., Большая Орьяма (пр.).

Терский берег: ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 95 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 44, № 278), зап. Д. М. Балашов в VII—VIII 1957 г. от А. Е. Чуниной 54 л., Варзуга (45).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 5, № 9, л. 17 об.—29, зап. А. М. Астахова 28 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (335).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 832/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от С. Крапивина, Сояна (зв., отр.).

Мезень: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 360/2, зап. Э. В. Эвальд 1 VII 1928 г. от М. Г. Антонова 60 л., Усть-Низема (зв., отр.).

Печора: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 655/2, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 14 VII 1929 г. от Е. П. Чупрова 39 л., Аврамовская (зв.* отр.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 7 (ПИЯЛИ, КЗ, № 509/12=ИРЛИ, ФА, МФ, № 770.02), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от П. Н. Рочевой 39 л., Трусово (40, зв.).

СОРОК КАЛИК

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 137, зап. Г. Григорьева 4 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.).

Северная Двина: ИРЛИ, ФА, МФ, № 1349.02, зап. К. Н. Великанова в 1969—1970 гг. от Б. В. Шергина из Архангельска, Москва, (зв.).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 835/2, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Ф. Нечаева, Долгощелье (зв., отр.); ИРЛИ, р. V, к. 12, п. 1, № 3, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от М. А. Красиковой 32 л., Карьеполье (103); ИРЛИ, р. V, к. 12, п. 1, № 7, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от А. Зуева, Кулой (99).

Мезень: ИЭ, Архангельский отряд 1971 г., л. 54, зап. С. И. Дмитриева в VIII 1971 г. от Т. Г. Немнюгиной 79 л., Кимжа (26).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 43, зап. А. М. Астахова 5 VII 1929 г. от И. Г. Носова, Усть-Цильма (62).

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 5, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 79 л., Семеново (176); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 223 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 187), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 7, № 55, зап. Н. Н. Алексеев в 1938 г. от А. Мальшевой 30 л., Семеново (76); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 44, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от В. С. Кигачева 42 л., Тубозеро (197).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 4, т. 36, № 3-а, зап. Н. Михайлова, Н. Свиридова в VII 1962 г. от Е. Н. Сажиной 80 л., Йоктуша (пр.).

Пинега: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 885/1, зап. О. Э. Озаровская в 1916 г. от М. Д. Кривополеновой 72 л. (зв., отр.).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 38, зап. А. М. Астахова 6 VII 1929 г. от Г. В. Поздеева 45 л., Роцинский Ручей (4).

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Западное Прионежье: МГУ, 1960, п. 1, т. 2, № 1, зап. А. Музылев, Ю. Смирнов 9 VII 1960 г. от Е. А. Кóчановой 58 л., Воробьи (28+пр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 14, № 11 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 629), зап. Е. А. Ремезова, Э. В. Померанцева, О. Л. Свешникова 12 VIII 1956 г. от А. Я. Завьяловой 65 л., Гар-

ницы (пр.); МГУ, 1960, п. 2, т. 14, № 21, зап. Л. Евсеева, И. Кочетков в VII 1960 г. от А. Я. Завьяловой 72 л., Гарницы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 70, № 5, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от П. Г. Горшкова 63 л., Демидово (200); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 743, зап. С. И. Бернштейн 24 VI 1926 г. от А. Б. Сурикова 68 л., Конда (зв., отр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 5, № 14 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 271), зап. Л. Гаврилова, В. Гацак, Н. Савушкина, Г. Семар в VII 1956 г. от Е. Б. Сурикова 90 л., Конда (13+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 72, № 48, зап. Кругликов в II 1938 г. от М. Е. Самылина, Косозеро (216); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 35-а, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от А. Ф. Труховой 53 л., Липовицы (88); ИРЛИ, р. V, к. 27, п. 2, № 2, л. 67—67 об., зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 24 VI 1932 г. от Н. Кулатовой 26 л., Харлово (49).

Выгозеро: МГУ, 1956, п. 3, т. 32, № 1 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 968), зап. Л. Астафьева, К. Дубровина в 1956 г. от А. М. Ереминой 70 л., Петровский Ям (61).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 42, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от А. С. Логинова, Алексеево (96); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 13, № 14, самозапись в VIII 1938 г. Н. А. Ремезова 61 г., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 135, зап. Г. Григорьева 4 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 21, № 136, зап. Г. Григорьева 4 VII 1961 г. от К. Е. Ремезовой 76 л., Алексеево (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 56, зап. Г. Н. Парилова 21 VII 1940 г. от И. А. Кережина 78 л., Бураково (34+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 20, № 75, зап. А. В. Шемелева (Белованова) в VII 1955 г. от А. Л. Фадеевой 73 л., Ижгора (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 238, зап. Б. Е. Марголис 14 VII 1940 г. от Т. А. Софронова 78 л., Кево-Сальми (21); МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 22, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбиды (пр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4810/4, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 12 VI 1932 г. от А. М. Денисовой 60 л., Пудожгора (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 5, № 20 (ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 16), зап. И. Ламакина в 1938 г. от О. И. Дмитриева 80 л., Рагнозеро (180); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 24, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в VII 1957 г. от Е. И. Алексеевой 74 л., Рагнозеро (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 4, зап. И. К. Торопцев в 1938 г. от Ф. М. Ефимова 69 л., Ранина Гора (268); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 17, № 101, зап. А. В. Белованова в 1946 г. от Ф. М. Ефимова 81 г., Ранина Гора (68); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 4818/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 21 VII 1932 г. от А. М. Денисова 60 л., Римское (зв., отр.); МГУ, 1960, п. 3, т. 22, № 44, зап. В. Иевлева, А. Михеев, С. Ожегова в VII 1960 г. от П. Т. Ярошевой, Римское (полупр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 55, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от Ф. А. Коначкова 80 л., Семеново (330); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 219—221 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 200—202), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коначкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); МГУ, 1959, п. 3, т. 23, № 35, зап. Г. Григорьева в VII 1959 г. от М. А. Халаимовой 68 л., Усть-Река (3+пр.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 4, т. 36, № 3, зап. Н. Михайлова, Н. Свиридова в VII 1962 г. от Е. Н. Сажинной 80 л., Йоктуша (пр.); МГУ, 1963, п. 3, т. 25, № 79, зап. Н. Изряднова, Е. Шевченко в VII 1963 г. от Е. Н. Сажинной 78 л., Йоктуша (пр.); МГУ, 1962, п. 3, т. 18, № 57, зап. И. Носкова в VII 1962 г. от Е. В. Соколовой 65 л., Кривцы (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 10, № 14, зап. Н. Притулина, Е. Шевченко в VII 1962 г. от П. Т. Кухтиной 49 л., Савино (пр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 4, № 4, зап. В. Маркова, И. Панина в VII 1975 г. от А. Н. Сахарова 81 г. Усть-Няфта (пр.).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 3 (ПИЯЛИ, КЗ, № 502/1, 503/1=ИРЛИ, ФА, МФ, № 769.03), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от В. И. Лагеева 69 л. и Е. Н. Кирилловой 73 л., Усть-Цильма (286, зв.).

СВАТОВСТВО ИДОЛИЩА

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 30, № 80, зап. Г. Н. Парилова 24 IX 1940 г. от А. М. Канаревой 49 л., Сорока (56).

ИВАН ГОДИНОВИЧ

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3492/4, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 12 I 1932 г. от Н. С. Богдановой 73 л., Зиновьево (зв.* отр.).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 40, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от А. С. Логинова, Алексеево (190).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 7, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 29 VII 1958 г. от А. С. Калитиной 66 л., Заречье (10+пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 112, зап. В. Велинская, А. Грибанов 16 VII 1958 г. от А. И. Кузнецовой 90 л.,

Ряпусово (пр.); МГУ, 1961, п. 3, т. 10, № 88, зап. Н. Макарова, Н. Софронова в VII 1961 г. от Е. Н. Ступиной 65 л., Щепаново (95).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 91, л. 268—271 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 7—8 об.), зап. А. В. Марков 5 VII 1909 г. от И. М. Мяхнина, Гридино (88).

Терский берег: ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 22 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 44, № 203/1), зап. Д. М. Балашов в VII—VIII 1957 г. от М. П. Дьячковой 57 л., Варзуга (40); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 54, № 79, зап. Д. М. Балашов в 1964 г. от М. П. Дьячковой 64 л., Варзуга (7); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 2, № 114, зап. Д. М. Балашов в VII—VIII 1957 г. от Е. Д. Коневой 59 л., Варзуга (12); ПИЯЛИ, КЗ, № 179/3, зап. Д. М. Балашов в 1961 г. от Е. Д. Коневой, Варзуга (зв.).

Зимний берег: ГЛМ, ФС, к. п., № 240/67—2, л. 1—13, зап. Р. С. Липец в IX 1937 г. от П. В. Ануфриевой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (335).

Мезень: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 402/1, зап. Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд 6 VII 1928 г. от Н. К. Семенова 76 л., Белошелье (зв.*, отр.).

МИХАЙЛО ПОТЫК

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 36-а, зап. Е. П. Родина в V 1938 г. от А. Ф. Трухавой 53 л., Липовцы (105).

Восточное Прионежье: ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 9, зап. И. Ламакина в 1938 г. от И. Т. Фофанова 67 л., Климово (340); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 14, № 22, зап. в 1940 г. от И. Т. Фофанова 71 г., Климово (445); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 222 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 195), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коначкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв., отр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 23, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. (163).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 82, л. 239—241 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 25—25 об.), зап. А. В. Марков 3 VII 1909 г. от П. Редкиной, Гридино (56+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 185, зап. К. В. Чистов, С Вавилина, Л. Лукина, И. Суханова, Т. Величко в 1956 г. от А. В. Ивановой 68 л., Гридино (172).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 5, № 9, л. 44 об.—59, зап. А. М. Астахова 28 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (456+пр.).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 831/3, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Е. Мелихова, Соина (зв., отр.).

Печора: ИРЛИ, р. V, к. 6, п. 1, № 34, зап. А. М. Астахова 4 VII 1929 г. от А. Н. Хаханзынской 68 л., Рошинский Ручей (пр.).

ДАНИЛО ЛОВЧАНИН

Восточное Прионежье: ИРЛИ, р. V, к. 192, п. 1, № 1, с. 194—200, зап. А. С. Лесков в 1901 г. от С. Иванова, Климово (246).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 19, зап. А. М. Астахова 27 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (662).

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 10, № 24, зап. Н. В. Микишанов в 1939 г. от Н. В. Кигачева 43 л. из Тубозера, Петрозаводск (247).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 26, № 183, зап. Е. Токарева, Н. Юдина в VII 1965 г. от П. И. Алексеевой 79 л., Петровское (полупр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 178, зап. К. В. Чистов, С. Вавилина, Л. Лукина, И. Суханова, Т. Величко в 1956 г. от А. В. Ивановой 68 л., Гридино (69); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 5, зап. Т. Величко, И. Суханова, К. В. Чистов в 1956 г. от А. С. Мехниной 65 л., Гридино (33).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 14, № 5, зап. И. Вогошина, И. Жукова, Т. Кривошапова в VII 1975 г. от М. В. Барашковой 69 л., Кильца (18).

ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 114, зап. В. Вилинская, А. Грибанов 18—23 VII 1958 г. от А. И. Матюговой 58 л., Горы (10+пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 60, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 25—27 VII 1958 г. от А. М. Артемьевой 72 л., Першлахта (49); МГУ, 1959, п. 5, т. 2, № 94; зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в I 1959 г. от А. М. Артемьевой, Першлахта (54); МГУ, 1962, п. 3, т. 21,

№ 61, зап. В. Иевлева, А. Чугунов в VII 1962 г. от А. В. Тишининой 78 л., Першлахта (36); МГУ, 1958, п. 3, т. 15, № 86, зап. В. Велинская, А. Грибанов 13 VII 1958 г. от Н. П. Сидоровой 52 л., Спицыно (23+полупр.).

Карельский берег: ГБА, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 73, л. 185—186 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 5—5 об.), зап. А. В. Марков 2 VII 1909 г. от П. И. Ивановой, Грядино (39); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 107 (ИРЛИ, р. V, к. 76, п. 3, № 8), зап. И. Н. Эттина в VI—VII 1935 г. от М. С. Ефремовой 83 л., Калгалакша (17); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 56, зап. П. Величко, И. Суханова в 1956 г. от А. И. Ефремовой 63 г., Калгалакша (29); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 58, № 48, зап. А. Ф. Солякова в X 1948 г. от Е. И. Ладиной 73 л., Кереть (51); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 29, № 112, зап. А. В. Хайкина, Е. Я. Ленец 8 VII 1938 г. от М. С. Парамоновой 65 л., Сорокский (39).

Поволжье: ГЛМ, ФС, к. п., № 5/10096/1, л. 103—104, зап. Ф. И. Покровский в 1902 г. от И. А. Бабушкина и М. К. Токарева, Кутьино Саратовской губ. (22).

СУХМАН ОДИХМАНТЬЕВИЧ

Восточное Прионежье: ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 2, № 17, зап. И. Ламкина в 1938 г. от М. А. Павкова 47 л., Мелентьева (135); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 7, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 77 л., Семеново (101); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 228, 229 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 190, 191), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, р. 3, оп. 1, № 64 (ПИЯЛИ, КЗ, № 95/4), зап. К. Н. Белова 6 V 1941 г. от Н. В. Кигачева из Тубозера, Петрозаводск (зв.).

Карельский берег: АКФ, р. 3, оп. 1, № 104, 105 (ПИЯЛИ, КЗ, № 98/12, 99/1), зап. Н. И. Богданова, В. Я. Евсеев 6 III 1941 г. от А. Е. Старикова из Керети, Петрозаводск (зв.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 1, № 17, зап. Д. М. Балашов в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (70); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 1, № 2, зап. Д. М. Балашов, в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (32); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 202, зап. И. Суханова, С. Вавилина, Л. Лукина в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (38).

Поволжье: ИРЛИ, ФА, МФ, № 363.08, 364.01, зап. В. В. Коргузалов 6 VII 1957 г. от М. П. Миронова 74 л., Вязьино Саратовской обл. (зв.).

МИХАИЛ ДАНИЛОВИЧ

Якутия: ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 15, № 6, зап. Д. Д. Травин 4 IX 1928 г. от Г. А. Чихачева в Русском Устье (115).

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ

Восточное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 236 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 188), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 11, зап. А. М. Астахова 6 VIII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (706).

Мезень: ИЭ, Архангельский отряд 1971 г., л. 55, зап. С. И. Дмитриева в VIII 1971 г. от Т. Г. Немнюгиной 79 л., Кимжа (28).

Турь.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 38, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Конашкова 79 л., Семеново (75); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 66, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от Ф. А. Конашкова 80 л., Семеново (41); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 217 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 210), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 44, зап. Г. Ф. Нефедов в 1940 г. от П. Н. Журавлева 63 л., Явгансалга (22).

Карельский берег: ИРЛИ, р. V, к. 271, п. 2, № 124 (ИРЛИ, ФА, ФМ, 1977, Онеж. ЭР, № 36.11.345), зап. А. Н. Мартынова, Л. Ф. Морохова, В. П. Шифф 29 VII 1977 г. от А. А. Морозовой 68 л., Вирьма (16, зв.); ГБА, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 34, л. 24, зап. А. В. Марков 19 VI 1909 г. от П. Т. Корольковой 50 л., Сума (18).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 3, № 3, зап. В. П. Чужимов в VIII 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (96); ГЛМ, ФС, к. п., № 9/6422/6, л. 22—26, зап. В. П. Чужимов 30 VIII 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (51).

Печора: ПИЯЛИ, КЗ, № 509/6, зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Поздеевой, Роцинский Ручей (зв.).

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 72, № 35, зап. И. Ананьев в III 1938 г. от М. Е. Самылина, Космозеро (54).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 24, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (345); МГУ, 1959, п. 3, т. 23, № 36, зап. Г. Григорьева в VII 1959 г. от М. А. Халаимовой 68 л., Усть-Река (3+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 4, № 45, зап. Г. Ф. Нефедов в 1938 г. от П. Н. Журавлева 63 л., Явгансельга (36).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 28, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 31 VII 1958 г. от А. С. Дорофеева 70 л., Кумбасозеро (6); МГУ, 1958, п. 3, т. 8, № 29, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 1 VIII 1958 г. от А. С. Дорофеева 70 л., Кумбасозеро (8+пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 1, № 31, зап. Н. Изряднова, Ю. Смирнов 10 VII 1962 г. от А. М. Костиной 72 л., Самково (7).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 43, № 2, зап. Л. Заковоротная, С. Сердюк в VII 1965 г. от Е. И. Первушиной 67 л., Поле (20+пр.).

Мезень: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 320/2, зап. Э. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 24 VI 1928 г. от И. К. Букина 40 л., Латьюга (зв.* отр.).

ПОЕЗДКА ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 26, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. (95).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 11, № 4, зап. Е. Калакуцкая, Г. Трубицына в VII 1975 г. от А. Н. Чуповой, Азаполье (полупр.).

Василий Буслаев и новгородцы, поездка его.

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3491/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 10 I 1932 г. от Е. Б. Сурикова 63 л., Конда (зв.* отр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 5, № 15 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 272), зап. Л. Гаврилова, В. Гацак, Н. Савушкина, Г. Семар в VII 1956 г. от Е. Б. Сурикова 90 л., Конда (185).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 48, зап. Г. Н. Парилова 13 VII 1940 г. от И. Ф. Мишкина, Великодворская (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 157, зап. Ю. М. Агулянский, Б. Е. Марголис, К. В. Чистов 7 VII 1940 г. от Х. М. Пименовой 65 л., Новинка (Сумозеро) (160); МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 20, зап. Б. Кербелите, Е. Костюхин, Ю. Новиков, С. Ожегова в VII 1957 г. от Х. М. Пименовой, Новинка (Сумозеро) (113); МГУ, 1960, п. 2, т. 18, № 27, зап. Ю. Гейдинг, Т. Ярембаш в VII 1960 г. от Х. М. Пименовой 90 л., Новинка (112).

Каргопольщина: ГЛМ, ФС, к. п., № 240, п. 31 л. 101—104, зап. Э. Г. Бородина 25 VII 1937 г. от И. П. Семенова 38 л., Вельцы (полупр.).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 5, № 8, зап. А. М. Астахова 29 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (490).

САДКО В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 72, № 36, зап. И. Ананьев в III 1938 г. от М. Е. Самылина, Космозеро (пр.).

Каргопольщина: ГЛМ, ФС, к. п., № 240, п. 31, л. 97—100, зап. Э. Г. Бородина 25 VII 1937 г. от И. П. Семенова 38 л., Вельцы (полупр.).

Мезень: ИЭ, Архангельский отряд 1971 г., зап. С. И. Дмитриева в VIII 1971 г. от Т. Г. Немнюгиной 79 л., Кимжа (пр.).

Центр: ИРЛИ, ФА, ФВ, Гринк., № 2, зап. Н. П. Гринкова в 1926 г. в Воронежской обл. (зв.).

Садко получает богатство, Садко в подводном царстве.

Зимний берег: ГЛМ, ФС, к. п. № 9/6422/3, л. 37—60 (ИРЛИ, р. V, к. 72, п. 2, № 5), зап. В. П. Чужимов 1 IX 1934 г. от М. С. Крюковой 58 л., Нижняя Зимняя Золотица (834).

Садко состязается с Новгородом, Садко в подводном царстве.

Восточное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 224—226 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 211—213), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Конашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

Онега: МГУ, 1965, п. 2, т. 43, № 1, зап. Л. Заковоротная, С. Сердюк в VII 1965 г. от Е. И. Первушиной 67 л., Поле (полупр.).

Садко получает богатство, состязается с Новгородом, Садко в подводном царстве.

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 12, № 16, т. 4, л. 173—227.

зап. в 1938 г. от А. М. Пашковой, Семеново (497); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 1, № 64, зап. М. М. Михайлов в VII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (358).

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 41, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Коначкова 77 л., Семеново (35); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 237, 239 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 206, 174), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коначкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 25-а, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (117);

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 32, № 144, самозапись в 1940 г. Ф. Н. Свинына (62).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 17, зап. А. М. Астахова 19 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (415).

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 709/1, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв.*; отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 713, зап. С. И. Бернштейн 20 VI 1926 г. от П. И. Рябинина-Андреева 21 г., Гарницы (зв., отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3486/2, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 30 XII 1931 г. от П. И. Рябинина-Андреева 27 л., Гарницы (зв.*; отр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 14, № 14 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 632), зап. Е. А. Ремезова, Э. В. Померанцева, О. Л. Свешникова 12 VIII 1956 г. от А. Я. Завьяловой 65 л., Гарницы (9+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 68, № 29, зап. Б. М. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 19 I 1932 г. от М. К. Рябинина 34 л., Кижы (60); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 741, зап. С. И. Бернштейн 24 VI 1926 г. от А. Б. Сурикова 68 л., Конда (зв., отр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 1, № 77, зап. С. Гоголь, С. Ожегова в VII 1956 г. от М. П. Рагозиной 72 л., Моталово (1).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 41, зап. Г. Н. Парилова 11 VII 1940 г. от А. А. Соловьевой 53 л., Корчагино (51); МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 23, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 36, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 11, № 53-а, зап. Б. Исадченко, Н. Муратова в VII 1960 г. от П. П. Гашкова 74 л., Римское (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 29, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Коначкова 79 л., Семеново (86); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 67, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от Ф. А. Коначкова 80 л., Семеново (77); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 240, 241 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 175, 176), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коначкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 12, № 10, зап. А. П. Антипова в III 1937 г. от А. М. Пашковой 77 л., Семеново (62); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 25, зап. В. Р. Дмитриченко в VIII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (153); МГУ, 1960, п. 3, т. 20, № 39, зап. В. Иевлева, В. Кузин, А. Михеев, С. Ожегова 13 VII 1960 г. от Е. К. Романова 79 л., Челмужи (пр.).

Кенозеро: МГУ, 1962, п. 1, т. 6, № 8, зап. Г. Григорьева, Б. Исадченко в VII 1962 г. от М. П. Елисеевой, Ручьевская (пр.).

Северная Двина: МГУ, 1967, т. 10, № 171, зап. О. Видова в VII 1967 г. от Н. А. Михайлова 68 л., Константиново (пр.).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 32, № 144-а, самозапись в II 1939 г. Ф. Н. Свинына (160).

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 16, зап. А. М. Астахова 18 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (300).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 9, № 2, зап. Вопешина в VII 1976 г. от И. И. Листова 80 л., Пылема (пр.).

Волх Всеславьевич, Вольга и Микюла.

Западное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 76, № 84, зап. Г. Ф. Нефедов в 1937 г. от И. А. Степановой 78 л., Конда (218).

СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 1, № 60, зап. М. М. Михайлов в VII 1938 г. от Н. В. Кигачева 42 л., Тубозеро (31).

Святогор и тяга земная, Илья Муромец и Святогор.

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 13, № 7, зап. Массарани, Одинцова в VII 1975 г. от С. А. Суднова 76 л., Печище (пр.).

Святогор и тяга земная, Илья Муромец и жена Святогора, Илья и Святогор, Илья побеждает Соловья-Разбойника.

Северная Двина: МГУ, 1951, п. 22, т. 28, № 2, зап. В. Белевицкая, Л. Звонникова в 1951 г. от К. М. Сорванова, колхоз «Рассвет Севера» (пр.).

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ

Зимний берег: ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 18, зап. А. М. Астакова в VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (769).

СУРОВЕЦ-СУЗДАЛЕЦ

Якутия: ИРЛИ, р. V, к. 1, п. 15, № 7, зап. Д. Д. Травин 4 IX 1928 г. от Г. А. Чихачева, Русское Устье (42).

САУЛ ЛЕВАНИДОВИЧ

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 57, зап. Т. Величко, И. Суханова в VII 1956 г. от А. И. Ефремовой 63 л., Калгалакша (45).

РОМАН ДМИТРИЕВИЧ И БРАТЬЯ ЛИВИКИ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 39, зап. М. А. Иванова в 1937 г. от Ф. А. Кошашкова 79 л., Семеново (50); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 235, 238 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 205, 189), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Кошашкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 17, № 97, зап. А. В. Белованова в 1945 г. от А. А. Портнягина 78 л., Старое Сигово (110).

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 709/2, зап. С. И. Бернштейн 23 II 1921 г. от И. Г. Рябининой-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв.*, отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3486/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпонкина 30 XII 1931 г. от П. И. Рябининой-Андреева 27 л., Гарницы (зв., отр.); АКФ, р. 3, оп. 1, № 57, зап. 2 II 1941 г. от П. И. Рябининой-Андреева из Гарниц, Петрозаводск (зв.); ИРЛИ, р. V, к. 192, п. 1, № 1, с. 186—188, зап. М. Н. Правдин в 1901 г. от М. А. Фроловой, Горка (97).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 10, № 25, зап. Н. В. Мишкишанов в 1939 г. от Н. В. Кигачева 43 л. из Тубозера, Петрозаводск (260); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 10, № 25-а, самозапись 5 I 1940 г. Н. В. Кигачева 44 л., Тубозеро (260).

КОЗАРИН ПЕТРОВИЧ

А. Козарин по совету вещего ворона освобождает девушку, которая оказывается его сестрой.

Пинега: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 176/2, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 9 VII 1927 г. от М. Ф. Смоленской 66 л., Смоленцы (зв.*, отр.).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 58, л. 108 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 21), зап. А. В. Марков 29 VI 1909 г. от А. С. Мяхнина, Гридино (20); ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 64, л. 222—225 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 17—18 об.), зап. А. В. Марков 1 VII 1909 г. от Авдотьи Петровны 61 г., Гридино (74+пр.); ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 79, л. 234—237 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 19—20 об.), зап. А. В. Марков 3 VII 1909 г. от Авдотьи Михайловны, Гридино (71); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 1, зап. Т. Величко, И. Суханова, К. В. Чистов в VII 1956 г. от А. С. Мехниной 65 л., Гридино (110); МГУ, 1968, т. 15, № 20, зап. Е. Токарева, Н. Юдина в VII 1968 г. от С. К. Петровой 75 л., Черная Река (54).

Мезень: МГУ, 1976, п. 1, т. 7, № 4, зап. В. Жибкова, Т. Сиротина в VII 1976 г. от А. С. Морозовой 80 л., Заручье (пр.); МГУ, 1975, п. 1, т. 8, № 1, зап. М. Кузьминская, Л. Незванкина 3 VII 1975 г. от Е. А. Рахманиной 73 л., Каменка (113); МГУ, 1975, п. 1, т. 8, № 5, зап. М. Кузьминская, Л. Незванкина 25 VII 1975 г. от Е. А. Рахманиной 73 л., Каменка (112+пр.); ИРЛИ, ФА, МФ, № 1063.017, зап. В. В. Коргузалов, Г. В. Матвеев 16 III 1976 г. от А. Е. Рахманиной 73 л., Каменка (зв.).

Б. Козарин знает, что его сестра в плену и освобождает ее.

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 145 (ИРЛИ, р. V, к. 57,

п. 3, № 2=к. 76, п. 3, № 32), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от К. И. Коноваловой 67 л., Гридино (126*); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 248, зап. Т. Величко, И. Суханова в 1956 г. от Н. Е. Михниной 56 л., Гридино (34); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 252, зап. Т. Величко, И. Суханова в 1956 г. от Ф. Т. Михнина 62 л., Гридино (21); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 46, зап. Т. Величко, И. Суханова в VII 1956 г. от А. И. Ефремовой 63 л., Калгалакша (131); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 44, зап. Л. Лукина, С. Вавилина в VII 1956 г. от А. П. Костиной 56 л., Калгалакша (102); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 123 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 26=к. 76, п. 3, № 20), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от К. Е. Редкиной 58 л., Калгалакша (139); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 27, зап. Л. Лукина, И. Суханова в VII 1957 г. от П. В. Миккоевой, Поньгома (32); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 29, зап. Л. Лукина, И. Суханова в VII 1957 г. от П. В. Миккоевой, Поньгома (38); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 1, № 6, зап. Д. М. Балашов в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (20); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 197, зап. С. Вавилина, И. Суханова, Л. Лукина в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (19). Терский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 37, № 40, зап. С. К. Вавилина, И. В. Суханова в VIII 1958 г. от Ф. Т. Николаевой 72 л., Умба (30); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 54, № 197, зап. Т. И. Орнатская 12 VII 1964 г. от Ф. Т. Еголаевой 78 л., Умба (33).

Г. Козарин (отрывки неясной редакционной принадлежности).

Карельский берег: ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 9, зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от Т. С. Михниной 26 л., Гридино (19); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 66 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 20=к. 76, п. 3, № 9), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от М. С. Ефремовой 83 л., Калгалакша (36).

Козарин побеждает Змея, по совету вещего ворона освобождает девушку, которая оказывается его сестрой.

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 47, № 41, зап. А. Н. Нечаев в 1936 г. от М. М. Коргуева, Кереть (291).

Козарин побеждает семиглавую поляницу, по совету вещего ворона освобождает девушку, которая оказывается его сестрой.

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 58, № 49, зап. К. Ф. Прохорова в X 1948 г. от Е. И. Ладиной 73 л., Кереть (148+пр.).

Татары в отсутствие Романа захватывают его жену Марью Юрьевну; Роман ее освобождает (соответствие по сюжету и его разработке былине о Козарине).

Карельский берег: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 249, зап. С. Вавилина, Л. Лукина в VII 1956 г. от А. М. Михниной 68 л., Гридино (112).

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ

Западное Прионежье: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 707—708, зап. С. И. Бернштейн 5 III 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева 48 л. из Гарниц, Петроград (зв.*); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 3493/1, зап. М. Б. Каминская, Н. Н. Тяпкина 12 I 1932 г. от Н. С. Богдановой 73 л., Зиновьево (зв. отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 740, зап. С. И. Бернштейн 24 VI 1926 г. от А. Б. Сурикова 68 л., Конда (зв., отр.); МГУ, 1956, п. 1, т. 5, № 17 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 274), зап. Л. Гаврилова, В. Гацук, Н. Савушкина, Г. Семар в VII 1956 г. от Е. Б. Сурикова 90 л., Конда (167); МГУ, 1956, п. 3, т. 36, № 3 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 341), зап. А. Филатов, Ю. Смирнов, Ю. Зюзанек 26 VII 1956 г. от О. И. Потемкиной, Посад (135); МГУ, 1956, п. 1, т. 7, № 90 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 1104), зап. А. Филатов, Ю. Смирнов, Ю. Зюзанек 10 VII 1956 г. от О. В. Потемкиной, Середка (130); МГУ, 1960, п. 1, т. 5, № 16, зап. Л. Иванова, Ю. Смирнов в VII 1960 г. от О. В. Потемкиной 62 л., Середка (143).

Восточное Прионежье: МГУ, 1960, п. 1, т. 8, № 27, зап. С. Ожегова 17 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); МГУ, 1960, п. 1, т. 4, № 37, зап. Г. Григорьева, Н. Карцева 24 VII 1960 г. от Ф. Ф. Барановой 80 л., Новые Тамбицы (пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 8, № 134, зап. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко в 1940 г. от И. А. Степановой 78 л., Пяльма (90); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 17, № 96, зап. А. В. Белованова в 1945 г. от А. А. Портягина 78 л., Старое Сигово (167).

Кенозеро: МГУ, 1958, п. 3, т. 6, № 53, зап. С. Ожегова, Ю. Смирнов 25—27 VII 1958 г. от А. М. Артемьевой 72 л., Першлахта (189); МГУ, 1962, п. 1, т. 7, № 89, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от Д. И. Старицына, Першлахта (пр.); МГУ, 1962, п. 1, т. 7, № 89-а, зап. Г. Григорьева в VII 1962 г. от Д. И. Старицына, Першлахта (пр.); МГУ, 1970, п. «К», т. 4, № 150, зап. А. В. Кулагина в VI 1970 г. от А. Ф. Сивцевой, 52 л., Першлахта (164); МГУ, 1958, п. 3, т. 16, № 26, зап. В. Валинская, А. Грибанов 25—27 VII 1958 г. от А. Н. Сивцева 71 г., Пóром-

ское (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 1, № 7, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов 20 I 1959 г. от А. Н. Сивцева 72 л., Пóромское (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 7, зап. В. Велинская, А. Грибанов 25 VII 1958 г. от А. Ф. Сивцевой 40 л., Пóромское (пр.); МГУ, 1958, п. 3, т. 17, № 1, зап. В. Велинская, А. Грибанов в VII 1958 г. от Г. Д. Сивцева 69 л., Пóромское (462); МГУ, 1958, п. 3, т. 18, № 1, зап. В. Велинская, А. Грибанов 25 VII 1958 г. от С. А. Сивцева 80 л., Пóромское (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 42, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от В. М. Шумилова 61 г., Симаково (пр.); МГУ, 1959, п. 5, т. 5, № 19, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в II 1959 г. от К. А. Шумиловой 56 л., Симаково (пр.).

Карельский берег: ГБЛ, ф. 160, п. 7, ед. хр. 1, № 98, л. 198 (ГЛМ, ФС, к. п., № 29, л. 2), зап. А. В. Марков в VII 1909 г. от И. Ф. Горшковой, Гридино (14+пр.); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 56, № 92 (ИРЛИ, р. V, к. 57, п. 3, № 17=к. 76, п. 3, № 16), зап. И. Н. Этина в VI—VII 1935 г. от У. С. Ерловой 56 л., Калгалакша (187*); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 35, № 45, зап. Л. Лукина, С. Вавилина в 1956 г. от А. П. Костиной 56 л., Калгалакша (154); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 1, № 7, зап. Д. М. Балашов в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (50); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 36, № 198, зап. И. Суханова, Л. Лукина, С. Вавилина в VII 1957 г. от Н. С. Ананьиной 74 л., Шуерецкое (51).

Зимний берег: ГЛМ, ФС, к. п., № 9/6422/4, л. 1—21, зап. В. П. Чужимов 28 VIII 1934 г. от М. С. Крюковой, Нижняя Зимняя Золотица (867); ИРЛИ, р. V, к. 90, п. 1, № 20, зап. А. М. Астахова 20 VII 1937 г. от М. С. Крюковой 61 г., Нижняя Зимняя Золотица (1070).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 8, № 2, зап. М. Кузьминская, Л. Незванкина 3 VII 1975 г. от Е. А. Рахманиной 73 л., Каменка (54); МГУ, 1975, п. 1, т. 8, № 6, зап. М. Кузьминская, Л. Незванкина 25 VII 1975 г. от Е. А. Рахманиной 73 л., Каменка (60).

ДАНИЛА БЕЛЫЙ

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 15, № 46, зап. Е. П. Родина в 1938 г. от Ф. А. Коначкова 80 л., Семеново (50); ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 232 (АКФ, р. 3, оп. 1, № 204), зап. В. Я. Евсеев в X 1940 г. от Ф. А. Коначкова 80 л. из Семенова, Петрозаводск (зв.).

РАХТА РАГНОЗЕРСКИЙ

Восточное Прионежье: АКФ, р. 3, оп. 1, № 63 (ПИЯЛИ, КЗ, № 95/3), зап. К. Н. Белова 6 V 1941 г. от Н. В. Кигачева, Петрозаводск (зв.).

БУТМАН КОЛЫБАНОВИЧ

Печора: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 655/1, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 14 VII 1929 г. от Е. П. Чупрова 39 л., Аврамовская (зв.*, отр.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 656/2, зап. Е. В. Гиппиус и Э. В. Эвальд 14 VII 1929 г. от Е. П. Чупрова 39 л., К. П. Чупрова 56 л., Я. П. Чупрова 47 л., Л. Е. Чупрова 18 л., Аврамовская (зв.*, отр.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 9 (ПИЯЛИ, КЗ, № 511/2=ИРЛИ, ФА, МФ, № 770.04), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Е. П. Чупрова 77 л., Боровская (54+пр., зв.); ИРЛИ, р. V, к. 172, п. 3, № 11 (ПИЯЛИ, КЗ, № 515/2=ИРЛИ, ФА, МФ, № 770.06), зап. Д. М. Балашов в XII 1964 г. от Л. Т. Чупрова 61 г. и А. Л. Чупровой 52 л., Боровская (59, зв.); ИРЛИ, ФА, ФВ, № 645/1, зап. Е. В. Гиппиус, Э. В. Эвальд 14 VII 1929 г. от А. М. Поздесва, Замежье (зв.*, отр.).

КОНТАМИНАЦИИ СЮЖЕТОВ С РАЗНЫМИ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ГЕРОЯМИ

Непозванный на пир к Владимиру Илья устраивает пир для голей, Дунай и Настасья (Непра и Дон).

Восточное Прионежье: АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 13, № 20 (ИРЛИ, р. V, к. 165, п. 22, № 15), зап. И. Ломакина в 1938 г. от Н. А. Ремезова 61 г., Алексеево (138); АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 2, № 46, зап. В. Р. Дмитриченко в 1938 г. от И. Т. Фофанова 69 л., Климова (263).

Илья Муромец побеждает Соловья-Разбойника, Ставр Гоодинович.

Восточное Прионежье: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 18, зап. Е. Костюхин, Ю. Новиков в VII 1957 г. от А. Е. Нефёдовой 84 л., Новинка (Сумозеро) (пр.).

СВОДНАЯ БЫЛИНА ИЗ СЮЖЕТОВ,
ПОСВЯЩЕННЫХ РАЗНЫМ БОГАТЫРЯМ

Восточное Прионежье: МГУ, 1957, п. 1, т. 1, № 5, зап. Ю. Новиков, Ю. Смирнов в VII 1957 г. от А. Г. Афонина, Остров (полупр.).

ОТРЫВКИ НЕЯСНОЙ СЮЖЕТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Западное Прионежье: МГУ, 1956, п. 1, т. 1, № 75 (АКФ, ф. 1, оп. 1, к. 79, № 32), зап. С. Ожегова, С. Гоголь в 1956 г. от М. П. Рогозиной 72 л., Моталово (12).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 839/3, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от П. Широкого, Великий Двор (зв., отр.).

Пир у Владимира.

Восточное Прионежье: МГУ, 1960, п. 1, т. 11, № 56, зап. Б. Исадченко, Н. Муратова, в VII 1960 г. от Е. И. Ярышевой, Римское (7); МГУ, 1960, п. 1, т. 10, № 57, зап. Б. Исадченко, Н. Муратова в VII 1960 г. от А. М. Шабановой 81 г., Чулмужи (7).

Северная Двина: ГЛМ, ФС, к. п., № 240, п. 26, л. 243, зап. Э. Г. Бородина 5 VIII 1937 г. от В. М. Харитонова 58 л., Верхняя Тойма (7).

Кулой: ИРЛИ, ФА, ФВ, № 823/1, зап. О. Э. Озаровская в 1921 г. от Н. Кричигина, Карьеполье (зв., отр.).

Мезень: МГУ, 1975, п. 1, т. 12, № 2, зап. В. Харитонова в VII 1975 г. от Е. П. Ковалевой 57 л., Черсоба (26).

Печора: ИРЛИ, ФА, ДЛ, № 276, зап. А. Г. Кудышкина 14—18 X 1951 г. от М. Р. Голубковой, Голубково (зв.).

Поволжье: ИРЛИ, ФА, МФ, № 362.02, зап. В. В. Коргузалов 3 VII 1957 г. от Г. П. Токарева 54 л., Кутьино Саратовской обл. (зв.); ИРЛИ, ФА, МФ, № 362-а.05, зап. В. В. Коргузалов 4 VII 1957 г. от Т. Г. Сухиной 73 л. и П. Г. Картушиной 73 л., Кутьино Саратовской обл. (зв.); ИРЛИ, ФА, МФ, № 363.07, зап. В. В. Коргузалов 6 VII 1957 г. от П. М. Миронова 74 л., Вязьмино Саратовской обл. (зв.).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАПИСЕЙ ПО СЮЖЕТАМ И РЕГИОНАМ

Сюжеты были	Западное Припожье	Выгозеро	Восточное Припожье	Кенозеро	Карповщина	Моша	Линета	Северная Двина	Онега	Карельский берег	Терский берег	Зимний берег	Кулоя	Мезень	Печора	Повожье	Центр	Западная Сибирь	Верхний Енисей	Якутия	Терек	Регион неясен	Всего
Исцеление Ильи	1/8		3/16	11/6	6/8	0/1		1/0	2/4	1/2	0/1	2/0		7/2	0/2								34/50
Илья и Святогор	0/2		11/5	2/1	5/0	0/1		0/1	0/1		0/1	0/1		4/5	0/2								22/17
Первая поездка Ильи	3/8		7/8	4/7	3/11	0/1		0/4	0/4	0/1	0/1	1/0	1/0	5/2	0/2								24/55
Илья и Идолище	0/3		7/2	2/3						0/1		2/0	1/0	1/0									11/9
Илья и Сокольник	3/2		10/0	2/1	0/1					3/0		1/0	1/0	8/0	6/0	1/0	1/0						37/4
Ссора Ильи с Владимиром	1/0		4/1		0/1			1/0				1/0			0/1	1/0							6/3
Илья на Соколе-корабле	0/2		1/1	1/0		1/0	1/0			1/1		1/0	0/1	1/1	1/0	1/0		2/0					4/0
Илья и разбойники	1/1		4/1	24/3	1/0	0/1	1/0			18/1		2/0	1/0	1/2	0/1			1/0		1/0			7/4
Три поездки Ильи	0/3		6/2	2/1			1/0			1/0		1/0	0/1	2/2	1/0						1/0		51/9
Илья и Калинин-дядь	1/0		8/0	1/0					1/0			1/0		2/2	1/0	1/0							13/9
Илья, Ермак и Калинин-царь			1/0				1/0					1/0				1/0							9/0
Камское лобовье			1/0									1/0											7/2
Поездок Добрыни с Ильей							1/0					1/0											3/0
Добрыня и Эмей	4/0		8/7	4/3	2/1							1/0	1/0	2/0	1/0							2/0	26/11
Добрыня и Маринка	3/0		4/2	2/3	2/0							1/0	1/0	1/1			1/0						14/6
Добрыня и Настасья	1/0		6/9	1/1								1/0		0/1									9/11
Поездок Добрыни с Але- шей			0/1									1/0											0/1
Добрыня и Алеша	17/2		36/13	17/3	6/0	2/0			3/0	6/0		1/0	1/0	9/1	1/0	1/0			1/0				101/18
Добрыня и Василий Казими- рович	0/2		0/3									0/1											0/5
Алеша и Тугарин	1/0		3/0																				4/1
Алеша побеждает войско			0/1																				0/1
Алеша освобождает сестру			1/0	1/0						1/0		1/0											0/1
Алеша и сестра Эбродовичей										1/0		1/0											14/0
Дунай и королевична										14/0													4/0
Поездок Дуная с Добры- ней												2/0	1/0	3/0									1/0
Дунай — сват	8/0		2/0							1/0		2/0	4/0									1/0	21/0
Непра и Дон			2/2	1/0																			3/2
Чурила и князь	1/0																						2/0
Дюк и Чурила	5/0		17/1	5/0	1/1		1/0			1/0		2/0	1/0	1/0	3/0							1/0	36/2
Чурила и Катерина	12/0		10/0	13/0		1/0				1/0	1/0	1/0	1/0	1/0	2/0							1/0	42/0

Сюжеты были	Западное Приюрье	Вьюгаро	Восточное Приюрье	Кенозеро	Карпо- вщина	Моша	Линета	Северная Дюна	Онега	Карельский бер	Терский бер	Зимний бер	Кулок	Мезень	Печора	Помажье	Центр	Западная Сибирь	Верный Енисей	Якутия	Терек	Регион Неизвестен	Всего
Сорок калик			1/0	1/0				1/0					3/0	1/0	1/0								7/0
Соловей Будимирович			4/0	1/0										1/0	1/0								7/0
Ставр Годинович	9/0	1/0	18/1	4/0			1/0							1/0	1/0								34/1
Сватовство Идолища				3/0						1/0	4/0	1/0		1/0									1/0
Иван Годинович	1/0		4/0							2/0		1/0	1/0										12/0
Михайло Потык	1/0		1/0							2/0		1/0											10/0
Данила Ловчанин			1/0						1/0	2/0													2/0
Хоген Блудович			1/0							5/0													5/0
Иван гостиный сын			4/0	5/0						4/0						1/0							11/0
Сухман Олхмантьевич			4/0							2/0					1/0								9/0
Михаил Данилович			5/0							2/0		3/0		1/0	1/0	1/0							1/0
Василий Игнаьевич																							1/0
Василий Буслаев и новго- родцы	1/2		3/4	3/0	0/1				1/0			0/1		1/0									12/0
Поездка Василия Буслаева	0/2		1/4		0/1							0/1		1/0									9/8
Садко получает богатство			0/2									0/1		1/0									2/8
Садко и Новгород			0/3						0/1			0/1		1/0									0/3
Садко в подводном царстве	1/0		0/3		1/0				0/1			0/1		1/0									0/4
Волх Всеславьевич	0/1		3/0						0/1	1/0		1/0		1/0									4/5
Вольга и Микла	7/1		10/0	1/0					1/0	1/0		1/0		0/1									5/1
Святогор и тяга земная			1/0																				22/2
Глеб Володьевич												0/1											1/2
Суровец-суздавец																							0/1
Саул Леванидович										1/0										1/0			1/0
Роман и братья Ливики			3/0																				1/0
Королевичи из Крякова	4/0		2/0																				3/0
Козарин Петрович										17/3	2/0	2/0		4/0									6/0
Соломан и Василий Окуло- вич	7/0		3/0	11/0						5/0				2/0									24/3
Данила Белый			2/0																				30/0
Рахта Рагнозерский			1/0																				2/0
Бутман Колыбанович																							1/0
Бутман Колыбанович																							5/0

* Примечание. В числителе — количество отдельных записей былины; в знаменателе — количество ее вариантов в составе контаминаций и сводных былин.

ХРОНИКА

22 ноября 1979 г. исполнилось 80 лет исследователю языка русского фольклора, доктору филологических наук **Анастасии Петровне Евгеньевой** — выдающемуся лексикографу наших дней, лауреату Пушкинской премии Академии наук СССР.

А. П. Евгеньева прошла большой жизненный и научный путь. Уроженка Костромы, вскоре после окончания гимназии она оказалась в кругу таких патриотов народного просвещения, как организатор первого рабоче-крестьянского университета в Костроме В. Ф. Шишмарев, талантливые семьи Бонди и Полкановых и в первые же пореволюционные годы вступила на педагогическое поприще. В родном городе А. П. Евгеньева преподавала в опытно-показательной школе-коммуне, где учились дети рабочих, воевавших на фронтах гражданской войны. Работа воспитателя продолжалась в Москве, откуда в 1922 г. учительница А. П. Евгеньева была направлена по рекомендации Союза работников просвещения и Союза текстильщиков на учебу в Петроградский педагогический институт им. А. И. Герцена. Ведя школьные занятия и после получения высшего образования (1926—1938 гг.), А. П. Евгеньева приобщается к науке уже в начале тридцатых годов. Большую роль в ее судьбе сыграли лекции таких выдающихся филологов, как В. А. Десницкий, Л. В. Щерба, Б. А. Ларин, Н. П. Андреев, Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, открывшие широкие горизонты гуманитарного знания. Одновременно пришло увлечение древнерусским искусством. Собственно труд молодого ученого начинается под руководством С. П. Обнорского и Б. А. Ларина с лингвистических штудий над картотекой Словаря древнерусского языка.

Изучая в диалектологических экспедициях говоры Псковской, Новгородской, Архангельской областей (бывшая территория расселения ильменских словен), А. П. Евгеньева воочию убеждается в жизненной силе и стойкости многих форм языка Древней Руси. На этой основе возникает ее тяга к исследованию языка народно-песенной культуры. Результатом исследования явилась кандидатская диссертация «Язык былины в записях XVII в.» (защищена во второй день Великой Отечественной войны, 23 июня 1941 г.), которой А. П. Евгеньева завершила свое пребывание в аспирантуре Института языка и мышления Академии наук.

В военные годы А. П. Евгеньева преподавала в вузах Кирова и Яранска, продолжая сосредоточенное изучение языка фольклора. В 1950 г. старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР А. П. Евгеньева защищает докторскую диссертацию, основное содержание которой известно в науке по опубликованной капитальной монографии «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.» (М.—Л., 1963). Книга заслуженно принесла автору широкую известность. Развивая наследие крупнейших представителей отечественного языкознания, А. П. Евгеньева практически положила начало современной русской линвофольклористике. В ее монографии, анализировавшей поэтическую и языковую форму фольклора как нерасторжимое единство, были, в частности, исторически рассмотрены процессы внедрения бытовой речи в художественные стили фольклора, прослежены закономерности эволюции народнопоэтического языка, где идет непрерывное синонимическое замещение устаревающих слагаемых новыми элементами. Решение вопроса о постоянно-переменной природе фольклора, о степени устойчивости и подвижности его форм получило фундаментальную разработку на материале былины, исторических песен, причитаний.

А. П. Евгеньева лингвистически образцово подготовила в научному изданию знаменитый «Сборник Кириши Данилова» (два издания 1958 и 1977 гг.). Ее перу при-

надлежит ряд статей о языке фольклора, для которых характерна строгость методики исследования (см., например, работу «Языковые особенности „Песни о рябине“ в записи 1699 г. как материал для ее локализации». — Ученые записки ЛГПИ, т. XV, Л., 1956).

А. П. Евгеньеву отличает острое ощущение первородной чистоты и богатства русского национального слова, борьбе за сохранение которых она посвящает свою жизнь. В выпущенных и выпускаемых под ее редакцией толковых словарях («Словарь русского языка» в 4-х тт., 1957—1961, «Словарь синонимов русского языка» в 2-х тт., 1970—1971) особое внимание уделено авторитетности привлекаемых источников. Как никогда широка в них после «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля опора на произведения народного творчества в осмыслении значений слов и фразеологизмов русского языка.

Многие годы общения связывают А. П. Евгеньеву с Сектором фольклора Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, где она щедро делится опытом наблюдений над языком народной поэзии. Самое насущное значение имеют ее предложения к изданию Свода русского фольклора.

Выступавшие в ноябре 1979 г. в Ленинградском отделении АН СССР на чествовании А. П. Евгеньевой ее коллеги и ученики пожелали замечательному лингвисту, обаятельному человеку здоровья, сохранения на долгие годы той молодой энергии, зажигающей бодрости духа, которой отмечена вся ее научная деятельность.

А. А. Горелов

14 сентября 1979 года исполнилось 60 лет известному советскому фольклористу **Борису Николаевичу Путилову**, доктору филологических наук, руководителю Группы общих проблем Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

По завершении курса в Ленинградском педагогическом институте им. А. А. Герцена в 1940 г. Б. Н. Путилов обратился к исследованию русской фольклорно-песенной традиции казачьих районов Северного Кавказа, уроженцем которого он является. Фольклористическая деятельность тех лет нашла отражение в сборниках Б. Н. Путилова «Песни гребенских казаков» (1947), «Исторические песни на Тереке» (1948), в статьях и была подытожена в его кандидатской диссертации «Русские исторические песни на Тереке» (1948, ИРЛИ АН СССР). Социальный и художественный мир русской исторической песни в целом, закономерности ее генезиса — предмет дальнейших научно-теоретических занятий Б. Н. Путилова, выполненных в Секторе народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, которым ученый руководил с 1956 по 1968 г. Результатом углубленной работы явилась монография «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.» (1960), расширенный вариант которой составил докторскую диссертацию, защищенную в 1960 г. в Ленинградском университете. Разработанные Б. Н. Путиловым текстологические, эдиционные и комментаторские принципы сводного издания исторических песен воплощены в фундаментальном томе «Исторические песни XIII—XVI вв.» (1960, совм. с Б. М. Добровольским) и антологии «Народные исторические песни» (1962) и вошли в обиход фольклористики.

С конца 50-х годов внимание Б. Н. Путилова привлекает русский героический эпос. Выходит подготовленная им антология «Былины» (1957), затем двухтомник под тем же названием (1958, совм. с В. Я. Проппом). Вместе с А. П. Евгеньевой Борис Николаевич осуществляет научное издание знаменитого Сборника Кириши Данилова (1958, 2-е изд., 1977).

В 60-е годы Б. Н. Путилов приступает к сравнительно-историческому исследованию фольклора. Теоретически отстаивая и развивая принципы историко-типологи-

ского освещения фольклора, он исследует балладное и эпическое творчество славянских народов в сравнительном плане, пишет на эти темы многочисленные статьи для советских и зарубежных изданий, выступает с докладами на международных конгрессах и симпозиумах в Югославии, Болгарии, Венгрии. Эти исследования капитально обобщены в монографических трудах «Славянская историческая баллада» (1965), «Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование» (1971), «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора» (1976).

В 1971 г. Б. Н. Путилов участвует в комплексной этнографической экспедиции в Океанию на корабле «Дмитрий Менделеев». Он изучает обряды, быт и фольклор аборигенов на Новой Гвинее, Новых Гебридах, Фиджи, полинезийских островах. Полевые наблюдения побуждают Б. Н. Путилова к интенсивному теоретическому изучению фольклора в свете данных этнографии, его синкретизма, поискам и обоснованию соответствующей эффективной методологии. Фольклорно-этнографической научной проблематике посвящены его недавние книги «Песни южных морей» (1978) и «Миф—обряд—песня Новой Гвинее» (1980). Под редакцией и при организующем участии Б. Н. Путилова состоялись серийные сборники «Фольклор и этнография» (1970, 1974, 1977).

Перу ученого-коммуниста Б. Н. Путилова принадлежит свыше 300 печатных работ по теории и истории фольклора. Он организатор и редактор многих коллективных трудов и сборников, активный участник большинства фольклористических конференций в стране.

В. П. Владимирцев, Г. Г. Шаповалова

20 ноября 1979 г. исполнилось 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Кирилла Васильевича Чистова, одного из видных советских фольклористов. Свои основные труды он посвятил истории и теории фольклора, его связям с литературой, историей, этнографией русского и других славянских народов. Имя его пользуется широкой и заслуженной известностью как в Советском Союзе, так и за рубежом.

К. В. Чистов родился в 1919 году в г. Детское Село (теперь г. Пушкин). 1937—1941 гг. — это годы учения на филологическом факультете ЛГУ. Непосредственным научным руководителем его был известный фольклорист профессор М. К. Азадовский. Многим он обязан также проф. В. Я. Проппу, академику В. М. Жирмунскому, проф. Д. К. Зеленину и др. Уже со студенческих лет К. В. Чистов начинает регулярно ездить в экспедиции. В 1939 г. появляется его первая печатная работа — рецензия на «Спутник фольклориста» В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельникова (журнал «Ленинград»), в 1940 г. он начал готовить сборник былин, записанных им от пудожского сказителя П. Т. Фофанова. Но начавшаяся война не дала возможности закончить эту работу — К. В. Чистов уходит на фронт.

Демобилизовавшись, К. В. Чистов в 1946 г. поступает в аспирантуру ЛГУ к М. К. Азадовскому и одновременно начинает работать в Карельском филиале Академии наук СССР в г. Петрозаводске (1947—1961 гг.), где при его ближайшем участии были созданы сектора фольклора и этнографии, а также сектора литературы Финляндии и Карелии.

Начиная с 1961 г. по сей день К. В. Чистов заведует восточно-славянским сектором Института этнографии АН СССР. Здесь под его руководством осуществлены капитальные фольклорно-этнографические работы.

Особенно значительную роль сыграли труды К. В. Чистова в разработке методов исторического изучения фольклора. В его монографии «Народная поэтесса П. А. Федо-

сова», в антологии «Причитания» раскрыты глубинные связи фольклорного творчества, бытовой истории и мировоззрения крестьянства (в эпоху реформ 60-х годов и позднее). В книге (явившейся докторской диссертацией ученого) «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» впервые в отечественной фольклористике на основе столь широкого использования исторических документов для изучения социальной психологии и фольклорного творчества крестьянства восстановлена история социально-утопических легенд за двести пятьдесят лет.

Исследования К. В. Чистова сыграли большую роль в изучении обрядового фольклора, литературно-фольклорных взаимоотношений, общей теории фольклора и проблем современного фольклора, в частности теории несказочных жанров фольклорной прозы.

Особое место в его работах занимают вопросы картографирования материальной и духовной культуры восточнославянского крестьянства. Восточнославянским сектором, которым руководит К. В. Чистов, создан атлас «Русские» (т. I. Жилище, одежда, утварь) и издана серия книг по проблемам этнографического картографирования.

К. В. Чистов является заместителем главного редактора трехтомника «Этнография славянских народов», в составе которого будут даны сопоставительные главы по фольклору восточных, южных и западных славян. Под его редакцией и при активном авторском участии в Финляндии издан (1976 г.) учебник для университетов «Традиционная культура Русского Севера» и готовится хрестоматия по русскому фольклору.

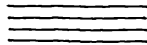
К. В. Чистовым опубликовано около 250 работ как на русском, так и на других языках.

Под руководством и редактурой К. В. Чистова изданы также написанные сотрудниками Восточнославянского сектора том «Восточные славяне» в серии «Народы мира», «Фольклор и этнография» (вышло 3 выпуска), «Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии» (вышло 6 выпусков) и др.

К. В. Чистов читал курсы лекций: «Русский обрядовый фольклор» (Московский университет), «Введение в фольклористику», «Русский фольклор» и «Фольклор восточных славян» в Ленинградском университете (филологический и исторический факультеты) и несколько курсов в Петрозаводском педагогическом институте.

С 1974 г. К. В. Чистов является вице-президентом Международного общества фольклористики. Он избран также почетным членом Польского этнографического товарищества и Финского литературного общества. В течение многих лет он член редколлегии журнала «Советская этнография» и международного ежегодника «Etnologia Slavica».

Г. Г. Шаповалов

БИБЛИОГРАФИЯ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

(МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ЗА 1966—1978 ГГ.)

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

Предлагаемая библиография является выборочной. Она содержит перечень избранных исследований по проблеме соотношения русского фольклора с исторической действительностью, опубликованных в советской печати на русском языке с 1966 по 1978 г.

Сведения расположены по алфавиту в 8 разделах (труды одного автора показаны в хронологии): 1) Общие вопросы; 2) Мифология, верования, обряды; 3) Прозаические жанры; 4) Песенные жанры; 5) Соотношение русского исторического фольклора с фольклором других народов; 6) Фольклор как исторический источник; 7) Исторический фольклор и литература; 8) Проблемы историзма в русской фольклористике.

Полное библиографическое описание сборников статей дается только при их первом упоминании.

Указатель завершается индексом имен.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1. **Азбелев С. Н.** Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях. — В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции «Прозаические жанры фольклора народов СССР» (21—23 мая 1974 г., Минск). Минск, 1974, с. 96—109. (АН СССР. Науч. совет по фольклору. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Ин-т этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая. АН БССР. Ин-т этнографии).
2. **Азбелев С. Н.** После дискуссии об историзме былин. — Рус. литература, 1977, № 4, с. 200—210.
3. **Велецкая Н. Н.** О роли фольклора в изучении славянских древностей. — В кн.: Средневековая Русь. М., «Наука», 1976, с. 18—24. (АН СССР. Науч. совет по комплексн. проблеме «История мировой культуры»).
4. [**Веселовский А. Н.**]. Из лекций по истории эпоса. (Публикация В. М. Гацака). — В кн.: Типология народного эпоса. М., «Наука», 1975, с. 287—319. (АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького).
5. **Гацак В. М.** Историзм поэтики и поэтика историзма. — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Всесоюз. науч. конференция 12—14 окт. 1976 г. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 29—30. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору. Даг. фил. Ин-т истории, языка и лит. им. Г. Цадасы).
6. **Горелов А. А.** Принцип историзма и некоторые проблемы изучения русского фольклора. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Историческая жизнь народной поэзии. Л., «Наука», 1976, с. 250—262. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
7. **Емельянов Л. И.** Историческая песня и действительность. — В кн.: Русский фольклор. X. Специфика фольклорных жанров. М.—Л., «Наука», 1966, с. 196—227. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
8. **Емельянов Л. И.** Принципы отражения исторической действительности в былин. — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 19—22.
9. **Кравцов Н. И.** Фольклор и историческая действительность. (Методологические проблемы). — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 6—8.

10. Лихачев Д. С. «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах. — В кн.: Славяне и Русь. К шестидесятилетию акад. Б. А. Рыбакова. М., «Наука», 1968, с. 429—436. (АН СССР. Ин-т археологии).
11. Плисецкий М. М. Стадиальная классификация исторического эпоса. (Спорные проблемы). — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 25—28.
12. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1968, № 339. Филол. фак-т, вып. 72. Сер. филол. наук. Рус. лит. с. 5—25.
13. Путилов Б. Н. Об историзме русских былин. — В кн.: Русский фольклор. X. М.—Л., 1966, с. 103—126.
14. Путилов Б. Н. Севернорусская былина и ее отношение к древнерусскому эпосу. — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., «Наука», 1973, с. 173—190. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
15. Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества. — В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 авг. 1964 г. Труды. Т. VIII. М., «Наука», 1970, с. 139—144.
16. Селяванов Ф. М. О специфике исторической песни. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., «Наука», 1973, с. 52—67. (АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького).
17. Соколова В. К. Принципы и средства изображения действительности в разных жанрах. — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 21—22.

МИФОЛОГИЯ, ВЕРОВАНИЯ, ОБРЯДЫ

18. Басилов В. Н. О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. XII. М., «Наука», 1964, с. 150—169. (АН СССР. Ин-т истории).
Обзор преданий.
19. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., «Наука», 1978. 239 с. (АН СССР. Ин-т археологии).
Рец.: Вагнер Г. — Декоративное искусство СССР, 1978, № 9, с. 45.
20. Вилинбахов В. Б. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора. — В кн.: Русский фольклор. XI. М.—Л., «Наука», 1968, с. 177—184. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
Рассмотрение суеверий, заговоров и сказок.
21. Громыко М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVII—XVIII веков. — В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII—начале XX в. Новосибирск, изд. Новосиб. ун-та, 1975, с. 71—109. (Новосиб. гос. ун-т).
22. Ильинская В. Н. Заговоры и историческая действительность. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 200—207.
23. Лаушкин К. Д. Баба-Яга и одноногие боги. (К вопросу о происхождении образа). — В кн.: Фольклор и этнография. Л., «Наука», 1970, с. 181—186. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
24. Морозов А. А. К вопросу об исторической роли и значении скоморохов. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 35—67.
25. Покровский Н. Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII—XVIII вв. — В кн.: Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII—начале XX в. Новосибирск, 1975, с. 110—130.
26. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., «Наука», 1975. 192 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Рец.: Толстой Н. И. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 176—179.
27. Рабинович М. Г. Свадьба в русском городе в XVI в. — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л., «Наука», 1978, с. 7—31. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
28. Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., «Наука», 1970, с. 40—44. (АН СССР. Ин-т археологии).
Нестор о древн. похорон. обрядах русских.
29. Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 3—30.
См. также № 3, 15, 40, 51, 129—131, 138, 140, 141, 143, 148, 159.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

30. Азбелев С. Н. Устные героические сказания о Куликовской битве. — В кн.: Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971, с. 35—48. (Вологод. гос. пед. ин-т).
31. Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Русская народная проза. Л., «Наука», 1972, с. 77—102. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
32. Азбелев С. Н. Хроникат в древнерусском фольклоре. — Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 135—151.
33. Ахметшин Б. Г. Отражение условий труда и быта горнорабочих Башкирии в преданиях и других устных рассказах. (По материалам фольклорных экспедиций Башкирского гос. ун-та). — Сов. этнография, 1974, № 1, с. 119—124.
34. Бараг Л. Г. Народные устные рассказы о горнозаводской Башкирии эпохи Пугачевского восстания. — В кн.: Народ и революция в литературе и устном творчестве. Уфа, Башк. кн. изд-во, 1967, с. 231—252. (Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября).
35. Бараг Л. Г. Об устных рассказах, записанных в последние годы. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 139—147.
36. Бараг Л. Г. Южноуральские предания о пугачевском восстании (по записям последних лет). — В кн.: Русский фольклор. XV. Социальный протест в народной поэзии. Л., «Наука», 1975, с. 128—137. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
37. Блажес В. В. Уральские предания о Ермаке. — Учен. зап. Свердл. гос. пед. ин-та и Нижнетагил. гос. пед. ин-та, 1969, сб. 107, с. 171—188.
38. Блажес В. В. О наименовании покорителя Сибири в исторической литературе и фольклоре. — В кн.: Наш край. Материалы V Свердлов. обл. краеведч. конференции. Свердловск, 1971, с. 247—251. (Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького)
Анализ преданий о Ермаке.
39. Блажес В. В. Предания о рабочих династиях. — В кн.: Фольклор Урала. Рабочий фольклор. Свердловск, 1978, с. 37—52. (Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького).
40. Виалинбахов В. Б. Волх и Рюрик — патронимы преданий и легенд Новгородской земли. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 213—217.
41. Гончарова А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны. Спецкурс. Калинин, 1974. 174 с. (Калинин. гос. ун-т).
- Рец.: Красноштанов С. Книга о слове народном. — Дальний Восток, 1975, № 9, с. 147—148; Бурмистрова К. И. — Науч. доклады высш. школы. Филол. науки, 1976, № 3, с. 118—119.
42. Гриднева Л. Н. Героические предания уральских рабочих о Пугачеве. — Учен. зап. Свердл. гос. пед. ин-та и Нижнетагил. гос. пед. ин-та, 1969, сб. 107, с. 158—170.
43. Гриднева Л. Н. Социальная сущность уральских дореволюционных преданий. (По материалам, собранным студенческим фольклорным кружком Нижнетагильского педагогического института). — Учен. зап. Свердл. гос. пед. ин-та, 1971, сб. 151. Вопр. истории и теории лит., с. 126—141.
44. Дмитриев Л. А. Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени (беломорский рассказ о сватовстве Ивана Грозного). — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. XXVI. Древнерус. лит. и рус. культура XVIII—XX вв. Л., «Наука», 1971, с. 50—53.
45. Клябанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., «Наука», 1977. 234 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР).
С. 219—225: Китежская и Беловодская социально-утопические легенды.
Рец.: Буганов В. Народные истоки утопического социализма в России. — Новый мир, 1979, № 12, с. 271—273.
46. Клябанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., «Наука», 1978. 342 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР).
С. 7—8, 11, 28, 39, 40, 51, 52, 252—254, 325—327: фольк. формы соц. утопии рус. крестьян XIX в.
47. Колесницкая И. М. Русские предания и легенды в публикациях 1860—1870-х годов. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 20—39.
48. Комовская Н. Д. Народный рассказ Великой Отечественной войны. — В кн.: Современный русский фольклор. М., «Наука», 1966, с. 153—168. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
49. Коротин Е. И. Устные народные повествования о Чапаеве в Приуралье. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Уфа, 1977, с. 138—145. (Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября)
50. Кошелева В. С., Кошелев Я. Р. Смоленские предания. — В кн.: Смоленский край в истории русской культуры. Смоленск, 1973, с. 76—85. (Смол. гос. пед. ин-т им. К. Маркса).

51. Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах». (По материалу русских северных преданий). — Сов. этнография, 1977, № 4, с. 105—111.
52. Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филол. фак-та. Свердловск, 1974. 168 с. (Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького).
Рец.: Бараг Л. Г. Книга о преданиях Урала. — Урал, 1975, № 12, с. 145—146.
53. Кругляшова В. П. Устные рассказы о современности и предания. — В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов. Минск, 1974, с. 197—198.
54. Кругляшова В. П. Пугачевское восстание в устной прозе советского Урала. — В кн.: Русский фольклор. XV. Л., 1975, с. 114—127.
55. Круш А. А. К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника. — В кн.: Русский фольклор. XV. Л., 1975, с. 234—239.
56. Круш А. А. Суздальские предания о Кудеяре. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. Постоянно действующий межвуз. республ. тематич. науч. сб. Вып. 1. М., 1975, с. 100—104. (Науч.-метод. центр по фольклору М-ва просвещения РСФСР. Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
57. Круш А. А. Предания о времени Ивана Грозного. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 208—220.
58. Круш А. А. Новгородские предания об Иване Грозном. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. (Жанровая специфика народных произведений). Сб. статей. Вып. 4. М., 1977, с. 48—56. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
59. Лазарев А. И. Урало-сибирские предания и легенды о Ермаке. — В кн.: Вопросы истории и теории литературы. Вып. 4. Челябинск, 1968, с. 150—174. (Челяб. гос. пед. ин-т).
60. Некрылова А. Предания и легенды, отразившие военные события петровского времени. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 103—110.
61. Плошук Г. И. Научный отбор и систематизация повествований пугачевского цикла. — В кн.: Фольклор крестьянской войны 1773—1775 годов. К 200-летию пугачевского восстания. Сб. науч. статей. Л., 1973, с. 3—64. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
62. Плошук Г. И. Тема справедливого возмездия и ее своеобразие в преданиях о Пугачеве. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. Постоянно действующий межвуз. республ. тематич. науч. сб. Вып. 2. М., 1976, с. 98—111. (М-во просвещения РСФСР. Науч.-метод. центр по устн. нар. творчеству. Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
63. Плошук Г. И. Предания о судьбах врагов и предателей Пугачева и верных его соратников. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. Вып. 4. М., 1977, с. 57—68.
64. Савушкина Н. И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 58—76.
65. Сидельников В. М. Сказы ткачей об условиях их труда и быта при капитализме. — В кн.: Филологические этюды. Ростов н/Д, 1977, с. 105—118. (Совр. рус. лит., лит. народов СССР и фольклор. Вып. 2).
66. Соколова Вал. К. Исторические предания Рязанской области. — В кн.: Литературоведческий сборник. (Статьи и публикации). Рязань, 1972, с. 39—69. (Рязан. гос. пед. ин-т).
С прил. текстов.
67. Соколова В. К. Русские исторические предания. М., «Наука», 1970. 288 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Рец.: Литвин Э. С. — Сов. этнография, 1971, № 6 с. 180—182; Азбелев С. Н. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 291—293.
68. Соколова В. К. Современное состояние преданий. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Доклады сов. делегации. М., «Наука», 1973, с. 423—437. (АН СССР. Сов. ком-т славистов).
69. Тумилевич Т. И. Антифеодальные мотивы в донских преданиях о Ермаке. — В кн.: Литература Советского Дона. Ростов н/Д, 1969, с. 267—283. (Ростов н/Д, гос. пед. ин-т).
70. Тумилевич Т. И. Сибирский поход Ермака. (На материале донских преданий). — В кн.: Филологические этюды. Ростов н/Д, Изд-во Ростов. ун-та, 1974, с. 134—145. (Ростов н/Д гос. ун-т. Рус. лит. Вып. 2).
71. Тумилевич Ф. В. Донской эпос о Степане Разине. — В кн.: Литература Советского Дона. Ростов н/Д, 1969, с. 284—322.
Обзор преданий и легенд.

72. **Чистов К. В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., «Наука», 1967. 341 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Рец.: Лихачев Д. С. Впервые изучается в монографии... — Вопросы литературы, 1968, № 6, с. 213—215; Еремина С. Живой образ «мнения народного». — Дружба народов, 1968, № 12, с. 270—271; Пропп В. Я. — Сов. этнография, 1969, № 2, с. 141—143.
73. **Шастина Е. И.** Реальное и характер его проявления в современной волшебной сказке. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. Вып. 2. М., 1976, с. 53—68.
74. **Шептаев Л. С.** Историческая действительность и традиции в прозе разинского цикла. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1972, с. 134—144. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР).
75. **Шептаев Л. С.** Предания о Кудеяре. (Связь с фольклором крестьянских войн). — В кн.: Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов. Минск, 1974, с. 211—212.
76. **Щербанов Н.** Народ о Пугачеве. — Волга, 1975, № 7, с. 157—171.
Обзор легенд и преданий.
77. **Щербанов Н. М.** Обзор исторических преданий уральских казаков по публикациям И. И. Железнова. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1977, с. 129—138.
78. **Элмасов Л. Е.** Декабристы в фольклоре Сибири. — В кн.: Сибирь и декабристы. Вып. 1. Материалы конференции «Декабристы и русская культура». Иркутск, 25—30 сент. 1975 г. Иркутск, Вост-Сиб. изд-во, 1978, с. 52—65.
79. **Юдин Ю. И.** Русская народная бытовая сказка и история. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 152—172.
См. также № 1, 18, 20, 23, 80, 123, 128, 139, 144, 145, 149, 168, 170, 172, 178, 180, 181.

ПЕСЕННЫЕ ЖАНРЫ

80. **Азадовский М. К.** Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 240 с.
С. 139—149: Утраченный фольклор. — Бытование в Сибири ист. песен об Е. И. Пугачеве и преданий об Иване Грозном.
81. **Азбелев С. Н.** Былины об отражении татарского нашествия. («Ермак и Калин», «Камское побоище», «Илья и Калин»). — В кн.: Русский фольклор. XII. Из истории русской народной поэзии. Л., «Наука», 1971, с. 162—180. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
82. **Азбелев С. Н.** Оппозиционные мотивы в былинах и историческая реальность XIV—XV вв. — В кн.: Русский фольклор. XV. Л., 1975, с. 55—76.
83. **Акимова Т. М., Архангельская В. К.** Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 168 с.
Рец.: Сидорова Ю. Н. — Сов. этнография, 1970, № 1, с. 186—187; Алексеева О. Б. — В кн.: Русский фольклор. XII. Л., 1971, с. 290—292.
84. **Акимова Т. М.** Цикл песен служилых людей. — В кн.: Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа, 1974, с. 108—124.
85. **Балашов Д. М.** Из истории русского былинного эпоса. («Потык» и «Микула-Селянинович»). — В кн.: Русский фольклор. XV. Л., 1975, с. 26—54.
86. **Балашов Д. М.** «Дунай». — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 95—114.
87. **Блаватский В. Д.** О змеборбе в русской былинке. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., «Наука», 1978, с. 317—321. (АН СССР. Ин-т археологии).
88. **Богомольная Р. А.** Песни гражданской и Великой Отечественной войны в русских селах Молдавии. — В кн.: Молдавский фольклор. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1968, с. 27—38. (АН Молд. ССР. Ин-т яз. и лит.).
89. **Буганов В. И., Зимин А. А.** Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Вып. 2. Казань, 1967, с. 3—13. (М-во просвещения РСФСР. Казан. гос. пед. ин-т).
90. **Вилинбахов В. Б.** Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии. — В кн.: Русский фольклор. XII. Л., 1971, с. 226—229.
91. **Демчук К. Е.** Революция 1905—1907 годов в России и революционная песня. — В кн.: Студенческий научный поиск. Сб. студенч. работ, отмеченных на VI Всесоюз. конкурсе студенч. науч. работ по обществ. наукам 1976 года. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1977, с. 132—140. (М-во высш. и средн. спец. образования БССР).

92. Ден Т. П. Песни о В. В. Голицине. (По поводу статьи К. Стифа). — В кн.: Русский фольклор. XII. Л., 1971, с. 263—265.
93. Джанумов С. А. Русские исторические песни о социально-политических событиях конца XVII века. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1969, т. 239. Рус. лит., вып. 13, с. 144—166.
94. Джанумов С. А. Отражение военно-исторических событий конца XVII—начала XVIII века в песнях о взятии Азова и Северной войне. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1971, т. 289. Рус. лит., вып. 14, с. 3—17.
95. Джанумов С. А. Историческая песня XVIII века об Евдокии Лопухиной. — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе. М., 1973, с. 85—97. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
96. Джанумов С. А. О сюжетном составе пугачевского песенного цикла. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. Вып. 4. М., 1977, с. 69—80.
97. Игнатов В. И. Отражение социальной и национальной борьбы начала XVII в. в былинном сюжете о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. — В кн.: Вопросы метода и стили. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1966, с. 3—20. (Учен. зап. Томск. гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, № 62).
98. Игнатов В. И. К вопросу о фольклорности исторической песни о Борисе Годунове и царевине Дмитрии. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (14). Львов, Изд-во Львов. ун-та, 1970, с. 57—66. (Межведомств. republ. науч. сб.).
99. Игнатов В. И. Мироззрение русского народа в эпических произведениях начала XVII века. Ростов н/Д, Изд-во Ростов. ун-та, 1970. 154 с.
То же. 1972.
100. Игнатов В. И. Национально-освободительная борьба русского народа начала XVII века в былинном сюжете «Бой Ильи Муромца с сыном». — В кн.: Освободительное движение в России. Вып. 1. Саратов, 1971, с. 89—104; вып. 2, с. 94—103. (Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского).
101. Игнатов В. И. Идеологическая борьба и общественно-исторические события начала XVII века в былинном сюжете «Илья Муромец и разбойники». — В кн.: Освободительное движение в России. Межвуз. науч. сб. Вып. 6. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1977, с. 79—98.
102. Кюсс Б. М. Новый памятник русского эпоса в записи XVI века. — История СССР, 1968, № 3, с. 151—157.
Анализ «Сказания о богатыре Александре Поповиче». С прил. текста.
103. Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века. Л., «Наука», 1974. 183 с. (АН СССР. Карел. фил. Ин-т яз., лит. и ист.).
104. Кузьмин А. И. Военная тема в народных песнях XVIII века. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1968, т. 27, вып. 1, с. 18—26.
105. Левашов В. С. Военно-исторические песни предков забайкальских казаков. — Учен. зап. Читин. гос. пед. ин-та им. Н. Г. Чернышевского, 1971, вып. 23. Вopr. рус. яз. и лит., с. 15—34.
106. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., «Наука», 1969. 302 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Рец.: Плисецкий М. М. — Сов. этнография, 1970, № 2, с. 179—182.
107. Липец Р. С. Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах. — В кн.: Славянский фольклор. М., «Наука», 1972, с. 82—109. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
108. Мюссева Г. Н. Новый список исторической песни о Михайле Скопине-Шуйском. — В кн.: Русский фольклор. XVIII. Славянские литературы и фольклор. Л., «Наука», 1978, с. 204—209. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
109. Новикова А. М. Подпольные революционные песни декабристской эпохи. (К 150-летию декабристского восстания). — В кн.: Проблемы преподавания и изучения русского народного поэтического творчества. Вып. 3. М., 1976, с. 3—28. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
110. Позднеев А. В. Песня о полтавской битве. — Учен. зап. Моск. гос. заочн. пед. ин-та, 1968, вып. 20, с. 3—24.
111. Потявина Н. В. Солдатские исторические песни XVIII века. — В кн.: Сибирский фольклор. Вып. 3. Новосибирск, 1976, с. 48—68. (Учен. зап. Новосиб. гос. пед. ин-та, вып. 129).
112. Путилов Б. Н. Эпос и обряд. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., «Наука», 1974, с. 76—81. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
113. Путилов Б. Н. Песня. История. Традиция. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. (Истоки. Становление. Традиции). М., «Наука», 1976, с. 280—285. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).

114. Селиванов Ф. М. Изображение человека в былинах. — В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., «Наука», 1977, с. 193—214. (АН СССР. Науч. совет по фольклору при Отд-нии лит. и яз. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького).
115. Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Эмее. — В кн.: Русский фольклор. XII. Л., 1971, с. 181—192.
116. Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Маринке. — В кн.: Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971, с. 48—68.
117. Смолицкий В. Г. Былина о Святогоре. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 71—81.
118. Соколова В. К. Баллады и исторические песни (о характере историзма баллад). — Сов. этнография, 1972, № 1, с. 52—57.
119. Соловьева Л. А. Исторические песни Сибири о событиях, связанных с восстанием декабристов. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, «Наука», 1977, с. 231—238. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).
120. Шептунов И. М. Отражение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в фольклоре. — В кн.: Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., «Наука», 1978, с. 228—249. (АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики).
С. 247—248: война 1877—1878 гг. в рус. ист. песнях.
121. Элиасов Л. Е. Фольклор Восточной Сибири. Ч. 3. Локальные песни. Удан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1973. 495 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук).
С. 128—160: Первые песни горнозаводских рабочих Забайкалья; с. 161—195: Песни о Разгильдееве и разгильдеевщине; с. 389—391: Песни Сибири периода массового освободительного движения; с. 415—436: Песнетворчество сибиряков периода первой русской революции; с. 437—451: Песни о ленских событиях 1912 года.
Рец.: Матвеева Р., Потанина Р., Соболева Н. Преданья стороны сибирской. — Байкал, 1977, № 3, с. 112—114.
См. также № 2, 4, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 78, 123—127, 132—134, 137, 142, 146, 147, 154, 160, 162, 164, 169, 171, 174, 176, 177, 182, 185, 188—191, 194, 196, 197.

СООТНОШЕНИЕ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА С ФОЛЬКЛОРОМ ДРУГИХ НАРОДОВ

122. Азбелев С. Н. Куликовская битва в славянском фольклоре. — В кн.: Русский фольклор. XI. М.—Л., «Наука», 1968, с. 78—101. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
123. Азбелев С. Н. Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре. — Сов. славяноведение, 1970, № 6, с. 50—57.
Анализ песни и предания.
124. Азбелев С. Н. Две былины сборника Кирши Данилова и южнославянский эпос. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Материалы науч. конференции. Тезисы докладов, сообщения 18—22 мая 1971 г. Пермь, 1971, с. 45—46. (Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та, т. 90).
125. Азбелев С. Н. Мотивы убиения вражеского царя в былинах и в косовских песнях. — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., «Наука», 1971, с. 53—74. (АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики).
126. Алексеев Н. Н. Былины о татарщине и былины о гибели богатырей. (К вопросу о сравнительно-историческом изучении эпоса). — Учен. зап. Горьк. гос. пед. ин-та им. М. Горького, 1968, вып. 87. Сер. филол. наук. Очерки рус. и зарубежн. лит., с. 282—319.
127. Алексеев Н. Н. Былины и ранние догосударственные формы эпоса народов нашей страны. — В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. Вып. 2. М., 1976, с. 21—36.
128. Ахметшин Б. Г. Башкирские и русские предания о заводской колонизации Южного Урала. — Учен. зап. Башк. гос. ун-та им. 40-летия Октября, 1972, вып. 53. Сер. филол. наук, № 22. Рус.-башк. лит. и фолькл. связи, с. 192—203.
129. Велецкая Н. Н. О новогодних русалиях. (К вопросу о значении фольклорных материалов в исследовании языческой обрядности). — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 394—400.
130. Велецкая Н. Н. О фольклорной традиции и исторической действительности. (Отзвуки языческого ритуала в фольклоре славяно-балканских и кавказских народов). — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 31—32.

131. **Вилинбахов В. Б.** Балтийско-славянский Святovit в фольклоре восточных славян. — В кн.: Атеизм, религия, современность. Л., «Наука», 1973, с. 190—198. (АН СССР. М-во культуры РСФСР. Гос. музей истории религии и атеизма).
132. **Гацак В. М.** Эпос и героические колады. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. М., 1973, с. 7—51.
133. **Гацак В. М.** Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., «Наука», 1975. 232 с. с нот. (АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького).
С. 160—182: Песни народов о Плевне; с. 183—220: Совместная революционная борьба и ускорение единых процессов в народном поэтическом творчестве.
Рец.: Бостан Г. Плодотворность комплексного подхода. — Вопросы литературы, 1977, № 3, с. 267—270.
134. **Глазырина Г. В.** Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., «Наука», 1978, с. 192—202. (АН СССР. Ин-т истории СССР).
135. **Гусев В. Е.** Виды современного фольклора славянских народов. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. (Прага, 1968). Доклады сов. делегации. М., «Наука», 1968, с. 293—317. (АН СССР. Ин-т славяноведения).
136. **Гусев В. Е.** Типизация действительности в партизанском фольклоре. — В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, 3—10 авг. 1964 г. Труды. Т. VI. М., «Наука», 1969, с. 149—155.
137. **Гусев В. Е.** Славянские партизанские песни. Л., «Наука», 1979. 176 с. (АН СССР. Сер. «Литературоведение и языкознание»).
138. **Златковская Т. Д.** Rosalia — русалии? (О происхождении восточнославянских русалий). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Междунар. съезд славистов. Загреб—Любляна, сент. 1978 г. Доклады сов. делегации. М., «Наука», 1978, с. 210—226. (АН СССР. Отд-ние истории. Сов. ком. славистов).
139. **Криничная Н.** О взаимодействии русской и карельской традиций в преданиях о борьбе с внешними врагами. — В кн.: Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., «Наука», 1979, с. 80—100. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
140. **Мирончиков Л. Т.** Дохристианские боги восточных славян. — В кн.: Вопросы истории. Межвуз. сб. Вып. 4. Минск, Изд-во Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1977, с. 79—88. (Минск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького).
141. **Пилюпченко М. Ф.** Следы родовой организации в свадебных обычаях славянских народов. — В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. (Минск, 31 янв.—3 февр. 1968 г.). Минск, Изд-во Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1969, с. 638—643. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР. М-во высш. и средн. спец. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. АН СССР. Ин-т славяноведения).
142. **Путилов Б. Н.** Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., «Наука», 1971. 315 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Рец.: Гольберг М. Я. — Сов. этнография, 1972, № 5, с. 147—149; Селиванов Ф. М. — В кн.: Русский фольклор. XIV. Проблемы художественной формы. Л., «Наука», 1974, с. 302—304. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
143. **Рыбаков Б. А.** Русалии и бог Симаргл-Переплуг. — Сов. археология, 1967, № 2, с. 91—116.
144. **Соколова В. К.** Соотношение национальных и общих элементов в преданиях. — В кн.: Проблемы фольклора. Сб. статей. М., «Наука», 1975, с. 221—227. (АН СССР. Науч. совет по фольклору при Отд-нии лит. и яз.).
См. также № 3, 15, 68.

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

145. **Азбелев С. Н.** Фольклор восточных и южных славян о Куликовской битве. — В кн.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969, с. 632—636.
Анализ преданий.
146. **Азбелев С. Н.** О сходных тенденциях в архитектуре Новгорода и устном эпосе Новгородской земли XV в. — В кн.: Культура Средневековой Руси. Л., «Наука», 1974, с. 98—100. (АН СССР. Ин-т археологии).

147. Венедиктов Г. Л. Идейно-художественные принципы былин как отражение дофеодальной и феодальной эпохи. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 82—94.
148. Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические и географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., «Наука», 1976, с. 109—128. (АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики).
Рец.: Кобычев В. П., Чесанов Я. В. — Сов. этнография, 1978, № 4, с. 168.
149. Кудрявцев В. Н. Некоторые особенности русской волшебной сказки как исторического источника. — В кн.: Кустанайский государственный педагогический институт. Материалы X науч.-метод. конференции преподавателей. Тезисы докладов (апр. 1972 г.). Посвящается 50-летию СССР. Кустанай, 1972, с. 118—120.
150. Кузьмина Л. П. Народное поэтическое творчество рабочих Сибири. (Рабочий фольклор как исторический источник). Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1977. 296 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Ин-т обществ. наук).
151. Ляпец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.). — В кн.: Этническая история и фольклор. М., «Наука», 1977, с. 217—257. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Рец.: Пушкарёв Л. Н. — Сов. этнография, 1978, № 5, с. 170.
152. Полищук Н. С. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих. — В кн.: Русский фольклор. XV. Л., 1975, с. 177—185.
153. Пропп В. Я. Эмблематика Георгия в свете фольклора. — В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973, с. 190—208.
154. Пушкарёв Л. Н. Солдатская песня — источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII—первой половины XIX в. — В кн.: Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в. М., «Наука», 1969, с. 422—432. (АН СССР. Ин-т истории СССР).
155. Пушкарёв Л. Н. Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений. — Ист. зап. Ин-та истории АН СССР, 1973, т. 92, с. 312—335.
156. Пушкарёв Л. Н. Пословицы, поговорки и приметы в записях XVII века как источник по изучению сельскохозяйственного опыта русского крестьянина. — В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М., «Наука», 1974, с. 112—127. (АН СССР. Ин-т истории СССР).
157. Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., «Наука», 1975. 281 с. (АН СССР. Ин-т истории).
С. 96—98, 111—113, 128—129, 131, 196—198: фольклор как ист. источник.
Рец.: Иванов Г. М. — Вопросы истории, 1978, № 3, с. 146.
158. Раскин Д. И. Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 202—212.
159. Чистов К. В. Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX века. — В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, с. 131—143.
160. Членов А. М. На родине Добрыни Никитича. — Дружба народов, 1975, № 8, с. 167—212.
Отклики: Селезнев Ю. Подвижники народной культуры. — Молодая гвардия, 1976, № 11, с. 286—287; Членов А. Нужно ли искать прообразы былинных героев? — Дружба народов, 1977, № 3, с. 284—286.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

161. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., «Наука», 1974. 171 с. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
Рец.: Молдавский Д. М. — Вопросы литературы, 1975, № 7, с. 259—262.
162. Азбелев С. Н. Алтайская версия былины о Сухане и сказание о Мамаевом побище. — В кн.: Эпическое творчество народов Сибири. (Тезисы докладов науч. конференции. Улан-Удэ, 17—20 июля 1973 г.). Улан-Удэ, 1973, с. 41—42. (АН СССР. Науч. совет по фольклору. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Ин-т обществ. наук).
163. Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского дикла). — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., «Наука», 1976, с. 78—101. (АН СССР. Ин-т истории СССР).

164. Азбелев С. Н. Эпос и летопись. — В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976, с. 29—30.
165. Азбелев С. Н. Пушкин и «Побойще Мамаево». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., «Наука», 1977, с. 123—130. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия).
166. Базанов В. Г. Проблема «литературного фольклора» в русском революционном движении XIX в. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. М., 1968, с. 336—341.
167. Базанов В. Г. «Хождение в народ» и книги для народа (1873—1875). — В кн.: Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Вступ. статья В. Г. Базанова. Подгот. текста и комм. О. Б. Алексеевой. Л., «Наука», 1970, с. 6—73. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
Рец.: Яранцев Б. Народу — языком народа. — Вопросы литературы, 1971, № 5, с. 196—199.
168. Блажес В. В. Ермаковские предания XVII в. в составе Кунгурской летописи. — В кн.: Вопросы русской и советской литературы Сибири. Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, «Наука», 1971, с. 36—47. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии).
169. Долженко С. И. Горький и новгородский эпос. — Учен. зап. Новгор. гос. пед. ин-та, 1966, т. VIII. Литературоведение, с. 104—117.
170. Евстратов Н. Г. «Набеглый царь» В. Г. Короленко. — В кн.: Под знаменами Пугачева. (К 200-летию крестьянской войны под предводительством Пугачева). Челябинск, 1973, с. 76—95.
С. 84—87: использование нар. легенд о Пугачеве.
171. Иванова Т. В. Народная историческая песня «Гнев Грозного на сына» и роман А. К. Толстого «Князь Серебряный». — В кн.: Художественный образ и историческое сознание. Петрозаводск, 1974, с. 27—38. (Петрозавод. гос. ун-т им. О. В. Куусинена).
172. Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. X. Л., «Наука», 1978, с. 200—206. (АН СССР. Отд-ние истории. Археогр. комиссия. Ленингр. отд-ние).
173. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977. 406 с.
С. 296—382: Следы древнейших исторических сказаний.
Рец.: Азбелев С. Н. — Вопросы истории, 1978, № 10, с. 160.
174. Ленобль Г. М. Писатель и его работа. Вопросы психологии творчества и художественного мастерства. М., «Сов. писатель», 1966. 394 с.
С. 320—354: «Василий Буслаев». К истории неосуществленного замысла М. Горького.
175. Лобанова Т. Фольклор в романе В. Яна «Батый». — В кн.: Вопросы литературоведения и языкознания. (Материалы III и IV конференций молодых ученых). Ташкент, «ФАН», 1972, с. 37—42. (АН Узб. ССР. Ин-т яз. и лит. им. А. С. Пушкина).
176. Матвейчук Н. Ф. Образ Василия Буслаева в творческих замыслах М. Горького. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (22). Львов, Изд-во Львов. ун-та, 1973, с. 42—48. (Межведомств. республ. науч. сб.).
177. Мирзоев В. Г. Былины и летописи. М., «Мысль», 1978. 254 с. (Памятники рус. ист. мысли).
178. Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., «Наука», 1969. 555 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР).
С. 20—76: ист. предания, сказания и легенды в составе источников древнейших летописн. сводов.
Рец.: Буганов В. Новый труд о летописях. — Новый мир, 1971, № 1, с. 270.
179. Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). Л., «Наука», 1969. 274 с. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия).
С. 42—45: фольклорные источники и свидетельства современников.
180. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (Материалы и исследования). М., «Наука», 1978. 240 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР. Древнейшие государства на территории СССР).
С. 159—236: К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи.
181. Сахаров А. Н. Кий: легенда и реальность. — Вопросы истории, 1975, № 10, с. 133—141.
Легенда в «Повести временных лет».

182. Селиванов Ф. М. Былины и русский романтизм первой четверти XIX века. — В кн.: Из истории русского романтизма. Сб. статей. Вып. 1. Кемерово, 1971, с. 350—366. (Кемер. гос. пед. ин-т).
183. Степунин И. Г. Документальный и фольклорный материал в историческом романе С. Бородина «Дмитрий Донской». — В кн.: Проблемы жанра. Сб. науч. трудов. Минск, 1977, с. 91—103. (Минск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького).
184. Филатова А. И. К вопросу о художественном воплощении темы Ермака в советском историческом романе. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Вып. 2. Пермь, 1975, с. 125—133. (Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та, т. 147).
Фольклор о Ермаке в романах А. Веселого, В. Сафонова и Е. Федорова.
185. Числов М. Простор поэмы — простор поэзии. — Вопросы литературы, 1975, № 2, с. 91—118.
С. 95—97: История как современность. Поэма С. Наровчатова «Василий Буслаев».
186. Шагалов А. Ш. Русское средневековье в творчестве М. Ю. Лермонтова. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1970, № 415. Вопр. рус. лит., с. 119—146.
С. 136—141, 143: интерес Лермонтова к фольклору.
187. Шептаев Л. С. Следы разинского цикла в письменности XVII—XVIII веков. (Предыстория записей разинского фольклора). — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1971, т. 414. Рус. лит. и общественно-полит. борьба XVII—XIX вв., с. 3—20.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЗМА В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

188. Аникин В. П. А. П. Скафтымов — критик «исторической школы» и его теория эпоса в книге «Поэтика и генезис былин». — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 6. М., «Наука», 1974, с. 96—116. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Нов. сер. Т. 102).
189. Аникин В. П. Исторический метод изучения былин. (Работа А. И. Никифорова «Фольклор Киевского периода»). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 8. М., «Наука», 1978, с. 72—92. (Труды ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Нов. сер. Т. 107).
190. Аникин В. П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени. Вып. 1, 2. Учеб. пособие для студентов-заочников филол. фак-тов гос. ун-тов. М., Изд-во Моск. ун-та, 1978, с. 95, 96.
191. Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., «Наука», 1966. 292 с. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
Рец.: Путилов Б. Итоги и проблемы изучения былин. — Вопросы литературы, 1966, № 10, с. 200—204.
192. Горский И. К. Александр Веселовский и современность. М., «Наука», 1975. 239 с. (АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики).
Рец.: Иезуитов А. Н. — Рус. литература, 1976, № 3, с. 215—216; Курилов А. С. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1977, т. 36, № 6, с. 555—557.
193. Емельянов Л. И. Методологические принципы исторической школы и их критика в советской фольклористике. — В кн.: Русский фольклор. XVI. Л., 1976, с. 3—34.
194. Игнатов В. И. К вопросу о методологии и методике исследования былин. — В кн.: Филологические этюды. Ростов н/Д, 1977, с. 86—104.
195. Крупп А. А. Фольклорный материал в русской историографии начала XIX века. — В кн.: Русский фольклор. XIII. Л., 1972, с. 218—223.
196. Путилов Б. Н. Былины. — В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., «Наука», 1978, с. 222—235. (АН СССР. Ин-т истории СССР. М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
197. Шешин А. Б. Новгородские былины в русской историографии XIX века. — В кн.: Современное состояние народного творчества. Программа конференции и тезисы докладов. Л.—Новгород, 1970, с. 35—36. (Упр. культуры Новгород. облисполкома. Новгород. гос. пед. ин-т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).

См. также № 2, 12.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адрианова-Перетц** В. П. 161
Азадовский М. К. 80
Азбелев С. Н. 1, 2, 30—32, 67, 81, 82, 122—125, 145, 146, 162—165, 173
Акимова Т. М. 83, 84
Алексеев Н. Н. 126, 127
Алексеева О. Б. 83, 167
Аникин В. П. 188—190
Архангельская В. К. 83
Астахова А. М. 191
Ахметшин Б. Г. 33, 128
- Базанов** В. Г. 166, 167
Балашов Д. М. 85, 86
Бараг Л. Г. 34—36, 52
Басилов В. Н. 18
Блаватский В. Д. 87
Блажес В. В. 37—39, 168
Богомольная Р. А. 88
Бородин С. П. 183
Бостан Г. К. 133
Буганов В. И. 45, 89, 178
Бурмистрова К. И. 41
- Вагнер** Г. К. 19
Велецкая Н. Н. 3, 19, 129, 130
Венедиктов Г. Л. 147
Веселовский А. Н. 4, 192
Веселый А. 184
Вилинбахов В. Б. 20, 40, 90, 131
- Гацак** В. М. 4, 5, 132, 133
Глазырина Г. В. 134
Годунов Б. 98
Голицин В. В. 92
Гольберг М. Я. 142
Гончарова А. В. 41
Горелов А. А. 6
Горский И. К. 192
Горький М. 169, 174, 176
Гриднева Л. Н. 42, 43
Громыко М. М. 21
Гусев В. Е. 135—137
- Демчук** К. Е. 91
Ден Т. П. 92
Джанумов С. А. 93—96
Дмитриев Л. А. 44
Дмитрий Донской 31, 183
Дмитрий, царевич 98
Долженко С. И. 169
- Евстратов** Н. Г. 170
Емельянов Л. И. 7, 8, 193
Еремина С. 72
Ермак 37, 38, 59, 69, 70, 81, 89, 168, 184
- Железнов** И. И. 77
- Зимин** А. А. 89
Златковская Т. Д. 138
- Иван Грозный** 44, 57, 58, 80, 171, 172
Иванов В. В. 148
Иванов Г. М., 157
Иванова Т. В. 171
- Игнатов** В. И. 97—101, 194
Иезуитов А. Н. 192
Ильинская В. Н. 22
- Казакова** Н. А. 172
Кириша Данилов 124
Клибанов А. И. 45, 46
Клосс Б. М. 102
Кобычев В. П. 148
Колесницкая И. М. 47
Комовская Н. Д. 48
Короленко В. Г. 170
Коротин Е. И. 49
Кошелев Я. Р. 50
Кошелева В. С. 50
Кравцов Н. И. 9
Красноштанов С. И. 41
Криничная Н. А. 51, 103, 139
Кругляшова В. П. 52—54
Крупп А. А. 55—58, 195
Кудрявцев В. Н. 149
Кузьмин А. Г. 173
Кузьмин А. И. 104
Кузьмина Л. П. 150
Курилов А. С. 192
- Лазарев** А. И. 59
Лаушкин К. Д. 23
Левашев В. С. 105
Ленобль Г. М. 174
Лермонтов М. Ю. 186
Липец Р. С. 106, 107, 151
Литвин Э. С. 67
Лихачев Д. С. 10, 72
Лобанова Т. К. 175
Лопухина Евдокия 95
- Матвеева** Р. П. 121
Матвейчук Н. Ф. 176
Мирзоев В. Г. 177
Мирончиков Л. Т. 140
Моисеева Г. Н. 108
Молдавский Д. М. 161
Морозов А. А. 24
- Наровчатов** С. С. 185
Насонов А. Н. 178
Некрылова А. Ф. 60
Нестор 28
Никифоров А. И. 189
Новикова А. М. 109
- Овчинников** Р. В. 179
- Петр I** 60
Пилипенко М. Ф. 141
Плисецкий М. М. 11, 106
Площук Г. И. 61—63
Позднеев А. В. 110
Покровский Н. Н. 25
Полищук Н. С. 152
Померанцева Э. В. 26
Потанина Р. П. 121
Потявина Н. В. 111
Пропп В. Я. 12, 72, 153
Пугачев Е. И. 34, 36, 42, 54, 61—63, 76, 80, 96, 170, 179

- Путилов Б. Н. 13, 14, 112, 113, 142, 191, 196
 Пушкарев Л. Н. 151, 154—157
 Пушкин А. С. 165, 179
- Рабинович М. Г. 27
 Разгильдеев И. Е. 121
 Разин С. Т. 71, 74, 187
 Раскин Д. И. 158
 Рыбаков Б. А. 10, 15, 28, 29, 143
 Рыдзевская Е. А. 180
- Савушкина Н. И. 64
 Сафонов В. А. 184
 Сахаров А. Н. 181
 Селезнев Ю. П. 160
 Селиванов Ф. М. 16, 114, 142, 182
 Сидельников В. М. 65
 Сидорова Ю. Н. 83
 Скафтымов А. П. 188
 Скопин-Шуйский М. В. 108
 Смолицкий В. Г. 115—117
 Соболева Н. В. 121
 Соколова Вал. К. 66
 Соколова В. К. 17, 67, 68, 118, 144
 Соловьёва Л. А. 119
 Степунин И. Г. 183
 Стиф К. 92
- Тихомиров М. Н. 163
 Толстой А. К. 171
- Толстой Н. И. 26
 Топоров В. Н. 148
 Тумилевич Т. И. 69, 70
 Тумилевич Ф. В. 71
- Федоров Е. А. 184
 Филатова А. И. 184
- Чапаев В. И. 49
 Чесанов Я. В. 148
 Числов М. М. 185
 Чистов К. В. 72, 159
 Членов А. М. 160
- Шагалов А. Ш. 186
 Шастина Е. И. 73
 Шептаев Л. С. 74, 75, 187
 Шептунов И. М. 120
 Шешин А. Б. 197
- Щербанов Н. М. 76, 77
- Элиасов Л. Е. 78, 121
- Юдин Ю. И. 79
- Ян В. 175
 Яранцев Б. 167

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
 НАПЕЧАТАННЫХ В XI—XX ТОМАХ ЕЖЕГОДНИКА
 «РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР» (1968—1980)**

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ.
 ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРА**

1. Азбелев С. Н. О специфике творческого процесса в фольклоре и литературе. XIX, с. 157—166.
2. Азбелев С. Н. Предисловие [проблематика народной прозы]. XIII, с. 3—5.
3. Аникин В. П. О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок. XVI, с. 263—278.
4. Аникин В. П. Советская историческая школа в былиноведении (40—60-е годы) и Всеволод Миллер. XIX, с. 84—112.
5. Венедиктов Г. Л. Внелогическое начало в фольклорной поэтике. XIV, с. 219—237.
6. Венедиктов Г. Л. Идеино-художественные принципы былин как отражение дофеодальной и феодальной эпохи. XVI, с. 82—94.
7. Венедиктов Г. Л. Эволюция социального протеста в былинке и проблема коллективного сознания крестьянства. XV, с. 6—25.
8. Веселовский А. Н. Миф и символ. (Публикация К. И. Ровды). XIX, с. 186—199.
9. Горелов А. А. Принцип историзма и некоторые проблемы изучения русского фольклора. XVI, с. 250—262.
10. Горелов А. А. Фольклор и социальная борьба. XV, с. 3—5.
11. Емельянов Л. И. Методологические принципы исторической школы и их критика в советской фольклористике. XVI, с. 3—34.
12. Емельянов Л. И. О границах метода и «единицах историзма». XIX, с. 113—125.

13. Еремина В. И. Проблемы исторической поэтики в наследии А. Н. Веселовского. XIX, с. 126—146.
14. Лупанова И. П. «Смеховой мир» русской волшебной сказки. XIX, с. 65—83.
15. Морозов А. А. К вопросу об исторической роли и значении скоморохов. XVI, с. 35—67.
16. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова. XIX, с. 147—156. См. также 21, 129, 133, 152, 154, 238, 264.

СПЕЦИФИКА ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ И ВИДОВ ФОЛЬКЛОРА

17. Азбелев С. Н. Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Каалин», «Камское побоище», «Илья и Каалин»). XII, с. 162—180.
18. Азбелев С. Н. Изобразительные средства героических сказаний. (К проблематике изучения). XIV, с. 144—165.
19. Азбелев С. Н. Оппозиционные мотивы в былинах и историческая реальность XIV—XV вв. XV, с. 55—76.
20. Азбелев С. Н. Хроникал в древнерусском фольклоре. XVI, с. 135—151.
21. Азбелев С. Н. Эпос и история. (Один из теоретических аспектов). XX, с. 3—9.
22. Акимова Т. М. Лирический образ песни о «сироте». XII, с. 55—66.
23. Аникин В. П. Генезис необрядовой лирики. XII, с. 3—24.
24. Аникин В. П. Изменение и устойчивость традиционного языкового стиля и образности в былинах. XIV, с. 3—33.
25. Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы. (К общей постановке проблемы). XIII, с. 6—19.
26. Астафьева Л. А. Символическая образность как средство психологического изображения [в народной лирике]. XIV, с. 109—118.
27. Балашов Д. М. «Дунай». XVI, с. 95—114.
28. Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса. («Потык» и «Микула Селянинович»). XV, с. 26—54.
29. Балашов Д. М. Из истории былинного эпоса. Святогор. XX, с. 10—21.
30. Бахтин В. С. Один из неучтенных песенных жанров. (К вопросу об индивидуальном творчестве в фольклоре). XVI, с. 227—235.
31. Булак Т. Г. Из истории комедии «Петрушка». XVI, с. 221—226.
32. Ведерникова Н. М. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке. XIII, с. 160—165.
33. Вилянбахов В. Б. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии. XII, с. 226—229.
34. Вилянбахов В. Б. Волх и Рюрик — патронимы преданий и легенд Новгородской земли. XIII, с. 213—217.
35. Власова Э. И. К вопросу о поэтике подблюдных песен. XIV, с. 74—100.
36. Власова Э. И. К изучению поэтики устных заговоров. XIII, с. 194—201.
37. Власова Э. И. Частушка и песня. (К вопросу о сходстве и различии). XII, с. 102—122.
38. Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки. XVIII, с. 173—180.
39. Гербстман А. И. О звуковом строении народной загадки. XI, с. 185—197.
40. Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в сборнике Кириши Данилова. XIV, с. 166—201.
41. Гусев В. Е. Песни в народной драме. («Лодка» и «Царь Максимилиан»). XII, с. 67—79.
42. Ден Т. П. Песни о В. В. Голицине. (По поводу статьи К. Стифа). XII, с. 263—265.
43. Еремина В. И. Специфика художественного образа в песнях земледельческого календаря. XIV, с. 61—73.
44. Жекулина В. И. Мотивы общественного протеста в новгородской свадебной лирике. XV, с. 138—144.
45. Ивашева Л. Л. О взаимосвязи календарной и свадебной поэзии. XVI, с. 191—199.
46. Ильинская В. Н. Заговоры и историческая действительность. XVI, с. 200—207.
47. Клагге (Том) И. О композиции частушки. (Авторизован. пер. с немецкого Л. Славгородской). XII, с. 123—134.
48. Колесническая И. М. О некоторых древнейших формах народных песен. (Песня в сказке и родственные ей песенные виды). XII, с. 25—36.
49. Корепова К. Е. Сормовские рабочие песни 1900—1907 гг. XV, с. 156—161.
50. Криничная Н. А. Предания об аборигенах края (к вопросу о мифологизме раннеисторических представлений). XX, с. 45—61.

51. Круглов Ю. Г. О времени и пространстве свадебных причитаний. XII, с. 80—90.
52. Крупн А. А. К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника. XV, с. 234—239.
53. Крупн А. А. Предания о времени Ивана Грозного. XVI, с. 208—220.
54. Лазарев А. И. Сказки в горнозаводской среде Урала. XIII, с. 179—193.
55. Лазутин С. Г. Некоторые вопросы стихотворной формы русских пословиц. XII, с. 135—146.
56. Левашов В. С. Влияние рабочей поэзии на песни забайкальских казаков. XV, с. 162—176.
57. Левашов В. С. О трактовке сибирской народной песни «Седина ль моя, сединашка». XVI, с. 186—190.
58. Лобанов М. А. Песни лесных рабочих Поветлужья. XV, с. 210—216.
59. Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне. XV, с. 145—155.
60. Медриш Д. Н. Слово и событие в русской волшебной сказке. XIV, с. 119—131.
61. Митрофанова В. В. Ритмическое строение русских народных загадок. XII, с. 147—161.
62. Моисеева Г. Н. Новый список исторической песни о Михайле Скопине-Шуйском. [С прил. текста]. XVIII, с. 204—209.
63. Некрылова А. Ф. Закон контраста в поэтике русского народного кукольного театра «Петрушка». XIV, с. 210—218.
64. Некрылова А. Ф. Предания и легенды, отразившие военные события петровского времени. XIII, с. 103—110.
65. Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции духовных стихов. XII, с. 208—220.
66. Новикова А. М. Народные тюремные песни второй половины XIX—начала XX в. XV, с. 186—199.
67. Новикова А. М. О строфической композиции традиционных лирических песен. XII, с. 47—54.
68. Носкова И. Я. Традиционные и индивидуальные элементы в стиле былин. XII, с. 193—207.
69. Позднеев А. В. Эволюция стихосложения в народной лирике XVI—XVIII веков. XIII, с. 37—46.
70. Позднеев А. В., Смолицкий В. Г. Песня «Ах, житье мое, житье бедное». XV, с. 229—233.
71. Полищук Н. С. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих. XV, с. 177—185.
72. Померанцева Э. В. Баллада и жестокий романс. XIV, с. 202—209.
73. Раскин Д. И. Русские пословицы как отражение развития крестьянской идеологии. XIII, с. 202—212.
74. Росовецкий С. К. Устная проза XVI—XVII вв. об Иване Грозном — правителе. XX, с. 71—95.
75. Селиванов Ф. М. К вопросу об изображении времени в былинах. XVI, с. 68—81.
76. Сергеева К. Е. Революционная песня 1907—1917 гг. в Поволжье. (По материалам Нижегородской губернии). XII, с. 247—253.
77. Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова. XVI, с. 115—134.
78. Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и Змее. XII, с. 181—192.
79. Соколова В. К. Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками). XX, с. 35—44.
80. Тудоровская Е. А. Классовый конфликт в сюжете волшебной сказки. XV, с. 93—101.
81. Тудоровская Е. А. О структуре волшебной сказки. XIII, с. 148—159.
82. Тудоровская Е. А. Сказки о Борме Ярыжке (Вавилонское царство). XVI, с. 173—185.
83. Шептаев Л. С. Поэтика исторических преданий о Разине в свете истории жанра. XV, с. 102—113.
84. Юдин Ю. И. Из истории русской бытовой сказки. XV, с. 77—92.
85. Юдин Ю. И. Историческое и доисторическое в русских бытовых сказках о супругах. XX, с. 22—34.
86. Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка и история. XVI, с. 152—172.
87. Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки. XIX, с. 49—63.
88. Юдин Ю. И. Типы героев в героических русских былинах. XIV, с. 34—45.
См. также № 272.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

89. Балашов Д. М. Уникальная редакция былины о Дюке Степановиче. [С прил. текста]. XII, с. 230—237.
90. Барак Л. Г. Об устных рассказах, записанных в последние годы. XIII, с. 139—147.
91. Барак Л. Г. Южноуральские предания о пугачевском восстании (по записям последних лет). XV, с. 128—137.
92. Васильев А. Г. Композиционные особенности похоронных причитаний. (По материалам фольклорных экспедиций в Новгородскую область). XII, с. 91—101.
93. Власова Э. И., Коргузалов В. В. Устный репертуар и исполнители Хвойнинского района Новгородской области. XIII, с. 238—241.
94. Гончарова А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны. XIII, с. 122—138.
95. Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей. XX, с. 96—106.
96. Гриднева Л. Н. Новые записи уральских преданий. XIII, с. 229—233.
97. Ефремов И. В. Песни Быковского и Семьитинского сельских советов Новгородской области. XII, с. 268—270.
98. Комовская Н. Д. Песни «Башмачной страны». XII, с. 238—246.
99. Кретов А. И. К вопросу о происхождении частушечной серии «Яблочко». XII, с. 254—262.
100. Кругляшова В. П. Пугачевское восстание в устной прозе советского Урала. XV, с. 114—127.
101. Лобанов М. А., Митрофанова В. В. Фольклорная традиция в Мошенском районе Новгородской области. XIII, с. 234—237.
102. Павлова В. Ф. Новые записи баллады об Иване Грозном. XX, с. 158—161.
103. Померанцева Э. В. Фольклорный репертуар одного села за сто лет. XVI, с. 236—249.
104. Савушкина Н. И. Легенда о граде Китеже в старых и новых записях. XIII, с. 58—76.
105. Смирнов Ю. И. Предание о Рахте Рэгнозерском (АА *967) по новым данным. XIII, с. 40—57.
106. Тумилевич Т. И. Донские предания о Ермаке: XIII, с. 224—228.
См. также № 178.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
С ФОЛЬКЛОРОМ ДРУГИХ НАРОДОВ

107. Азбелев С. Н. Куликовская битва в славянском фольклоре. XI, с. 78—101.
108. Азбелев С. Н. О жанровых взаимосвязях русского и украинского эпоса. (По данным фольклора и письменности). XVIII, с. 3—17.
109. Барак Л. Г. Об особенностях украинской сказочной героини сравнительно с белорусской и русской. XI, с. 159—176.
110. Вилинбахов В. Б. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора. XI, с. 177—184.
111. Евсеев В. Я. О русских источниках в стилистике и поэтике финно-угорской эпической поэзии. XIV, с. 46—60.
112. Земцовский И. И. К изучению музыкальных связей в славянском обрядовом фольклоре. XI, с. 126—139, с нот.
113. Зилинский О. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома — Коструб). XI, с. 198—211.
114. Колпакова Н. П. Восточнославянская лирическая песня. (Сравнительный анализ поэтики). XI, с. 102—117.
115. Кунец-Борычко С., Лужны Р. Русский народный эпос в польской литературе. XVIII, с. 188—203.
116. Линтур П. В. Украинские балладные песни и их восточнославянские связи. XI, с. 67—77.
117. Митрофанова В. В. Песня о девице-семилетке и ее славянские параллели. XI, с. 118—125.
118. Мурьянов М. Ф. Миф о Ладе. XII, с. 221—225.
119. Новиков Н. В. Образы русской и болгарской волшебнo-фантастической сказки. XI, с. 140—158.
120. Онегина Н. Ф. Способы изображения дарителя в русской и карельской волшебной сказке. XIV, с. 132—143.
121. Прыжов И. Г. Вечерницы, или женские общественные собрания. [Вступ. заметка Л. С. Ерихонова]. XI, с. 3—25.
122. Путилов Б. Н. Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве. XI, с. 31—54.

123. Ровинский П. А. Копье мурзаметское. [С прил. письма А. А. Шахматова А. Н. Пыпину. Вступ. заметка В. К. Петухова]. XI, с. 26—30.
124. Розов А. Н. Древнегреческая коронисма и русские колядки. XIV, с. 101—108.
125. Смирнов В. А. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян. XX, с. 62—70.
126. Смирнов Ю. И. Былина «Иван Гостинный сын» и ее южнославянские параллели. XI, с. 55—66.
См. также № 39, 214, 218, 241, 250, 252.

ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ФОЛЬКЛОРА

127. Азбелев С. Н. Неопубликованные записи былин. XX, с. 162—195.
128. Азбелев С. Н. Полное собрание русских былин. (Проект проспекта и основных правил подготовки издания). XVII, с. 11—23.
129. Балашов Д. М. О родовой и видовой систематизации фольклора. XVII, с. 24—34.
130. Горелов А. А. Приглашение к обсуждению [«Свода русского фольклора»]. XVII, с. 3.
131. [Горелов А. А., Азбелев С. Н., Алексеева О. Б., Власова Э. И., Еремينا В. И., Коргузалов В. В., Лобанов М. А., Мартынова А. Н., Мельд М. Я., Митрофанова В. В., Розов А. Н., Балашов Д. М., Гречина О. Н., Корепова К. Е., Невзглядова Е. В., Осорина М. В., Савушкина Н. И., Тудоровская Е. А., Юдин Ю. И.]. Свод русского фольклора. Проспект. XVII, с. 4—10.
132. Еремина В. И. Классификация народной лирической песни в советской фольклористике. XVII, с. 107—119.
133. Коргузалов В. В. Генетические предпосылки жанровой классификации музыкального фольклора. XV, с. 240—273, с нот.
134. Корепова К. Е. Некоторые проблемы издания рабочих песен. XIX, с. 178—185.
135. Криничная Н. А. О жанровой специфике преданий и принципах их систематизации. XVII, с. 75—84.
136. Круглов Ю. Г. Вопросы классификации и публикации русского свадебного фольклора. XVII, с. 85—97.
137. Круглов Ю. Г. К вопросу о классификации русского свадебного фольклора. (Юридическо-бытовые свадебные песни). XIX, с. 167—177.
138. Лобанов М. А. Теоретические вопросы публикации и систематизации напевов в Своде русского фольклора. XVII, с. 149—166, с нот.
139. Мальцев Г. И. Проблема систематизации народной лирики в зарубежной фольклористике. (Обзор методов). XVII, с. 120—130.
140. Митрофанова В. В. К вопросу о нарушении единства в некоторых жанрах фольклора. XVII, с. 35—44.
141. Розов А. Н. Проблемы систематизации колядных песен в Своде русского фольклора. XVII, с. 98—106.
142. Соймонов А. Д. Свод русской народной песни. (Проблема источников). XVII, с. 131—148.
143. Тудоровская Е. А. Задачи работы над волшебной сказкой для Свода русского фольклора. XVII, с. 59—74.
144. Юдин Ю. И. О группировке и издании сказок в Своде русского фольклора. XVII, с. 45—58.
См. также № 177, 266.

ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

145. Гусев В. Е. Изучение славянского фольклора в современной русской науке. XI, с. 318—336.
146. Колесницкая И. М. Русские предания и легенды в публикациях 1860—1870-х годов. [С прил. библиографии]. XIII, с. 20—39.
147. Крупп А. А. Фольклорный материал в русской историографии начала XIX века. XIII, с. 218—223.
148. Лобанов М. А. Об изучении методики русской народной песни в отечественном музыкознании. XIV, с. 263—276.
149. Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и русско-славянские связи первой половины XIX в. XI, с. 240—258.
150. Хексельшнейдер Э. Изучение русского фольклора в Германской Демократической Республике. XI, с. 297—307.
151. Чайка Г. Изучение фольклора восточных славян в Народной Польше. (Авторизован. пер. с польского В. Е. Гусева). XI, с. 308—317.
См. также № 4, 11, 132, 139.

ХРОНИКА

152. Азбелев С. Н. Всесоюзная конференция «Проблемы теории фольклора». XIV, с. 277—281.
153. Азбелев С. Н. Всесоюзная конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР». XV, с. 285—287.
154. Азбелев С. Н. Всесоюзная конференция «Фольклор и историческая действительность». XIX, с. 215—217.
155. Азбелев С. Н. Фольклористика на VI Международном конгрессе славистов. XII, с. 274—275.
156. Аникин В. П. [Заседание кафедры русского устного творчества Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, посвященное П. Г. Богатыреву]. XIV, с. 284—285.
157. Арановская О. Р. [Научные чтения памяти П. Г. Богатырева в Ленинградском гос. институте театра, музыки и кинематографии]. XIV, с. 285—286.
158. Барак Л. Г. Изучение фольклора в Башкирии. XII, с. 281—282.
159. Беккер Р. И. Комплексное изучение фольклора. [Симпозиум в Ленинграде]. XII, с. 277—278.
160. Власова Э. И. Обсуждение десяти выпусков «Русского фольклора». XI, с. 337—339.
161. Ивлева Л., Некрылова А. [Научные чтения памяти П. Г. Богатырева в Ленинградском гос. институте театра, музыки и кинематографии]. XV, с. 289—290.
162. Ионина А. Работа фольклористов г. Вильнюса. XII, с. 288.
163. Кнуру Э. Фольклорная работа в г. Петрозаводске. XII, с. 283.
164. Кокаре Э. Фольклорная работа в г. Риге. XII, с. 287.
165. Колесницкая И. М. Семинар по фольклору при Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской (3—6 февраля 1975 г.). XVI, с. 308—309.
166. Микушев А. К. О собрании и изучении песенного фольклора в Коми АССР. XII, с. 283—284.
167. Митрофанова В. В. К 50-летию образования СССР. [Конференция в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН ССР]. XIV, с. 281—284.
168. Позднеев А. В. Русский фольклор на межвузовской конференции литературоведов. XIII, с. 276—278.
169. Позднеев А. В. Секция фольклора на конференции по русской литературе в Москве. XIII, с. 278—280.
170. Позднеев А. В. Сопещение преподавателей фольклора. XII, с. 279—280.
171. Позднеев А. В. Фольклор на конференциях в МГПИ. XII, с. 279.
172. Сергеева К. Фольклорная работа в г. Горьком. XII, с. 280—281.
173. Сидоров В. В. Секция фольклора на южноуральской археографической конференции в г. Оренбурге. XVI, с. 307—308.
174. Соловьева Л. А. Научная конференция по эстетике фольклора. XII, с. 276—277.
175. Федосик А. Работа фольклористов г. Минска. XII, с. 285—286.
176. Фойгт В. Обзор деятельности международного общества исследователей народной прозы (International Society for Folk-Narrative Research). XIII, с. 281—287.
177. Хомчук Н. И. Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (серия «Былины»). XIX, с. 217—227.
178. Хомчук Н. И. [Конференция «Русский фольклор Великой Отечественной войны»]. XV, с. 288—289.
179. Ясенчук А. Ю. О деятельности фольклористов г. Киева. XII, с. 284—285.

ЭКСПЕДИЦИИ

180. Васильев А. Г., Митрофанова В. В. Экспедиции в Новгородскую область. XII, с. 266—268.
181. Результаты экспедиций 1969 г. (Ремезова Е. А. Архангельская обл.; Разумова А. П. Карельская АССР; Мазо М. Л. Вологодская обл.; Власова Э. И., Митрофанова В. В. Новгородская обл.; Савельева Н. М. Латвийская и Эстонская ССР; Гончарова А. В. Калининская обл.; Новикова А. М. Московская обл.; Соколова В. К. Рязанская обл.; Некрылова А. Ф. Ярославская обл.; Савушкина Н. И. Горьковская обл.; Павлова В. Ф. Татарская АССР; Кругляшова В. П. Свердловская обл.; Барак Л. Г. Башкирская АССР; Ганина М. А., Ефремов И. В. Пермская обл.; Новоселова Л. В. Омская обл.; Казаркин А. П., Колесникова Р. И., Корокотина А. М., Мехнецов А. М. Томская обл.; Чернышева М. Б. Красноярский край; Шастина Е. И. Иркутская обл.). XIII, с. 269—276.

182. [Результаты экспедиций 1971—1972 гг.] (Лобанов М. А., Хомчук Н. И. Горьковская обл.; Жекулина В. И., Митрофанова В. В. Новгородская обл.; Шастина Е. И. Иркутская обл.; Лойтер С. М. Карельская АССР; Новикова А. М. Тульская обл.). XIV, с. 288—290.
183. Результаты экспедиций 1973—1974 гг. (Розов А. Н. Новгородская обл.; Кругляшова В. П., Блажес В. В. Свердловская обл.; Леонова Т. Г., Новоселова Л. В., Белкина Л. М., Фролова Н. Омская обл.; Новикова А. М. Тульская обл.; Лойтер С. М. Карельская АССР; Бахтина В. Пензенская обл.). XVI, с. 303—307.
184. Савушкина Н. И. Комплексная экспедиция на Светлояре. XII, с. 270—271.
185. Шастина Е. И. Две поездки на Куленгу. (Качугский район Иркутской области). XII, с. 271—273.
186. Экспедиционная работа [1975—1976 гг.]. (Горелов А. А. Астраханская обл.; Росовецкий С. К. Сумская обл.; Бахтина В. А. Калининская и Орловская обл.; Кудряшова В. М. Коми АССР; Кругляшова В. П. Свердловская область; Шастина Е. И. Иркутская обл.; Попков В. И. Тамбовская обл.; Новикова А. М. Тульская обл.; Леонова Т. Г. Омская обл.). XVII, с. 202—207.
См. также № 92, 93, 97, 101, 103, 104.

PERSONALIA

187. Архангельская В. К. Т. М. Акимова. (К 70-летию со дня рождения). XIII, с. 242—244.
188. Астафьева Л. А., Шомина В. Г. Н. И. Кравцов. (К 70-летию со дня рождения). XVI, с. 297—300.
189. Астахова А. М. А. Н. Лозанова. (Некролог). XII, с. 321—323.
190. Владимирцев В. П., Шаповалова Г. Г. [К 60-летию Б. Н. Путилова]. XX, с. 197—198.
191. Власова Э. И. М. Федоровский как фольклорист. XI, с. 277—296.
192. Горелов А. А. [К 80-летию А. П. Евгеньевой]. XX, с. 196—197.
193. Горелов А. А. Памяти В. Я. Проппа (1895—1970). XIII, с. 253—257.
194. [Емельянов Л. И.] Л. В. Домановский. (Некролог). XI, с. 340—341.
195. Коргузалов В. В. [К 70-летию Н. Л. Котиковой]. XVI, с. 309—310.
196. Кочеткова Н. Д. О П. Н. Беркове как фольклористе. XIII, с. 266—268.
197. Мельц М. Я. [К 70-летию Н. П. Колпаковой]. XIV, с. 286—288.
198. Мельц М. Я. [К 70-летию Э. Г. Морозовой]. XV, с. 287—288.
199. Мельц М. Я. Д. С. Лихачев как фольклорист. (К 70-летию со дня рождения). XVI, с. 292—297.
200. Мельц М. Я., Митрофанова В. В. Памяти А. М. Астаховой (1886—1971). XIII, с. 260—265.
201. Смолицкий В. Г. А. В. Позднеев. (К 80-летию со дня рождения). XIII, с. 247—249.
202. Шаповалова Г. Г. [К 60-летию К. В. Чистова]. XX, с. 198—199.
См. также № 4, 77, 149, 263, 267—271.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

203. Олонечкая деревня после первой русской революции. (Статья Н. А. Клюева «С родного берега»). [С прил. текста статьи]. XV, с. 200—209.
204. Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому [и его отражение в древнерусской литературе]. XIII, с. 77—102.
205. Афанасьев Э. С. Народная легенда и народные рассказы Л. Н. Толстого. XVIII, с. 61—72.
206. Владимирцев В. П. «Journal of american folklore» (США) о поэтике фольклорных отражений в художественной литературе (1956—1970). XIV, с. 291—299.
207. Власова Э. И. Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова и Н. К. Миролюбова. XX, с. 107—157.
208. Выходцев П. С. На стыке двух художественных культур. (Проблема фольклоризма в литературе). XIX, с. 3—30.
209. Гольберг М. Я. Сербский эпизод в «Повести о повести» Н. Г. Чернышевского. XI, с. 259—276.
210. Горелов А. А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы». XIX, с. 31—48.
211. Гречина О. Н. О фольклоризме «Евгения Онегина». XVIII, с. 18—41.
212. Данилевский Р. Ю. Интерес И.-В. Гете к русскому фольклору. (По архивным материалам). XVIII, с. 181—187.
213. Зайденшур Э. Г. Обличительный аспект фольклоризма Л. Н. Толстого. XV, с. 217—228.

214. Зимин А. А. «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор. XI, с. 212—224.
215. Медриш Д. Н. Сюжетная ситуация в русской народной лирике и в произведениях А. П. Чехова. XVIII, с. 73—95.
216. Митрофанова В. В. Народная сказка о Ерше и рукописная повесть о Ерше Ершовиче. XIII, с. 166—178.
217. Невзглядова Е. В. Интонация в жанрах музыкального фольклора и мелодика литературного лирического стиха. XIV, с. 238—262, с нот.
218. Прийма Ф. Я. Южнославянские параллели к «Слову о полку Игореве». XI, с. 225—239.
219. Рождественская И. С. Фольклор Океании в сказках К. Д. Бальмонта. XVIII, с. 96—114.
220. Соколинский Е. К. «Смерть Тарелкина» А. В. Сухова-Кобылина и русская народная комедия, русская демонология. XVIII, с. 42—60.
221. Харчевников В. И. Некоторые особенности фольклоризма раннего Есенина. XVIII, с. 115—146.
222. Чеботарева В. Г. Народнопоэтическое начало в рассказах Леонида Леонова (1920-е годы). XVIII, с. 147—166.
223. Чередникова М. П. Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон». XIII, с. 111—121.
224. Шаулич А. О некоторых фольклорных мотивах у Иво Андрича. XVIII, с. 167—172.
- См. также № 1, 107, 108, 115, 232, 265.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. АННОТАЦИИ

225. Азбелев С. Н. Былины. Новые книги. [Рец. на кн.: Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. По материалам конца XIX—начала XX в. М., 1975; Юдин Ю. И. Героические былины. (Поэтическое искусство). М., 1975; Добрыня Никитич и Алеша Попович. Издание подготовили Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974]. XVII, с. 176—184.
226. Азбелев С. Н. Межвузовское издание по фольклору РСФСР. [Рец. на кн.: Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Вып. 1—4. Уфа, 1974—1977.] XIX, с. 209—212.
227. Азбелев С. Н. Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. XIII, с. 291—293.
228. Азбелев С. Н. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971. XIV, с. 301—302.
229. Азбелев С. Н. Фольклор как искусство слова. [Сб. статей]. Вып. I, II. М., 1966, 1969. XIV, с. 299—301.
230. Алексеева О. Акимова Т. М., Архангельская В. К. Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерк исторического развития. Саратов, 1967. XII, с. 290—292.
231. Виалинбахов В. «Literatura ludowa» за 1966—1967 гг. XII, с. 306—307.
232. Владимирцев В. П. Folklore of Shakespear. By rev. T. F. Thiselton Dyer, M. A. Oxon. Dover publications. New York, [1970]. XIX, с. 212—214.
233. Власова Э. Частушки. Предисл. В. Ф. Бокова. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. С. Бахтина. М.—Л., 1966; 1000 частушек Ленинградской области. Сост. В. С. Бахтин. Л., 1968. XII, с. 293—295.
234. Гацак В. Новые работы румынских фольклористов (1964—1968). XII, с. 298—301.
235. Г[усев] В. «Narodna umjetnost», V—VI. XII с. 309.
236. Г[усев] В. «Narodopisné aktuality». XII, с. 307—308.
237. Ден Т. П. Немецкие исследователи о русском фольклоре на страницах журнала «Zeitschrift für Slawistik» (1956—1969). XIII, с. 288—290.
238. Еремина В. И. О двух книгах В. Я. Проппа: Фольклор и действительность. М., 1976; Проблемы комизма и смеха М., 1976. XIX, с. 200—206.
239. Кирдан Б. Проблемы фольклора и фольклористики в журнале «Народна творчѣсть та етнографія». XII, с. 302—304.
240. Лапин В. Земцовский И. И. Русская протяжная песня. Опыт исследования. Л., 1967. XII, с. 289—290.
241. Лобанов М. А. Гошовский В. Л. У истоков народной музыки славян. М., 1972. XIV, с. 308—310.
242. Лобанов М. А. Сборник русских народных песен в 1974 г. [Рец. на кн.: Фольклор Западной Сибири. Вып. 1. Сост. Т. Г. Леонова. Омск, 1974; Банин А. А., Вадакарня А. П., Жекулина В. И. Свадебные песни Нов-

- городской области. Новгород, 1974; Народные песни. Записаны О. А. Славяниной. Брянск, 1974; Угличские песни. Из новых записей русских народных песен. Сост.-ред. И. И. Земцовский. М.—Л., 1974; Народные песни Воронежской области. Воронеж, 1974]. XVII, с. 188—193.
243. Мартынова А. Н. Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970. XIII, с. 294—295.
244. Мельц М. Я. Беларуская этнаграфія і фалькларыстыка. Бібліяграфічны паказальнік (1945—1970). Скл. М. Я. Грынблат. Мінск, 1972. XVII, с. 194—197.
245. Микушев А., Домокош П. Проблемы фольклористики на страницах венгерских журналов. XII, с. 304—305.
246. Митрофанова В. В. Материалы по русскому фольклору в журнале «Советская этнография» (1966—1976). XVII, с. 197—201.
247. Митрофанова В. В. Сборники русских народных сказок. [Рец. на кн.: Русские народные сказки Карельского Поморья. Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974; Пинежские сказки. Собраны и записаны Г. Я. Симиной. [Б. м.], 1975]. XVII, с. 193—194.
248. Митрофанова В. В. Стойкова С. Български народни гатанки. София, 1970; Загадки. (Беларуская народная творчасць). Скл. М. Я. Грынблат, А. У. Гурскі. Мінск, 1972. XIV, с. 305—307.
249. Розов А. Н. Изучение колядки в современной советской науке. XV, с. 280—284.
250. Селиванов Ф. М. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. XIV, с. 302—304.
251. Селиванов Ф. М. Сидельников В. Былины Сибири. Томск, 1968. XII, с. 295—298.
252. Селиванов Ф. М. Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974. XVII, с. 184—187.
253. Сенкевич-Гудкова В. В. Eesti muistendid Hiin-ja vägilasmuistendid. I—III. Tallin, 1959, 1963, 1970. XIII, с. 293—294.
254. Чередникова М. Элиаш Н. М. Русские свадебные песни. Историко-этнографический анализ тематики, образов, поэтики жанра. Орел, 1966. XII, с. 292—293.
255. Шайкин А. А. Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972. XIV, с. 307—308.
256. Юдин Ю. И. Проблемы изучения русского устного народного творчества. (Постоянно действующий межвузовский республиканский тематический научный сборник). Вып. 1, 2. М., 1975, 1976; Проблемы преподавания и изучения русского народного поэтического творчества. Вып. 3. М., 1976. XIX, с. 206—209.

БИБЛИОГРАФИЯ

257. Историческое развитие русского фольклора. (Материалы к библиографии). Сост. М. Я. Мельц. XVI, с. 279—291.
258. Отражение социального протеста в русском фольклоре. (Материалы к библиографии). Сост. М. Я. Мельц. XV, с. 274—279.
259. Перечень статей и материалов, напечатанных в XI—XX томах ежегодника «Русский фольклор» (1968—1980). Сост. М. Я. Мельц. XX, с. 212—223.
260. Песенные жанры русского фольклора. (Материалы к библиографии). Сост. М. Я. Мельц. XII, с. 309—320.
261. Поэтика, стилистика и лексика русского фольклора. (Материалы к библиографии). Сост. М. Я. Мельц. XIV, с. 311—326.
262. Прозанческие жанры русского фольклора. (Материалы к библиографии). Сост. М. Я. Мельц. XIII, с. 296—304.
263. Путилов Б. Н. Печатные работы А. М. Астаховой с 1957 г. XI, с. 342—347.
264. Русский фольклор и историческая действительность. (Материалы к библиографии за 1966—1978 гг.). Сост. М. Я. Мельц. XX, с. 200—212.
265. Связь профессионального искусства западных и южных славян с фольклором. (Материалы к библиографии по данным советской печати 1967—1975 гг.). Сост. М. Я. Мельц. XVIII, с. 210—223.
266. Собрание и публикация русского фольклора. (Библиографические материалы 1966—1974 гг. для Свода русского фольклора). Сост. М. Я. Мельц. XVII, с. 167—175.
267. Список основных работ Т. М. Акимовой в области фольклора. Сост. В. К. Архангельская. XIII, с. 245—246.
268. Список основных работ Н. И. Кравцова в области фольклора и литературы. Сост. Л. А. Астафьева, В. Г. Шомина. XVI, с. 300—303.
269. Список работ А. М. Астаховой за 1968—1971 гг. Сост. М. Я. Мельц. XIII, с. 265.
270. Список работ А. В. Позднеева в области фольклора. Сост. М. Я. Мельц. XIII, с. 249—252.

271. Список работ В. Я. Проппа за 1965—1971 гг. Сост. Е. Я. Антипова-Пропп, М. Я. Мельц. XIII, с. 258—259.
 272. Теория и история жанров русского фольклора. (Материалы к библиографии за 1966—1978 гг.). Сост. М. Я. Мельц. XIX, с. 228—238.
 273. Фольклор западных и южных славян. Материалы, опубликованные на русском языке в советской и зарубежной печати (1962—1966). Сост. М. Я. Мельц. XI, с. 348—376.
 См. также № 127, 146, 244.

УКАЗАТЕЛЬ ЖАНРОВ И ВИДОВ ФОЛЬКЛОРА

- Баллады 72, 102, 116
 Былины 4, 6, 7, 17, 19, 21, 24, 27—29, 33, 68, 75, 77, 78, 88, 89, 107, 108, 110, 115, 121—123, 126—128, 138, 177, 225, 250—252, 260
 Былички, суеверия 79, 110, 220
 Героические сказания 18, 204
 Детский и материнский фольклор 59, 95
 Духовные стихи 65, 107, 110
 Загадки 39, 61, 110, 117, 248
 Заговоры 36, 46, 110
 Исторические песни 40, 42, 62, 79, 107, 260
 Лирические песни 22, 23, 26, 30, 37, 41, 48, 56, 57, 66, 67, 69, 70, 97, 98, 114, 117, 121, 132, 138, 139, 142, 148, 166, 215, 240, 242, 260
 Мифы, 8, 50, 118
 Музыкальный фольклор 112, 133, 138, 148, 217, 240, 241
 Народный театр, игры 31, 41, 63, 113, 220
 Несказочная проза 2, 25, 34, 50, 52, 53, 64, 74, 79, 83, 90, 91, 94—96, 100, 104—107, 110, 135, 146, 153, 176, 184, 204, 205, 223, 227, 262
 Обрядовый фольклор 35, 43—45, 51, 92, 112, 121, 124, 125, 136, 137, 141, 242, 249, 254
 Пословицы и поговорки 3, 55, 73
 Рабочий фольклор 49, 54, 56, 58, 71, 76, 134, 227, 230
 Сказки 14, 32, 38, 48, 54, 60, 80—82, 84—87, 107, 109, 119, 120, 143, 144, 153, 216, 243, 247, 255, 262
 Творчество сказителей 30, 93, 262
 Творчество скоморохов 15
 Частушки 37, 47, 99, 233, 260
 Эпос 108, 111, 122, 126, 228, 250, 252

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Азбелев С. Н. 1, 2, 17—21, 107, 108, 127, 128, 131, 152—155, 204, 225—229
 Акимова Т. М. 22, 187, 230, 267
 Алексеева О. Б. 131, 230
 Андрич И. 224
 Аникин В. П. 3, 4, 23—25, 156
 Антипова-Пропп Е. Я. 271
 Арановская О. Р. 157
 Архангельская В. К. 187, 230, 267
 Астафьева Л. А. 26, 188, 268
 Астахова А. М. 189, 200, 263, 269
 Афанасьев Э. С. 205
 Балашов Д. М. 27—29, 89, 129, 131, 243
 Бальмонт К. Д. 219
 Банин А. А. 242
 Бараг Л. Г. 90, 91, 109, 158, 181
 Бахтин В. С. 30, 233
 Бахтина В. А. 183, 186
 Беккер Р. И. 159
 Белкина Л. М. 183
 Берков П. Н. 196
 Блажес В. В. 183
 Богатырев П. Г. 156, 157, 161
 Боков В. Ф. 233
 Булак Т. Г. 31
 Вадакарня А. П. 242
 Васильев А. Г. 92, 180
 Ведерникова Н. М. 32
 Венедиктов Г. Л. 5—7
 Веселовский А. Н. 8, 13
 Вилинбахов В. Б. 33, 34, 110, 231
 Владимирцев В. П. 190, 206, 232
 Власова Э. И. 35—37, 93, 131, 160, 181, 191, 207, 233
 Выходцев П. С. 208
 Ганина М. А. 181
 Гацак В. М. 234
 Герасимова Н. М. 38
 Гербстман А. И. 39
 Гете И.-В. 212
 Голицин В. В. 42
 Гольберг М. Я. 209
 Гончарова А. В. 94, 181

- Горелов А. А. 9, 10, 40, 130, 131, 186, 192, 193, 210
 Гошовский В. А. 241
 Гречина О. Н. 95, 131, 211
 Гриднева Л. Н. 96
 Гринблат М. Я. 244, 248
 Гурский А. И. 248
 Гусев В. Е. 41, 145, 151, 235, 236
- Дайэр Т. 232
 Данилевский Р. Ю. 212
 Ден Т. П. 42, 237
 Дмитриева С. Н. 225
 Дмитрий Донской 204
 Домановский Л. В. 194
 Домокош П. 245
- Евгеньева А. П. 192
 Евсеев В. Я. 111
 Емельянов Л. И. 11, 12, 194
 Еремина В. И. 13, 43, 131, 132, 238
 Ерихонов Л. С. 121
 Ермак Тимофеевич 17, 106
 Есенин С. А. 221
 Ефремов И. В. 97, 181
- Жекулина В. И. 44, 182, 242
- Зайденшнур Э. Г. 213
 Земцовский И. И. 112, 240, 242
 Зилинский О. 113
 Зимин А. А. 214
- Иван Грозный 53, 74, 102, 207
 Ивашнева Л. Л. 45
 Ивлева Л. М. 161
 Ильинская В. Н. 46
 Ионина А. 162
- Казаркин А. П. 181
 Каскабасов С. А. 255
 Кирдан Б. П. 239
 Киреевский П. В. 149
 Кириша Данилов 40
 Киуру Э. 163
 Клаге (Том) И. 47
 Ключев Н. А. 203
 Кокаре Э. 164
 Колесникова Р. И. 181
 Колесницкая И. М. 48, 146, 165
 Коллакова Н. П. 114, 197
 Комовская Н. Д. 98
 Коргузалов В. В. 93, 131, 133, 195
 Корепова К. Е. 49, 76, 131, 134, 172
 Корочина А. М. 181
 Котикова Н. Л. 195
 Кочеткова Н. Д. 196
 Кравцов Н. И. 188, 268
 Кретов А. И. 99
 Криничная Н. А. 50, 135
 Круглов Ю. Г. 51, 136, 137
 Кругляшова В. П. 100, 181, 183, 186
 Крупн А. А. 52, 53, 147
 Кудряшова В. М. 186
 Кунец-Борычко С. 115
- Лазарев А. И. 54, 227
 Лаутин С. Г. 55
 Лапин В. А. 240
- Левашов В. С. 56, 57
 Леонов Л. М. 222
 Леонова Т. Г. 183, 186, 242
 Лесков Н. С. 223
 Линтур П. В. 116
 Лихачев Д. С. 199
 Лобанов М. А. 58, 101, 131, 138, 148, 182, 241, 242
 Лозанова А. Н. 189
 Лойтер С. М. 182, 183
 Лужны Р. 115
 Лупанова И. П. 14
- Мазо М. Л. 181
 Мальцев Г. И. 139
 Марков А. В. 77
 Мартынова А. Н. 59, 131, 243
 Медриш Д. Н. 60, 215
 Мельников-Печерский П. И. 207
 Мельц М. Я. 131, 197—200, 244, 257—262, 264—266, 269—273
 Мехнецов А. М. 181
 Микушев А. К. 166, 245
 Миллер В. Ф. 4
 Миролюбов Н. К. 207
 Митрофанова В. В. 61, 101, 117, 131, 140, 167, 180—182, 200, 216, 246—248
 Моисеева Г. Н. 62
 Морозов А. А. 15
 Морозова Э. Г. 198
 Мурынов М. Ф. 118
- Невзглядова Е. В. 131, 217
 Некрылова А. Ф. 63, 64, 161, 181
 Новиков Н. В. 119
 Новиков Ю. А. 65
 Новикова А. М. 66, 67, 181—183, 186
 Новоселова Л. В. 181, 183
 Носкова И. Я. 68
- Онегина Н. Ф. 120
 Осорина М. В. 95, 131
- Павлова В. Ф. 102, 181
 Петр I 64
 Петухов В. К. 123
 Позднеев А. В. 69, 70, 168—171, 201, 270
 Полищук Н. С. 71
 Померанцева Э. В. 72, 103
 Попков В. И. 186
 Прийма Ф. Я. 218
 Пропп В. Я. 193, 238, 271
 Прыжов И. Г. 121
 Пугачев Е. И. 91, 100
 Путилов Б. Н. 122, 190, 250, 263
 Пушкин А. С. 211
 Пыпин А. Н. 123
- Разин С. Т. 83
 Разумова А. П. 181, 247
 Раскин Д. И. 73
 Ремезова Е. А. 181
 Ровда К. И. 8
 Ровинский П. А. 123
 Рождественская И. С. 219
 Розов А. Н. 124, 131, 141, 183, 249
 Росовецкий С. К. 74, 186

- Савельева Н. М. 181
 Савушкина Н. И. 104, 131, 181, 184
 Селиванов Ф. М. 75, 250—252
 Сенкевич-Гудкова В. В. 253
 Сенькина Т. И. 247
 Сергеева К. Е. см. Корепова К. Е.
 Сидельников В. М. 251
 Сидоров В. В. 173
 Симица Г. Я. 247
 Скопин-Шуйский М. В. 62
 Славгородская Л. 47
 Славянина О. А. 242
 Смирнов В. А. 125
 Смирнов Ю. И. 77, 105, 126, 225, 252
 Смолицкий В. Г. 70, 78, 201, 225
 Соимонов А. Д. 142, 149
 Соколинский Е. К. 220
 Соколова Вал. К. 181
 Соколова В. К. 79, 227
 Соловьева Л. А. 174
 Стеблин-Каменский М. И. 228
 Стиф К. 42
 Стойкова С. 248
 Сухово-Кобылин А. В. 220
- Толстой Л. Н. 205, 213
 Тудоровская Е. А. 80—82, 131, 143
 Тумилевич Т. И. 106
- Федоровский М. 191
 Федосик А. С. 175
- Фойгт В. 176
 Фролова Н. 183
- Харчевников В. И. 221
 Хексельшнейдер Э. 150
 Хомчук Н. И. 177, 178, 182
 Хроленко А. Т. 16
- Чайка Г. 151
 Чеботарева В. Г. 222
 Чередникова М. П. 223, 254
 Чернышева М. Б. 181
 Чернышевский Н. Г. 209
 Чехов А. П. 215
 Чистов К. В. 202
- Шайкин А. А. 255
 Шаповалова Г. Г. 190, 202
 Шастина Е. И. 181, 182, 185, 186
 Шаулич А. 224
 Шахматов А. А. 123
 Шекспир В. 232
 Шептаев Л. С. 83
 Шомина В. Г. 188, 268
- Элиаш Н. М. 254
- Юдин Ю. И. 84—88, 131, 144, 225, 256
- Ясенчук А. Ю. 179

ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИЙ И РЕФЕРАТОВ НА ЕЖЕГОДНИК «РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР»

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

На IV т. (1959):

Haltsonen S. — Virittäjästä, Helsinki, 1961, № 1, S. 156.

На X т. (1966):

Bošković-Stulli M. — Narodna umjetnost, Zagreb, 1966, kn. 4, S. 270—272;
 Beneš V. — Český lid, Praha, 1967, № 5, s. 300—301; Живков Т. И. —
 Эзик и литература, София, 1967, № 2, с. 86—89.

На XI т. (1968):

Tarko M. — Lud, Wrocław, 1970, t. LIV, с. 244—251.

На XIII т. (1972):

Померанцева Э. В. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1974, т. 33, № 1, с. 85—88; Вражиновски Т. — Македонски фолклор, Скопје, 1973, № 11, с. 145—147; Gašpariková V. — Slovenský národopis, Bratislava, 1973, № 3, s. 471—472; Мицева Е., Кузманова В. — Известия на этнографския институт с музей Българска Академия на науките, София, 1975, кн. XVI, с. 469—476; Strobach H. — Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte, Berlin, 1975, B. 18 (Neue Folge, B. 3), S. 267—269.

На XIV т. (1974):

Nazor A. — Narodna umjetnost, Zagreb, 1974/1975, kn. 11/12, s. 632—633.

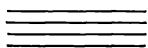
Рефераты:

XIII т. — Реферативный журнал «Общественные науки в СССР. Литературоведение», 1973, № 1, с. 193—196; Demos, Berlin, 1973, H. 3, Sp. 283—289, 291—293.

XIV т. Григорьева Г. Г. — Реферативный журнал «Общественные науки в СССР. Литературоведение», 1975, № 4, с. 195—201.

XVII т. Хазанова И. В. — Реферативный журнал «Общественные науки в СССР. Литературоведение», 1978, № 4, с. 158—162.

XVIII т. — Народна творчисть та етнографія, Київ, 1980, № 3, с. 91—92.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>С. Н. Азбелев</i> (Ленинград). Эпос и история. (Один из теоретических аспектов)	3
<i>Д. М. Балашов</i> (Петрозаводск). Из истории былинного эпоса. Святогор	10
<i>Ю. И. Юдин</i> (Курск). Историческое и доисторическое в русских бытовых сказках о супругах	22
<i>В. К. Соколова</i> (Москва). Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками)	35
<i>Н. А. Криничная</i> (Петрозаводск). Предания об аборигенах края (к вопросу о мифологизме раннеисторических представлений)	45
<i>В. А. Смирнов</i> (Иваново). Обряд «крещения» и «похорон кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян	62
<i>С. К. Росовецкий</i> (Киев). Устная проза XVI—XVII вв. об Иване Грозном — правителе	71
<i>О. Н. Гречина, М. В. Осорина</i> (Ленинград). Современная фольклорная проза детей	96

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Э. И. Власова</i> (Ленинград). Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова и Н. К. Мирюлюбова	107
<i>В. Ф. Павлова</i> (Казань). Новые записи баллады об Иване Грозном	158

ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

<i>С. Н. Азбелев</i> (Ленинград). Неопубликованные записи былин	162
---	-----

ХРОНИКА

<i>А. А. Горелов</i> (Ленинград). 80 лет Анастасии Петровне Евгеньевой	196
<i>В. П. Владимирцев</i> (Иркутск), <i>Г. Г. Шаповалова</i> (Ленинград). 60 лет Борису Николаевичу Путилову	197
<i>Г. Г. Шаповалова</i> (Ленинград). 60 лет Кириллу Васильевичу Чистову	198

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. Я. Мельц</i> (Ленинград). Русский фольклор и историческая действительность (Материалы к библиографии за 1966—1978 гг.)	200
<i>М. Я. Мельц</i> (Ленинград). Перечень статей и материалов, напечатанных в XI—XX томах ежегодника «Русский фольклор» (1968—1980)	212
<i>М. Я. Мельц</i> (Ленинград). Перечень рецензий и рефератов на ежегодник «Русский фольклор»	223